Майкл МУРКОК

ГОРОД ЗВЕРЯ

МАЙКЛ МУРКОК

ГОРОД ЗВЕРЯ

Хроника Кейна

Санкт-Петербург
«Северо-Запад»
1993

ББК 84.4 Вл
М 91

Перевод с английского
Е. Янковской

Перепечатка отдельных глав
и всего произведения в целом — запрещена.
Всякое коммерческое использование данного произведения
возможно исключительно с ведома издателя.

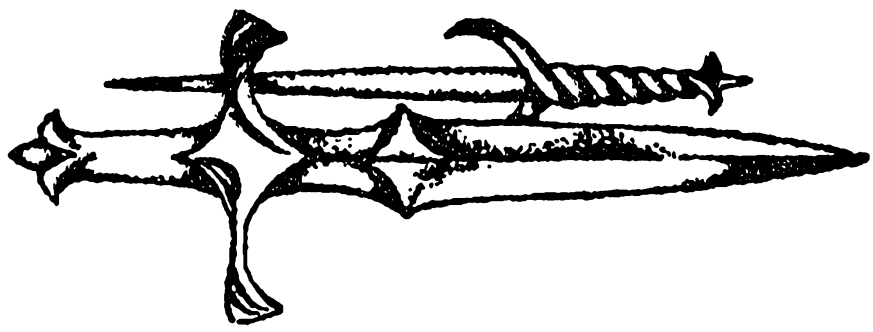
ISBN 5-8352-0162-1

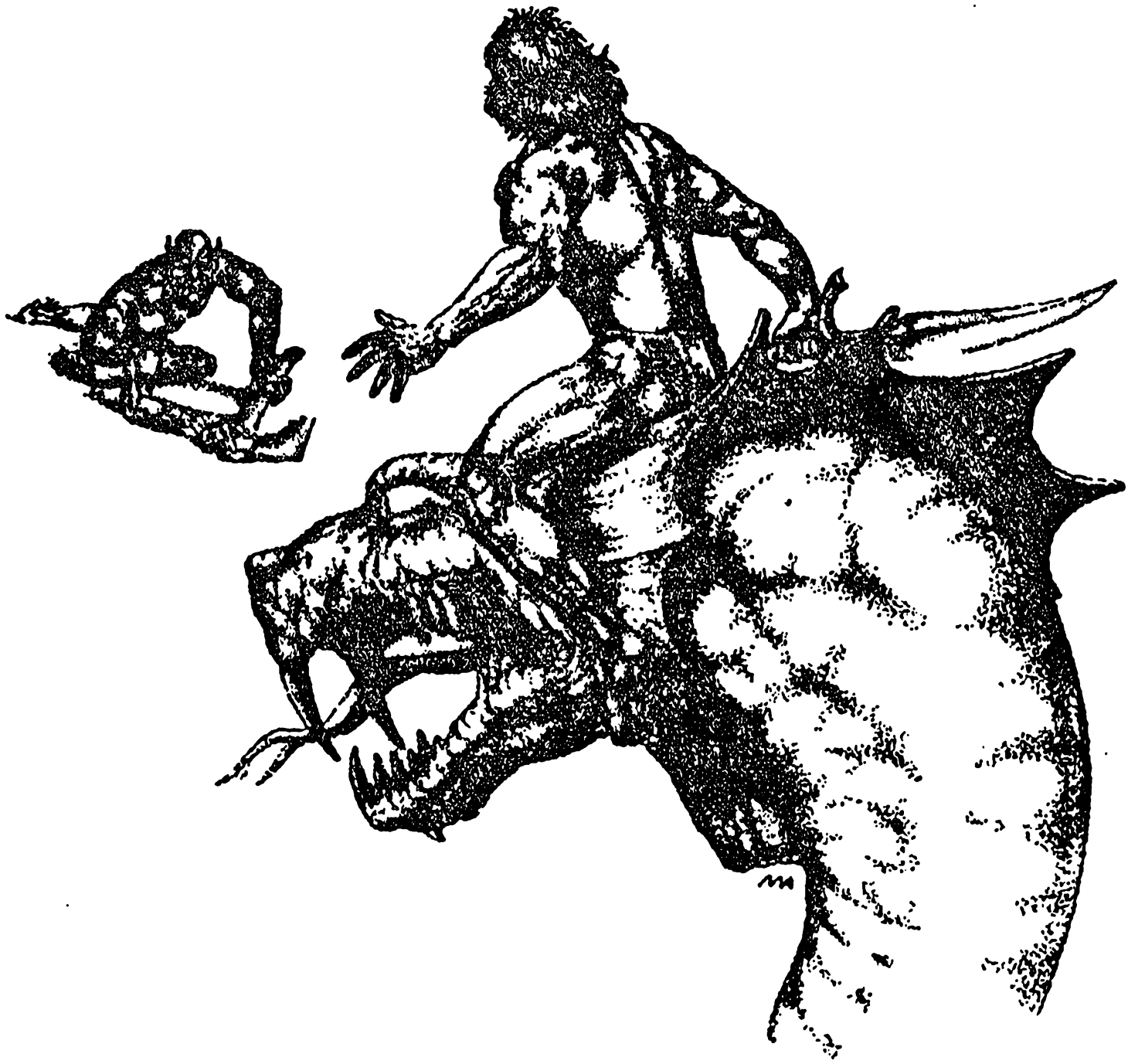
© Е. Янковская, перевод, 1993.
© «Северо-Запад», оформление и подготовка текста, 1993.
® СЕВЕРО-ЗАПАД. Зарегистрированная торговая марка. Охраняется законом.

Посвящается памяти
Эдгара Райса Берроуза
и Герберта Уэллса,
с восхищением
и благодарностью

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГОРОД ЗВЕРЯ





Пролог к первому изданию

В тот год я неплохо зарабатывал и на лето смог приехать в Ниццу. Тогда, в 1964-м, народу там было так много, что для того, чтобы побыть одному, мне приходилось совершать долгие прогулки вдоль берега или наоборот, уходить далеко от моря.

Сейчас я вспоминаю о толпах, наводнивших в тот год Ниццу, с благодарностью: если бы не они, мне не нужно было бы искать уединения вдали от шумного центра и я никогда не встретил бы Майкла Кейна, этого странного, загадочного человека, чья жизнь волей судьбы так тесно переплелась с моей.

Я открыл для себя Лемонтань несколько лет назад. Эта маленькая живописная деревушка у края обрыва расположена на побережье в двенадцати милях от Ниццы. Сидя на террасе в одном из кафе, где варили отличный кофе, можно было любоваться синью Средиземного моря. Мне казалось, в Лемонтане, который пощадило время и вездесущие туристы, я нашел рай земной.

Я хорошо помню тот день, 15 июля, один из лучших дней в году, теплый, солнечный, дышащий покоем. Я сидел на своем обычном месте и, потягивая прохладный перно, смотрел на синее-синее море. И тут я заметил *этого* человека. Он вошел, сел за соседний столик и заказал некрепкое пиво. В его тихом голосе явственно сквозил американский акцент.

В обстановке деревенского кафе он казался похожим на юного бога — высокий, с узкими бедрами, загорелый, красивый и, если судить по внешности, способный на решительные действия. Но глаз его не покидало странное выражение, свидетельство трагедии — или тайны? — его прошлого.

Я пробую писать — совсем немного, по-любительски — в свое время даже выпустил книгу воспоминаний и рассказов о путешествиях, — и во мне проснулся писательский инстинкт. Мое любопытство оказалось сильнее традиционных представлений о хороших манерах, и я решил попробовать разговорить незнакомца.

— Хороший денек, — сказал я.

— Очень хороший. — Своим тоном и улыбкой — хотя и вполне дружелюбными — он держал меня на расстоянии.

— Вы американец? Остановились в деревне?

Он рассеянно кивнул и перевел взгляд на море. Возможно, с моей стороны было бестактностью продолжать разговор, возможно, я был навязчивым. Но если бы я был вежливым и оставил его в покое, то пропустил бы самую невероятную историю из всех, какие мне только приходилось слышать.

Когда официант подошел получить мой очередной заказ, я велел принести американцу еще пива и, взяв свой перно, попросил разрешения перебраться за его столик.

— Простите, — сказал он, вдруг взглянув на меня и улыбнувшись своей дружелюбной, немного грустной, загадочной улыбкой, которую я потом часто видел на его лице. — Я замечтался. Конечно, присаживайтесь. Мне хочется с кем-нибудь поговорить.

— Вы давно здесь? — спросил я.

— Где — на Земле?

Потрясающий ответ! Я засмеялся:

— Нет, конечно, нет! В деревне.

— Нет, — сказал он, — недавно. Хотя, — он тяжело вздохнул, — к сожалению, уже слишком давно. Вы англичанин?

— Вообще-то я родился в Америке, на побережье Атлантики, — сказал я, — но вырос в Англии, а вы где живете в Америке?

— В Америке? А-а, родился я в Огайо.

Я был озадачен его туманными ответами и отрешенной манерой говорить. Почему он решил, что я имею в виду планету, когда я хотел узнать, давно ли он в деревне? Этот вопрос еще больше раздразнил мое любопытство.

— Вы работаете в Америке? — Мои вопросы становились все настойчивее.

— Да, работал когда-то. — Вдруг он устремил на меня взгляд своих прозрачных голубых глаз, который, казалось, проникал в самый мой мозг. Я почувствовал, как по телу прошло что-то вроде электрического разряда. Он продолжал: — Наверное, с этого все и началось. Знаете, я мог бы вам такого порассказать, что вы помчались бы к телефону требовать, чтобы меня забрали в ближайшую психушку.

— Вы меня заинтриговали. Судя по всему, в вашей жизни произошла какая-то трагедия. Несчастная любовь? — Я уже сам чувствовал, что мое все усиливающееся любопытство было просто оскорбительным, но незнакомец, казалось, не обижался.

— В каком-то смысле, да. Меня зовут Майкл Кейн. Вам это имя ни о чем не говорит?

— Да-да-да, что-то припоминаю, — согласился я.

— Профессор Майкл Кейн, Специальный исследовательский институт в Чикаго. — Он снова задумчиво вздохнул. — Мы проводили сверхсекретные опыты с транслятором вещества.

— С транслятором вещества?

— Мне, конечно, не следовало бы вам этого говорить, но, кажется, сейчас это уже неважно. Ну да, мы работали над транслятором вещества. Этот аппарат, созданный на основе принципов электроники и нуклеоники, мог преобразовывать атомы какого-либо объекта в волны, которые можно было передавать на большие расстояния, как радиоволны. Мы также пытались создать приемник, чтобы принимать эти волны и снова преобразовывать их в вещество.

— Вы имеете в виду, что можно разобрать яблоко на мельчайшие частицы, передать их, как телевизионную картинку, а потом через специальный приемник снова получить настоящее яблоко? Теперь я припоминаю, что где-то читал об этом. Но я думал, что такие аппараты только разрабатываются.

— Их создали совсем недавно, то есть в вашем недавнем прошлом.

— Что значит «в моем недавнем прошлом»? Разве

нельзя сказать «в нашем недавнем прошлом»? — Я удивлялся все больше и больше.

— Сейчас я до этого дойду, — сказал Кейн. — Усовершенствованный аппарат этого типа мог бы даже передавать на любые расстояния *живые существа*, разложив их на волны и собрав их затем снова с помощью приемника.

— Поразительно! Как вы этого добились?

— Такой аппарат стал возможен, когда были завершены некоторые исследования в области лазеров[1] и мазеров[2]. Не буду утомлять вас формулами — они вам все равно ничего не объяснят, — скажу только, что нам очень помогли эксперименты со световыми и радиоволнами. Я возглавлял эти работы. Я был просто одержим этой идеей... — Его голос дрогнул; он сидел, задумчиво глядя вниз, на стол, крепко сжав кулаки.

— Что случилось? — нетерпеливо спросил я.

— Мы наладили этот аппарат. Переместили в пространстве несколько крыс и мышей. Все шло нормально, опыты удавались. Нужно было попробовать передать человека. Это, конечно, опасно, мы не имели права вербовать добровольцев.

— И вы решились испытать аппарат на себе?

Он улыбнулся:

— Верно. Понимаете, мне очень хотелось доказать, что все получится, я был в этом просто уверен. — Он помедлил и добавил: — *Не получилось.*

— Но вы же живы! — возразил я. — Или я разговариваю с привидением?

— Вы ближе к истине, чем думаете. Как вы полагаете, куда я попал, когда мы включили транслятор вещества?

— Ну, наверное, в виде волн вы попали в приемник, который... гм... собрал вас обратно.

— Скажите, вы считаете меня нормальным? — вырвалось у моего странного собеседника.

— Безусловно!

— И вам не кажется, что я выгляжу или веду себя как лжец?

---

[1] Лазер — квантовый усилитель.
[2] Мазер — микроволновый квантовый усилитель.

— Отнюдь. А к чему вы клоните? Куда вы попали?

— Прошу вас, поверьте мне, — сказал Кейн серьезно. — *Я покинул Землю. Совсем покинул, понимаете?*

Я только ахнул. На какое-то мгновение мне показалось, что я несколько поспешно объявил, что верю ему и считаю его нормальным, но потом я понял, что был прав. По всему было видно, что он говорил чистую правду.

— *Вы попали в космос?* — спросил я.

— Нет, я пролетел через космос. Думаю, это было путешествие через пространство и время. Представляете, *я оказался на Марсе.*

— На Марсе? — переспросил я недоверчиво. — Но как же вы остались живы? На Марсе же нет жизни — это бесплодная пустыня, там ведь ничего не растет, кроме лишайника!

— Нет, не на этот Марс.

— А что, есть *еще один* Марс? — Я не мог сдержать изумления.

— В известном смысле, да. Я убежден, что та планета, на которую я попал, мало чем похожа на Марс, видимый сегодня в телескоп. Это был более древний Марс, Марс, каким он был целую вечность тому назад. Я даже думаю, что наши предки — родом с Марса, они пришли на Землю миллионы лет назад, когда Марс погибал.

— Вы хотите сказать, на Красной планете вы встретили людей?

— Людей, очень похожих на нас. Я там встретил непонятную, романтическую цивилизацию, на Земле никогда не было ничего подобного. Может быть, об этих племенах и рассказывают наши самые древние легенды, которые предки землян принесли с собой с Марса, когда бежали оттуда на Землю. Уже здесь эти племена снова оказались в первобытном состоянии, и им еще раз пришлось пройти долгий путь к цивилизации.

— Я попал в прекрасное, восхитительное, бесподобное место, — продолжал Майкл Кейн свой рас-

сказ. — Там было проще быть человеком, сохранить свои лучшие качества; там мужчина был мужественным и отважным, и за это его ценили. И наконец, там была Шизала...

На этот раз я понял, что означал его взгляд.

— Итак, там была женщина... — сказал я тихо.

— Да, там была женщина. Очаровательная молодая девушка, высокая марсианка, аристократка из рода настолько великого и древнего, что по сравнению с ним все династии Египта покажутся не стоящими внимания. Она была принцессой Варнала, Города Зеленых Туманов, в котором все вызывает восхищение: шпили и колоннады, невиданные башни и купола, сильные, прекрасно сложенные люди — и воины, самые храбрые из всех, кто когда-либо брал в руки оружие...

— Продолжайте, прошу вас, — выдохнул я, совершенно зачарованный.

— Сейчас это все кажется сказочным сном, — он грустно улыбнулся. — Да, это сон, который я все же попытаюсь вернуть. — Его губы сжались, в прозрачных голубых глазах появилась решимость: — Я должен его вернуть.

— А я должен услышать ваш рассказ до конца, — воскликнул я. Хотя умом я понимал, что все, что он рассказывал, было выдумкой, фантастической сказкой, душа моя принимала каждое его слово. Он говорил правду, я в этом почти не сомневался. — Может, поедем ко мне в гостиницу? У меня там есть магнитофон. Я бы хотел услышать все о ваших странствиях — и записать, если можно.

— А вы верите, что я не сумасшедший, не фантазер и не лжец?

— В общем-то, верю, — сказал я с улыбкой, как бы извиняясь. — Хотя, может, и не на все сто процентов. Я смогу разобраться, когда услышу весь ваш рассказ целиком.

— Ну что же, поедем в гостиницу, — он резко встал.

Ни по каким меркам меня нельзя назвать коротышкой, но Майклу Кейну я был по плечо!

— Я бы очень хотел, чтобы вы мне поверили, — сказал он. — И еще... — Он запнулся. Очевидно, он хотел сказать что-то чертовски для него важное, но почему-то колебался.

Я принялся настаивать:

— Ну, же! Что вы еще хотели сказать?

Мы заплатили по счету и пошли к ближайшей стоянке такси, на которой стояла одна-единственная машина, и та — какая-то развалюха.

— Понимаете, я не могу вернуться в лабораторию, — сказал он. — А построить еще один транслятор — дело дорогое. Мне... мне нужна помощь.

— У меня есть деньги. — Попутно я объяснил водителю, как доехать до гостиницы. — Может быть, я смогу быть вам чем-нибудь полезен?

— Вы не поверите, — сказал Майкл Кейн с улыбкой, — но я боялся, что меня даже слушать никто не станет.

Мы приехали в гостиницу — это была «Гостиница у моря» — Hotel de la Mer. В номере я заказал обед. Как всегда, еда была превосходной, и она нас немного подбодрила. После обеда я включил магнитофон, и Майкл Кейн начал говорить.

Как я уже заметил раньше, сначала я не мог безоговорочно поверить его странному рассказу. Но по мере того, как он говорил — а магнитофон записывал, — я все больше и больше убеждался, что передо мной не сумасшедший и не лжец. Он пережил все, о чем мне рассказывал. Когда глубокой ночью он закончил рассказ, я почувствовал, будто и сам участвовал во всех невероятных приключениях вместе с Майклом Кейном, американским физиком, *на Марсе оказавшимся воином!*

Ниже вы можете прочитать то, что он мне рассказал в тот день. Я оставил в его рассказе все как есть, лишь сделал небольшие пояснения, чтобы было легче разобраться в технической стороне происходящего, а также опустил ряд деталей, которые можно отнести к научным секретам — их публикация противоречила бы законам Великобритании и США. Судите о Кейне, как о нем судил я. Что бы вы ни

думали, не спешите обвинять его во лжи. Если бы вы слышали, как сдержанно и уверенно он рассказывает о своем путешествии, если бы вы видели, как он сидит, не отрывая взгляда от потолка, — словно пытаясь сквозь него разглядеть Марс, если бы вы поняли тогда, что, рассказывая тот или иной эпизод, он переживает его заново и испытывает те же самые чувства, что испытывал тогда, — словом, если бы вы были в тот день с нами в гостиничном номере в Ницце, вы бы поверили безоговорочно, как поверил ему я.

Э. П. Б.[1]
Честер-Сквер
Лондон, Ю-З 1

Апрель 1965

---

[1] Э. П. Б. — Первую редакцию романов о Майкле Кейне М. Муркок выпустил под псевдонимом Эдвард П. Брэдбери.

ГЛАВА 1
Чем я обязан месье Кларше

— Транслятор вещества принес мне безграничное счастье и величайшее горе, — начал Кейн свой рассказ. — Этот аппарат отправил меня в мир, где я чувствовал себя увереннее и свободнее, чем где бы то ни было на Земле. Он подарил мне встречу с замечательной девушкой, которую я полюбил и которая полюбила меня. Но он же и лишил меня всего этого счастья.

Но лучше я начну с самого начала.

Родился я, как уже было сказано, в Огайо, в маленьком тихом городке Винсвилле. Он с тех пор почти не изменился. Вскоре после первой мировой войны на окраине Винсвилла поселился один чудак — месье Кларше. Это был типичный француз — невысокого роста, с роскошными усами, с осанкой и походкой, в которых чувствовалась военная выправка.

Если говорить честно, мы не воспринимали месье Кларше всерьез; в нашем представлении своим внешним видом и поведением он подтверждал все то, что мы читали о французах в дешевых романах и комиксах. И все же именно месье Кларше я обязан жизнью, хотя мне было суждено это понять лишь много лет спустя после смерти старика, когда я вдруг оказался на Марсе... Но я опять забегаю вперед.

Кларше всегда был для меня загадкой, хотя в детстве и юности я знал его, наверное, лучше других. Он говорил, что был учителем фехтования при дворе русского царя, и после революции, когда к власти пришли большевики, ему пришлось бежать.

Его решение обосноваться в Винсвилле как раз и объяснялось тем, что ему пришлось много пережить. В то время ему казалось, что весь мир перевернулся и в нем царит хаос. Он нашел городок, в котором время словно остановилось, и ему это понравилось. Его новый образ жизни резко отличался от привычного для него уклада, но казалось, и это его тоже устраивало.

Однажды я поспорил с приятелями, что заберусь на забор дома месье Кларше и посмотрю, чем он там занимается: в то время мы все были уверены, что он шпион. Он поймал меня и вместо того, чтобы застрелить, как я опасался, добродушно рассмеялся и велел идти своей дорогой. Так я впервые встретился с месье Кларше лицом к лицу, и он мне сразу понравился.

Вскоре после этого все мы, ребятишки, буквально заболели фильмом «Узник Зенды» с Рональдом Коуманом. Мы на время стали Рупертами и Рудольфами и до изнеможения сражались длинными палками, вполне заменявшими мечи. Может быть, нам не хватало умения, но энтузиазма было хоть отбавляй.

Случилось так, что в один солнечный день в начале лета мы с одним мальчишкой — Джонни Вальмером — сражались один на один за трон Рурита-нии как раз у дома месье Кларше. Вдруг мы услышали дикий вопль и в изумлении опустили наше импровизированное оружие.

— Non! Non! Non! — кричал француз изо всех сил. — Это неправильно! Неправильно! Так джентльмены не дерутся!

Он бросился к нам из сада, выхватил у меня палку и занял позицию напротив перепуганного Джонни, смотревшего на все происходящее с открытым ртом.

— Теперь повторяй за мной, — сказал он Джонни, — Oui?

Джонни встал в ту же позицию, но по сравнению со стариком он казался неуклюжим медвежонком.

— Теперь — удар, — палка метнулась вперед и в какую-то долю секунды остановилась как раз перед грудью Джонни.

Джонни повторил это движение, но его удар был

мгновенно отражен. Мы смотрели на месье Кларше с изумлением и восхищением. Да, такой человек был бы достойным соперником Руперта из Хенцау.

Через некоторое время месье Кларше остановился и покачал головой:

— Не годится, этими палками — нельзя, нужны настоящие клинки, non? Пошли!

Мы прошли со стариком в дом, обставленный красиво, но без роскоши. Одна комната заставила нас ахнуть.

Мы и вообразить себе не могли такого обилия всевозможных клинков. Теперь я знаю, что там были рапиры, и шпаги, и сабли, и коллекция великолепного древнего оружия — палаши шотландских горцев, ятаганы — кривые турецкие сабли, мечи самураев, римские короткие клинки — gladius — и много-много всяких других видов.

Месье Кларше обвел рукой свои сокровища:

— Вот. Моя коллекция. Какое славное оружие, non?

Он взял в руки две небольшие рапиры, одну протянул мне, другую — Джонни. Мне было очень приятно держать это хорошо сбалансированное оружие. Я повел рукой, пытаясь найти для рапиры правильное положение, и месье Кларше показал, как ее нужно держать.

— Хотите научиться сражаться как следует? — подмигнул нам старик. — Я мог бы многому вас научить.

Неужели это было возможно? Неужели нам разрешат коснуться этих великолепных клинков, подержать их в руках? Неужели нас научат владеть этим чудесным оружием? Я не мог поверить своему счастью. Но вдруг я кое-что вспомнил и нахмурился.

— Знаете, сэр, ничего не получится. Мы не сможем вам платить, да и у родителей наших вряд ли найдутся на это деньги — нам и так едва хватает на жизнь.

— Мне не нужны деньги. Если вы научитесь хорошо владеть шпагой, это и будет для меня лучшей наградой. Ну, давайте, сначала я покажу вам простейший прием защиты.

Так он стал нас учить. Благодаря его урокам мы

могли сражаться не только на обычных современных рапирах, шпагах и саблях. Он показал нам, как обращаться со старинным и заграничным оружием, самым различным по размерам, пропорциям, форме и весу. Он научил нас всему, что умел сам.

При каждом удобном случае мы с Джонни спешили в оружейную комнату месье Кларше. Казалось, он был нам по-своему благодарен за то, что ему было кому передать свое мастерство; мы уже были счастливы, что так многому могли у него научиться. К пятнадцати годам у нас обоих уже неплохо получалось, может, у меня чуть лучше, хотя мне и приходится самому об этом говорить.

Как раз в это время Джонни с родителями переехал в Чикаго, и я стал единственным учеником месье Кларше. Когда я не занимался физикой в школе и университете, меня можно было найти у месье Кларше. Я жадно ловил все, чему мог меня научить старик. И вот пришел день, когда он закричал от радости: я *победил* его в долгой и сложной дуэли.

— Майк, ты лучше всех, кого я когда-либо видел!

Это была самая важная для меня похвала.

Я продолжал заниматься фехтованием и в университете, меня даже пригласили в национальную сборную для участия в Олимпиаде. Но в последний момент пришлось отказаться, так как я должен был вплотную заняться физикой.

В общем, так я научился владеть шпагой. Иногда в трудную минуту я ворчал, сожалея о бесцельно, как мне тогда казалось, потраченном времени — фехтованием почти никто не занимался, оно устарело, не приносило никакой ощутимой пользы. Однако следует признать, именно фехтование помогло мне выработать мгновенную реакцию, стать сильным и поддерживать мышцы в форме. Кроме того, я с благодарностью вспомнил свои занятия, когда оказался в армии, так как многочисленные физические упражнения и интенсивные тренировки, выматывавшие многих моих товарищей, уже были для меня делом привычным.

Мне повезло. Я хорошо закончил университет и вернулся живым из армии, хотя мне и пришлось

воевать с коммунистами в джунглях Вьетнама. К тридцати годам я был уже достаточно известен в мире физики, и начал работать в Специальном исследовательском институте в Чикаго. Уже тогда я занимался транслятором вещества и был назначен заведующим лабораторией, работавшей над его созданием.

Помню, как мы трудились над этим аппаратом день и ночь, пытаясь добиться, чтобы он смог передать человека. И вот настал день, когда все было готово для первого опыта.

Неоновый свет в лаборатории падал на блестящие металлические детали транслятора, и на его пластмассовый корпус — огромный конус, обращенный острием вниз, — и на другое оборудование и инструменты, заполнившие всю комнату. Нас там было пятеро — три техника, доктор Логан, мой главный ассистент, и я.

Я проверил все инструменты, доктор Логан — аппарат.

Вскоре все датчики показывали, что транслятор к передаче готов.

Я повернулся к доктору Логану. Мы молча посмотрели друг на друга и пожали руки. Так мы простились.

Я устроился в аппарате. Мои коллеги много сил потратили на то, чтобы отговорить меня, но к тому времени уже поняли, что это бесполезно, и уступили. Логан связался по телефону с группой, работавшей у приемника в лаборатории в другом конце здания. Логан сказал, что мы готовы, и спросил, как дела у них. Они тоже были готовы.

Логан подошел к главной кнопке. Через стеклянное окошечко в кабине я видел, как он с суровым видом нажал на нее.

Трудно описать непонятное ощущение, появившееся, как только включили транслятор. По всему телу прошло легкое приятное покалывание. Я чувствовал, как меня разделяли на части, вынимая атом за атомом. Потом начала кружиться голова и появился страх, меня всего словно распирало, и это давление изнутри все усиливалось, пока я не почувствовал, что разрываюсь на мелкие кусочки.

Я не видел ничего, кроме зеленого света вокруг; мое тело как бы распылялось во все стороны. Потом мир вспыхнул всеми возможными и невозможными оттенками красного, желтого, лилового, синего.

Мной овладело ощущение отсутствия веса, даже отсутствия *массы*. Я струился через темноту и вскоре перестал о чем-либо думать. Мне казалось, что я преодолеваю невероятные расстояния, вырываясь за пределы пространства и времени; за несколько секунд я распространился во все стороны, захватывая немыслимо огромную часть Вселенной.

Потом я отключился.

Когда я пришел в себя — в себя ли? — надо мной было темно-синее, почти фиолетовое небо, на котором светило лимонно-желтое солнце. Все краски были такие яркие, интенсивные, каких я никогда раньше не видел. Неужели в результате этого эксперимента я стал резче воспринимать цвета?

Но оглядевшись, я понял, что изменилось не только это. Вокруг слегка покачивались ветки папоротника с каким-то сладковатым запахом. Такого папоротника я в своей жизни еще не видел, он был невообразимо алого цвета.

Я протер глаза. Неужели транслятор или, скорее, приемник сломался, и я был «собран» с нарушенным чувством цвета?

Я поднялся и ахнул — я был посреди целого моря алого папоротника.

Похоже, действительно что-то случилось с моим восприятием, но не только цвета, а всего мира, его форм и пропорций.

Вдали, где заканчивалось алое поле папоротника, я увидел желтые гребни невысоких гор, а на их фоне особенно четко выделялся невиданный зверь, который спокойно жевал папоротник. Этот зверь был размером со слона, но по форме больше напоминал лошадь. На этом, однако, его сходство с известными мне животными заканчивалось. Непонятное существо было какое-то пестрое — зеленовато-розовато-лиловое. На плоской, как у кошки, голове росли три длинных крученых белых рога, единственный глаз, состоявший из множества сверкавших на солнце граней, закрывал пол-лица. У зверя был длинный

хвост, раздваивавшийся на конце, как у пресмыкающихся. Диковинное существо с интересом взглянуло на меня, подняло голову и пошло мне навстречу.

Как мне сейчас представляется, я, должно быть, дико закричал и побежал. Я был уверен, что этот зверь был плодом моего бреда или галлюцинации, наступивших у меня в результате поломки транслятора или приемника.

Я слышал, как за моей спиной, издавая что-то вроде мычания, громыхал страшный зверь. Я помчался еще быстрее, если это вообще было возможно, чувствуя при этом, что бежать мне очень легко, словно я весил меньше, чем обычно.

Вдруг справа от меня я услышал смех, одновременно веселый и сочувствующий. Затем нежный голос сказал что-то на непонятном для меня языке, и речь эта струилась, как волшебная мелодия, которую хотелось слушать бесконечно, не задумываясь над тем, что она обозначала.

— Kahsaaa manherra vosu!

Я замедлил бег и обернулся, чтобы посмотреть, кому принадлежит голос.

Я увидел девушку, самую прекрасную из всех, кого я встречал в жизни: овальное лицо, чистая и нежная кожа, золото распущенных длинных волос. На ней не было никакой одежды, кроме легкого плаща на плечах и широкого кожаного пояса на талии, к нему был привязан короткий меч и что-то типа кобуры, из которой, видимо, торчала рукоятка пистолета. Девушка была высокой и стройной. Ее нагота не бросалась в глаза, и я сразу принял ее как должное — так относилась к ней и сама девушка. Я остановился, как вкопанный, начисто забыв о звере позади меня. Что́ там зверь, только бы вот так стоять и смотреть на нее!

Девушка тряхнула головой и снова рассмеялась.

Вдруг я почувствовал на шее что-то влажное. Решив, что это насекомое, я поднял руку, чтобы его согнать. Но это было не насекомое. Я обернулся.

Мою шею осторожно лизало странное зеленовато-розовато-лиловое существо с одним глазом — то ли как у мухи, то ли как у циклопа, — с двумя

хвостами и тремя рогами — то самое, от которого я в ужасе бежал.

«Оно дразнит меня?» — промелькнуло у меня в голове. Судя по тому, как смеялась девушка, от которой я все еще не мог оторвать взгляда, наверное, нет.

Я не знал, снилось мне все это, или я находился в каком-то затерянном мире, но было очевидно, что в панике я стал спасаться от ручного, дружелюбного домашнего животного. Я покраснел и засмеялся вместе с девушкой.

Посмеявшись, я решил, что настало время спросить:

— Простите, мисс, если я покажусь вам грубияном, но не скажите ли вы, где мы с вами находимся?

Она подняла свои чудесные брови, когда услышала мой вопрос, и медленно покачала головой:

— Uhoi merrash? Civinnee norshasa?

Я попытался спросить то же самое по-французски, но это не помогло. С немецким и испанским мне повезло не больше. Я даже попробовал латынь и греческий, которые чуть-чуть знал. У меня, видимо, есть способности к языкам, они мне легко даются. В университете я изучал диалекты племен краснокожих индейцев сиу и апачей, но и эти языки девушка не понимала. Общения не получалось.

Девушка сказала еще несколько слов на своем языке, в который я теперь внимательно вслушивался. Из всех известных мне языков он, пожалуй, отдаленно напоминал классический санскрит.

— Кажется, мы оба не знаем, как быть, — заметил я. Странный зверь продолжал лизать мою шею.

Девушка протянула мне руку. Мое сердце забилось так сильно, что я не мог пошевелиться.

— Phoresha, — произнесла девушка. Она явно хотела, чтобы я куда-то пошел с ней; она показывала рукой на далекие горы.

Я пожал плечами, взял ее за руку и пошел за ней.

Вот так, рука об руку с самой прекрасной его жительницей, я вошел в Варнал, Город Зеленых Туманов, самый величественный из всех марсианских городов.

И было это целую вечность тому назад.

ГЛАВА 2

Истина, в которую трудно поверить

Даже в воспоминаниях Варнал представляется мне более реальным, чем Чикаго и Нью-Йорк. Он лежит в тихой долине, окруженной невысокими горами, Зовущими горами, как их называют марсиане. Эти зеленовато-золотистые горы покрыты стройными деревьями, и когда дует ветер, деревья словно зовут кого-то своими нежными тихими голосами.

Варнал построен в этой ровной и просторной долине вокруг большого озера с горячей водой, над которым поднимается зеленоватый пар; из-за него кажется, что шпили города утопают в зелени. Большинство зданий здесь — высокие изящные белые дома, есть также дома, построенные из редкого голубого мрамора, который добывают неподалеку. Некоторые постройки отделаны золотом, ярко сверкающим на солнце. Варнал окружен стеной из того же голубого мрамора, украшенной золотым узором. В ней устроены башни и террасы. Над башнями развеваются яркие разноцветные флаги, а террасы всегда заполнены варнальцами, которые так привлекательны, что самые обычные, ничем не выделяющиеся юноши и девушки не имели бы отбоя от поклонников и поклонниц в Винсвилле, Огайо или даже в Чикаго и любом другом крупном городе мира.

Когда, следуя за прекрасной девушкой, я впервые вступил в Варнал, я потерял дар речи. Она восприняла мое молчание как комплимент, разгадав в нем благоговение и восхищение, и, гордо улыбнувшись, сказала что-то на своем непонятном языке.

Я решил, что происходящее не могло быть сном, потому что моего воображения явно не хватило бы, чтобы придумать такое величие и красоту.

Но где я был? Этого я не знал. Как я сюда попал? И об этом я мог только догадываться.

Я ломал себе голову, пытаясь найти ответы на эти вопросы. Очевидно, при создании транслятора вещества был допущен просчет. Вместо того, чтобы отправить меня в лабораторию в другом конце здания, он перенес меня через пространство — да на-

верное, и через время тоже — в другой мир. Не может быть, чтобы это была Земля, по крайней мере Земля XX века. Почему-то мне не верилось, что Земля вообще могла бы так выглядеть в прошлом или в будущем. С другой стороны, трудно было представить, чтобы это был Марс — наиболее вероятная из всех планет Солнечной системы, — так как Марс был безжизненной пустыней, покрытой красным песком, на котором рос только лишайник. И все же размер Солнца и меньшее, чем на Земле, притяжение указывали на Марс.

Теряясь в догадках, я покорно вошел в золотые ворота города и проследовал за девушкой по улицам с рядами деревьев вдоль них. На протяжении всего пути до дворца из белого блестящего камня нам встречались люди, мужчины и женщины, одетые — или точнее, раздетые — так же, как и моя спутница. Они смотрели с вежливым любопытством на мой белый халат и серые брюки — одежду, в которой я сел в кабину транслятора.

Мы поднялись по ступеням дворца и вошли в огромный зал, вдоль стен которого висели пестрые знамена, расшитые странными узорами с изображениями фантастических существ и буквами причудливого шрифта, напоминавшего мне санскрит.

В зале было пять галерей, в центре бил фонтан, возле него стояли люди в простой одежде; когда мы вошли, они в знак приветствия помахали моей спутнице, а на меня посмотрели с тем же вежливым любопытством, какое я уже видел в глазах горожан на улицах.

Мы пересекли зал, вышли через одну из дверей и поднялись по спирали белой мраморной лестницы. На верхней площадке девушка остановилась и открыла дверь. Сначала я принял дверь за железную, но она оказалась сделанной из невероятно твердого полированного дерева.

Мы вошли в довольно маленькую комнату. Мебели почти не было — лишь пара шкафов вдоль стен да на полу несколько ковриков из ярко раскрашенных шкур животных.

Девушка подошла к одному из шкафов и достала оттуда два металлических обруча, украшенных свер-

кающими драгоценными камнями, совершенно мне не известными. Один из обручей она надела себе на голову и показала, что второй должен надеть я.

Когда я сделал, как она просила, я вдруг услышал в голове, в самом черепе, голос. На секунду я был ошеломлен, но потом понял, что обруч был средством телепатической связи, о котором мы, физики, столько лет мечтали.

— Приветствую тебя, чужестранец, — услышал я голос девушки и увидел, как ее губы двигаются, образуя непривычные для нее звуки. — Из каких земель ты пришел?

— Я родился в Иллинойсе, недалеко от города Чикаго, — сказал я, больше для того, чтобы проверить, будет ли связь. Как я и думал, эти слова для нее ничего не значили.

Она нахмурилась:

— Звуки мягкие и очень приятные. Но я не знаю этого места. В какой части Вашу́ оно расположено?

— Вашу́? Так называется твоя страна?

— Нет, Вашу́ — планета. А город называется Варнал, это столица страны карналов, моего народа.

— Вы занимаетесь астрономией? — спросил я. — Изучаете звезды?

— Изучаем. А почему ты спрашиваешь?

— Какая это по счету планета от Солнца?

— Четвертая.

— Марс! Это же Марс! — закричал я.

— Я тебя не понимаю.

— Извини. Понимаешь, я каким-то образом попал сюда с третьей планеты, которую мы называем Землей. И Чикаго там — на Земле.

— Но на Негалу, на третьей планете, нет людей! Там только джунгли, над которыми стоит туман, и ужасные звери.

— Откуда вы знаете так много об этой планете?

— Мы посылали туда воздушный корабль — этеркрафт[1] — и получили фотографии.

— У вас есть космические корабли... — Я был растерян. Слишком это было невероятно, трудно бы-

---

[1] Слово «этеркрафт» (ethercraft) образовано из двух слов: «ether» — эфир и «craft» — судно, самолет.

ло сразу все осознать. Я продолжал расспрашивать ее и скоро понял, что Земля, которую сфотографировал этеркрафт марсиан, не была той Землей, которую я покинул. Должно быть, это была Земля, существовавшая миллионы лет назад, в эпоху пресмыкающихся. Получается, я пересек не только пространство, но и время. А мы и не подозревали, что́ может вытворять транслятор вещества!

Меня заинтересовало и другое: в городе я не увидел ничего такого, что заставило бы предположить высокий уровень развития техники на Вашу́, между тем у них были космические корабли.

— Как же так? — спросил я девушку.

— Мы не сами построили этеркрафты, а получили их от шивов, так же как и эти короны для мозга. У нас развивается наука, но карналам еще далеко до мудрости и знаний шивов.

— А кто такие шивы? — спросил я.

— О, это был великий народ, самый древний на Вашу́. Сейчас те, что остались, — небольшая горстка людей — живут вдали ото всех. Наши философы строят различные догадки об их происхождении, но достоверных фактов у нас почти нет.

Я решил, что эту тему можно на время оставить, пора было познакомиться.

— Меня зовут Майкл Кейн, — сказал я.

— А меня — Шизала, брадхинака племени карналов, их правительница в отсутствие брадхи.

Я узнал, что слово «брадхи» соответствует понятию «король», хотя человек, носивший этот титул, не имел абсолютной власти. Может быть, лучше назвать его не королем, а правителем или покровителем племени. Брадхинака была как бы принцессой, дочерью короля.

— А где брадхи? — спросил я.

Лицо девушки стало печальным, она опустила голову.

— Отец исчез два года назад, во время похода, предпринятого для наказания аргзунов. Должно быть, его убили или он сам убил себя, чтобы не попасть в плен. Лучше умереть, чем попасть в плен к синим великанам.

Я выразил ей свое сочувствие; время было явно

неподходящим для расспросов об аргзунах и синих великанах. Очевидно, она очень болезненно переживала смерть отца, но прекрасно владела собой, усилием воли не давая своему горю тревожить окружающих.

Мне очень хотелось утешить ее, но я не решался: ничего не зная об обычаях и нравах ее народа, я мог причинить ей боль.

Она коснулась своего обруча:

— Нам не придется носить их все время. Шивы оставили нам еще один аппарат, который научит тебя нашему разговорному языку.

Мы поговорили еще немного, и я узнал массу интересного о Марсе, или Вашу́, как я уже начинал мысленно называть эту планету.

На Марсе жило много народов, с одними карналы дружили, с другими — воевали. Все они говорили на похожих наречиях, развившихся из одного языка, и поэтому понимали друг друга. Возможно, поначалу так было и на Земле: наши далекие предки говорили на одном общем языке. Но на нашей планете наречия одного языка разошлись настолько, что превратились в разные, сильно отличающиеся друг от друга, языки. На Вашу́ все было иначе.

Шизала сказала, что на Марсе существовали моря и океаны, но, видимо, не такие обширные, как на Земле. Карналия, страна карналов со столицей в Варнале, была одной из нескольких стран, занимавших территорию, которую по расположению можно было сравнить с Америкой, но которая была немного больше по размерам. Между этими странами существовали приблизительные границы.

Карналы могли путешествовать двумя способами. Во-первых, на дахарах, животных огромной силы и выносливости, на них можно было ездить верхом и перевозить грузы. Но у некоторых народов были также самолеты. Насколько я мог понять из объяснений Шизалы, они работали на атомном топливе, совершенно непонятном для жителей Вашу́. Самолеты не были даром шивов, но когда-то, думаю, именно шивы владели секретом такого топлива. Эти самолеты были очень старыми, и когда выходили из строя, починить их было уже нельзя, поэтому их использовали только в крайнем случае. У карналов

были также корабли, сочетавшие в себе парусники и атомные суда. Они курсировали по немногим оставшимся на Вашу́ рекам, которые с каждым годом становились все более мелкими.

Что касается оружия, воины Вашу́ привыкли иметь дело с мечом. У них были также пистолеты, Шизала показала мне один из них. Это был длинноствольный, прекрасно сделанный пистолет с удобной рукояткой. Сначала я не сообразил, какими патронами можно было из него стрелять и по какому принципу он работал, но из того, что Шизала пыталась объяснить, я понял, что это было что-то вроде лазерного пистолета. Какой невероятный запас энергии хранился в его патронниках, подумал я, ведь мы, физики, с пеной у рта доказывали, что ручное лазерное оружие было невозможно, так как для того, чтобы получить лазерный луч — луч света, сфокусированный так, что мог даже резать металл, — нужен был генератор огромной мощности. Пораженный, я отдал Шизале пистолет. Это оружие не было подарено шивами, но наверное, было захвачено в их разрушенных или оставленных городах далекими предками Шизалы. Как и самолеты, их очень берегли и использовали редко, так как перезарядить их было невозможно.

У карналов было три akashasaard — этеркрафта, и по одному — у их соседей, с которыми они дружили, у ирадалов и валавалов; всего пять. Хотя были специальные пилоты, умевшие управлять этеркрафтами, простые люди на Вашу́ не имели ни малейшего представления о том, как они работают.

Немногие избранные народы, пользовавшиеся благами цивилизации шивов, получили от них также элексир жизни; выпив его один раз, можно было продлить свою жизнь на две тысячи лет. Его разрешалось принимать всем. На Вашу́ рождалось мало детей, и население почти не росло. Неплохо, подумал я.

Рассказы Шизалы я мог слушать часами, но наконец она остановила мои расспросы улыбкой:

— Сначала поедим. Скоро подадут ужин. Пойдем.

Вслед за Шизалой я вышел из комнаты и спустился в большой зал, где уже были расставлены

столы, за которыми сидели, оживленно разговаривая, варнальцы, мужчины и женщины, все необыкновенно привлекательные.

Когда Шизала вошла в зал, чтобы занять место во главе одного из столов, они все встали вежливо, если не сказать подобострастно. Она указала мне на место слева от себя. Пища выглядела непривычно, но пахла хорошо. Напротив меня, справа от Шизалы, сидел темноволосый молодой человек с крепкими мускулами. На запястье правой руки у него был простой золотой браслет, и он поставил локоть на стол, как бы демонстрируя его всем. Очевидно, он очень гордился этим браслетом и хотел, чтобы я его непременно увидел. Я решил, что это просто какое-то украшение, и вскоре забыл о нем.

Этот молодой человек был брадхинак — принц Телем Фас Огдай, как представила его Шизала. Мне показалось, что его имя не было карнальским, и вскоре выяснилось, что брадхинак Телем Фас Огдай был из Мишим Тепа, дружественной страны, находящейся в двух тысячях миль на юг. По-моему, он был остроумным собеседником, хотя я, конечно, не понял ни слова из того, что он говорил. Со мной мог общаться только человек с обручем на голове.

Слева от меня сидел молодой человек с приятным лицом и длинными светлыми, почти белыми волосами. Он очень старался, чтобы я чувствовал себя как дома: предлагал мне еду и напитки и задавал мне много вопросов через Шизалу, которая их переводила. Это был Дарнад, младший брат Шизалы. Вероятно, наследником трона в Варнале был старший в роду, независимо от пола.

Дарнад был главным пьюкан-нара в Варнале. Словом «пьюкан» называли воина, а «пьюкан-нара» был военачальником. Главный пьюкан-нара выбирался всем народом — и военным, и гражданским населением. Из этого я заключил, что положение свое Дарнад занимал благодаря уму и отваге. Хотя он был милым и общительным, только этим он не смог бы заслужить уважение карналов, ибо они судят о людях не по их внешности, а по поступкам.

К концу обеда я уже понимал и пытался произнести некоторые слова языка Вашу́. Мы перешли в

другую комнату, чтобы выпить басу́ — сладкого напитка, который мне в общем-то понравился, хотя и не мог, как мне тогда показалось, сравниться с нашим старым добрым кофе. Но потом я понял, что басу́ надо только распробовать, и тогда он превратится в любимый напиток. Когда я к нему привык, он мне стал нравиться даже больше кофе.

Несмотря на басу́, который обычно, как и кофе, действует возбуждающе, после ужина мне сразу же захотелось спать, и Шизала, чуткая к настроению и желаниям гостей, это почувствовала.

— Я велю приготовить тебе комнату, — мысленно сказала она мне. — ты, наверное, хочешь отдохнуть.

Надо признать, невероятные происшествия этого дня меня очень измотали. Шизала позвала слугу и вместе с нами поднялась на третий этаж дворца. В комнате, в которую мы вошли, горела тусклая лампа.

Шизала показала мне звонок для вызова слуг. Он был очень похож на старинные звонки, которые можно еще увидеть на Земле. Прежде чем уйти, Шизала оставила свой обруч, пояснив, что им может пользоваться любой, и с его помощью слуги будут знать, если мне что-нибудь понадобится.

Кроватью мне служила широкая жесткая скамья с тощим матрацем, на котором лежало большое меховое одеяло, слишком тяжелое для такого теплого дня. Для некоторых, возможно, такая кровать была бы удобной, но не для меня.

Я уснул сразу, едва скинув с себя одежду, и проснулся только один раз за ночь (марсианская ночь, конечно, длиннее нашей, земной) от холода. Я и не подозревал, что температура так сильно меняется в пределах суток. Я натянул на себя одеяло и через минуту уже опять спал.

ГЛАВА 3
Вторжение

Утром раздался легкий стук в дверь, и в комнату вошла служанка. Она принесла мне завтрак — фрукты и басу́. Я уже проснулся и стоял у окна,

разглядывая улицы и дома Варнала. Я был не одет и сначала немного смутился, но потом вспомнил, что здесь, наоборот, неестественным казалось носить много одежды, которой варнальцы пользовались исключительно как украшением.

Смущение мое, однако, не проходило, так как женщина смотрела на меня с нескрываемым восхищением.

Когда она ушла, я принялся за еду. Фрукты, которые принесла служанка, были похожи на грейпфруты, только они были больше и не такие горькие на вкус.

Я уже заканчивал завтрак, когда в дверь снова постучали.

— Войдите! — отозвался я по-английски, полагая что в данном случае сойдет и он, и оказался прав. Улыбаясь, в комнату вошла Шизала.

Увидев ее снова, я понял, что она мне снилась всю ночь. Она была такой же прекрасной, какой я ее запомнил, а может, и еще прекрасней. Ее светлые волосы были убраны назад. Она была одета в черный прозрачный плащ, на талии был широкий пояс, за которым торчали короткий меч и кобура с пистолетом. Я решил, что она носила это оружие по этикету, как принцесса, так как не мог себе представить, чтобы такая милая девушка умела обращаться с предметами, являвшимися чисто мужскими атрибутами. На ногах у нее были надеты мягкие сандалии, зашнурованные до самых колен. Это была вся одежда, но ее было достаточно.

Она снова надела на голову обруч, который носила накануне.

— Я подумала, что тебе будет интересно проехать по городу и все посмотреть, — раздался в голове ее голос. — Хочешь, поедем?

— Обязательно! — ответил я. — Конечно, если у тебя есть время.

— Мне и самой хочется поехать, — тепло улыбнулась она мне.

Я никак не мог решить, что означала эта улыбка: разделяла ли она мое мгновенно вспыхнувшее чувство, или она просто была вежливой и радушной хозяйкой. Этот вопрос не давал мне покоя.

— Но сначала, — сказала она, — тебя нужно отвести к машине шивов, чтобы ты смог научиться общаться на нашем языке без помощи этих не очень удобных приспособлений.

Пока мы шли, я спросил ее, кому пришло в голову создать машину, обучающую местному языку, если все народы Вашу́ говорят на очень похожих наречиях. Она ответила, что машина была сделана для визитов на другие планеты, но так и не была использована, потому что на других планетах Солнечной системы людей не оказалось.

Мы с Шизалой спускались все ниже и ниже под землю, где одна над другой располагались множество подземных комнат; наконец, мы добрались до места, освещенного такой же тусклой лампой, что и моя спальня. Шизала сказала, что лампы также были придуманы шивами, и когда-то давно они горели намного ярче. Комната, куда мы попали, оказалась совсем маленькой, и в ней, кроме одного-единственного предмета, ничего не было; этим предметом был блестящий шкаф, сделанный из неизвестного мне сплава, с устроенным в нем сидением для человека.

Я бы дорого дал за то, чтобы снять с этого аппарата корпус и покопаться внутри, но мне пришлось умерить свое любопытство.

— Пожалуйста, сядь туда, — сказала Шизала, указывая на сидение в корпусе машины. — Насколько я знаю, аппарат начнет работать, как только ты займешь это место. Возможно, ты потеряешь сознание, но тебя это не должно беспокоить.

Я сделал, как она сказала, и действительно, как только я сел, аппарат тихонько загудел. Сверху на голову опустилось что-то вроде колпака. Перед глазами все поплыло, и я потерял сознание.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я очнулся. Я все еще сидел в аппарате, но он уже не работал. Я с удивлением посмотрел на Шизалу.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

— Отлично, — ответил я, хотя у меня побаливала голова.

Однако я обнаружил, что сказал вовсе не «отлич-

но», а «vrazha» — сходное по значению слово марсианского языка.

Я говорил по-марсиански!

— Действует! — закричал я. — Что же эта за машина, которая может так быстро обучать языкам?

— Не знаю, мы довольствуемся тем, что пользуемся изобретениями шивов. В далеком прошлом нас предупредили, чтобы мы не пытались копаться в их подарках, потому что это может навлечь на нас беду, какую пережила когда-то их могущественная цивилизация. Правда, мы знаем об этой беде только из легенд, а они твердят о сверхъестественных силах, в которые мы уже не верим.

Я не стал больше расспрашивать, подчиняясь обычаю карналов не пытаться докопаться до принципа действия изобретений шивов, но мне было трудно контролировать мой инстинкт ученого, который, будь его воля, заставил бы меня разобраться в этой хитроумной машине; наверное, это был очень сложный компьютер с приспособлением для гипноза.

К тому времени, как мы вышли из подземелий дворца и по ступеням спустились в город, моя головная боль прошла.

У ворот нас ждали два странных зверя, размером с наших тяжеловозов — знаменитых английских лошадей, когда-то используемых рыцарями в сражениях. Но эти звери не были лошадьми. Казалось, у них были общие предки с человеком! Эти обезьяноподобные существа с широкими хвостами немного напоминали кенгуру: их задние ноги были длиннее передних. Они стояли оседланные на всех четырех лапах. Когда мы спустились вниз, они повернули к нам свои большие головы со спокойными умными мордами.

Мне было трудно заставить себя забраться на спину предназначенной для меня дахары, так как эти животные еще не окончательно утратили сходство с людьми. Но оказавшись верхом, я перестал об этом думать. Спины дахар были шире, чем у лошадей, и сидеть верхом нужно было, вытягивая ноги вперед, где к упряжи были приделаны шпоры. У седла была спинка, чтобы спокойно откидываться

назад; сидеть в этом устойчивом седле было удобно, как в спортивной машине.

За поясом у меня было несколько пик, но я не имел ни малейшего представления об их назначении. Я обнаружил, что дахара мгновенно откликалась на малейшую мою команду.

Мы с Шизалой проехали через рыночную площадь, вдоль по главной улице Варнала. Освещенный ярким желтым солнцем на безоблачном небе, город показался мне еще красивее, чем накануне. Я почувствовал, что мог бы провести в Варнале всю оставшуюся жизнь. Вот луч света упал на купол, и он ярко вспыхнул. А вот между изящной башенкой и величественным дворцом с колоннадой мелькнул небольшой белый домик. Люди спокойно шли по своим делам. На рынке царило оживление, но здесь не было шума и бестолковой суеты, как на рынках Земли.

Во время нашей прогулки по улицам Варнала Шизала рассказала мне много интересного о своем народе и об их стране.

Карналы всегда занимались в основном торговлей. По своему происхождению они не отличаются от других племен, обитающих по соседству. Их предки жили разбойничьими набегами, пока не решили осесть в понравившемся им краю. Однако и тогда они не стали заниматься земледелием, а продолжали путешествовать, на этот раз уже не как грабители, а как торговцы. Они разбогатели, успешно осуществив чрезвычайно опасные экспедиции в дальние страны, где продали произведенные на юге товары в обмен на драгоценные металлы севера.

Карналы были также искусными художниками и музыкантами, но что было еще важнее для их торговли, они делали самые прекрасные книги на Вашу́. Вместо более быстрых ротационных печатных машин, используемых на Земле, они применяли ручные печатные станки, которые, казалось, давали более четкую печать. Шизала провела меня к небольшому станку и показала, какие замечательные книги на нем делали. Я еще плохо разбирал буквы их похожего на санскрит алфавита, но уже стал узна-

вать, как выглядят некоторые слова, когда Шизала читала мне их из книги.

Книги карналов пользовались огромной популярностью на Вашу́ и принесли заслуженное уважение всем, кто их создавал: печатникам, художникам, писателям.

В Карналии процветали и другие ремесла, например, оружейное дело, также прославившее город. Оружейники действовали старыми методами, используя печи и наковальни, как и мастера на Земле, на той Земле, которая еще только будет.

Начало развиваться земледелие, но частных хозяйств было мало. Карналы собирались все вместе, чтобы засеять большие площади зерна и потом также сообща собрать урожай. Они делали запасы на черный день, потому что знали, что в случае голода нации торговцев негде будет купить еду и она погибнет, если не обеспечит себя своим продовольствием.

Бросалось в глаза отсутствие в городе каких-либо храмов или церквей. В ответ на мой вопрос Шизала объяснила, что в стране нет официальной религии, но если люди верят в какое-то высшее начало, то им лучше искать его не в словах других, а в собственной душе.

Итак, церквей не было, зато было много школ, библиотек, поликлиник, клубов, гостиниц и всего такого, и никто в Варнале не чувствовал себя забытым, обиженным или несчастным.

В политике карналы придерживались принципа вооруженного нейтралитета. Они были людьми сильными и готовыми к любому нападению. Кроме того, здесь еще действовал старинный военный устав, запрещавший нападать без заблаговременного предупреждения.

— Правда, этого устава не придерживаются более дикие племена, но они для нас угрозы не представляют. Они, и еще синие великаны, — добавила Шизала.

— А кто такие синие великаны? — спросил я.

— Аргзуны. Это существа жестокие, не признающие ни уставов, ни голоса совести. Они живут далеко на севере и иногда совершают грабительские на-

беги в разные страны. Сюда они приходили только однажды — мы живем от них довольно далеко. Тогда отец со своей армией прогнал их... — Она опустила голову и крепче сжала поводья.

— И не вернулся? — продолжил я, чувствуя, что должен что-то сказать.

— Да.

Она пришпорила дахару, и та поскакала быстрее. Я сделал то же самое, и вскоре мы уже неслись во весь опор сквозь нежную зеленую дымку по широким улицам в сторону золотистых гор вдали — Зовущих гор.

Мы покинули город и скакали теперь между причудливыми деревьями, со всех сторон окликавшими нас.

Через некоторое время Шизала придержала поводья, и я последовал ее примеру. Она повернулась ко мне с улыбкой.

— Я вела себя, как своенравная девчонка. Надеюсь, ты мне это простишь.

— Я тебе простил бы все что угодно, — вырвалось у меня.

Она посмотрела на меня, и в ее взгляде было что-то, что я не мог разгадать.

— Послушай, — начала она, — наверное, мне следует тебе сказать...

И снова я действовал, повинуясь какому-то импульсу:

— Не надо. Давай не будем ничего говорить, не будем перебивать деревья. Поедем молча и послушаем их.

Она улыбнулась:

— Хорошо.

Мы продолжали нашу чудесную прогулку, и я вдруг подумал, как я собираюсь жить на Марсе. Я уже знал, что хотел бы остаться в райском городе Варнале, ибо по собственной воле я бы ни за что не покинул место, освященное присутствием такой красавицы, как та, что ехала сейчас рядом со мной. Но на какие средства я буду здесь жить?

Как ученый я, наверное, мог бы оказаться полезным для карналов. Мне очень понравилась мысль о том, чтобы предложить Шизале назначить меня

главным придворным советником по науке. Это позволило бы мне приносить пользу ее народу и в то же время быть рядом и часто с ней видеться.

Конечно, это были лишь мечты. А вдруг обычаи этой страны вообще не позволят мне сделать Шизале предложение? Вдруг сама Шизала не захочет даже смотреть на меня? И в самом деле, зачем я ей нужен? Хотя она не спрашивала, кто я такой и как попал на ее планету, она вполне могла решить, что я помешанный. Во время прогулки я много думал об этом.

Наконец мы решили, что пора возвращаться во дворец, и я повернул дахару назад с большой неохотой.

Принц Телем Фас Огдай, гость карналов из страны Мишим Теп, ждал нас на ступенях дворца. Он стоял, широко расставив ноги и держа руку на рукоятке длинного меча с широким лезвием. На нем был надет тяжелый темный плащ, на ногах — мягкие сапоги. Он был рассержен и с трудом сдерживал себя. Дважды за то время, пока я спешился и пошел по ступеням ему навстречу, он снимал руку с эфеса меча и показывал на золотой браслет у себя на запястье.

На меня он ни разу не посмотрел, но бросил сердитый взгляд на Шизалу и, повернувшись к нам обоим спиной, быстро зашагал вверх по ступеням во дворец.

Шизала посмотрела на меня как бы оправдываясь:

— Извини, Майкл Кейн, но мне нужно поговорить с брадхинаком. Не сердись. Обед ты найдешь в зале.

— Конечно, — поклонился я. — Надеюсь, позднее мы еще увидимся.

Она улыбнулась как-то неуверенно и заспешила вслед за брадхинаком.

Дипломатические проблемы, решил я. Видно, принц здесь не только как гость, но и по делам, как представитель своей страны.

Возможно, силы карналов были подорваны в сражениях и, в частности, в последней экспедиции, стоившей им короля. Возможно, им приходилось полагаться на более сильных союзников, пока их армия

снова не окрепнет. И возможно, Мишим Теп и был одной из стран-союзниц. Все эти предположения были вполне вероятны, и, как выяснилось впоследствии, во многом я был прав.

Я вошел в большой зал. Там был накрыт стол — холодное мясо, фрукты, непременный басу́, много всего сладкого. Я пробовал всего понемножку, и почти все мне понравилось. Во время еды я поболтал с мужчинами и женщинами, собравшимися за столом. Очевидно, им всем хотелось узнать, кто я такой, но они были слишком вежливы, чтобы задавать много прямых вопросов, на которые, к тому же, в тот момент я был вовсе не расположен отвечать.

Я только взял в рот особенно вкусный кусок мяса, завернутый в зеленый лист чего-то типа салата, как вдруг услышал странный звук. Я не был уверен, что это было, но прислушался, чтобы не пропустить, если он повторится.

Придворные замолчали и тоже стали прислушиваться.

Звук раздался снова.

Это был сдавленный крик.

Придворные в ужасе переглянулись, но не сделали ни единого движения в ту сторону, откуда он раздавался.

Когда я услышал этот звук в третий раз, я узнал его.

Это был голос Шизалы!

Хотя у всех дверей зала стояли стражники, ни один из них не пошевелился, чтобы ей помочь.

В отчаянии я обвел глазами придворных.

— Это же голос вашей брадхинаки! Почему вы ей не поможете? Где она?

Один из придворных, выглядевший очень расстроенным, показал рукой на дверь.

— Она там. Но мы не можем войти, пока она нас не позовет. Понимаете, дело очень деликатное, оно касается брадхинака Телем Фас Огдая...

— Вы хотите сказать, она кричит, потому что это ОН причиняет ей боль? Я этого не допущу! Я думал, вы люди решительные, а вы сидите тут, как...

— Я же сказал, дело деликатное. Мы очень переживаем... Но этикет...

— К черту этикет, — сказал я по-английски. — Не время соблюдать приличия, Шизала может быть в опасности.

С этими словами я направился к двери, на которую мне показали. Она оказалась незапертой, и я ее распахнул.

Телем Фас Огдай крепко сжимал запястье Шизалы, она пыталась вырваться. Он говорил ей что-то тихим, твердым голосом. Когда она меня увидела, она вскрикнула.

— Нет, Майкл Кейн, уходи! Из-за этого всем будет хуже!

— Я уйду, только когда буду знать, что эта скотина больше не мучает тебя, — сказал я, бросая на брадхинака свирепый взгляд.

Он нахмурился, потом злобно усмехнулся, обнажив зубы.

Он все еще держал ее за запястье!

— Пусти ее! — сказал я с угрозой, сделав шаг в его сторону.

— Нет, Майкл Кейн! — сказала она. — Телем Фас Огдай не желает мне зла. Мы просто спорим, вот и все.

Но я уже положил руку принцу на плечо и слегка сжал пальцы.

— Отпусти ее! — приказал я.

Ему пришлось подчиниться, но в тот момент, когда он отпустил руки Шизалы, он со всей силы ударил меня кулаком по голове. Перед глазами у меня все поплыло. Ах вот оно что! Ярость придала мне силы. От моего удара в грудь он покачнулся, а последовавший затем удар в челюсть сбил его с ног. Он поднялся и попытался броситься на меня. Пришлось ударить его еще раз. Он упал и больше не пытался вставать.

— Что ты наделал, Майкл Кейн! — закричала Шизала.

— Я наказал животное, жестоко обращавшееся с прекрасной девушкой, — сказал я, потирая кулаки. — Мне очень жаль, что все так получилось, но он этого заслуживал.

— Иногда он бывает в плохом настроении, но вообще он человек незлой. Я понимаю, ты хотел как лучше, Майкл Кейн, но ты все испортил. Теперь мне придется плохо.

— Если он здесь по делам дипломатическим, ему придется вести себя как дипломату, с достоинством, — возразил я Шизале.

— Дипломат? Нет, он не дипломат из Мишим Тепа. Он мой жених. Ты что, не видел браслета у него на запястье?

— Браслета? Ах вот что это такое! Твой жених! Но... но этого не может быть! Как же ты согласилась выйти за такого человека замуж? — С ужасом я подумал: «Она никогда не будет моей!» Но я не мог с этим смириться: — Ты же не любишь его!

Она нахмурилась, и я вздрогнул от мысли, что обидел ее. Но она овладела собой и дернула за шнурок звонка.

— Ты ведешь себя не так, как следует чужестранцу и гостю, — сказала Шизала холодно. — Ты вмешиваешься в то, что тебя не касается.

— Прости, я не должен был этого делать, мне следует сдерживать свои порывы. Но понимаешь...

Тем же бесстрастным голосом она перебила:

— Мой отец хотел, чтобы, когда он умрет и я займу престол, я вышла замуж за сына его давнего союзника. Это нужно для безопасности карналов. Я уважаю желания отца и сделаю, как он хотел. С твоей стороны довольно бесцеремонно и самонадеянно вмешиваться в мои отношения с брадхинаком из страны Мишим Теп.

Передо мной была Шизала, которую я не знал — будущая королева. Я, должно быть, очень сильно ее обидел; раньше я не видел ее такой и не слышал от нее такого тона.

— Прости, прошу тебя.

— Я принимаю твои извинения. Ты никогда больше не будешь вмешиваться в наши отношения. А сейчас, пожалуйста, уйди.

Я повернулся и вышел из комнаты.

В каком-то оцепенении я прошел через зал, спу-

стился по ступеням дворца и увидел, что слуга собирается расседлать дахару, на которой я ездил до обеда.

Я что-то буркнул слуге, вскочив на спину дахара и, дернув за поводья, послал ее галопом по главной улице к воротам, ведущим из города.

На время мне нужно было покинуть Варнал, нужно было побыть одному, чтобы разобраться в своих мыслях и попытаться успокоиться.

Шизала была обручена. Девушка, которую я полюбил с того самого момента, как увидел ее, была обручена! Эта мысль была невыносима!

Сердце бешено стучало, в мыслях был хаос, все мое существо изнывало от невыносимой душевной боли. Не разбирая дороги, я гнал дахару из города, мимо Зеленого озера, в лес на Зовущих горах.

О Шизала, Шизала! Ты могла бы сделать меня таким счастливым!

Я чувствовал: еще чуть-чуть, и я расплачусь. Я, Майкл Кейн, который всегда гордился своим самообладанием.

Прошло какое-то время, прежде чем мне удалось овладеть собой. Я замедлил бешеный галоп дахары. Не знаю, сколько я проехал, наверное, много миль. Я был в незнакомом месте и ничего не узнавал вокруг.

Вот тогда я и заметил какое-то движение на севере. Сначала я подумал, что смотрю на стадо зверей, движущихся мне навстречу, но, заслонив глаза от солнца, разглядел, что это были всадники, скачущие на животных, похожих на мою дахару. Много всадников.

Целая орда!

Не зная марсианскую географию и политику, что в данном случае было важнее, я не мог решить, представляет это войско угрозу или нет.

Со спины своей дахары я наблюдал, как всадники с невероятной скоростью приближались. Даже на таком значительном расстоянии я чувствовал, как содрогается земля под копытами гигантских животных.

Когда они немного приблизились, что-то в их облике показалось мне странным. Я продолжал их рассматривать; думаю, они еще не видели мою одинокую фигуру, сами же были как на ладони.

И тут я все понял. Было что-то не так с масштабом. Сравнивая средний рост человека верхом со средними размерами деревьев и кустарников, я понял, что всадники и звери, на которых они ехали, были великанами: их дахары были по меньшей мере в два раза крупнее моей, а люди были не ниже восьми футов!

Я быстро перебрал в памяти все варианты, но возможным представлялся только один.

Это было вторжение!

И более того, я знал нападавших.

Ими могли быть только те жестокие разбойники с севера, о которых говорила Шизала. *Синие великаны! Аргзуны!*

Почему же город ничего не знал о приближении врага? Каким образом смогли они так далеко зайти, оставаясь незамеченными? Эти вопросы сразу же возникли в моей голове, едва я узнал врагов, но я их отбросил. От них сейчас не было никакого толка. Важно было лишь то, что туча всадников — не меньше тысячи — сейчас, обгоняя ветер, неслась к Варналу.

Я забыл свое горе. Все прежние переживания вытеснила мысль об опасности. Я должен предупредить горожан, чтобы у них было хоть чуть-чуть времени.

Я повернул свою быструю дахару обратно в город, проверив по солнцу направление движения.

Я не принял в расчет разведчиков аргзунов. В то время, как я наблюдал за основным войском, меня заметили высланные вперед лазутчики.

Пригнувшись, чтобы проехать под низкими ветками деревьев, я услышал, как кто-то фыркнул и хрипло расхохотался.

Надо мной навис гигантский всадник на своем огромном звере. В одной руке он держал невероятных размеров меч, а в другой — дубинку.

Я был безоружен, если не считать тонкие пики, все еще торчавшие у меня за поясом.

ГЛАВА 4
Штурм

Мой мозг лихорадочно заработал. На какое-то мгновение я оцепенел, глядя в глаза существа, представлявшегося мне таким же невероятным, как единорог или крылатый конь.

У него была темная, отливавшая синим кожа. Как и варнальцы, он не носил того, что можно было бы назвать одеждой. Его тело было покрыто кожаными доспехами; голову, на которой не было видно волос, защищал такой же кожаный шлем, но с металлическими пластинками, а запястья — плотно прилегавшие кожаные браслеты с прикрепленным к ним оружием.

У страшного существа было широкое, чуть сужающееся к подбородку лицо с глазами-щелочками. Огромная безобразная пасть сейчас была открыта в предвкушении скорой победы. Обнажился неровный ряд редких черных зубов. Из-под шлема торчали большие уши. Пальцы были покрыты — усыпаны! — перстнями с грубо отделанными драгоценными камнями. По всему телу играли крепкие мускулы.

Его дахара не была похожа на мирное и безобидное животное, на котором ехал я. Она казалась такой же свирепой, как и ее всадник, когда так нетерпеливо топтала нежный зеленый мох полянки. На ее теле также были кожаные доспехи, а на голове — покрытый шипами шлем.

Аргзун прорычал что-то невнятное, хотя было очевидно, что он говорил на том языке, который я уже неплохо понимал.

Потянувшись за прикрепленными к поясу пиками, я и не надеялся на успех. Просто я подумал — с изрядной долей фатализма, — что если мне суждено умереть, то сделаю я это с оружием в руках.

Аргзунский воин захохотал, явно издеваясь надо мной, и махнул мечом, одновременно пришпорив дахару, чтобы послать ее вперед.

Тут меня спасла моя реакция. В мгновение ока одним движением я выхватил пику и сразу же швырнул ее прямо в лицо великану.

Увидев это, он злобно зарычал, но с быстротой, невероятной в таком грузном человеке, отбил мою пику мечом.

К тому времени у меня в руке была уже вторая пика.

Моя дахара заметно нервничала, видя, как великан стремительно приближался, размахивая мечом.

Я пригнулся, и вовремя — меч прошел в дюйме от моей головы. Великан разогнался так, что пронесся мимо, и когда он пытался придержать свою дахару, которая была гораздо хуже обучена, чем моя, я развернулся и метнул в него еще одну пику.

Она попала ему в руку.

Великан вскрикнул от боли и ярости, и когда он на этот раз направил на меня свою дахару, она, казалось, не бежала, а летела по воздуху.

У меня оставались только две пики.

Одну из них я кинул, когда он подскакал ко мне, размахивая перед собой мечом так же, как это делали всадники на Земле. Я промахнулся.

Что ж, по крайней мере, он был ранен в руку, державшую дубинку, и мог теперь орудовать только мечом.

Великан замахнулся — не увернуться! Но что делать? Считанные секунды, чтобы спастись!

Схватив оставшуюся пику, я спрыгнул с дахары и коснулся земли как раз в тот момент, когда его меч рассек воздух в том месте, где я только что был.

Несмотря на боль от ушибов, я вскочил, все еще сжимая в руке последнюю пику. Нужно было пользоваться ею наверняка, иначе — смерть.

В ожидании его возвращения я согнулся, приняв устойчивую позу.

Мой противник хрипло бранился, пытаясь развернуть непокорную дахару. Увидев меня, он приостановился, и его грудь под доспехами затряслась: он разразился своим диким животным смехом, откинув назад голову.

Это было его ошибкой.

Благодаря провидение, я швырнул пику, вложив в это движение всю силу и все умение, и попал в шею, на миг оказавшуюся незащищенной.

Пика вошла в тело на несколько дюймов, и ка-

кую-то секунду из смертельной раны в горле еще раздавался смех. Он перешел потом в сдавленный хрип, после чего гигантское чудовище вздохнуло в последний раз и замертво рухнуло на землю.

Освободившись от седока, дахара поскакала в глубь леса.

Я едва дышал и никак не мог прийти в себя, но я был жив, и к тому же невредим, хотя должен был уже лежать мертвым. Я благодарил небо на ниспосланную мне удачу.

Да, я приготовился было к смерти. Я никак не рассчитывал на глупость врага. Настолько уверенного в победе, что он не заметил, как открыл для смертельного удара место, которое только и можно было поразить тем оружием, что у меня было.

И вот эта громадина лежала у моих ног, растянувшись во весь рост. Меч и дубинка все еще были пристегнуты к кожаным браслетам на запястьях. От тела исходил резкий противный запах, еще не смерти, а просто грязи. Щелочки глаз были открыты, на губах затыла насмешка, но это была насмешка мертвеца.

Я посмотрел на меч.

Конечно, он был очень большим, под стать его огромному владельцу. Но для великана оружие было явно коротко — всего пяти футов в длину. Я нагнулся, отцепил меч от руки гиганта, и недоверчиво поднял. Да, он был длинный, очень тяжелый, но хорошо сбалансированный. Разумеется, я не смог бы действовать им одной рукой, как аргзун, но двумя руками, думаю, вполне бы управился. Рукоятка была вполне подходящей. Я взвесил меч в руках, чувствуя себя все более уверенно и благословляя в душе месье Кларше, своего старого учителя фехтования, научившего меня приспосабливаться к любому оружию, каким бы странным и неудобным оно ни казалось.

Держа меч за рукоятку, я сел на дахару и положил клинок на колени; сидеть верхом, откинувшись на спинку и вытянув вперед ноги, все еще было для меня непривычным.

Путь был долгим, а мне надо было торопиться —

особенно теперь, — чтобы предупредить город о неминуемом штурме.

Однако прошла целая вечность, пока я ехал по горам и спускался в долину, и за это время мне суждено было еще раз повстречаться с одним из аргзунов; он выехал ко мне откуда-то справа, когда я преодолевал последнюю гору на пути в Варнал.

Этот не смеялся. Он вообще не проронил ни звука, когда приближался ко мне. Очевидно, он не хотел привлекать внимания тех, кто мог оказаться рядом, ведь до города было уже близко.

Дубинки у него не было, только меч.

Его первый удар я встретил своим недавно приобретенным оружием. Он с удивлением уставился на мой меч, очевидно, узнав его и соображая, как он мог ко мне попасть.

Его удивление было мне на руку. Для своих размеров аргзуны двигались очень быстро, но вот заглоздка — соображали они медленно, это было для меня ясно.

Таращась на мой меч, он уже заносил руку для следующего удара. На этот раз я не стал прыгать, чтобы защититься. Я ударил его туда, где должно было быть сердце, молясь в душе, чтобы доспехи оказались не очень крепкими.

Не так быстро, как я рассчитывал, но меч пробил кожу доспехов и, задев кость, вошел в тело. В этот момент его рука с мечом дернулась, и он поцарапал мое правое предплечье. Рана была неопасной, но я мгновенно почувствовал острую боль.

Меч выпал из его неверных пальцев и повис на цепи, прикреплявшей его к браслету на запястье. Он все еще сидел в седле, в оцепенении раскачиваясь из стороны в сторону и не сводя с меня глаз.

Рана была глубокой, хотя и не смертельной.

Тут он начал сползать с седла, и я попытался поддержать его, что было очень трудно, учитывая его вес и мою рану, но все-таки я смог предотвратить падение.

Я осмотрел рану: благодаря кожаным доспехам лезвие прошло чуть ниже сердца.

Каким-то образом мне удалось спешиться, снять его с седла и положить на мох.

Он заговорил. Казалось, он был озадачен.

— Что... — сказал он с сильным неприятным акцентом.

— Я спешу. Слушай, кровотечение я остановил. Похоже, рана несмертельная. Пусть теперь о тебе позаботятся твои друзья.

— И ты не... не убьешь меня?

— Не в моих правилах убивать, если меня к этому не вынуждают.

— Но я же проиграл. Аргзуны замучают меня до смерти, если узнают. Убей меня, победитель!

— Я же сказал, это не в моих правилах, — повторил я.

— Тогда... — он с усилием потянулся к поясу, где у него был нож. Я оттолкнул его лапищу, и, совершенно обессиленный, он опять повалился на мох.

— Я помогу тебе устроиться в кустах. — Я показал на густые заросли неподалеку. — Там ты сможешь спрятаться, и они тебя не найдут.

Я понял, что проявлял к нему больше милосердия, чем он мог ожидать от варнальцев. К тому же, помогая ему, я задерживался еще больше. Но человек есть человек, подумал я, и он не может сделать то, что противоречит его правилам и принципам. Если у него есть принципы, он должен им подчиняться. Когда он их нарушает, все пропало, ибо даже если он забывает их всего на одну минуту, — это начало конца. Потом он будет пытаться скорректировать свои взгляды, оправдывая каждую уступку, до тех пор, пока совсем не перестанет быть человеком.

Поэтому я и помогал этому странному существу, которое победил. Я должен был сделать то немногое, что от меня требовалось. Как я ему сказал, поступить иначе было не в моих правилах. Следование своим принципам может показаться старомодным, даже совершенно неуместным в наш современный век, когда истинными ценностями пренебрегают, но хотя я понимаю, что многие мои современники назовут меня ограниченным или даже не от мира сего, тогда, в той мирной долине на древнем Марсе, так же как и сейчас на Земле, я исповедовал определен-

ные принципы, верил в определенные правила, — называйте это, как хотите, — и я знал, что не могу их нарушить.

Как только я помог великану спрятаться и прогнал его дахару, я вскочил на свою и направил ее галопом в город.

Через несколько минут я достиг ворот города и бешено пронесся по улицам, выкрикивая слова предупреждения:

— Нападение! Войско аргзунов!

Люди сначала смотрели на меня с недоверием, но потом, видимо, узнавали меч. Ворота города закрыли.

Я домчался до дворца, спрыгнул с дахары и, изнемогая от боли, усталости и тяжести меча, который должен был подтвердить мои слова, побежал вверх по ступеням.

Шизала вбежала в главный зал. Она была немного растрепана, и ее лицо еще хранило следы недавнего гнева.

— В чем дело? Майкл Кейн, что означает весь этот шум?

— Аргзуны! — выдохнул я. — Синие великаны... ваши враги... на город идет их войско! Целая туча!

— Невозможно! Почему нас не предупредили? На каждой горе у нас есть посты, которые с помощью зеркал извещают нас об опасности. Они должны были нас предупредить. Хотя...

Она задумчиво нахмурилась.

— Что хотя? — спросил я.

— Уже какое-то время с постов не поступало никаких известий. Возможно, они разрушены коварными аргзунами.

— Если они уже сюда однажды приходили, они должны были знать о постах.

— Но откуда у них взялось войско? Мы-то думали, что они разгромлены и не смогут оправиться от поражения по меньшей мере лет десять. Отец и его армия, вместе с союзниками, изрядно их потрепали. Отец как раз был во главе войск, преследовавших тех, кто остался в живых после битвы.

— Наверное, армия, разгромленная твоим отцом, была только частью войска аргзунов, — предполо-

жил я. — Может быть, у синих великанов есть целый последовательный план ослабить вас неожиданными мелкими набегами, и эта атака — одна из многих, которые они собираются предпринять.

— Ну что же, если у них действительно такой план, — вздохнула Шизала, пожав плечами, — то нужно признать, что он довольно-таки удачен, так как мы и в самом деле не готовы к битве.

— Сейчас не время заниматься самобичеванием, — сказал я. — Где твой брат Дарнад? Как главный пьюкан-нара Варнала, он должен заниматься подготовкой к обороне города. А где другие отряды войска карналов?

— Охраняют границы и сдерживают грабительские набеги бандитов. Наша армия разбросана по стране, но даже если собрать ее в Варнале, она все равно будет слишком малочисленной, чтобы противостоять орде аргзунов.

— Трудно объяснить то, что вас никто не предупредил. Почему не было хотя бы какого-нибудь беглеца из другого города, уже атакованного аргзунами? Как смогли они пробраться так далеко на юг, и вы ничего об этом не знали?

— Даже не могу себе представить! Как ты говоришь, они могли готовиться к вторжению годами. Должно быть, у них были шпионы не только среди аргзунов, которые путешествовали переодетыми, маленькими группами, по ночам, и собирались в каком-нибудь условленном месте, чтобы передать то, что они узнали. И вот теперь на нас мчится целая туча аргзунов, и никто из наших союзников не знает, что нам нужна помощь.

— Стена города должна выдержать самый серьезный штурм, — заметил я. — Ты говоришь, у вас есть еще самолеты, значит, можно стрелять в аргзунов с воздуха, используя оружие шивов. Это большое преимущество.

— Наши три самолета вряд ли помогут против такого полчища, — возразила Шизала.

— Тогда нужно послать один из них к ближайшим союзникам. Пошли своего... своего... — Я запнулся, вспомнив, почему я оказался за городом. — Пошли брадхинака из Мишим Тепа за помощью к его

отцу. Ищи помощи и у других, пусть и менее сильных, союзников.

Она задумчиво нахмурилась, посмотрела на меня странным удивленным взглядом и сжала губы.

— Я сделаю, как ты предлагаешь, — сказала она наконец. — Но даже в лучшем случае нашему самолету потребуется несколько дней, чтобы попасть в Мишим Теп, а их армия будет добираться сюда еще дольше. Как мы будем сдерживать такую долгую осаду?

— Но мы должны оказать сопротивление и продержаться — ради Варнала и ради безопасности ваших соседей, — сказал я. — Если аргзуны завоюют карналов, их будет не остановить. Мы не можем отдать им Варнал, иначе погибнет вся ваша цивилизация.

— Похоже, ты лучше меня понимаешь, что поставлено на карту, — слегка улыбнулась Шизала. — А ведь ты здесь совсем недавно.

— Войны везде одинаковы, — сказал я тихо, думая о том, что мне пришлось испытать в жизни. — Всегда нужно помнить о главном — о целях, о стратегии. Я уже имел дело с двумя синими великанами. Не хотел бы я, чтобы они здесь хозяйничали.

Я не стал добавлять, что боялся не только за город, но и за жизнь Шизалы. Как ни старался, я не мог забыть, какое чувство я к ней испытывал. Я знал, что она обручена и что бы я или она ни чувствовали, из этого не могло бы ничего получиться. Видимо, ее принципы были так же тверды, как и мои, и так же нерушимы.

Мы посмотрели друг на друга долгим взглядом, в котором было все: боль, понимание, решимость.

Неужели я ей небезразличен?

В любом случае я не должен был об этом думать. Сейчас нужно было защищать Варнал.

— У вас найдется для меня более подходящее оружие, чем это? — спросил я, указывая на меч аргзунов.

— Конечно. Я позову стражника, он отведет тебя в оружейную комнату, где ты сможешь выбрать оружие, которое тебе подходит.

По ее команде появился стражник, которому она приказала отвести меня в оружейную комнату.

Он повел меня вниз по лестнице глубоко в подземелье, где я еще не был.

Наконец он остановился перед двумя огромными, обитыми железом дверями и закричал:

— Стражник десятого поста! Идет ино-пьюкан Хара с гостем брадхинаки! Открывай! — Ино-пьюкан, как я уже знал, был воином в чине нашего сержанта.

Двери медленно открылись, и я вошел в длинный зал, освещенный тусклым голубым светом.

Впустивший нас стражник был стариком с длинной бородой. За его поясом торчали два пистолета, другого оружия у него не было.

Он посмотрел на меня вопросительно.

Ино-пьюкан сказал:

— Брадхинака хочет, чтобы ее гость выбрал себе то оружие, которое он только пожелает. Аргзуны надвигаются!

— Снова? Я думал, с ними покончено.

— Да нет, — грустно сказал ино-пьюкан. — Наш гость говорит, что они уже почти у стен города.

— Значит, брадхи зря пролил свою кровь — нам суждено быть побежденными! — В голосе старика не было никакой надежды. Он безучастно смотрел, как я ходил по залу, восхищаясь прекрасным выбором оружия.

— Мы же еще не разбиты! — напомнил я ему, не отрывая глаз от великолепных мечей. Я брал в руки один за другим, проверяя их на вес, длину и устойчивость. Наконец я выбрал себе меч — длинный, довольно тонкий, как сабля, с лезвием таким же длинным, как у меча, отобранного у аргзуна.

Он был очень хорошо сбалансирован. Эфес был удобным и привычным, как у мечей на Земле, его крестовина проходила между средним и безымянным пальцами. Кому-то может показаться, что так держать меч было неудобно, но на самом деле это был очень надежный захват, так как в этом случае меч было трудно выбить.

Я нашел себе широкий пояс с кожаной петлей для меча. В Варнале холодное оружие носили с

обнаженным лезвием, а не в ножнах — обычай, сохранившийся, как я думал, с давних, более тревожных времен.

В оружейной комнате были также пистолеты, механико-пневматические. Я взял один и повернулся к смотрителю оружия.

— Такими пистолетами часто пользуются? — спросил я.

— Иногда берут, — он взял пистолет из моих рук и показал, как его заряжать. В магазине были стальные патроны, которые попадали в казенник под действием сжатого воздуха. После выстрела специальная пружина вновь сжимала воздух и пистолет был готов для следующего выстрела. Прекрасная работа, но точность стрельбы оставляла желать лучшего: отдача была настолько сильной, что для того, чтобы поразить цель, она должна была находиться очень близко.

На моем поясе была еще одна кожаная петля, и я засунул туда один из этих пневматических пистолетов. Вооруженный таким образом, с мечом и пистолетом за поясом, я чувствовал себя увереннее и горел желанием присоединиться к Шизале, чтобы посмотреть, как шла подготовка к обороне города.

Поблагодарив старика, я стал подниматься из подземелий наверх в сопровождении ино-пьюкана. Шизалы в зале не было, но другой стражник провел меня вверх по бесконечной лестнице, становившейся все уже и уже, пока мы не оказались в комнате одной из круглых башен главного здания дворца.

Стражник постучал.

Голос Шизалы пригласил нас войти.

Шизала стояла в комнате с Телем Фас Огдаем и братом — брадхинаком Дарнадом. Дарнад улыбнулся мне, как бы приглашая к ним присоединиться, взгляд Шизалы был просто вежливым, а Телем Фас Огдай вообще едва повернул голову в мою сторону, и от его натянутой улыбки на меня повеяло холодом — он, очевидно, не забыл, при каких обстоятельствах мы с ним сегодня виделись. Я его за это не винил, но и с собой тоже ничего не мог поделать: очень уж он мне не нравился. И все же в тот тяжелый для Варнала момент я постарался забыть

о том, какие чувства он во мне вызывал, хотя мне это удалось с большим трудом.

Дарнад разложил карту. Способ, которым она была выполнена, показался мне непривычным: значки, обозначавшие леса, города и другие объекты, были не такими, как на наших картах. Но по крайней мере я получил представление о том, как расселялись народы на этой гигантской планете, где находился Мишим Теп и другие наши союзники. Я даже смог показать, где видел аргзунов и с какой скоростью они наступали.

— У нас почти не осталось времени, — задумчиво произнес Дарнад, проводя рукой по длинным светлым волосам. Другая рука сжимала рукоятку меча. Он казался совсем мальчишкой — не старше семнадцати лет, — мальчишкой, играющим в солдатики. Но присмотревшись, я увидел в его глазах ответственность, а в поведении — уверенность и отсутствие рисовки.

Он начал быстро говорить, предлагая, в каких местах городской стены в первую очередь поставить людей. И что еще нужно обязательно сделать, чтобы обеспечить надежную защиту.

Имея некоторый опыт участия в войне, я дал ему несколько советов, которые он нашел полезными. Он смотрел на меня почти с восхищением, и мне было приятно, что он ценит мое мнение, так как он принимал правильные решения и я был рад ему помочь. Его мужество и способность хладнокровно оценивать сложную ситуацию делали его в моих глазах идеальным военачальником. Сражаясь бок о бок с ним, я чувствовал бы себя гораздо увереннее, если не сказать больше. По-своему это было даже удовольствием.

Шизала повернулась к Телем Фас Огдаю:

— Ну вот, Телем, ты сам видишь, что мы хотим предпринять, и понимаешь, какие у нас шансы удержать аргзунов. Самолет в ангаре. К счастью, его мотор подготовлен, потому что мы собирались показать его нашему гостю. Отправляйся в дорогу, пусть все союзники пришлют нам подкрепление. Скажи им, что если падет Варнал, то им будет не так-то просто справиться с аргзунами.

Телем слегка склонил голову, пристально посмотрел в глаза Шизале, потом скользнул по мне взглядом и вышел.

Мы вернулись к карте.

С балкона башни перед нами был как на ладони весь прекрасный город и окружающая его долина. Через некоторое время мы вынесли карту на балкон.

Мы готовились к чему-то неизбежному.

— Телем отправляется в путь, — сказал Дарнад.

Я по-другому представлял себе карнальский самолет, поэтому представший моим глазам предмет меня поразил.

Он был сделан из металла, но поднялся и поплыл по воздуху, как старинный воздушный корабль — медленно, величественно. Вдоль всего овального корпуса располагались иллюминаторы. Он был весь разрисован изображениями диковинных зверей и непонятными знаками и блестел на солнце, как начищенное золото.

Казалось, что он взмыл в воздух вопреки всем законам притяжения и начал двигаться к югу, по-моему, довольно быстро, но с какими-то непостижимыми размеренностью и величием, совершенно отсутствующими в движении земных самолетов.

Он еще не успел скрыться из вида, как Дарнад закричал:

— Смотрите! — и показал на северо-восток.

— Аргзуны! — воскликнула Шизала.

Орда великанов приближалась. Мы четко видели первый отряд, и хотя расстояние было очень большим и они представлялись не более чем стайкой муравьев, уже в том, как с каждой секундой они приближались, мы все почувствовали реальную угрозу.

— Ты не преувеличивал, Майкл Кейн, — тихо сказал Дарнад. Я видел, как побелели костяшки его пальцев, сжимавших рукоять меча.

В воздухе было еще довольно тихо, но вдали уже стали раздаваться воинственные крики аргзунов. Пока что мы их едва слышали, но имея некоторый опыт «общения» с синими великанами, я мог себе представить, каким грохотом сопровождалось приближение полчища.

Дарнад зашел в комнату и потом вернулся на балкон с каким-то приспособлением, напоминавшим мегафон.

Он перегнулся через перила, вглядываясь в группу солдат, стоявших наготове во дворе.

Он приложил мегафон к губам и закричал солдатам:

— Командиры отрядов, защищающих стену, — на свои посты! Аргзуны приближаются! — И он дал им более конкретные команды на основе того, что мы только что обсудили.

Когда командиры отправились к своим отрядам расставлять людей по местам, мы снова стали следить за врагами, не в силах оторвать от них глаз.

Быстро — слишком быстро — они начали приближаться к стенам города. Мы видели, как занимали свои посты наши воины. Они стояли неподвижно, ожидая первую атаку.

Их было мало, слишком мало!

ГЛАВА 5

Отчаянный план

Нас было мало, но мы были готовы к штурму.

Весь город содрогнулся от стремительного натиска аргзунов. Воздух разрывали их торжествующие крики, пахло по́том и дымом от зажигательных бомб, выпущенных из катапульт. То здесь, то там в городе вспыхивало пламя, но женщины и дети храбро с ним сражались. Со всех сторон раздавались стоны умирающих, боевые вопли аргзунов, скрежет металла, свист пуль — шариков из горящей смолы, пролетавших над стеной и падавших на улицы и крыши домов.

Шизала и я все еще стояли на балконе, но я уже в нетерпении рвался присоединиться к храбрым защитникам города. Дарнад ушел, чтобы возглавить своих воинов.

Я повернулся к Шизале, невольно взволнованный ее близостью.

— А где остальные самолеты?

— Мы держим их в резерве, — ответила она. — Будет лучше использовать их позднее и застать аргзунов врасплох.

— Понимаю, — сказал я. — Но что могу сделать я? Как мне вам помочь?

— Помочь? Но ты же гость, тебе не следует беспокоиться о наших проблемах. Я не подумала, нужно было отправить тебя прочь из города с Телем Фас Огдаем.

— Я не из пугливых, к тому же хорошо владею мечом, — напомнил я. — Ты и твой народ оказали мне радушный прием, и я сочту за честь сражаться за тебя!

Она улыбнулась.

— Ты благородный человек, Майкл Кейн. И хотя я не знаю, как ты оказался на Вашу́, наверное, хорошо, что ты здесь. Иди, Дарнад скажет тебе, чем ты можешь нам помочь.

Я быстро поклонился и поспешил вниз по ступеням башни. В большом зале царило смятение, во все стороны сновали придворные. Я протиснулся через их толпу и спросил у стражника, где можно найти брадхинака Дарнада.

— Я слышал, что самое слабое место — восточная стена. Наверное, он там.

Я поблагодарил воина и направился к восточной стене. Большие здания города, построенные из камня, не пострадали от зажигательных бомб, пущенных с аргзунских катапульт, но то там, то здесь вспыхивали связки сухого хвороста или соломенные крыши маленьких домишек, и у насосов, качавших воду, выбиваясь из сил, работали женщины и дети, тушившие огонь.

Глаза слезились, я задыхался от густого дыма, голова разрывалась от окружавших меня криков и плача.

А снаружи, у стен города неистовствовала орда синих великанов! Непобедимая сила?

Наконец сквозь дым я увидел около стены Дарнада. Он о чем-то говорил с двумя воинами, очевидно, указывавшими на слабые участки стены. Он задумчиво хмурился, сжимая губы.

— Чем я могу помочь? — спросил я, хлопнув его по плечу.

Он устало посмотрел на меня.

— Не знаю, Майкл Кейн. Разве что колдовством доставишь сюда еще с полмиллиона воинов?

— Этого я не могу сделать, — ответил я, — но могу действовать мечом.

Он задумался. Конечно, он не был во мне уверен, и я не мог на него за это обижаться. Он имел право сомневаться в человеке, которого не видел в действии.

Вдруг со стены раздался торжествующий крик — крик, который не мог исходить из горла карнала.

Это был один из тех уверенных победных криков, которые я уже слышал.

Все глаза обратились наверх.

— Зар! Эти дьяволы пробили нашу оборону.

Мы их хорошо видели. Пока только несколько синих великанов забрались на стену, но если их не остановить, скоро здесь пройдут сотни.

Не задумываясь ни на секунду, я вытащил из-за пояса меч и бросился на ближайший помост, который вел наверх, на стену. Я взбежал по нему так быстро, как только мог, или даже еще быстрее.

Аргзунский гигант, раза в полтора крупнее меня, с удивлением обернулся, услышав мой вызов за спиной.

И вновь раздался знакомый безумный смех. Я кинулся вперед, но он отразил мой удар быстрым движением своего крепкого меча. Я метнулся в сторону, и он отстал от меня на долю секунды, но этого было достаточно: я увидел, что предплечье было не защищено, и наудачу ударил туда мечом. Появилась кровь. Он заревел от ярости и бросился на меня с другим своим оружием — боевым топором с короткой рукояткой. Меня опять выручило то, что я оказался проворней. Я пригнулся, одновременно выбросив вперед руку с мечом, который вонзился ему в живот.

Его глаза расширились, и с предсмертным криком он повалился со стены.

А на меня уже шел второй, более осторожный,

чем его товарищ. И снова я принял бой с нависавшим надо мной чудовищем.

Дважды я его атаковал, и дважды он отражал мои удары, после чего бросился на меня сам. Я блокировал его удар и увидел, что конец моего клинка был всего в дюйме от его лица. Я метнулся вперед и попал мечом ему в глаз.

Я уже начинал привыкать к своему оружию, чудесному клинку, лучшему из всех, какие мне довелось держать в руках.

Тут подоспело подкрепление. Я глянул вниз, на врагов: у подножия стены бурлило море синих тел, кожаных доспехов и сверкающей стали. Из этого моря поднималась лестница, по которой уже карабкались несколько великанов.

Нужно было разрушить эту лестницу, и я решил сделать это сам.

Хотя в пылу битвы было ничего не разобрать и я не представлял себе, как обстояло дело на других участках линии обороны, на меня снизошло спокойствие, которое могло бы показаться странным в этих трудных обстоятельствах. Но я знал это чувство, оно не раз помогало мне в джунглях Вьетнама или на помосте для фехтования во время самых трудных спортивных боев.

Сейчас, когда на помощь пришли друзья, я чувствовал себя спокойно и уверенно. Один из моих недавних противников потерял боевой топор. Я взял оружие в левую руку, пробуя на вес, и обнаружил, что могу с ним справиться, если ухватить поближе к лезвию.

С оружием наготове я двинулся к следующему синему разбойнику. Он вел своих товарищей по стене к помосту, чтобы спуститься в город. Стена была широкой, и меня атаковали сразу два великана.

В тот момент я чувствовал себя Горацием, удерживающим мост, но аргзуны были мало похожи на людей Ларса Порсены, ибо они не кричали: «Назад!». Наоборот, любой ценой они стремились вперед.

Они наступали, потрясая оружием. Их глаза-щелочки горели ненавистью, и мне стало не по себе, когда я встретился на мгновение взглядом с одним из них. В тех глазах не было ничего человеческо-

го — это были глаза существа примитивного, первобытного. Я словно заглянул в ад!

Они наступали!

Помню только ярость битвы, быстрые обмены ударами, отчаянное ощущение, что *надо* держаться, *надо* побеждать, *надо* использовать всю энергию и все умение без остатка, если мы хотели отбросить врагов обратно к лестнице и уничтожить ее.

Поначалу нам казалось, что самое большее, что мы могли сделать, было удерживать там, где они были, этих похожих на зверей огромных безобразных великанов, маячивших над нами, играя крепкими мускулами под синей кожей, сверкая в ярости глазами, угрожающе разевая пасти, дыша ненавистью и громыхая тяжелым оружием, едва махнув которым, они могли бы отправить нас на тот свет.

Помню, запястья, руки, спина, ноги — все тело болело. Потом, кажется, боль прошла, и все мои конечности онемели. А я все продолжал сражаться.

Помню, как я убивал.

Мы боролись с противником, превосходившим нас по силе и численности. И мы убивали. От наших клинков полегло с десяток синих великанов.

Мы сражались не только за город. Мы защищали свой идеал, а это давало нам моральное преимущество перед аргзунами.

Мы стали теснить великанов обратно к лестнице. Эта удача прибавила нам сил, и мы удвоили наш натиск, сражаясь плечом к плечу, как старые друзья, хотя я был чужестранцем с другой планеты, даже из другой эпохи.

Удерживая лестницу, мы могли остановить великанов, пытавшихся подняться на стену.

Пока мои товарищи были заняты аргзунами, я решил попытаться подрубить эту лестницу так, чтобы она не доставала до верха стены. Вокруг меня свистели копья, но, не обращая на них внимания, я лихорадочно работал топором.

Наконец я, как мог, подрубил лестницу, встал и, несмотря на снаряды и копья, летящие в мою сторону, тщательно прицелившись, метнул топор, чтобы попасть в середину лестницы.

Топор вошел глубоко в дерево. Несколько аргзу-

нов были уже выше того места, куда попал топор, что и помогло мне добиться цели: под их тяжестью лестница сломалась.

Раздался страшный треск и навевающие ужас крики аргзунов, падающих на головы своих товарищей.

К счастью, это была единственная лестница, которую нашим врагам удалось установить, и то потому только, что у защитников этой части стены не было алебард, какие имелись на всех других участках обороны.

Это упущение было исправлено, когда два воина с алебардами заняли свои места, чтобы великаны не поставили другую лестницу на место сломанной.

После всех усилий, приложенных, чтобы разрушить лестницу аргзунов, меня покачивало. Я обернулся на своих товарищей. Один из них был совсем мальчишка, даже младше Дарнада, — рыжий курносый подросток с веснушками на лице. Я схватил его руку и пожал ее, и хотя он не был знаком с этим жестом, он правильно угадал его значение и ответил на него.

Я протянул руку другому своему товарищу. Он посмотрел на меня остановившимся взглядом, попытался подняться и вдруг повалился вперед.

Я склонился над ним, чтобы осмотреть рану. Меч пронзил его насквозь. С такой раной он должен был умереть час назад. Я опустил голову в знак уважения к этому храброму воину.

Поднявшись, я пошел искать Дарнада и заодно посмотреть, как шла битва.

Скоро наступила ночь, и зажгли факелы.

Казалось, мы могли передохнуть, так как аргзуны отступили от города и стали разбивать палатки в долине.

Я прошел по стене и спустился вниз. Там у командира отряда я узнал, что Дарнада вызвали к южной стене, откуда он должен был пройти во дворец.

Я решил не искать его у стены, а идти прямо во дворец.

В комнате, примыкавшей к главному залу, я увидел Шизалу. Стражник, который привел меня туда,

ушел, и я опять был с ней наедине. Я был измучен сражением, но даже в таком состоянии чувствовал себя с девушкой неловко, так как не мог не любоваться ее величественной красотой.

Она жестом пригласила меня сесть, и я опустился на подушки, сваленные в кучу на полу.

Она подала мне кубок басу́. Я с благодарностью принял его и осушил одним глотком. Отдавая ей пустой кубок, я уже чувствовал себя немного лучше.

— Я слышала о том, что ты сделал, — сказала она тихо, не глядя на меня. — Это был настоящий подвиг. Ты спас город или по крайней мере многих его защитников.

— Это было вызвано необходимостью, вот и все, — ответил я.

— Твой ответ свидетельствует о твоей скромности. — Все еще не глядя в мою сторону, она иронично подняла брови.

— Нет, о правдивости, — ответил я ей в тон. — Как идет оборона?

Она вздохнула.

— Довольно успешно, если принять во внимание нехватку защитников и размеры войска аргзунов. Эти аргзуны — сильные и хитрые противники, более хитрые, чем я ожидала. Наверное, у них умный командир.

— Судя по моим встречам с синими великанами, я бы никогда не подумал, что ум — их отличительная черта.

— Я тоже. Если бы мы могли добраться до их командира и убить его, мы бы разрушили их план, оставив без предводителя. Тогда есть шанс прогнать их.

— Ты так думаешь? — спросил я.

— Это вполне возможно. Аргзуны редко сражаются под общим командованием, следуя общей стратегии, как сейчас. Они гордятся тем, что сильны поодиночке. Они отказываются выступать армией и не признают командиров. Им нравится воевать, но их тщеславным натурам не по душе быть дисциплинированными исполнителями чужих приказов. Должно быть, сейчас у них очень сильный командир,

если он смог собрать такое полчище синих великанов и заставить их действовать сообща.

— А как можно его убить? — спросил я. — Нам не добраться даже до его палатки, так как у нас не получится замаскироваться под аргзунов: мы, конечно, можем покрасить кожу в синий цвет, но где мы возьмем еще восемь-десять килод, чтобы добавить к своему росту? (Килода составляет приблизительно треть фута, около десяти сантиметров.)

— Да, — устало сказала она.

— Ничего не получится, если... — вдруг осенило меня, — если мы не атакуем их с воздуха.

— С воздуха? Ну конечно! — Ее глаза загорелись. — Но мы же не знаем, кто их командир. Мне они представляются сплошной синей массой, ни один не выделяется. А как тебе?

Я покачал головой.

— Но где-то же он должен быть! Сегодня была такая сумятица. Давай дождемся рассвета и посмотрим на их лагерь до того, как они начнут новый штурм.

— Хорошо. А сейчас тебе лучше пойти в свою комнату отдохнуть. Ты изнемогаешь от усталости, а завтра тебе понадобятся силы. Тебя разбудят перед самым рассветом.

Я встал, поклонился и вышел. Я поднялся в комнату и на минуту остановился у окна. К сладкому аромату марсианской ночи, прохладной, навевающей приятную грусть, примешивался сейчас смрад войны.

Как же я ненавидел синих великанов!

Кто-то оставил на столике у моей кровати немного мяса и фруктов. Я не чувствовал голода, но здравый смысл подсказывал, что нужно поесть. Я отмыл засохшую кровь, грязь и пот войны с тела, поел и забрался под тяжелое меховое одеяло. Уснул я, как только положил голову на подушку.

Наутро меня разбудила та же служанка, что и накануне. Она смотрела на меня с еще более откровенным восхищением. Видно, в Варнале уже говорили обо мне. Я был польщен, хотя и не понимал, почему мои действия вызывали такое отношение. Я сделал то, что на моем месте сделал бы любой. Я знал, что хорошо сражался, но это был всего лишь

мой долг. Я почувствовал, что краснею от смущения, когда брал у служанки поднос с едой.

Еще не рассвело, но солнце должно было скоро появиться — меньше, чем через две шати, подумал я. Шати равняется приблизительно восьмой части земного часа.

Как раз когда я надевал пояс с мечом, в дверь раздался легкий стук. Я открыл дверь и увидел стражника.

— Брадхинака ждет вас в башне, — сказал он мне.

Я поблагодарил его и пошел в башню, в ту комнату, где мы совещались накануне. Шизала и Дарнад уже были там, на балконе, напряженно ожидая восход солнца.

Оно начало всходить, когда я присоединился к ним. Они ничего мне не сказали, только кивнули.

Вскоре золотой солнечный свет уже струился в долину. Лучи коснулись стен Варнала, скользнули по поверхности озера, осветили темный лагерь аргзунов вокруг нашего города. Я говорю «нашего города», ибо уже давно я считал его своим, а тем более теперь, после первого штурма.

Палатки аргзунов представляли собой натянутые на деревянную основу шкуры животных; они были главным образом овальными, но мы увидели также круглые и даже квадратные. Большинство простых воинов спали прямо на земле и с рассветом стали просыпаться.

Над одной из палаток, по размерам такой же, как и все другие, развевалось знамя. Все остальные ничем не были украшены, и казалось, они располагались вокруг овальной палатки со знаменем. Я не сомневался, что там спал коварный аргзунский военачальник.

— Ну вот, теперь мы знаем, где их командир, — сказал я, вглядываясь в аргзунское знамя. На нем было изображено, если меня не подводило зрение, какое-то извивающееся змееподобное существо с глазами-щелочками, как у самих аргзунов.

— Это Зверь Наал, — объяснила Шизала с содроганием, когда я спросил ее, что было изображено на знамени. — Да, точно, это Зверь Наал.

— А что... — начал я, но меня перебил Дарнад.

— Смотрите, — закричал он, — они уже готовятся к новому штурму.

Он бросился обратно в комнату и вернулся оттуда с длинной изогнутой трубой. Он подул в нее что было сил, и по городу пронесся пронзительный грустный звук. В ответ раздались такие же звуки от караула у стены.

Воины Варнала, многие из которых спали, не покидая своих постов, начали готовиться к сражению. Для многих оно могло оказаться последним в их жизни.

Шизала сказала:

— Хотя Телем Фас Огдаю понадобится еще один день, чтобы добраться до Мишим Тепа, по дороге он, наверное, остановится в ближайших городах, и помощь может подойти к вечеру или к завтрашнему утру. Если бы нам удалось продержаться до этого времени!..

— Может, нам это и не понадобится, если я смогу воспользоваться одним из твоих самолетов, — сказал я, — ведь для того, чтобы добраться по воздуху до аргзунского командира и уничтожить его, нужен всего один человек.

Она улыбнулась.

— Ты такой храбрый, Майкл Кейн! Но чтобы разогреть моторы самолетов, требуется в лучшем случае полдня. Если мы включим их сейчас, то они будут готовы не раньше, чем к вечеру.

— Тогда нужно их немедленно включить, — разочарованно сказал я. — К вечеру они могут еще понадобиться, так что их нужно подготовить.

— Я сделаю, как ты говоришь. Но ведь ты погибнешь, если решишься на такое.

— Что ж, зато это будет не зря, — просто ответил я.

Она отвернулась от меня, и я не мог понять, почему. Наверное, она решила, что я просто тупое животное, только и знающее, как умереть. Но я тоже обидел ее вчера, когда вел себя так грубо и неделикатно. Я снова напомнил себе, что не должен был об этом думать. Не все ли равно, как она ко мне относится!

Я вздохнул. Поскольку был незнаком с достижениями науки, создавшей самолеты, я не мог ничего сделать, чтобы разогреть двигатели быстрее. Наверное, это была какая-то система, основанная на медленной реакции, — очень надежная и простая в обращении. Но в ситуации, подобной той, в которой мы оказались, я бы предпочел иметь дело с системой, реагирующей быстрее, пусть даже более опасной.

Мне показалось, что Шизала словно зачем-то нарочно задерживает меня, что она не хочет, чтобы я привел в действие свой план. Я не мог понять почему.

Дарнад хлопнул меня по плечу.

— Хочешь пойти со мной?

— Конечно, — сказал я. — Ты мне должен сказать, что делать, чтобы быть максимально полезным.

— Вчера я был в тебе не уверен, — сказал он с улыбкой. — Сегодня все иначе.

— Рад это слышать. Прощай, Шизала!

— Прощай, сестра, — сказал Дарнад.

Шизала нам не ответила. Я ломал себе голову над тем, не обидел ли я ее опять. Я же не знал обычаев Вашу́ и мог это сделать ненамеренно. Но у меня не было времени обдумывать поведение Шизалы.

Вскоре стены города уже сотрясались от нового штурма аргзунов. Я помогал варнальцам, чем мог: переворачивал ведра с горячим жиром на головы аргзунов, бросал в них камни и их собственные копья.

Казалось, синие ве́ликаны совсем не заботились о своей жизни и еще меньше — о жизни своих товарищей. Как и говорила Шизала, хотя они принимали участие в организованном штурме, каждый сражался за себя, и им приходилось контролировать свои инстинктивные побуждения. Один или два раза я видел, как два аргзунских воина сражались между собой, а вокруг них падали наши снаряды и сновали их товарищи.

К полудню ни одна из сторон еще не добилась перевеса, однако в то время как многие из защитников Варнала валились с ног от усталости, аргзуны то и дело вводили в действие свежие силы. Как я понял, оставлять резервы также было нехарактерно

для аргзунов, и благодаря этому они смогли получить над нами преимущество.

Хотя аргзуны и были жестокими и свирепыми существами, они никогда не представляли серьезной угрозы, так как в течение долгого времени не было силы, которая могла бы их сплотить. А это нападение без предупреждения, этот штурм, когда аргзуны забрались так далеко от своей страны, говорили о четкости плана и изобретательности его создателя. Про себя я решил, что это могло быть свидетельством измены — предатель позволил аргзунам беспрепятственно пройти один из участков в линии обороны. Но я слишком плохо разбирался в политической обстановке на Вашу́, чтобы высказывать какие-либо предположения вслух.

После полудня я помог бойцам инженерного отряда укрепить специальными заграждениями те участки стены, которые были ослаблены таранами и катапультами аргзунов.

Вытирая пот со лба после очень напряженного момента в работе, я повернулся и увидел Шизалу.

— А ты, оказывается, мастер на все руки, — улыбнулась она.

— Это качество хорошего ученого. Или хорошего солдата, — улыбнулся я ей в ответ.

— Значит, ты хороший ученый и хороший солдат.

— Как там самолет, его готовят?

— Да, к вечеру он будет готов.

— Отлично.

— Ты что, и правда собираешься это сделать?

— Конечно.

— Тебе будет нужен специально обученный пилот.

— Надеюсь, ты найдешь этого пилота.

Она опустила глаза:

— Да, это можно будет устроить.

— А пока... — начал я. — Тебе не приходило в голову, что аргзуны смогли пройти незамеченными так далеко на юг с молчаливого согласия одного из твоих союзников?

— Это невозможно. Ни один из наших союзников не совершит такого предательства.

— Прости, — сказал я, — но хотя я с уважением отношусь к кодексу чести карналов, далеко не

уверен, что его придерживаются все народы Вашу́, тем более когда вижу перед собой прямую противоположность карналов.

Шизала сжала губы.

— Ты ошибаешься, — бросила она мне.

— Возможно, но мое предположение все объясняет. Что, если Телем Фас Огдай...

Ее глаза сверкнули:

— Ах вот оно что! Ты просто ревнуешь! Я должна тебе заметить, что отец Телем Фас Огдая, брадхи Мишим Тепа — старый друг и союзник отца. Они вместе сражались не в одной битве. Наши два народа уже несколько веков связывают узы дружбы. Подозревать Мишим Теп в предательстве — это не просто нелепо, это подло.

— Я только хотел сказать...

— Ничего не нужно больше говорить, Майкл Кейн, — оборвала меня Шизала и, резко развернувшись, ушла.

После такого разговора я какое-то время не мог ничего делать.

И все же не прошло и трех шати, как я уже помогал защищать тот участок, где аргзуны, пробив брешь в стене, пытались прорваться в город.

Везде, куда ни бросишь взгляд, лилась кровь и лязгало оружие, везде чувствовался смрад смерти. Мы стояли на грудах камней, выбитых из стены, и пытались сдержать синих великанов, раз в десять превосходивших нас числом. Они были смелыми и жестокими, эти синие великаны, но им не хватало нашей сообразительности и скорости, а также уверенности, что нужно отстоять город, чего бы это ни стоило. Именно эти три преимущества до сих пор и помогали нам противостоять свирепым атакам аргзунов.

В ходе битвы мне пришлось сразиться с аргзуном, который был крупнее даже большинства своих товарищей. Вокруг его шеи висело ожерелье из человеческих костей, а шлем был сооружен из нескольких черепов диких зверей. Очевидно, он был не простым воином, а чем-то вроде командира небольшого отряда.

У него было два тяжелых меча, по одному в каждой руке, и он постоянно ими размахивал так,

что казалось, будто стоишь около гигантского пропеллера.

Я немного замешкался под его напором и поскользнулся на мокром от крови камне. Я упал на спину и уже видел, как, улыбаясь во всю свою мерзкую пасть, он собирался меня прикончить.

Он уже поднял оба меча, чтобы проткнуть ими мое распростертое тело, но мне каким-то образом удалось увернуться, и я ударил его мечом сзади по ногам, намеренно целясь по мускулам чуть ниже колен.

Одна нога согнулась, и он заревел от боли. Тут подогнулась и вторая нога, и великан рухнул бы на меня, если бы я не отскочил. С невероятным грохотом он повалился на камни, и я прикончил его одним ударом меча.

Удача, провидение или, может, справедливость были в тот день на нашей стороне. Иначе я ничем не могу объяснить, как нам удавалось сдерживать синих великанов.

Это стоило нам нечеловеческих усилий, но мы продержались. За четыре шати до заката я ушел от городской стены и направился к ангарам, которые мне накануне показали. Их здания с круглыми куполами располагались недалеко от Центральной площади. Их было три, одно рядом с другим. Купола были сделаны не из камня, а из металла; это был еще один неизвестный мне сплав.

Двери в ангары были таких размеров, что в них едва мог пройти человек моего сложения. Странно, подумал я, а как же самолеты?

Шизала оказалась в первом же ангаре, в который я зашел. Она следила, как у самолета, подвешенного на балках, хлопотали слуги.

Самолет странной формы вблизи был еще прекрасней, чем издали. Очевидно, он был совсем древним, от него веяло тысячелетней историей. Я смотрел на него как завороженный.

Шизала стояла со сжатыми губами и даже не обернулась, когда я вошел.

Я ей слегка поклонился. Мне было неловко.

Мотор тихонько гудел. Самолет был больше похож на бронзовую скульптуру, чем на средство пере-

движения. Сложный, утонченный замысел указывал на изобретательность интеллекта, несравнимо более высокого, чем все, с какими мне приходилось сталкиваться.

Внутрь самолета вела самая обыкновенная веревочная лестница. Я молча подошел к ней и, пробуя встать на нее, вопросительно посмотрел на Шизалу.

Сначала она делала вид, что не замечает моего вопросительного взгляда, но потом наконец посмотрела на меня и сказала, указывая на самолет:

— Поднимайся на борт. Через минуту к тебе присоединится пилот.

— Времени у нас мало, — напомнил я ей. — Нужно все завершить до заката.

— Я в курсе, — холодно отозвалась Шизала.

Я начал подниматься по раскачивающейся лестнице и через несколько мгновений уже был в самолете.

Внутри стояло несколько роскошных мягких диванов темно-зеленого и золотистого цвета из непонятного материала.

В дальнем конце салона был пульт управления с изысканно украшенными кнопками, хрустальными ручками и медными или даже золотыми рычагами. Перед креслом пилота находился экран — что-то типа монитора, позволявшего иметь более четкую картину местности, чем крошечные иллюминаторы.

Осмотрев салон самолета, я сел на один из диванов, чтобы обдумать план покушения — ибо это было покушение. Я с нетерпением ожидал пилота.

И вот наконец я услышал, как он поднимается по веревочной лестнице. Я сидел спиной к входу, поэтому не видел, как он вошел.

— Поторопись, — сказал я. — У нас очень мало времени.

— Я в курсе, — услышал я голос Шизалы. Она подошла к пульту управления и села в кресло!

— Шизала, это же опасно! И вообще это не женское дело!

— Не женское? А кого еще ты можешь предложить? Пилотов у нас мало, и сейчас кроме меня вести самолет некому.

Я ей не очень верил, но спорить было поздно.

— Прошу тебя, будь осторожна! Твоим людям ты нужна больше, чем мне, не забывай о своем долге перед ними.

— Этого я никогда не смогла бы забыть, — сказала она, и мне почему-то показалось, что в ее голосе я слышу непонятную мне горечь.

Шизала взялась за рычаги управления, и корабль начал подниматься к крыше. Он был легким, как перышко. Свод ангара раскрылся. Над нами было темно-синее вечернее небо. Мотор загудел сильнее.

Вскоре мы уже летели над городом к лагерю аргзунов. Мы заметили, что они снова начали отступать: ночью они отдыхали.

Наш план был прост. Когда воздушный корабль зависнет над палаткой командира аргзунов, я быстро спущусь по веревочной лестнице. В крыше овальной палатки были отверстия, покрытые каким-то тонким материалом — очевидно, для вентиляции. В такое отверстие вполне мог пролезть человек. Я рассчитывал проскочить через отверстие вниз и, застав там командира врасплох, убить его или связать — как получится.

Да, план был прост, но он требовал мгновенной реакции, железной выдержки и абсолютной точности выполнения.

Когда наш самолет появился над лагерем синих великанов, они попробовали швырять в нас огромные камни. Мы этого ожидали, но знали также и то, что за этим последует: камни стали падать обратно на землю, на головы самих аргзунов, а им, конечно, не хотелось погибнуть от собственного оружия, и они вскоре прекратили атаку.

Через какое-то время мы достигли цели — палатки командира.

По знаку Шизалы я подошел к выходу, размотал веревочную лестницу, чтобы она была длиннее, и взялся за конец, готовясь прыгнуть.

Я посмотрел на Шизалу, но она продолжала сидеть ко мне спиной. Я взглянул вниз и увидел знамя Зверя Наала, которое развевалось под дуновением легкого вечернего ветерка.

Ко мне, конечно, были обращены лица сотен аргзунов, ибо они ожидали с нашей стороны какого-ли-

бо нападения. Я молил, чтобы они не поняли, какую форму оно примет.

Глядя на них, я чувствовал себя, как муха, падающая в гнездо гигантских пауков. Я собрал все свое мужество, вытащил меч, крикнул что-то Шизале и прыгнул вниз, держась за конец веревочной лестницы.

Я повис как раз над одним из отверстий в крыше палатки командира.

Аргзуны кричали и сновали вокруг. Рядом просвистело несколько копий. Я был в десяти футах над отверстием и подумал: сейчас или никогда.

Я разжал руки и оказался в палатке.

ГЛАВА 6

Ненужное спасение

Рев аргзунов заглушал все звуки. Я пролетел через отверстие, увлекая за собой в палатку покрывавший его шелк.

Приземлился я на ноги, но на миг потерял равновесие. Едва успев перевести дух, я уже был готов к схватке с обитателями палатки.

Их было двое: огромный, по виду очень опытный аргзунский воин, весь увешанный кольцами, браслетами и цепями с грубо ограненными драгоценными камнями, и... женщина! Она была брюнеткой со смуглым лицом и гордой осанкой. Она сидела, завернувшись в черный плащ из толстого материала, похожего на вельвет, и от удивления не могла отвести от меня глаз. Насколько я мог судить, это была самая обыкновенная женщина. Но что она здесь делала?

Снаружи раздался дикий вопль аргзунов.

Не обращая внимания на женщину, я жестом показал находящемуся в палатке великану обнажить меч. Он сделал это с мрачной ухмылкой и сразу же напал на меня.

Он великолепно владел мечом, и поскольку мне еще нужно было прийти в себя после прыжка с небес, первые секунды я только оборонялся.

Мне следовало торопиться, чтобы сделать то, ра-

ди чего я сюда пришел. Я отражал его удары так быстро, что сам удивился бы, будь на это время, и отвечал ему своими ударами и выпадами. Не счесть, сколько раз скрестились наши мечи, прежде чем я заметил брешь в его обороне и, сделав молниеносный выпад, послал свой клинок прямо в его сердце и пронзил его насквозь.

В этот момент в палатку ворвалось еще несколько аргзунов. Едва я повернулся, чтобы встретить их лицом к лицу, как услышал сзади повелительный голос:

— Довольно! Не трогать его! Сначала я его допрошу.

Я был начеку, ожидая какого-нибудь подвоха, но казалось, воины привыкли подчиняться приказам этой женщины. Они не двигались.

Я осторожно повернулся, чтобы посмотреть на нее. Она была замечательно красива своей дикой экзотической красотой. В ее глазах играла насмешка.

— Ты не из племени карналов, — сказала она.

— Откуда ты знаешь?

— У тебя другая кожа, осанка, короткие волосы. Я никогда не видела людей, похожих на тебя. Откуда ты?

— Ты все равно не поверила бы, если бы даже я тебе сказал.

— Все же скажи! — приказала она.

Я пожал плечами.

— Я с Негалу, — ответил я, называя Землю именем, под которым ее знали марсиане.

— Это невозможно. На Негалу нет людей.

— Сейчас нет. Но будут.

Она нахмурилась.

— Похоже, ты говоришь правдиво, но загадками. Наверное, ты... — Казалось, она уже жалела, что начала это говорить.

— Что я?

— Что ты знаешь о Рахарумаре?

— Ничего.

Очевидно, это ее успокоило. Она поднесла сжатые кулаки к губам, покусывая в задумчивости костяшки пальцев. Вдруг она снова подняла голову.

— Если ты не из карналов, почему же ты за них

воюешь? Почему ты спрыгнул откуда-то в палатку и убил Ранак Марда? — Она показала на убитого аргзуна.

— А как ты думаешь?

Она покачала головой.

— Не знаю, зачем надо было так рисковать, чтобы убить одного-единственного капитана аргзунов.

— А он всего лишь капитан?

Она вдруг улыбнулась:

— Ага, я поняла. Да, он всего лишь капитан.

Я упал духом. Итак, я ошибался. В палатке не было аргзунского командира. Наверное, это была маскировка, он был в другом месте.

— А ты кто? — спросил я. — Пленница этих людей? Могущественная пленница?

— Называй меня пленницей, если хочешь. Меня зовут Хоргул, я из рода владняров.

— А где живут владняры?

— А ты не знаешь? К северу от карналов, около навашей. Владняры — давние враги карналов.

— И поэтому владняры стали союзниками аргзунов?

— Думай, что хочешь. — Она загадочно улыбнулась. — А теперь, я думаю, ты... — Она замолчала, услышав у палатки звуки сражения. — Что там происходит?

Я понятия не имел. Не может быть, чтобы горстка карналов, защищавших город, атаковала аргзунов — это было бы непростительным безрассудством. Но что еще могли означать эти звуки?

Когда Хоргул и синие великаны повернулись на звук, я воспользовался случаем и ударил одного из аргзунов в шею. Я бросился к выходу и выбежал из палатки, преследуемый синими великанами по пятам.

Я бежал, ориентируясь на шум битвы.

На бегу я взглянул на небо, чтобы удостовериться, что Шизала успела спастись. Но самолет еще висел над палаткой.

Почему она не улетела? Я остановился, не зная, что делать, и через секунду мне уже пришлось защищаться. Сражаясь, я почувствовал, что рядом тоже шел бой, и краешком глаза увидел группу от-

лично вооруженных людей моего роста, расправлявшихся с синими великанами.

Воины были не из Варнала, это было очевидно, хотя бы потому, что они носили шлемы, украшенные яркими перьями. Фобос и Деймос осветили долину, и я увидел, что у новых воинов были пики и что-то похожее на металлические луки.

— Приветствую тебя, друг, — сказал один из них с легким акцентом, немного отличавшимся от того, на котором говорили варнальцы.

— Здравствуйте. Вы спасли меня, — ответил я с облегчением и благодарностью. — Кто вы?

— Мы — шринаи.

— Вас прислал Телем Фас Огдай?

— Нет, — немного удивленно ответил один, — просто мы преследовали большую банду грабителей, отступивших в сторону Варнала. Поэтому нас так много. Ваши пограничники собирались нам помочь, когда прискакал посланец из Варнала с известием, что город атакован аргзунами, поэтому мы на время забыли о бандитах и поспешили сюда.

— Как я рад! Как вы думаете, мы их разгромили?

— Не знаю. Наверное, не до конца. Но мы, я думаю, сможем прогнать их от Варнала, и ваши подкрепления успеют подойти вам на помощь.

Мы перебрасывались фразами, продолжая сражаться, но ряды аргзунов быстро редели, и по крайней мере на этом участке мы побеждали.

Наконец мы обратили их в бегство; карналы и шринаи сообща преследовали отступающих аргзунов до Зовущих гор, откуда они пришли.

Аргзунам удалось укрепиться в горах, и нам пришлось отступить, чтобы собрать свежие силы и выработать новую стратегию.

Вскоре стало ясно, что аргзуны все еще превосходили нас численностью, и мы смогли одержать временную победу лишь благодаря тому, что в бой вступили свежие силы шринаев и карналы, атаковавшие синих из города, захватили их врасплох.

Но я воспрял духом. Теперь, решил я, мы могли отразить следующую попытку штурма и продержаться до прихода подкрепления.

И тут я вспомнил про самолет и про Шизалу. Я

вернулся в разрушенный лагерь аргзунов. В отличие от большинства других, палатка со знаменем не была разрушена, и над ней, как ни странно, все еще висел самолет. Как мне показалось сквозь тусклый свет двух марсианских лун, сейчас он был ниже, и веревочная лестница касалась крыши палатки.

Я позвал Шизалу по имени, но ответом мне была тишина. Предчувствуя недоброе, я забрался на крышу палатки. Это было трудно, но меня подгонял ужас. Конечно, лестница касалась крыши, корабль был ниже. Я схватился за конец лестницы и стал подниматься.

Минута — и я был внутри самолета.

Едва окинув его взглядом, я понял, что он был пуст.

Шизалы здесь не было!

Как же так? Где она?

Что с ней случилось? Что она сделала? Почему покинула самолет? Что ее на это толкнуло?

Все эти вопросы промелькнули у меня в голове. Ответов я не знал. Я снова стал спускаться по лестнице вниз, пока не оказался над непокрытым отверстием в крыше палатки. Я прыгнул вниз, как и в первый раз.

Если не считать убитого Ранак Марда, в палатке никого не было. Везде были видны следы борьбы, и я заметил, что рука Ранак Марда уже не сжимала меч, который лежал теперь в другом конце палатки.

Рядом лежало еще что-то.

Пистолет.

Пистолет шивов.

Он мог принадлежать только Шизале.

Таинственная черноволосая Хоргул и аргзуны, должно быть, сражались после моего бегства.

По причине, которую знала только она одна, Шизала решила спуститься следом за мной в палатку. Меня уже, конечно, не было, и она столкнулась лицом к лицу с Хоргул и аргзунами. Произошло сражение, Шизалу схватили. Ее не убили — это было бы одолжением, — иначе я нашел бы ее труп.

Значит, ее похитили?

Мой дурацкий план убить командира, направляв-

шего аргзунов, принес не пользу, а вред: аргзуны получили заложницу.

Лучшую заложницу, о которой можно было только мечтать.

Правительницу Варнала.

Я ругал себя последними словами, так, как никогда не стал бы ругать даже злейшего врага.

ГЛАВА 7
В поисках Шизалы

Помню, как я бежал прочь от палатки, ослепленный гневом, раздираемый сожалением и раскаянием. Одно я знал твердо: я должен спасти Шизалу.

Я миновал карналов и шринаев, недоумевающе окликавших меня, и устремился через усеянное трупами поле к Зовущим горам и затем, по склону одной из гор, — к тому месту, где стояли аргзуны.

Позади я снова услышал крики и топот множества ног, но для меня они уже не существовали.

Я бежал вперед, прямо на аргзунов. Они, видимо, решили, что мы предприняли новую атаку, надеясь застать их врасплох, и вместо того, чтобы вступить со мной в схватку, как я ожидал, стали убегать по двое и трое.

Я кричал им вслед, требуя, чтобы они остановились и приняли бой, я называл их трусами.

Они не останавливались.

Вскоре казалось, что в бегство обратилось все аргзунское полчище, преследуемое одним-единственным человеком с мечом.

Вдруг меня кто-то схватил за ноги. Я повернулся, чтобы увидеть своего нового соперника, недоумевая, откуда он мог взяться. Пытаясь сохранить равновесие, я поднял меч.

Меня схватило множество рук, и я отчаянно сопротивлялся, стараясь вырваться. Тут мое сознание на миг прояснилось, и я вдруг увидел, что меня держат карнальские воины во главе с Дарнадом. Да, это был не кто иной, как брат Шизалы!

Я не мог понять, с чего это ему взбрело на меня нападать, и закричал:

— Дарнад, это Майкл Кейн! Шизала... Шизалу... Они ее... — но удар по голове лишил меня сознания.

Очнулся я с дикой головной болью. Я был в своей комнате в Варнале. Это я понял. Но почему?

Почему Дарнад напал на меня?

Я напрягся, пытаясь разобраться в том, но никакого результата. Я сел, потирая голову.

Вдруг открылась дверь, и вошел мой недавний противник с озабоченным лицом.

— Дарнад! Почему ты...?

— Как ты себя чувствуешь?

— Хуже, чем если бы твой друг не двинул меня по голове. Ты что, не понял, что...

— Вижу, ты все еще взволнован. Тебя нужно было остановить, хотя своим безумием ты и обратил аргзунов в беспорядочное бегство. Насколько мы поняли, сейчас они все разбежались. Наверное, сработал твой план убить их командира. Я думаю, они окончательно сломлены и больше не представляют угрозы для Варнала.

— Но я убил не того! Я... — И вдруг я словно очнулся. — Подожди, ты сказал — «своим безумием»?

— Иногда случается, что воина, сражавшегося так долго, как ты, и так же измученного сражением, охватывает лихорадка боя — каким бы усталым он ни был, он не может прекратить драться. Думаем, с тобой произошло как раз это. Меня беспокоит другое. Шизала...

— Ты что, не понимаешь, что вы наделали? — Я с трудом сдерживал гнев. — Ты говоришь о Шизале? Она здесь? Она в безопасности?

— Нет, мы не можем ее найти. Она управляла самолетом, на котором ты попал в лагерь аргзунов, но когда по окончании боя мы добрались до него, там уже никого не было. Мы думаем...

— Да я *знаю,* что случилось!

— Ты знаешь? Почему же ты нам не сказал? Почему...

— Это была не лихорадка боя, Дарнад! Я обна-

ружил, что Шизала похищена. Я бежал, чтобы спасти ее... Тут вы схватили меня. Когда это было?

— Ночью, около тридцати шести шати назад.

— Тридцать шесть шати! — Я вскочил, невольно застонав. Болела не только голова. Давали себя знать последствия двухдневных боев. Все тело было сплошным синяком, на котором были еще и раны. Я чувствовал приток крови, пульсирующей у самой тяжелой из них — в руке. Тридцать шесть шати — это больше четырех часов назад!

В невероятной спешке я рассказал Дарнаду обо всем, что знал сам. Он удивился не меньше меня, узнав о Хоргул, женщине из рода владняров.

— Интересно, какую роль во всем этом играет она, — сказал Дарнад, нахмурившись.

— Понятия не имею. Ее ответы были по меньшей мере уклончивыми.

— Прости меня за эту ошибку, Майкл Кейн, — сказал он. — Я был идиотом. Я слышал, как ты что-то кричал. Мне следовало прислушаться. Если бы нам повезло, мы бы спасли Шизалу и сейчас все было бы уже позади. Аргзуны больше не подчинялись командам. Наши союзники помогли прогнать их от стен Варнала, и скоро мы очистим от них всю землю карналов. Мы допросим пленных и узнаем, как им удалось так далеко зайти незамеченными.

— Но пока мы это делаем, Шизалу могут увезти куда угодно — на север, на юг, на восток, на запад. И как ты узнаешь, куда ее увезли?

Дарнад опустил глаза.

— Ты прав. Но если ты думаешь, что Шизала — с этой женщиной из рода владняров, тогда, наверное, можно надеяться, что кто-нибудь из наших пленников должен знать, куда они направились. Еще есть шанс спасти Шизалу — преследуя и добивая аргзунов.

— Ладно, у нас нет времени для взаимных упреков и покаяний, — сказал я. — Давай забудем все, что мы друг другу наговорили, отнесем это на счет безумия схватки. Что будем делать?

— Я отправлюсь со специальным отрядом за пленниками и допрошу их. Может, что-нибудь узнаю о том, куда увезли Шизалу.

— Я пойду с тобой, — сказал я.

— Я ожидал, что ты это скажешь, — сказал Дарнад, хлопнув меня по плечу. — Пока идут приготовления, тебе нужно передохнуть. Я позову тебя, когда все будет готово. Сейчас ты все равно ничем не можешь помочь. Лучше будет, если ты восстановишь силы, они тебе понадобятся. Я распоряжусь, чтобы принесли еду.

— Спасибо, — сказал я с благодарностью. Дарнад был прав. Я должен был заставить себя расслабиться — ради Шизалы.

Я лег на кровать и снова задумался, почему девушка решилась с таким риском для жизни спуститься в палатку аргзунов. Это не было вызвано необходимостью. Как правительница карналов, она должна была сразу же вернуться в город.

Я решил, что чем быстрее мы найдем ее, тем быстрее я узнаю ответы на эти вопросы.

Я заснул. Меня разбудил слуга, принесший еду. Я поел и, получив известие от Дарнада, что его воины готовы, наспех умылся и пошел к ним.

День обещал быть холодным и пасмурным, но прошло немного времени, и тучи разошлись, и выглянуло бледное солнце, осветив улицы, и под его лучами не такими страшными стали казаться следы недавнего жестокого сражения.

У подножия парадной лестницы дворца стояла группа всадников во главе с Дарнадом, который держал за поводья дахару, предназначенную мне.

Я забрался в седло, и весь отряд направился по улицам города к главным воротам.

Вскоре мы были уже в Зовущих горах и пытались определить, где укрылись наши враги.

Я все еще не мог понять, почему аргзуны так поспешно бежали. Войско аргзунов было явно в смятении после смерти Ранак Марда; видимо, он все-таки был командиром, организовавшим нападение на Варнал. Но почему Хоргул сказала, что это не так?

Хватит, никаких вопросов! Пока никаких.

Найдем аргзунов, и они нам все объяснят.

Мы все ехали и ехали, и только к вечеру нам удалось настигнуть и захватить врасплох группу из

десяти усталых аргзунов, расположившихся в небольшой долине позади Зовущих гор.

При нашем приближении они вскочили и приготовились к битве. На этот раз *нас* было больше. При других обстоятельствах меня бы это не радовало, но сейчас я почувствовал, что неплохо было для разнообразия получить над врагом преимущество.

Они сопротивлялись довольно вяло, и когда половина воинов были убиты, остальные сложили оружие.

Аргзуны не знают, что такое верность, как мы ее понимаем, и чувство товарищества. Тем легче было бы добиться у них ответа на все вопросы, если бы не их упрямство. Они не боялись предать товарищей и все же молчали до тех пор, пока Дарнад не вытащил меч и, помахивая им перед глазами связанных великанов, не сказал, что, поскольку от пленников нет никакой пользы, следует от них избавиться. Тогда-то один из них и сломался.

Нам повезло: он знал больше, чем мы ожидали от простого солдата.

Аргзуны не стали пробираться в Карналию по суше, а потратили год, чтобы приплыть по морю и реке. Они проделали долгий путь по побережью, ибо Варнал лежит на много миль вглубь материка, и проплыли вниз по Хаалу, крупнейшей реке на этой земле. Они собрались в месте, называемом Алая равнина, и оттуда по ночам стали передвигаться маленькими группами, пока не достигли Карналии незамеченными. На одном или двух постах воины заметили приближение аргзунов, но были разбиты.

— Как просто, — заметил Дарнад, услышав этот рассказ. — Мы никогда не считали аргзунов способными на такую изобретательность и такое терпение. Не в их правилах так тщательно планировать военные действия. Хорошо, что ты убил Ранак Марда, Майкл Кейн, должно быть, он был каким-то особенным аргзуном.

— А теперь, — сказал я, — давай попробуем выяснить, куда отправили Шизалу.

Но здесь пленник ничем не мог нам помочь. Он только утверждал, что все аргзуны бежали на север.

Видимо, терпя поражение, они почти инстинктивно стремились найти убежище в родных горах.

— Думаю, он прав, — сказал Дарнад. — Больше всего шансов найти Шизалу, если отправиться на север.

— Север... — сказал я. — Это четвертая часть всей земли.

— Согласен, — вздохнул Дарнад. Он взглянул на меня, и в его глазах я прочел боль, которую он не мог полностью скрыть, как ни пытался.

Я протянул ему руку и взял его за плечо.

— Но мы, конечно, будем искать, — сказал я. — Возможно, нам удастся захватить новых пленников и получить более точные сведения о том, в каком направлении увезли Шизалу.

Мы крепко связали пленников и отправили их с одним из наших воинов обратно в Варнал. Все остальные двинулись дальше и вскоре ступили на обширное плато, заросшее алым папоротником. Это была Алая равнина, похожая на огромное море цвета крови, простирающееся в разные стороны насколько мог видеть глаз, и посреди этого безбрежья я почувствовал, что у нас очень мало шансов найти Шизалу.

Наступила ночь, и мы разбили лагерь, не разжигая, однако, костров, чтобы не дать себя обнаружить аргзунам или каким-нибудь рыскавшим по этим просторам грабителям, чьи банды состояли из отбросов всех живущих в этих краях народов. Алая равнина была ничья земля, на которой не действовали никакие законы, кроме законов джунглей: «убивай, чтобы не быть убитым» и «выживает сильнейший».

Ночью я немного поспал, и моя усталость прошла, но я все еще был на грани отчаяния. Мне хотелось захватить новых пленников, чтобы узнать от них о Шизале.

Мы снялись с места рано, едва рассвело. Небо было покрыто облаками, моросил мелкий дождик.

В тот день мы не встретили ни бандитов, ни аргзунов, но на следующий день перед нами вдруг выросли около пятидесяти синих великанов. Они явно горели желанием отомстить нам за свое поражение.

Мы задержались, только чтобы выхватить пики и мечи, и направили на них дахар с криками, едва ли не более свирепыми, чем их собственные.

Мы встретились, и закипело сражение.

Моим противником оказался синий великан, носивший на своем поясе отвратительное доказательство одержанных им побед — несколько человеческих кистей.

Я решил отомстить ему за всех, кто умер от его поганых рук.

У меня было некоторое преимущество перед аргзуном: я, в отличие от него, был верхом. Помимо высланных вперед разведчиков, в этом отряде аргзунов было мало всадников, и я решил, что они не хотели привлекать внимание и предпочли избавиться от большей части дахар.

Мой противник был левшой, я этого не ожидал. Он напал на меня с боевым топором и мечом, и мне понадобилось все мое умение, чтобы отразить удар топором и в то же время избежать его меча.

Он навалился на мой меч двумя руками — и топором, и мечом, и на несколько мгновений мы застыли на месте, испытывая силу и реакцию друг друга. Потом он попытался поднять меч, чтобы ударить меня по голове, но я выхватил свой клинок из-под его топора, и на секунду он потерял равновесие. Этой секунды мне было достаточно, чтобы поразить его в шею.

А в это время вокруг меня царила полная неразбериха. Хотя казалось, что в целом мы победили, среди наших было много потерь — осталась лишь половина воинов.

Я увидел, что Дарнаду нужна помощь, чтобы справиться с двумя противниками, и я поскакал к нему. Вместе мы их разбили.

Из пятидесяти аргзунов, с которыми мы сражались, сдались только два. К ним мы применили ту же тактику, что и к первым пленникам. Наконец они начали отвечать на наши вопросы.

— Вы видели, как ваши товарищи захватили карнальскую женщину?

— Возможно, — ответил один.

Дарнад поиграл мечом перед его глазами.

— Да, — твердо сказал он.
— В каком направлении ее повезли?
— На север.
— Но куда именно?
— Думаю, в Нарлет.
— Где это? — спросил я Дарнада.
— В трех днях пути. Это город разбойников на границе Алой равнины.
— Город разбойников, наверное, опасен для нас?
— Возможно, — согласился Дарнад. — Но думаю, и *мы* будем представлять для них некоторую опасность. Они не будут оказывать нам сопротивление, если поймут, что они сами нас не интересуют. И вообще, — усмехнулся Дарнад, — у меня в Нарлете есть один или два приятеля. Негодяи, конечно, но очень милые собеседники, если забыть о том, что они воры и матерые убийцы.

Мы отправили и этих пленников в Варнал, а сами поехали в Нарлет. Надо заметить, ряды наши заметно поредели. По крайней мере у нас была конкретная информация, и мы воспряли духом, направляясь в Город Воров.

Еще дважды на пути нам приходилось останавливаться, чтобы сразиться с аргзунами, и пленники подтвердили, что Шизалу отвезли в Нарлет.

Не прошло и трех дней, как мы увидели вдалеке гряду гор, обозначивших границу Алой равнины.

Потом мы увидели стену, окружавшую маленький городок; она была сделана из бревен, покрытых засохшей грязью. Квадратные дома казались довольно крепкими, но в них не было ничего привлекательного.

Итак, мы добрались до Нарлета, Города Воров.

Но найдем ли мы здесь Шизалу?

ГЛАВА 8
Нарлет, Город Воров

Нельзя сказать, чтобы в Нарлете нас приняли с распростертыми объятиями, но, как и предполагал Дарнад, с мечами на нас тоже никто не кидался. Однако все, кого мы встретили, смотрели с подозре-

нием и пытались скрыться, едва мы появились в городе и поехали по узеньким улочкам.

— У большинства из них ничего не узнаешь, — сказал мне Дарнад. — Но, кажется, я знаю, как найти человека, который нам поможет. Конечно, если старый Белет Воэр еще жив.

— Белет Воэр? — переспросил я.

— Это один из моих друзей, о которых я говорил.

Наш немногочисленный отряд въехал на рыночную площадь, и Дарнад показал нам на маленький домик, зажатый между двумя ветхими строениями.

— Когда-то моему отряду приходилось патрулировать эту часть города, и однажды он спас меня от смерти. Потом я отплатил ему тем же. Так началась наша дружба. Невероятно, но мы действительно друзья.

Мы спешились у маленького домика. Нам навстречу вышел пожилой мужчина, безобразный, беззубый, весь в морщинах. Но в нем была какая-то внутренняя жизненная сила, заставлявшая забывать о его отвратительной внешности.

— А-а, брадхинак Дарнад, какая честь для меня! — лукавый блеск глаз старика явно противоречил смирению, которое должны были выражать его слова. Глаза выдавали его иронию. Я понял, почему Дарнаду он нравился.

— Приветствую тебя, старый пройдоха. Ну, сколько ротозеев ты ограбил сегодня?

— Да с десяток, не больше. Брадхинак, может быть, твой друг не откажется зайти взглянуть на мое добро. У меня еще остались замечательные засахаренные фрукты и конфеты. Могу угостить, кхе-кхе...

— Не соблазняй! — улыбнулся я ему.

Он провел нас в свою лачугу, в которой, как ни удивительно, царили чистота и порядок. Мы сели на скамейку, и он принес нам басу́.

Дарнад взял кубок, но сразу же сказал серьезно:

— Мы спешим, Белет Воэр. Скажи, не появлялись ли здесь аргзуны за день-два до нас?

Старый разбойник склонил голову набок:

— Да, были два аргзунских воина. Они выгляде-

ли так, как будто их хорошенько потрепали, и они удирали в свою берлогу зализывать раны.

— Что, всего два аргзуна?

Белет Воэр усмехнулся.

— С ними было еще двое, судя по их виду, пленников. Не думаю, что они по доброй воле отправились бы в путешествие с такими спутниками.

— Двое пленников?

— Точнее, пленниц. Это были две женщины, одна со светлыми волосами, другая — с темными.

— Шизала и Хоргул! — воскликнул я.

— Они еще здесь? — нетерпеливо спросил Дарнад.

— Не знаю. Могли уехать ночью, но думаю, они еще в Варнале.

— А где они остановились?

— Да-а, трудновато тебе придется, если ты ищешь пленниц. Аргзунов здесь принимают с почетом. Они — гости благородного брадхи нашего города и живут в его «дворце».

— Брадхи? А как же Чинод Шай?

— Так это он и есть. Называет себя брадхи Чинод Шай. Все как полагается, а? Ха, брадхинак Дарнад, теперь он тебе ро́вня.

— Вот мерзавец, важничать вздумал!

— Может, он и мерзавец, — сказал Белет Воэр задумчиво, — да только многие династии в наших краях начинались точно так же.

Дарнад рассмеялся.

— Ничего не поделаешь, один-ноль в твою пользу, Белет Воэр. Но Чинод Шай — случай особый. Он подлый убийца, на его счету — жизни, по крайней мере, тридцати женщин и детей.

— Ты к нему несправедлив, — ухмыльнулся Белет Воэр. — По крайней мере, одного юношу он убил в честном бою.

Обернувшись ко мне, Дарнад сказал серьезно:

— Если аргзунам здесь покровительствует Чинод Шай, нам будет очень трудно добраться до Шизалы и другой женщины и освободить их. Все складывается не в нашу пользу.

— У меня есть несколько соображений по этому поводу, если тебе, конечно, интересно, — заметил Белет Воэр.

— Я выслушаю все, что угодно, если в сказанном будет хоть крупица здравого смысла.

— Дело в том, что аргзуны и женщины, прибывшие с ними, остановились в отдельных комнатах «дворца», специально предназначенных для нежданных гостей.

— Ну и что? — вырвалось у меня.

— Эти комнаты очень удобно расположены — на первом этаже. В них большие окна. Я думаю, вы сможете помочь своим друзьям... э-э... не тревожа покой нашего славного брадхи?

— А что, они разве не охраняются? — нахмурясь, спросил я.

— Нет, конечно, стража есть. Вокруг всего дворца расположено несколько сторожевых постов. Он, наверное, боится воров. Ай-я-яй, так не доверять своим подданным!

— Как же мы пройдем в комнату для гостей, минуя стражу? — Я потер подбородок.

— Вам придется от них избавиться. Они очень осторожны. Лучшие воры Алой равнины пытались поживиться добром Чинод Шая. Некоторым даже повезло. Но большинство лишь украсили городскую стену... своими головами.

— Но как нам обезвредить стражников?

— Тут, — подмигнул нам Белет Воэр, — я могу вам помочь. Простите. — Он поднялся и заковылял прочь из комнаты.

— Очень приятный старик, правда? — сказал Дарнад, когда Белет Воэр вышел.

Я кивнул:

— Очень. Но он подвергает себя опасности, помогая нам. Если нам повезет, Чинод Шай, конечно заподозрит, что без участия Белет Воэра не обошлось.

— Ты прав. Но я сомневаюсь, чтобы Чинод Шай что-то сделал Белет Воэру. Тот знает много секретов, и некоторые из них касаются Чинод Шая. И кроме того, Белет Воэра любят, а Чинод Шай весьма непрочно сидит на своем самодельном троне. Немало найдется таких, кто хотел бы скинуть его с трона, а для этого ему нужно заручиться поддержкой простых людей. Если с Белет Воэром что-нибудь случится, это может оказаться хорошим поводом, кото-

рый будущий брадхи воров ни за что не упустит. Чинод Шай не может не отдавать себе в этом отчета.

— Ну хорошо, — сказал я, — и все-таки я думаю, что ради нас он рискует больше, чем нужно.

— Я же сказал тебе, Майкл Кейн, мы с ним связаны.

Очевидно в этой простой фразе заключался важный для Дарнада смысл. Мне кажется, я его понимал. Такие качества, как верность, внутренняя дисциплина, сдержанность, выдержка, правдивость, твердость и почтительное отношение к женщине, очевидно, вышли из моды в Нью-Йорке, Лондоне и Париже, но на Марсе, на моей Вашу́, они все еще сохранились в людях. Надо ли удивляться, что я предпочитаю Красную планету Земле?

Скоро Белет Воэр вернулся с длинной трубкой и маленькой шкатулкой изысканной работы.

— Это заставит ваших стражников замолчать, — сказал он, размахивая шкатулкой. — Но только на время. Этим вы их не убьете.

Он открыл шкатулку и показал содержимое. Там лежало множество крошечных иголочек с перышками на одном конце. Я сразу понял, что это была трубка для пускания отравленных стрел, а в шкатулке лежали снаряды для нее. На конце иголок, видимо, был яд, от которого и должны были замолчать стражники.

Мы молча взяли наше новое оружие.

— До заката еще около восьми шати, — сказал Белет Воэр. — Время поговорить о былом, а? Сколько человек приехало с тобой?

— Осталось шестеро, — сказал Дарнад.

— Места здесь хватит всем. Пригласи их, пусть выпьют с нами басу́.

Дарнад вышел, чтобы позвать своих воинов. Они приняли кубки с басу́ с благодарностью. Белет Воэр принес также еду.

Время тянулось, и мне казалось, восемь шати никогда не закончатся. Я провел почти все это время, погрузившись в собственные мысли. Скоро, если провидение будет на нашей стороне, я снова увижу Шизалу. Мое сердце забилось сильнее, я ничего не мог с собой поделать. Да, она никогда не будет

моей, но мне нужно знать, что ей ничто не угрожает, нужно быть рядом, чтобы в случае опасности защитить ее.

Стемнело. Белет Воэр взглянул на меня.

— Восемь — хорошее число, — сказал он. — Вас не так мало, если вы попадете в беду, и не так много, чтобы бросаться в глаза.

Мы молча поднялись, тишину нарушал только скрип наших кожаных доспехов и звон оружия.

— Прощай, Дарнад, — сказал Белет Воэр и крепко пожал плечо молодого брадхинака. Дарнад ответил тем же. В их расставании было что-то окончательное, как будто Белет Воэр знал, что они больше никогда не увидятся.

— Прощай, Белет Воэр, — сказал Дарнад тихо. Их глаза на миг встретились, и Дарнад шагнул к двери.

— Спасибо, Белет Воэр, — сказал я.

— Удачи вам, — пробормотал он в ответ.

Вслед за Дарнадом мы все вышли и направились ко «дворцу» Чинод Шая.

Здание, к которому мы пришли, стояло в центре города. В нем было два этажа. Несмотря на каменный фундамент, все здание было построено из дерева.

Дворец стоял на открытой площади, от которой лучами расходились узкие улочки. Укрывшись в тени одного из домов, мы следили за стражниками, находящимися в карауле у дворца.

Белет Воэр подробно объяснил Дарнаду, где были комнаты для гостей и каков был, по всей вероятности, распорядок дня во дворце. Мы подумали, что Шизала и Хоргул вряд ли будут ужинать с Чинод Шаем. В это время они скорее всего останутся одни, а аргзуны будут пировать вместе с хозяином в главном зале дворца. Это означало, что, если повезет, мы спасем женщин, не поднимая шума.

После некоторого наблюдения, приноровившись к движениям стражников, Дарнад зарядил трубку первой ядовитой стрелой и прицелился. Его выстрел был точен, стрела попала в цель: я видел, как стражник схватился за горло и почти беззвучно повалился на землю.

Второй стражник — теперь их оставалось

трое — увидел, как упал его товарищ, и бросился к нему. Он склонился над ним, и мы услышали:

— Вставай, Акар, иначе брадхи тебя не помилует! Говорил я тебе, не пей столько перед дежурством!

Я задержал дыхание: Дарнад прицелился во второго стражника, тихо выстрелил, и тот упал.

Третий стражник завернул за угол и увидел, что двое его товарищей лежат на земле. Он был в явном недоумении:

— Эй, вы что? Что все это?..

Но это ему не суждено было узнать, так как третья стрела Дарнада попала ему в обнаженное плечо. Яд действовал мгновенно. Стражник упал. Дарнад усмехнулся: успех был близок.

Четвертый стражник получил стрелу в грудь еще до того, как увидел своих товарищей.

Когда все четыре стражника лежали на земле, мы двинулись в сторону комнаты для гостей, ступая тихо, как кошки.

Скоро, теперь уже скоро, думал я, все это будет позади, мы вернемся в Варнал и будем жить в мире и спокойствии. Я стану изучать изобретения шивов и сам что-нибудь придумаю для карналов. С моей помощью Карналии не нужно будет больше бояться нападения. У них было уже все необходимое для создания двигателя внутреннего сгорания, электрического генератора, радио, и все это я мог бы помочь им наладить.

Мысли, не совсем подходящие для такого момента, не оставляли меня, пока мы ползли к окнам комнаты для гостей.

Рам со стеклами на окнах не было вообще, они были закрыты лишь ставнями. Все, кроме одного! В ту ночь удача была на нашей стороне!

Я осторожно заглянул в комнату: роскошная, правда, несколько в безвкусном стиле, мебель, резные скамьи и шкафы, меховые ковры на полу. Все это было освещено факелом, укрепленном на стене. Комната была пуста.

Я перебрался через подоконник бесшумно, как только мог, за мной — Дарнад и все остальные, и вот мы все уже стояли в комнате, глядя друг на

друга, стараясь поймать малейший шум, который подсказал бы нам, где были женщины.

Наконец раздался какой-то звук, но он мог обозначать что угодно. С уверенностью можно было сказать только одно: он исходил из человеческого горла.

Звук шел из соседней комнаты.

Дарнад и я направились в ту сторону, следом — наши воины. У дверей мы остановились: странно, но комната была не заперта.

Теперь оттуда раздался другой звук, он напоминал смех. Женский смех! А может, я ошибся, и это был не смех? Потом мы услышали низкий голос, но слов мы не разобрали.

Дарнад взглянул на меня. Наши глаза встретились, и, словно по молчаливому согласию, мы одновременно толкнули дверь.

Луч факела осветил две фигуры в комнате.

У окна стояла Хоргул, а недалеко от нее — Шизала.

Моя Шизала!

У нее были связаны руки и ноги.

Но Хоргул была свободна! Она стояла, положив руки на бедра и улыбаясь Шизале, которая смотрела на нее с яростью.

Улыбка застыла на губах Хоргул, когда она увидела нас.

А Шизала радостно вскрикнула:

— Майкл Кейн! Дарнад! О, благодарю тебя, Зар, вы пришли!

Хоргул стояла с непроницаемым лицом, ничего не говоря.

Я шагнул к Шизале, чтобы ее развязать. Но я не отрывал глаза от Хоргул, так как не понимал, какую роль во всем этом играет она. Пленница она все-таки или нет?

Сейчас казалось, что нет. И все же...

Она вдруг рассмеялась мне в лицо. Я закончил развязывать Шизалу и спросил:

— Почему ты смеешься?

— Я думала, ты уже мертв, — сказала она, не обращая внимания на мой вопрос. И вдруг она подняла голову и пронзительно закричала.

— Тихо! — сказал Дарнад свирепым шепотом. —

Ты же переполошишь весь дворец! Мы желаем тебе только добра.

— Конечно, вы желаете мне добра, — сказала она Дарнаду, сделавшему шаг в ее сторону. — Но я-то, я желаю вам *зла!* — Она снова закричала.

В коридоре раздался какой-то шум.

На глазах Шизалы блестели слезы — слезы горя и благодарности:

— О, Майкл Кейн! Я знала, что ты меня спасешь. Я думала, они убили тебя, и все же...

— Не время говорить об этом, — сказал я грубо, стараясь так скрыть глубокое волнение, охватившее меня от ее близости. — Нужно спасаться.

Дарнад зажал рукой рот Хоргул. Он чувствовал себя неуютно: ему не приходилось еще так обращаться с женщиной.

— Хоргул вовсе не пленница, — сказала Шизала. — Она...

— Теперь я и сам вижу, — сказал я. — Пошли, нужно торопиться.

Мы повернулись и пошли к окну, Дарнад за нами.

Но мы не успели добраться до окна: в комнату ворвалось множество воинов под командованием двух аргзунов и еще одного человека с ярким обручем на жирных, спутанных волосах.

Дарнад, я и наши шесть воинов развернулись, встав между ними и Шизалой.

— Быстро уходи, Шизала, — сказал я тихо. — Иди к дому Белет Воэра. — Я быстро объяснил ей, как найти старика.

— Я не могу вас покинуть. Не могу!

— Ты должна. Нам будет легче сражаться, если мы будем знать, что по крайней мере ты в безопасности. Прошу тебя, сделай, как я говорю. — Я не сводил глаз с аргзунов, каждую секунду ожидая их атаки. Они осторожно приближались.

Кажется, она вняла моим уговорам, и с огромным облегчением я увидел краешком глаза, как она перелезла через подоконник и скрылась в темноте ночи.

Хоргул подошла к нам, ее лицо дышало яростью.

— Эти люди хотели похитить меня и вторую жен-

щину, — она показала на нас человеку с жирными волосами, который стоял с обнаженным мечом.

— Вы что, не знаете, — обратился он к нам, бросив в нашу сторону злобный взгляд, — Чинод Шай свято заботится о безопасности своих гостей и жестоко карает всякий сброд вроде вас, осмеливающийся вторгаться сюда.

— «Сброд», — повторил Дарнад. — И это говоришь ты, убийца детей, ты, который называешь себя брадхи, королем над всеми этими головорезами и жуликами.

Чинод Шай ухмыльнулся.

— А ты храбрец! Но сейчас это не имеет значения. Ты умрешь.

И тут он и его мерзкие союзники бросились на нас, и началось сражение.

Моими противниками были Чинод Шай и один из аргзунов, и хотя я превосходил обоих в умении владеть мечом, мне приходилось только защищаться.

Мне немного помогало то, что, нападая вместе, они мешали друг другу. Я держался, как мог, и вдруг увидел, что у меня появился шанс. Я быстро перебросил меч из правой руки в левую, и на секунду их это сбило с толку. Я бросился на аргзуна, который соображал медленнее, чем Чинод Шай, и попал в грудь. Со стоном он упал на пол. Оставался самозванный брадхи Нарлета.

Но видя, что огромный синий воин упал, Чинод Шай вдруг почувствовал, что ему расхотелось драться самому, и он поспешно уступил свое место стражникам.

Пришел мой черед ухмыльнуться.

Один за другим наши воины падали, пока не оказалось, что с врагами продолжали сражаться только Дарнад и я.

Мне было все равно, умру я или нет. Шизала была в безопасности, и я знал, что старый пройдоха Белет Воэр позаботится о ней, поэтому я не боялся умереть.

Но я не умер. Врагов бышло так много, и они окружали нас так плотно, что мы больше боролись врукопашную, чем действовали мечом.

Их было слишком много. Вскоре, второй раз за

неделю, я получил удар по голове, но этот удар был нанесен отнюдь не из сострадания.

Меня со всех сторон обступила тьма, все чувства смешались, и я потерял сознание.

ГЛАВА 9
Погребенные заживо

Первое, что я начал каким-то образом ощущать, когда пришел в себя, был запах плесени, подсказывавший, что я под землей: только там воздух мог быть таким сырым, и промозглым, и каким-то затхлым. Я открыл глаза, но ничего не увидел, подвигал руками и ногами — они по крайней мере были не связаны.

Попытавшись подняться, я ударился головой. Оказывается, передвигаться можно было, только сильно пригнувшись.

Я пришел в ужас. Меня что, замуровали в каком-то склепе? Неужели я должен был медленно умереть от голода? Или, может, потерять рассудок? С усилием я овладел собой. И тут я почувствовал какое-то движение слева.

Я осторожно ощупал землю вокруг, и моя рука коснулась чего-то теплого.

Кто-то застонал. Оказывается, это была нога другого человека. он зашевелился и пробормотал:

— Кто здесь? Где я?

— Дарнад?

— Да.

— Это Майкл Кейн. Кажется, мы в подземной тюрьме с очень низким потолком.

— Что?

Я услышал, как Дарнад сел, вероятно, подняв руки и наткнувшись ими на потолок:

— Нет!

— Ты что, знаешь это место?

— Да уж, слыхал о нем.

— И что это?

— Старая отопительная система.

— Звучит вполне безобидно. Ну и что?

— На месте Нарлета когда-то был старинный город шивов. От него почти ничего не осталось, кроме основания одного-единственного здания, как раз и послужившего Чинод Шаю фундаментом для его дворца. Очевидно, плиты пола покрывают древний подземный бассейн, наполнявшийся горячей водой, которой с помощью системы труб обогревался первый этаж, а может, и весь дворец. Судя по тому, что я слышал, — добавил Дарнад, — шивы оставили город, когда их цивилизация находилась в расцвете, так как позднее они стали применять более совершенные методы отопления.

— Итак, мы похоронены под дворцом Чинод Шая.

— Я слышал, ему доставляет удовольствие держать своих вечных пленников здесь — буквально у своих ног.

Я не засмеялся, но оценил способность Дарнада шутить в такое время. Я восхищался твердостью этого мальчика.

Я поднял руку, пощупал гладкие влажные плиты над головой, попробовал нажать на них: ни одна даже не шевельнулась.

— Если он может поднять плиты, то почему мы не можем?

— Поднимаются всего несколько плит, но на них ставят тяжелую мебель, когда здесь пленники.

— Да-а, нас действительно заживо похоронили, — сказал я, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не вздрогнуть от ужаса. Конечно, я испытывал ужас, зачем это скрывать. Я думаю, самый неустрашимый человек почувствовал бы то же самое при мысли об ожидавшей нас участи.

— Да, — ответил Дарнад, и его голос был неожиданно хриплым и сдавленным. Конечно, ему тоже было не по себе от того, что с нами происходило.

— По крайней мере мы спасли Шизалу, — напомнил я ему. — Белет Воэр позаботится о том, чтобы она вернулась в Варнал.

— Да, — голос Дарнада был чуть-чуть менее напряженным.

Мы замолчали на миг, потом я принял решение:

— Дарнад, если ты останешься на месте, я смогу

здесь ориентироваться и попробую обследовать нашу тюрьму.

— Хорошо, — согласился Дарнад.

Конечно, пришлось ползти — другого способа не было.

Я считал «шаги», двигаясь по этому противному, мокрому, пахнущему плесенью полу. При счете «61» я оказался у стены и стал ползти вдоль нее, продолжая считать.

Что-то появилось у меня на пути. Сначала я не понял, что это было. Какие-то тоненькие палочки. Я их осторожно ощупал. И бросил в ужасе, когда догадался, что это. Кости. Одна из жертв Чинод Шая, попавшая сюда до нас.

На своем пути вдоль стены я наткнулся еще на несколько скелетов.

От начала стены я насчитал 97 «шагов», вторая стена составляла только 54 «шага», а третья — 126. Я не знал, зачем я считаю эти «шаги», наверное, чтобы занять мозг и ни о чем больше не думать.

Четвертая стена. «Шаг», два, три...

На семнадцатом «шагу» моя рука коснулась... пустоты. Я добрался до круглого отверстия в четвертой стене, наверное, это была водопроводная труба. Она была достаточно широкой — в нее как раз мог пролезть человек. Но ведь, конечно, эта труба не могла быть путем к спасению!

Я протянул руку — стены были влажными и скользкими, но передо мной не было никаких препятствий.

Прежде чем обнадеживать Дарнада, я решил убедиться, что через трубу и в самом деле можно было бежать.

Я втиснулся внутрь, извиваясь, как змея.

Меня ничто не останавливало, и я воспрял духом. Я полз вперед! Вообще я не люблю столь тесно замкнутого пространства, но если по трубе можно было спастись, я готов был несколько минут потерпеть клаустрофобию.

И тут — жестокое разочарование!

Мои руки коснулись чего-то. В тот же миг я уже знал, что это было. Еще один скелет. Еще один несчастный — или даже не один, а несколько. На-

верное, они искали путь к спасению, но испытали горькое разочарование. У них, возможно, не хватило сил вернуться, или просто им было все равно.

Я глубоко вздохнул и начал выбираться из трубы.

Но в это время позади меня, там, где был сейчас Дарнад, раздался какой-то звук. Звук удара камня о камень. Бассейн, видимо, осветили — через трубу мелькнул свет. Я услышал, как кто-то довольно хмыкнул.

Я не двигался, я ждал.

Тут до меня донесся голос Чинод Шая. Он говорил с явной издевкой.

— Приветствую тебя, брадхинак. Как тебе здесь нравится?

Дарнад не отвечал.

— Ну выходи, выходи, я хочу показать моим людям, как выглядит брадхинак из страны Карналии. Там, внизу, наверное, сыровато. Сожалею, что мне пришлось поместить тебя в такие условия, к каким ты совсем не привык.

— Уж лучше я останусь здесь, чтобы не подвергаться оскорблениям со стороны такого мерзавца, как ты, — ровным голосом ответил Дарнад.

— А твой друг, чужестранец? Ему-то, наверное, захочется получить небольшую передышку. Где он?

— Не знаю.

— Не знаешь? Но вас же туда скинули вместе. Не лги мне, малыш, где там твой дружок?

— Не знаю.

Свет стал ярче, наверное, Чинод Шай осматривал наш склеп.

В его голосе послышалось недовольство.

— Он *должен* быть внизу!

— Сам видишь, его здесь нет, — ответил Дарнад, как мне показалось, с облегчением. — Разве что один из этих скелетов — его.

— Не может быть! Стража!

Я услышал над головой шаги.

— Поднимите еще несколько плит, — неистовствовал Чинод Шай, — посмотрите, не прячется ли он где-нибудь в углу. Он где-то там, внизу. А пока давайте сюда карнала.

Шум. Как я догадываюсь, Дарнада увели.

Я услышал, как стражники стали двигать мебель и убирать плиты. Я усмехнулся про себя, надеясь, что им не придет в голову заглянуть в трубу. Вдруг меня осенило. Конечно, то, что мне предстояло сделать, было делом мало приятным, но это могло спасти меня и, значит, дать мне шанс спасти Дарнада.

Я снова пополз по трубе вперед и, добравшись до скелета, взял кости. Ему, несчастному, не повезло, но хотя он умер много лет назад, сейчас он мог мне помочь — помочь отплатить и за него тоже, если предоставится такой случай.

Прижавшись к стенке трубы, я стал переправлять кости в ноги, так что, когда я закончил, позади меня возвышалась целая гора из них. Я проделал все это достаточно тихо: любой мой звук все равно заглушали брань стражников и производимый ими шум. Один из них ползал в полумраке подземной тюрьмы, пытаясь меня обнаружить, а другой топтался наверху, освещая ему путь.

— Его здесь нет, — услышал я голос первого.

— Дурак! — ответил ему второй. — Он должен быть там.

— Говорю тебе, его здесь нет! Иди, посмотри сам.

Второй стражник спустился вниз, и я услышал, как и он стал ползать по земле, пытаясь отыскать меня.

— Не понимаю, отсюда же нет выхода. Уж сколько народу мы сюда отправили, все было нормально, Э, а это что такое?

Стражник обнаружил трубу. Свет стал еще ярче.

— Мог он забраться сюда? Даже если так, ничего хорошего для него из этого не выйдет: труба закрыта с того конца.

Стражник увидел кости.

— Нет, он не пытался сбежать по этой трубе, но кто-то до него пробовал. Вон лежат кости.

— Что мы скажем брадхи? — нервно спросил первый стражник. — Все это смахивает на колдовство!

— Колдовства не бывает.

— Да, это сейчас так считают, но мой дедушка говорит...

— Заткнись. Колдуны, привидения... Все это чушь!

Но все же надо признать, он выглядел как-то странно, он не был похож ни на одного человека, которого я когда-либо видел. Говорят, за океаном есть другая земля, где люди обладают невероятной властью над природой. И потом, ведь есть шивы...

— Шивы! Точно!

— Говорю тебе, придержи язык. Чинод Шай вырвет его, если услышит, что в его дворце ведут такие разговоры.

— А что же мы ему скажем?

— Только факты. Тот человек *был* здесь — теперь его здесь нет.

— А он нам поверит?

— Будем надеяться.

Я слышал, как стражники поднялись в комнату и ушли. В тот же миг я стал выбираться из трубы и вскоре уже стоял на земле, там, где еще недавно была моя тюрьма; пол комнаты был на уровне моих плеч. Повсюду я увидел следы лихорадочных поисков. Что же, все хорошо.

Я подтянулся на руках и выбрался из подземелья. Кажется, я попал в тронный зал, в одном конце которого стояло огромное позолоченное, причудливо украшенное кресло. Никого не было.

Стараясь не шуметь, я быстро подбежал к двери и остановился там, прислушиваясь.

Дверь была наполовину открыта, из-за нее доносились рассерженные голоса.

За стенами дворца, на улицах Нарлета, тоже, кажется, было много шума и криков, в которых слышался гнев.

Я услышал, что по двери в другом конце зала кто-то изо всех сил застучал кулаком.

Вдруг дверь, у которой я стоял, распахнулась, и прямо передо мной возник Чинод Шай.

Он замер на миг, с ужасом глядя на меня.

Этого мига мне было достаточно. Я бросился вперед и выхватил меч, висевший у него за поясом.

Я прижал кончик лезвия к его горлу и сказал с мрачной усмешкой:

— Только попробуй пикнуть, Чинод Шай! Позовешь стражу — придет твоя смерть.

Он побледнел и издал какой-то нечленораздель-

ный звук. Я втолкнул его в комнату и захлопнул дверь. Мне повезло: все были настолько заняты, что не обратили внимания на то, что случилось с их «брадхи».

— Говори тихо, — приказал я. — Расскажи, что произошло. Где мой друг?

— Но как... как тебе удалось ускользнуть?

— Вопросы задаю я! А ты отвечаешь.

Он недовольно фыркнул.

— Что это значит?

— Отвечай на мой вопрос, слышишь!

— Городская чернь атакует мой дворец, — сказал он. — Какой-то самозванец хочет занять мое место.

— Думаю, он будет лучшим правителем, чем ты. Итак, где мой товарищ?

— Там, — он махнул рукой назад.

Вдруг кто-то вошел. Я ожидал, что стража постучит, и я хотел заставить Чинод Шая сказать, чтобы никто не входил.

Но это был не стражник.

Это был уцелевший аргзун. В изумлении он уставился на меня, потом развернулся и закричал, призывая стражников.

Когда они вбежали, я отступил, оглядываясь. Но бежать было некуда: все ставни на окнах были закрыты.

— Убейте его! — завопил Чинод Шай, указывая на меня дрожащим пальцем. — Убейте его!

Во главе с синим великаном стражники направились ко мне. Я знал, что это — смерть. Второй раз в плен они меня брать не будут.

ГЛАВА 10
В пещеры Мрака

Сам не знаю, как, но какое-то время мне удавалось с ними справляться. Вдруг я увидел позади них Дарнада с мечом, который он где-то добыл.

Мы сражались теперь вместе, но знали, что рано или поздно нас победят.

И тут неожиданно раздался ликующий крик, и в тронный зал ворвалась дикая толпа людей, размахивающих мечами, копьями и алебардами.

Их вел за собой симпатичный молодой человек, и по его горящим глазам, в которых я прочел расчет и торжество, я угадал в нем следующего претендента на пост сомнительной важности — короля Города Воров.

И теперь, когда ворвавшиеся в зал люди помогали Дарнаду разделаться с аргзуном и стражниками, я занялся Чинод Шаем. На этот раз, сказал я себе, отступить ему будет некуда.

Чинод Шай разгадал мои намерения, и это, кажется, придало ему ловкости.

Мы сражались с большим упорством, попеременно наступая, над костями людей, заживо замурованных этим самозванным «брадхи», чтобы потешить свой извращенный ум. В одном конце зала звенели наши клинки — мы нападали, парировали удары, снова бросались вперед, — а в другом конце в тесный клубок сплелись стражники и восставшие, от которых первые безуспешно пытались отбиться.

Тут случилась беда; по крайней мере так мне тогда показалось. Я споткнулся об одну из вынутых из пола плит и упал в яму.

Я уже видел, как Чинод Шай поднимает меч для удара, которым должен был прикончить меня, распростертого на земле и беспомощно взирающего на него.

Но когда клинок уже опускался над самым моим сердцем, я нырнул под пол и услышал, как, потеряв равновесие, Чинод Шай с бранью упал в яму. Он увидел меня и, едва оправившись от падения, бросился вперед. Приподнявшись на левой руке, я тоже рванулся ему навстречу и попал мечом прямо ему в сердце. Я провернул лезвие в его теле, и Чинод Шай упал назад со стоном.

Я выбрался из ямы.

— Это самая подходящая для тебя могила, Чинод Шай, — сказал я. — Лежи там рядом с костями тех, кого ты столь жестоко убил. А ты умер слишком быстрой смертью, хотя следовало тебя немного помучить.

Как раз в этот момент я увидел, что Дарнад расправляется с последним аргзуном.

Битва закончилась, и молодой человек, командовавший восставшими, поднял руку вверх с криком:

— Чинод Шай умер! Тиран убит!

Толпа закричала с восторгом:

— Да здравствует Морде Кон! Да здравствует брадхи Нарлета!

Морде Кон повернулся ко мне с улыбкой:

— Враги Чинод Шая — мои друзья. Сами того не желая, вы помогли мне занять престол. А где сам Чинод Шай?

Я показал на подземную тюрьму.

— Я его убил, — сказал я просто.

Морде Кон рассмеялся:

— Прекрасно! За эту маленькую услугу у меня еще больше оснований назвать тебя своим другом.

— Я сделал это не для того, чтобы оказать тебе услугу. Я просто не мог отказать себе в удовольствии остановить злодея.

— Ну ладно. Послушайте, я очень сожалею о смерти вашего друга.

— Нашего друга? — переспросили мы с Дарнадом, который как раз подошел. У него была только неопасная рана на правом плече.

— Белет Воэр мертв — вы что, не знали?

— Что случилось с Белет Воэром? — быстро спросил Дарнад.

Должен заметить, я думал не только о Белет Воэре, но и о девушке, которую я к нему отправил, о Шизале.

— Да ведь это как раз тот случай, который помог мне собрать людей против Чинод Шая, — сказал Морде Кон. — Чинод Шай и его синий друг узнали, что вас видели в доме Белет Воэра, и они отправились туда и велели там же отрубить ему голову.

— Белет Воэр мертв? Ему отрубили голову? Нет, нет! — Лицо Дарнада стало белым от ужаса.

— Боюсь, что так.

— А девушка, которую мы спасли? Ну та, которую мы к нему отправили? — Я говорил очень неуверенно, почти робко, так боялся услышать ответ.

— Девушка? Не знаю, о девушке я ничего не слышал. Наверное, она еще в доме, прячется где-нибудь.

Я вздохнул с облегчением. Это было вполне вероятно.

— Я еще кое-кого не вижу, — сказал Дарнад. — Эта женщина из рода владняров, Хоргул, где она?

Вместе мы обыскали весь дворец, но ее и след простыл.

Наступала ночь, и мы одолжили у нового брадхи дахар, чтобы отправиться к дому Белет Воэра.

Там царил беспорядок. Мы звали Шизалу, но нам никто не ответил. Шизалы там не было. Но куда она делась? И как?

Мы покинули дом совершенно без сил: чего стоила наша победа, если мы не нашли Шизалу?

Мы вернулись во дворец узнать, не может ли Морде Кон нам помочь.

Новоявленный брадхи как раз руководил установкой плит пола на место.

— Они будут зацементированы, — сказал он, — чтобы больше никому в голову не пришло использовать их в таких жутких целях.

— Морде Кон, — сказал я с отчаянием, — девушки нет в доме Белет Воэра. Мы знаем, что по собственной воле она бы никуда не ушла. Вы захватили кого-нибудь из стражников Чинод Шая живым? Если да, один из них наверняка сможет рассказать о том, что случилось.

— Я думаю, в караулке вы найдете несколько стражников, — сказал Морде Кон. — Допросите их, если хотите.

Мы пошли в караулку. Там было три злых раненых стражника.

— Где Шизала? — спросил я.

— Шизала? — один из них нахмурясь посмотрел на меня.

— Белокурая женщина, пленница, которая здесь была?

— Ах эта! Думаю, они сбежали вместе.

— Вместе?

— Она и еще та темноволосая женщина.

— Отвечай, куда они ушли!

— А какой мне смысл говорить вам то, что я знаю? — Стражник хитро посмотрел на меня.

— Я поговорю с Морде Коном. Он мне кое-чем обязан. Я попрошу его быть к тебе снисходительным.

— А ты сдержишь свое слово?

— Конечно.

— Думаю, они направились к Аргзунским горам.

— Да? Но почему? — вмешался Дарнад. — Не могу себе представить, что кто-нибудь, включая владняров, отправился бы в Аргзунию по доброй воле. Синие великаны ни с кем не дружат.

— Хоргул связана с великанами каким-то таинственным образом. Когда мы найдем ее, возможно, узнаем обо всем, — сказал я. — Ты можешь нас отвести в Аргзунские горы, Дарнад?

— Думаю, да, — кивнул он.

— Тогда надо отправляться в путь, нужно спешить за ними! Если нам повезет, мы их догоним по дороге.

— Да, лучше бы догнать, — сказал Дарнад.

— Почему?

— Аргзуны буквально живут в горах, в Пещерах Мрака, которые расположены под землей. Некоторые говорят, что эти пещеры — мрачный мир мертвецов, и судя по тому, что я слышал о них, это вполне возможно!

Я попросил Морде Кона о милости к стражнику, и мы вышли из дворца, сели на дахар и поехали в ночь, держа путь к ужасным Пещерам Мрака.

Нам не повезло. Сначала захромала дахара Дарнада, оступившись на остром камне. Нам пришлось двигаться шагом, пока не добрались до какого-то поселка, где обменяли первоклассного зверя Дарнада на жилистую клячу, вряд ли отличавшуюся выносливостью.

Потом мы сбились с пути на бесплодной равнине, известной как Пустыня Горя, и поняли, почему, ступая на нее, путники чувствовали себя несчастными.

Дахара, которую выменял себе Дарнад, оказалась, однако, очень сильной, и моя устала гораздо раньше нее.

Наконец мы пересекли Пустыню Горя и выехали на берег невероятно широкой реки — она была шире, чем Миссисипи.

Пришлось еще немного задержаться, пока мы нашли, у кого можно одолжить лодку, и переправились на другой берег. К счастью, у Дарнада на руке был дорогой перстень, который нам удалось обменять на жемчуг, служивший в тех местах чем-то вроде денег.

Мы купили провизию в городке у реки, где узнали, — к своему облегчению, ибо мы боялись, что стражник мог нам солгать, — что здесь проезжали две женщины, похожие по описанию на Хоргул и Шизалу. Мы спросили, было ли видно, что Шизала ехала по принуждению, но нам сказали, что она не была связанной.

Это было непостижимо; нельзя понять, почему Шизала едет за страшной повелительницей аргзунов по доброй воле.

Но мы сказали себе: все разъяснится, как только их догоним. Они все еще обгоняли нас на три дня.

Итак, мы переправились через реку Карзакс в рыбачьей лодке и перевезли дахар и провизию. Это было трудной задачей, и течение снесло нас на много миль вниз по реке, прежде чем мы выбрались на другой берег. Мы привязали лодку, так как договорились, что рыбак потом заберет ее. Нагрузив провизию на дахар, тронулись в путь.

Мы въехали в лес; таких деревьев, как там, я до этого никогда не видел.

Стволы их не были одной сплошной твердой массой, а состояли из множества тонких стебельков, которые, переплетаясь, образовывали ствол в тридцать-сорок футов в диаметре. Кроме того, деревья были совсем невысокими, иногда доходили нам только до плеча, и, проезжая между деревьями, мы сами себе казались гигантами!

Листва на деревьях была цвета папоротника в Алой равнине, и хотя алый преобладал, он не был здесь единственным цветом. Присутствовали всевозможные оттенки зеленого, синего, желтого, коричневого, оранжевого. Казалось, в этом лесу вечно царит осень, и мне было приятно смотреть на причудливые

приземистые деревья. Какими бы странными ни были, они непонятным образом напомнили мне детство.

Путешествуй мы с другой целью, я бы мечтал побыть в лесу еще немного, отдохнуть здесь.

Но здесь присутствовало *нечто*, с чем мы должны вскоре встретиться; чутье подсказывало, что нужно скорее двигаться вперед.

На третий день путешествия по этому лесу Дарнад вдруг натянул поводья и молча показал сквозь листву.

Я ничего не увидел, поэтому недоуменно пожал плечами.

Дахара Дарнада двигалась теперь как-то беспокойно, да и моя тоже.

Дарнад начал разворачивать свою дахару, показывая в том направлении, откуда мы приехали. Его необычный обезьяноподобный зверь быстро послушался всадника, и когда я последовал его примеру, моя дахара также развернулась очень быстро, как бы радуясь этому.

Дарнад снова остановился, опустив руку на меч.

— Поздно, — сказал он. — Мне следовало тебя предупредить раньше.

— Но я ничего не вижу и не слышу. О чем ты должен был меня предупредить?

— Хилла.

— Хилла? А что это?

— Вот, — показал Дарнад.

Скрываемый листвой, такой же пестрой, как и его шкура, крался зверь, с которым мне не хотелось бы встретиться даже в кошмарном сне.

Каждая из его восьми лап заканчивалась шестью длинными крючковатыми когтями. У зверя были две мерзкие головы: широкая пасть с длинными и острыми, как бритва, зубами, горящие желтые глаза, трепещущие ноздри. Эти головы были посажены на одну крепкую шею, росшую из похожего на бочку тела, которое также было крепким и мускулистым. Кроме всего прочего, у зверя было два хвоста!

Никакое описание не может передать, что́ это было за чудовище. *Оно* просто не могло существовать наяву, и тем не менее двигалось прямо на нас!

Хилла остановилась в нескольких ярдах, помахи-

вая двумя хвостами и разглядывая нас двумя парами глаз.

Единственное, что могло служить нам утешением, был размер чудовища: оно было раза в два меньше обыкновенной дахары. Но выглядело оно устрашающе и могло, как я догадывался, легко расправиться с нами.

Чудовище прыгнуло. Не на меня, не на Дарнада. Оно прыгнуло на голову дахары Дарнада.

Бедная дахара вскрикнула от боли и страха, когда этот урод вонзил все восемь лап с острыми когтями в ее плоскую голову и прямо прирос там, впиваясь двумя рядами зубов в спинной мозг.

Дважды Дарнад пытался сбросить хиллу, орудуя мечом, и я хотел приблизиться, чтобы ему помочь, но моя дахара упиралась изо всех сил.

Пришлось спешиться. Я остановился за спиной хиллы. Ничего не зная о биологии марсианских животных, я выбрал на шее у хиллы место, соответствующее тому, в которое она кусала дахару. Я знал, что многие животные стараются поразить жертву в то место, которое для них самих является наиболее уязвимым.

Я вонзил меч.

В течение нескольких мгновений хилла еще держала голову дахары, но потом разжала когти и с леденящим кровь криком боли и ярости упала на мох. Я отступил, готовясь к атаке, на которую она могла оказаться способной. Но она встала, сделала несколько неверных шагов на своих трясущихся ногах прочь от меня и упала замертво.

Тем временем Дарнад спустился на землю со своей дахары, стонущей от боли и бессильно переступающей по земле. Чудовище вырвало у бедного животного часть головы и тела. Мы не могли ничем помочь — разве что прекратить его мучения.

С болью я увидел, как Дарнад пронзил голову дахары мечом и развернул его там.

Теперь дахара и хилла лежали рядом. Растраченный впустую дар жизни, подумал я.

Нам пришлось путешествовать вдвоем на одной дахаре, и хотя ей вполне оказалось по силам нести

обоих, передвигаться мы могли раза в два медленнее, чем раньше.

В тот день нас преследовала неудача за неудачей.

Так, вдвоем на одной дахаре, мы выехали из этого леса, который мне поначалу так понравился. Дарнад сказал, что нам повезло, встретив только одну хиллу: лес буквально кишел ими. Очевидно, у них нападал сначала вожак, и если жертва оказывалась ему по силам, присоединялись и остальные. Если же вожак погибал, вся стая хилл потихоньку удалялась, считая, что враг слишком силен и не стоит рисковать. Кроме того, они всегда могли поживиться трупом своего вожака, а в данном случае, к тому же и трупом дахары.

Хиллы были, вероятно, похожи на гиен: такие же сильные, но и такие же трусливые. Я поблагодарил провидение за это последнее их качество.

В воздухе стало прохладнее — мы путешествовали уже больше месяца, — а небеса — темнее. Мы ехали теперь по обширной долине, покрытой черной грязью и обломками застывшей лавы, среди которых видны были руины каких-то строений, очевидно, очень древних, и чахлые низенькие кусты. Наша дахара то и дело проваливалась в глубокие лужи, или поскальзывалась на влажных камнях и липкой грязи, или спотыкалась об обломки старых домов.

Я спросил Дарнада, не могли ли эти руины быть остатками какого-нибудь древнего города шивов, но он пробормотал, что, скорее всего, нет.

— Подозреваю, что это руины города якшей, — сказал он.

Я поежился под каплями начинавшегося холодного дождя.

— А кто такие якши?

— Говорят, они были заклятыми врагами шивов, хотя у них были одни и те же корни.

— Это все, что ты знаешь?

— Это все факты, известные мне. Остальное — догадки и полные предрассудков легенды. — Кажется, он содрогнулся, но не от холода, а от какой-то мысли.

Мы все ехали вперед, правда, очень медленно, побежденные темнотой, царившей над этой забро-

шенной землей, останавливаясь на ночь — как ни трудно было отличить ее от дня — под какими-нибудь валунами или наполовину разрушенными стенами.

По долине сновали необычные синевато-серые звери, раздавались странные крики, словно плач одиноких, сбившихся с пути существ, рядом с собой мы скорее чувствовали, чем слышали какой-то шум.

Так продолжалось две недели, пока сквозь тусклый свет и туман над этими Оставленными Судьбой Землями не стали видны нависавшие утесы Аргзунии.

Аргзунские горы были высокими, черными, зубчатыми и выглядели весьма негостеприимно.

— Видя, в каких условиях живут аргзуны, — сказал я Дарнаду, — я могу понять, почему они такие, какие они есть; такой ландшафт не располагает к мягкости, нежному обхождению и хорошим манерам.

— Согласен, — ответил Дарнад и добавил: — Нам нужно добраться до ворот Гор Делпас до наступления ночи.

— А что это за ворота — Гор Делпас?

— Это вход в Пещеры Мрака. Как я слышал, их никогда не охраняют, так как немного найдется желающих сунуть нос в подземное логово аргзунов: на них работает наша естественная боязнь темноты и замкнутого пространства.

— А Пещеры опасны?

— Не знаю, некому было об этом рассказать: оттуда никто не вернулся.

К ночи мы были у ворот, и при тусклом свете Деймоса могли рассмотреть их. Мы увидели сделанный природой вход в пещеры, увеличенный не очень умелой рукой. Ворота были темными и мрачными, и я снова вспомнил, что мне рассказывал Дарнад.

Только одно могло заставить меня войти в эти ворота — моя цель спасти девушку, которую любил и которую никогда не мог и не смогу назвать своей.

Мы оставили нашу верную дахару у входа попастись в ожидании нашего возвращения. Если нам суждено будет вернуться.

И вошли в Пещеры Мрака.

ГЛАВА 11
Королева аргзунов

В пещерах царил холод; им были пропитаны воздух, стены, земля; ни в какой другой части Оставленных Судьбой Земель не властвовал он столь безраздельно.

Мы спускались все ниже и ниже по гладкой, широкой, извивающейся дороге, освещаемой редкими факелами. Их неверный свет выхватывал из темноты обширные гроты и пещеры в Пещерах, сталактиты и сталагмиты, ручейки холодной как лед воды, наваленные кучами черные камни, покрытые плесенью. Своим вторжением мы нарушали покой маленьких бледных зверушек, которые при звуках шагов испуганно разбегались.

По мере удаления от входа вдоль дороги стали появляться военные трофеи: то пирамида из человеческих черепов, то скелет воина-аргзуна, облаченный в полную амуницию, с мечом, щитом, копьем и боевым топором. Скелет скалился зловещей ухмылкой смерти, взирая на нас с высоты своего роста. Жуткие предметы, лишь иногда вызываемые к жизни тусклым светом факелов, чтобы украсить собой это мрачное место, ибо они только и были единственным подходящим для него украшением.

Дорога резко повернула влево. Следуя по ней, мы вдруг подошли к ужасной пещере, такой большой, что она казалась необъятной. Мы стояли у входа, рассматривая то, что открылось нашему взору: дорогу было видно еще мили на две вперед, вдоль нее на некотором расстоянии друг от друга располагались огромные костры, вокруг которых ютились целые деревушки. Недалеко от входа, в стороне, вырос город. Он казался родившимся случайно, из кучи наваленных друг на друга камней. Но несмотря на случайность своего появления на свет, теперь он производил впечатление прочности и устойчивости. Холодный, мрачный, массивный город. Под стать самим аргзунам.

Мы видели, как по улицам по своим делам идут жители: мужчины, женщины, дети. В некоторых ча-

стях города были устроены загоны для дахар и животных, представлявшихся мне ручными хиллами.

— Как мы туда попадем? — шепнул я Дарнаду. — Они сразу догадаются, кто мы такие.

Тут я услышал сзади какой-то шум и увлек Дарнада в тень скалы.

Через минуту около нас появился отряд из тридцати аргзунов. Точнее, когда-то это был отряд, но он попал в передрягу и являл собой теперь жалкое зрелище. У одних сочились кровью раны, у других доспехи были пробиты в нескольких местах и висели лоскутьями. Все еле передвигали ноги.

Я понял, что скорее всего это были остатки «непобедимого» войска аргзунов, изгнанного из Варнала.

Их появление еще больше укрепило нас в мысли, что нам нужно оставаться незамеченными — аргзуны наверняка не упустили бы шанс сорвать на нас свою ярость за неудачу в сражении.

Но этим воинам было не до новых сражений. Они тащились мимо, не замечая нас, по извилистой дороге в свой пещерный мир, где потрескивали гигантские костры, стараясь — почти безуспешно — дать жителям свет и тепло.

Как можно было ждать наступления ночи, если ночь здесь царила всегда? И как все-таки можно добраться до города и найти, где держали Шизалу?

Ничего другого не оставалось, как начать ползти по дороге, стараясь изо всех сил держаться в тени и надеясь, что у аргзунов и без нас хватало забот: перевязывать раненых, набираться сил; вряд ли со всеми этими хлопотами они заметят нас.

Ни разу ни одному из нас не пришло в голову вернуться за помощью. Слишком поздно. Нужно было полагаться только на себя, чтобы спасти Шизалу.

И вдруг я подумал: а кто еще знал, что Шизала захвачена? Кто еще имел хоть какую-то информацию о том, куда ушли аргзуны со своей пленницей?

Ответ был простой — никто!

Мы уже проделали небольшой путь, когда я это понял. Тогда я повернулся к Дарнаду и сказал прямо:

— Дарнад, ты дожен вернуться.

— Вернуться?! Ты что, с ума сошел?

— Нет, на этот раз я в здравом рассудке. Разве ты не понимаешь, что, если нас обоих убьют, никто уже не сможет прийти Шизале на помощь. Никто просто не будет знать, где она, ибо то, что мы знаем, с нами и умрет!

— Об этом я не подумал, — согласился Дарнад задумчиво. — Но почему я? Возвращайся ты, а я попробую...

— Нет. Ты знаешь местность лучше меня, я же могу сбиться с пути. Теперь, когда ты привел меня в Аргзунские горы, ты должен вернуться в ближайший город союзников и послать оттуда гонцов, которые рассказали бы, где Шизала и где я. Нужно, чтобы об этом узнали как можно быстрее. Тогда сюда вскоре могло бы подойти крупное войско и навсегда разгромить аргзунов, пока они еще не окончательно пришли в себя после недавнего поражения в Карналии. Нужно навсегда ликвидировать угрозу нового нападения аргзунов на кого бы то ни было.

— Но пока я доберусь до какого-либо города, пройдут недели. Если ты попадешь в беду, ты умрешь задолго до того, как я приведу помощь.

— Если бы мы думали о собственной безопасности, — напомнил я, — ни тебя, ни меня здесь бы не было. Разве ты не видишь, что я прав и другого выхода нет? Иди!

Он на мгновение задумался, потом хлопнул меня по плечу, развернулся и поспешил к выходу из пещеры. Приняв решение, Дарнад умел действовать быстро.

А я продолжал ползти, с уходом Дарнада чувствуя себя еще более маленьким и ничтожным перед лицом этой громады: пещеры, природы, ее создавшей, города, великанов.

Каким-то образом мне удалось доползти до городских стен незамеченным. Я метнулся из тени, образуемой скалой, в тень стены и прильнул к грубо обработанному камню.

И тут неожиданно погас свет!

Сначала я не понял, как получилось, что мне так повезло. Потом я увидел, что аргзуны тушили свои огромные костры.

Почему?

Я не знал, что и думать, но потом догадался, что́ происходит. Видимо, было мало топлива, поэтому на ночь, то есть на время, соответствующее ночи на поверхности, когда аргзуны спали, костры тушили.

Я решил, что только в этой кромешной тьме у меня мог быть шанс обследовать город и узнать, где Шизала.

Если меня не покинет удача, возможно, мне даже представится случай спасти ее, и вместе мы покинем эту мрачную пещеру, страну Аргзунию, и вернемся в Варнал.

Но я не смел даже мечтать об этом, когда карабкался на острые камни городской стены. Это было не особенно трудно. Долгие недели наших поисков закалили меня, и я мог взбираться по стене, как обезьяна.

Кроме некоторых преимуществ, темнота таила в себе также опасности: приходилось действовать наощупь. Но вскоре я уже был на стене!

Пригнувшись и на всякий случай держа меч наготове, я стал пробираться по гребню стены. Всматриваясь во мрак, я пытался определить, где могла быть Шизала. Хотя большие костры потушили, на некоторых домах горели факелы.

И тут я увидел этот дом!

Он был достаточно хорошо освещен изнутри, и, кроме того, на окружавшем его валу были зажжены факелы. Но это была не главная причина, по которой я понял, что Шизалу держали там. На центральной башне здания развевалось огромное тяжелое знамя.

Я узнал его. Такое же знамя, только поменьше размером, украшало палатку Хоргул на поле боя.

Это было уже кое-что. Теперь я знал, куда нужно направляться — в здание со знаменем.

Я заткнул меч за пояс и стал спускаться по стене в город.

До земли оставалось футов десять, когда из-за угла дома, находившегося недалеко от стены, появился отряд аргзунов и направился ко мне. Я не знал, видели ли они меня и были ли посланы, чтобы со мной расправиться.

Они прошагали мимо. Всего пара футов отделяла меня от самого высокого из них. Я прирос к стене, молясь, как бы не упасть или каким-нибудь шумом не выдать себя.

Как только они скрылись из глаз, я быстро спустился на землю и бросился через улицу в тень ближайшего дома, сделанного из того же камня, что и городская стена.

Судя по тому, что у аргзунских воинов было мало дахар, из Карналии вернулись еще не все, поэтому город и не выглядел очень оживленным.

Это было мне на руку, и я поблагодарил провидение за удачу, ниспосланную мне в эту ночь.

Вскоре я добрался до нужного мне дома.

Его стены были более гладкими, чем городская стена, но это не могло быть помехой. Проблема была в том, что здание достаточно хорошо освещалось, и меня могли увидеть.

Ничего не оставалось делать, приходилось рисковать. Другого времени могло не быть. Попытаюсь добраться до окна и проберусь через него внутрь, а там, возможно, удастся спрятаться получше. Кроме того, подглядывая и подслушивая, я наверняка узнаю, где искать Шизалу.

Я ухватился за выступающий камень и дюйм за дюймом стал подтягиваться вверх. Это было делом трудным и медленным. Все окна — небольшие отверстия в скале — были высоко над землей — не ниже двадцати футов; то же окно, через которое я решил влезть внутрь, было еще выше. Я подумал, что окна располагали так высоко, опасаясь нападения.

Наконец я добрался до нужного окна. Заглянув внутрь, я убедился, что в комнате никого не было, и влез.

Я оказался в просторной кладовке, в которой стояли плетеные корзины с сушеными фруктами и мясом, травами и овощами. Я решил воспользоваться этой едой, приготовленной, очевидно, для какого-то ранее запланированного похода. Выбрав самые вкусные фрукты и овощи, я немного подкрепился. Хотелось пить, но ни воды, ни чего бы то ни было еще я нигде не нашел. С этим пришлось подождать.

С новыми силами я обследовал комнату. В ней

гулял ветер. Наверное, из-за сквозняков ее давно уже не использовали как жилую комнату — весь пол покрывали старые, даже почти сгнившие остатки еды и обломки корзин.

Я нашел дверь и попробовал ее открыть.

К моему величайшему сожалению, она была заперта на засов снаружи. Наверное, от воров!

Я очень устал, глаза закрывались, я засыпал на ходу. Мой путь сюда был долгим и напряженным, мы с Дарнадом почти не давали себе отдохнуть. Я решил, что смогу принести больше пользы Шизале, если хоть чуть-чуть восстановлю свои силы.

Я устроил себе уютное гнездышко из того, что оказалось под рукой, и расставил вокруг корзины, чтобы мне было теплее и чтобы меня не нашли те, кто мог войти сюда. Чувствуя себя почти в безопасности, я сразу же уснул.

Когда за окнами снова зажгли огромные костры, я понял, что в Аргзунии наступил новый «день». Но разбудил меня отнюдь не этот свет.

В комнате кто-то был.

Очень осторожно я потянулся, расправляя затекшие руки и ноги, и выглянул в щелочку в своей баррикаде.

И застыл в изумлении.

Человек, стоявший у корзин с едой, не был аргзуном. По телосложению он напоминал меня, только кожа у него была гораздо бледнее, наверное, от жизни в этом аргзунском склепе, никогда не освещаемом солнцем.

Его лицо было маской мертвеца: застывшие черты, потухшие пустые глаза. Плечи были опущены, неухоженные волосы — растрепаны. Он механически перекладывал мясо и овощи из больших плетеных корзин в маленькую корзиночку, которую держал в руке.

Он не был вооружен.

Не могло быть никаких сомнений относительно его положения и роли в пещерном мире Аргзунии.

Передо мной был раб, давным-давно потерявший свою свободу.

Рабы редко любят своих хозяев. С другой стороны, насколько они успели его приручить? Мог я

обратиться к нему за помощью или он испугается и закричит?

Я много рисковал, чтобы добраться сюда. Рискну еще раз.

Так тихо, как только мог, я вылез из своего убежища наверх, на корзины, и по их крышкам пополз к нему. Он стоял ко мне спиной и заметил меня, только когда я был совсем рядом.

Его глаза расширились, рот открылся, но он не издал ни звука.

— Я друг, — прошептал я.

— Д-друг? — переспросил он как-то тупо, словно это слово для него ничего не значило.

— Враг аргзунов, убийца многих из них.

— А-а! — он в ужасе попятился, выпустив из рук свою корзинку.

Я спрыгнул на пол и бросился закрывать дверь. Он повернулся ко мне с дрожащим ртом и взглядом, выражавшим смертельный страх. Но боялся он, очевидно, не меня, а того, что в его глазах я собой олицетворял.

— Т-ты д-должен пойти к к-королеве, т-ты д-должен сдаться. Если т-ты эт-то сделаешь, м-может, т-тебя и не бросят Зверю Наалу.

— Королева? Зверь Наал? Я слышал это имя, но что это такое?

— О-о, прошу тебя, не спрашивай!

— А ты кто? Сколько времени ты здесь пробыл? — я попробовал сменить тему.

— Я... я д-думаю, м-меня звали Орнак Дайа. Д-да, так м-меня и звали... Не знаю, сколько... ну, с тех пор, к-как м-мы п-преследовали аргзунов и п-попали в ловушку. Они п-послали п-против н-нас только п-половину своего войска... остальные б-были в засаде... мы и не п-подозревали... — Вместе с воспоминаниями к нему вернулось что-то от человека, которым он еще недавно был: плечи распрямились, губы перестали дрожать.

— Ты был в числе тех, кого вел за собой брадхи из Карналии, так? — спросил я. Мне трудно представить, что должен был пережить этот воин, чтобы так быстро превратиться в совершенно безвольное, раболепное существо.

— Д-да, т-так.

— Они заманили вас туда, где в засаде ждала часть их армии — это была хорошо продуманная тактика. И когда вы достигли Пещер, они атаковали вас и разгромили вашу армию. Так было дело? — Я уже догадался, что случилось.

— Д-да. Они захватили м-много п-пленников. Я один из тех, кто еще жив.

— Сколько пленников они захватили?

— Несколько сотен.

Я был в ужасе. Теперь было ясно, что, как я и предполагал, выступление аргзунов против Карналии готовилось годами. Первое их нападение было уверенно отбито, но эта битва значительно ослабила южные народы. Кроме того, несколько отрядов южной армии, преследовавшие аргзунов, попали в тщательно подготовленную ловушку, и усталые воины стали легкой добычей свежих сил синих великанов, ждущих в засаде. Потом аргзуны приступили к осуществлению второй части своего плана: маленькими группами они тайно пробирались на юг, стараясь захватить южные народы врасплох. Первым на их пути был Варнал. Гибель командира помешала им или случилось что-то другое, только их план сорвался. Но нанесенный ими урон и так был значителен: югу понадобится много лет, чтобы оправиться от этого удара, и в течение долгого времени, пока силы их не будут восстановлены, им нужно будет постоянно бояться нападения новых агрессоров. Например, владняров.

Я задал рабу главный вопрос:

— Скажи мне — сюда недавно прибыли две женщины? Темноволосая и светловолосая?

— Д-да, здесь есть пленница...

Только одна! Я молил бога, чтобы Шизалу не убили по дороге.

— Как она выглядит?

— Очень красивая... светловолосая... Думаю, она из рода карналов.

Я вздохнул с облегчением.

— А Хоргул из рода владняров? Была там темноволосая женщина?

Раб вскрикнул:

— А-а! Не произноси этого имени! Не произноси, слышишь!

— А в чем дело? — Он, кажется, чувствовал себя еще хуже, чем когда я впервые увидел его: по его подбородку текла слюна, глаза лихорадочно бегали, каждая клеточка тела тряслась. Он обхватил себя за плечи, согнулся и начал тихо постанывать.

Я схватил его, стал трясти, пытаясь привести его в чувство, но он упал на пол, продолжая стонать и дрожать.

Я опустился на колени рядом с ним:

— Скажи мне, кто такая Хоргул? Какую роль во всем этом играет она?

— Н-ну п-пожалуйста, оставь м-меня! Я н-не скажу, что т-ты здесь. Ты должен уйти. П-пожалуйста, уходи.

Я продолжал его трясти.

— Скажи!

Вдруг за моей спиной раздался голос — холодный, насмешливый, зловещий.

— Оставь беднягу в покое, Майкл Кейн! Я могу ответить на твой вопрос еще лучше, чем он. Мои стражники услышали шум в кладовой, и я пришла сама разобраться. Я предполагала, что ты можешь пожаловать в Аргзунию.

Я развернулся, не распрямляясь, и взглянул снизу вверх в глубокие злые глаза темноволосой женщины, игравшей во всем этом роль, которая долго для меня была тайной. Но сейчас я все узнаю.

— Хоргул! Кто ты?

— Я — королева аргзунов, Майкл Кейн. Это я командовала армией, которую ты разгромил, а не бедный Ранак Мард. Армия моя разбежалась, прежде чем я смогла что-то сделать, чтобы ее остановить. Эта поганка Шизала набросилась на меня сразу после твоего ухода. Я потеряла сознание, но ее схватили мои воины. Когда я очнулась, в рядах моей армии уже царила неразбериха, и я решила отомстить ей лично, а не городу.

— Ты! Это все твоих рук дело! Но как ты смогла стать королевой этих гигантских дикарей? Как тебе, женщине, удалось заполучить над ними такую власть?

— Я имею власть над тем, кого они боятся, — улыбнулась Хоргул.

— А кто это?

— Скоро узнаешь. — В комнату ввалились синие великаны. — Схватить его!

Я попытался встать, но споткнулся о дрожавшего на полу раба и прежде, чем смог восстановить равновесие, на меня навалились полдюжины аргзунов.

Я отбивался руками и ногами, но вскоре они связали мне руки, а Хоргул стояла и смеялась в лицо, сверкая своими острыми белыми зубами.

— А сейчас, — сказала она, — ты узнаешь, какое наказание ждет тех, кто осмеливается нарушать планы королевы аргзунов.

ГЛАВА 12
Логово Зверя Наала

— Отведите его в мои покои, — приказала страже Хоргул. — Сначала я его допрошу.

Мне пришлось идти за ней по лабиринту холодных, продуваемых насквозь коридоров, казавшихся мрачными при неверном свете фонарей, пока мы не пришли к огромной двери из тяжелого дерева, отделанного серебром. Надо сказать, у аргзунов были весьма своеобразные представления о красоте.

Дверь открылась, и мы вошли в комнату, теплую от горящего в огромном камине огня. Повсюду были набросаны шкуры животных и тяжелые ковры. Гобелены искусной работы — вероятно, трофеи, приобретенные в грабительских набегах, — покрывали стены и окна, отчего в комнате и было так тепло.

Тяжелый комод, высотой мне до пояса, стоял у огня. На нем были выставлены кувшины с вином и блюда с фруктами и мясом. Огромный, покрытый меховой накидкой диван был напротив, а вокруг него были расположены скамьи и резные деревянные стулья.

Не очень богатые по меркам цивилизованого юга, покои королевы казались просто роскошными по

сравнению с тем стилем жизни аргзунов, о котором я уже успел составить некоторое представление.

Над камином висел гобелен, гораздо хуже выполненный, чем все остальные. На нем было изображено то же существо, которое я уже видел на знамени королевы — таинственный Зверь Наал. Он выглядел угрожающе, и я заметил, что стражники старались не смотреть на его изображение, словно они его боялись.

Я был, конечно, крепко связан, и Хоргул было нечего бояться, когда она велела стражникам уйти. Я стоял прямо, глядя поверх ее головы, а она вышагивала передо мной, бросая на меня странные взгляды. Это продолжалось некоторое время, но я стоял и твердо смотрел вперед с непроницаемым выражением лица.

Вдруг она взглянула на меня, размахнулась и изо всех сил ударила меня по щеке. Я продолжал держаться, как раньше.

— Кто ты, Майкл Кейн?

Я не отвечал.

— В тебе что-то есть. Что-то, чего я никогда не встречала в других мужчинах. Что-то, что может мне... понравиться. — Ее голос стал тише, она подошла ко мне вплотную. — Я не шучу, Майкл Кейн, — сказала она. — Твоя судьба будет ужасна, если... если ты не примешь меры, чтобы предотвратить то, что должно произойти по малейшему моему знаку...

Я молчал.

— Майкл Кейн! Я женщина. И женщина очень... впечатлительная. — Она тихонько засмеялась, и в ее смехе послышалась ирония по отношению к себе самой. — Я оказалась здесь не по своей воле. Хочешь услышать, как я стала королевой аргзунов?

— Я хочу только знать, где Шизала, — сказал я наконец. — Где она?

— Ну, пока что ей не причинили вреда. А может, и никогда не причинят. Я решила ее судьбу, она должна сложиться интересно. Она не умрет, но, вероятно, я смогу ее приручить. Зачем убивать правительницу Варнала, если можно просто держать ее у своих ног, как вечную рабыню.

В моей голове пронесся целый вихрь мыслей. Итак, Шизала не должна умереть, по крайней мере, пока. Я почувствовал облегчение: значит, у Дарнада будет время, чтобы прийти и попытаться спасти ее. Я немного расслабился, наверное, даже улыбнулся.

— Кажется, ты в хорошем настроении. Ты неравнодушен к этой женщине. — В голосе Хоргул я услышал нетерпение.

— С чего мне быть к ней неравнодушным?

— Это хорошо, — сказала она почти про себя. Походкой пантеры она подошла к дивану и улеглась на него, демонстрируя мне свое прекрасное тело. Я продолжал стоять на своем месте, но теперь я смотрел прямо в ее горящие глаза. Через несколько мгновений она отвела взгляд.

Глядя в пол, она начала рассказ:

— Мне было всего одиннадцать, когда аргзуны напали на караван, в котором мне с родителями довелось путешествовать недалеко от северных границ Владнярии. Враги многих тогда убили, в том числе моих мать и отца, но некоторых забрали в рабство, как меня.

Я понимал, что она пытается растрогать меня, и если она говорила правду, я ей действительно сочувствовал за все то, что ей пришлось в детстве пережить. Но учитывая ее преступления, я не мог ни простить, ни оправдать ее.

— В те дни, — продолжала она, — аргзуны были разобщены. Часто бои кипели даже из-за пещер. Ничто не могло сплотить множество раздробленных семейных кланов, нормой отношений между которыми были кровавая вражда и вызываемые ею ежедневно сражения. Единственное, что могло их объединить, и то на время, был страх, который они испытывали перед Зверем Наалом, обитавшем в подземных коридорах под полом Великой пещеры. Его обычной добычей были аргзуны. Зверь выползал из своих подземелий, хватал кого-нибудь и снова уползал. Аргзуны верили, что Зверь Наал — порождение Рахарумары, их главного божества. Они не смели даже попытаться убить его. Когда могли, они приносили ему в жертву своих рабов.

Когда мне было шестнадцать, меня выбрали для

того, чтобы принести в жертву Зверю Наалу. Но уже тогда я чувствовала эту силу, эту способность заставлять других выполнять мою волю. Нет, тогда я могла проявить ее лишь в мелочах — ведь я все еще была рабыней — но и эти мелочи облегчали мне жизнь. Странно, но именно Зверь Наал дал мне возможность применить мою силу по-крупному.

Когда пришли вести, что Наал поднялся из подземелий Великой пещеры, меня и еще несколько человек — среди них были такие же рабы, как и я, и пара аргзунских преступников — связали и оставили там, где должен был проползти Зверь. Вскоре он действительно появился, и я в ужасе не могла оторвать глаз от того, как он поглощал моих спутников одного за другим. Я стала смотреть ему прямо в глаза: инстинкт подсказывал мне, что стоило отвести взгляд, и я пропала. Я не знаю, что случилось, но он мне ответил. Я обнаружила, что могу общаться с ним взглядом, отдавать приказания.

Она помедлила и взглянула на меня. Я ей не отвечал.

— Я вернулась в город, Черный город, а за мной, как собачка, шел Зверь Наал. Я велела сделать для него огромную яму, в которую его посадили. Аргзуны смотрели на меня с суеверным ужасом — и до сих пор так смотрят. Держа под контролем Зверя Наала, я властвую над ними. Какое-то время назад я решила отплатить за все годы несчастий и страданий, выпавших на мою долю, завоевав весь континент. Разными способами я получила сведения о войсках южных стран и их обороне. Я начала осуществлять свой план, я была готова годами ждать победы. Но вместо этого...

— Поражение, — сказал я, — заслуженное поражение. Годы, проведенные у аргзунов, искорежили твою душу, Хоргул. Ее раны уже не вылечить.

— Глупец! — она вскочила с дивана и прильнула ко мне своим горячим соблазнительным телом, гладя меня по груди. — Глупец! У меня другие планы, это вовсе не поражение! Я знаю много тайн, я обладаю властью, которая тебе и не снилась. Майкл Кейн, я могу поделиться с тобой всем этим. Я уже говорила тебе, что не встречала еще такого

мужчину, как ты, — храброго, красивого, волевого. Но в тебе есть еще кое-что — какие-то таинственные качества, так отличающие тебя от всего сброда Вашу́, к которому принадлежу и я. Стань моим королем, Майкл Кейн...

Она говорила тихо, пристально глядя мне в глаза, гипнотизируя меня, стараясь что-то мне внушить. И во мне что-то двинулось ей навстречу. Я почувствовал во всем теле тепло и легкость. Заманчивое предложение, подумал я.

— Майкл Кейн, я люблю тебя...

Каким-то образом это заявление спасло меня, хотя никак не пойму почему. Оно вернуло меня к реальности. Несмотря на то, что я был связан, я попытался оттолкнуть ее руки прочь.

— Я не люблю тебя, Хоргул, — сказал я твердо. — И вообще, я не могу испытывать ничего, кроме отвращения, к человеку, сделавшему то, что сделала ты. Теперь я понимаю, почему тебе удалось так легко заполучить сюда Шизалу: ты ее загипнотизировала! Но на меня твои чары не действуют!

Она отшатнулась от меня, и когда заговорила снова, ее голос был низким и взволнованным:

— Я знала, что все будет именно так. Может, это и привлекает меня в тебе: ты можешь противостоять моей силе, а это удается немногим. Даже это первобытное животное, этот Наал, в моей власти.

Я отступил назад, оглядываясь, — я все еще надеялся ускользнуть. Кажется, она это поняла, потому что вдруг посмотрела мне прямо в глаза.

Ее лицо было сплошной гримасой ненависти!

— Ну что же, Майкл Кейн, отвергая меня, ты сам решаешь свою судьбу. Ты заплатишь за все! Стража!

Появились огромные аргзуны.

— Взять его! Пошлите слуг ко всем вернувшимся аргзунам. Их пока немного, но позовите их всех. Скажите, что будет совершено жертвоприношение Рахарумаре!

Меня увели.

Я оказался в караулке, где меня продержали довольно долго. Потом за мной пришли, и мы отправились в путь по дымным и зловонным улицам Чер-

ного города. Позади нас по двое и трое к процессии стали пристраиваться аргзуны; их становилось все больше и больше. Один великан, оказавшийся позади стражников, бросал на меня странные взгляды, которые я никак не мог разгадать. На нем не было доспехов, и я решил, что он потерял их во время бегства назад в Черный город. На его груди был след от недавней раны. Мы продолжали идти вперед, и вскоре я забыл о нем.

Позади города развернулась сцена, бывшая в моих глазах идеальной иллюстрацией рассказов об аде. Горели огромные костры, от которых в пещерах мерцал тусклый свет и по каменному полу стлался дым. Аргзуны, сопровождавшие меня в течение всего этого долгого пути, были похожи на демонов, а костры казались кострами, в которых поджаривали грешников. Самому же мне предстояло вскоре встретиться с существом, воплощавшим Сатану!

Хоргул была уже там, на помосте, поднимавшемся на шестьдесят ступеней над всеми. Она стояла, повернувшись к нам спиной и вытянув руки. По обе стороны от нее ярко горели две жаровни, благодаря свету которых она была видна всем. У подножия ступеней аргзуны стали образовывать полукруг, располагаясь, как я наконец разглядел, когда мы подошли поближе, вдоль края ямы, к которой был обращен помост.

Мои стражники остановились у ступеней, ожидая чего-то. Мы все смотрели на Хоргул, вполголоса напевавшую странную мелодию. От слов ее песни или, скорее, от звуков, так как я не мог ничего понять, у меня по телу пробежали мурашки. На многих аргзунов, как я видел, это песня действовала так же.

И тут из ямы раздался ни с чем не сравнимый шелестящий звук, и я увидел, как в одном из ее углов с земли поднимается гигантская плоская змеиная голова и начинает раскачиваться в такт пению Хоргул.

Аргзуны издали какой-то звук, в котором угадывался суеверный страх, и стали подпевать и также раскачиваться в такт движению головы. Она была тошнотворно-желтого цвета, с верхней челюсти свисали два длинных острых клыка. От этого страши-

лища исходил нездоровый, затхлый запах; раскрыв свои гигантские челюсти, оно испустило наводящее ужас шипение, обнажив при этом огромный раздваивающийся язык и бездонную пасть своей глотки.

Пение Хоргул становилось тише, ее раскачивание — медленнее, гул зрителей — почти неслышным. Внезапно, как шок, наступила полная тишина.

И вдруг ее разорвал крик.

— Нет! Нет!

Я повернул голову, чтобы посмотреть, чей это был голос.

— Шизала! — невольно вскрикнул я. Эти злодеи привели ее полюбоваться на мою смерть. Даже на расстоянии я видел, что по ее щекам текут слезы. Она старалась вырваться из лап двух массивных аргзунов. Я тоже попытался освободиться от своих стражников, но они, и еще мои путы, остановили меня.

— Продержись! — закричал я ей. — Не умирай! Слышишь? Держись и ничего не бойся! — Я не мог сказать ей, что Дарнад уже мчится к цивилизованным народам, и ничто не помешает ему привести войска ей на помощь. Я молился в душе, чтобы она поняла, как много я вкладываю в это простое слово — «продержись!»

Она слабым голосом отозвалась:

— О, Майкл Кейн! Я... я...

— Молчать! — Хоргул повернулась, обращаясь как к нам, так и к своим подданным. — Отвести пленника к краю ямы!

Меня подтолкнули вперед, и я остановился на краю, не отрывая взора от того места, где свернулся кольцом Зверь Наал. Его необыкновенно умные глаза смотрели на меня — и мне стало не по себе от этого взгляда — со злобной усмешкой.

— Зверь Наал сегодня настроен весьма игриво, — заметила Хоргул. — Он немного позабавится, прежде чем разделаться с тобой.

Изо всех сил я старался скрыть свой ужас.

— Скинуть его! — приказала Хоргул.

Связанного, беспомощного, меня бросили в яму Зверя Наала, в его логово.

Мне удалось приземлиться на ноги в нескольких ярдах от змееподобного чудовища, все еще лежащего и смотрящего на меня своими наводящими ужас глазами.

И вдруг сверху раздался крик, и я поднял глаза. На меня смотрел аргзун, которого я уже заметил раньше — он так странно на меня смотрел. В одной руке у него был меч, в другой — боевой топор. Что он собирается сделать?

Я услышал, как Хоргул сказала страже:

— Остановить его!

Но аргзун уже спрыгнул вниз и оказался рядом. Он поднял меч, и вдруг я понял, что все происходящее не было сном.

ГЛАВА 13
Нежданный союзник

Сначала я решил, что воин зачем-то хочет меня убить. Но это было не так. Он быстро разрубил веревку, которой я был связан.

— Я тебя узнал, — с удивлением сказал я. — Ты — тот воин, с которым я сражался недалеко от Варнала.

— Да, я тот воин, чью жизнь ты отказался взять, воин, которого ты избавил от оскорблений и мечей моих товарищей. Я много думал о том, что ты сделал, Майкл Кейн. Я восхищаюсь тем, что ты сделал. Для меня это очень важно. А теперь, теперь я по крайней мере могу помочь тебе сразиться с этим чудовищем за твою жизнь.

— Но я думал, что твой народ боится зверя из-за его якобы сверхъестественной природы.

— Правильно. Точнее, я сомневаюсь, что это правильно. Быстрее бери меч. У меня всегда лучше получалось драться топором.

С этим нежданным, но очень вовремя подоспевшим союзником я повернулся, чтобы встретить Зверя Наала.

Зверь был явно сбит с толку таким поворотом событий. Он таращился то на меня, то на аргзуна,

как бы не зная, на кого сначала нужно нападать. Мы оба были готовы и пригнувшись ждали.

Вдруг гигантская голова Зверя метнулась ко мне. Я стал пятиться назад, пока не уткнулся спиной в стену. Наугад я ударил мечом по его морде.

Можно было догадаться, что он совершенно не привык, чтобы жертвы сопротивлялись его желанию их съесть, поэтому, почувствовав боль, он зашипел с яростью, но и с некоторым удивлением.

Он убрал голову подальше и стал разворачиваться во всю свою длину, одновременно поднимаясь надо мной; вскоре я оказался как бы в его тени.

Я думал, в его необъятной пасти я помещусь целиком. Я поднял меч острием вверх, и когда уже казалось, что судьба моя решена, когда от зловония, исходившего из глотки Зверя, я начал задыхаться, я вонзил свой клинок в мягкое небо чудовища.

Оно вскрикнуло и отшатнулось назад. В этот момент аргзун ударил его по голове топором. Чудовище повернулось к нему и своей раскачивающейся головой сбило великана с ног. Тот упал, и Зверь Наал разинул пасть, чтобы откусить ему голову.

Пришел мой черед действовать. Я запрыгнул Зверю на спину, пробежал по всему его телу, по плоской голове и оказался у самых его глаз.

У меня это заняло всего несколько секунд.

Аргзун внизу все еще отчаянно пытался увернуться от лязгающих челюстей Зверя Наала. И тут я поднял меч двумя руками над правым глазом чудовища.

Что было сил я вонзил клинок в глаз. Лезвие вошло глубоко. Голова откинулась назад, и меня сбросило на землю.

Зверь Наал снова повернулся ко мне. Из его глаза все еще торчал меч, и Зверь представлял собой еще более нелепое зрелище, чем раньше. И вот это страшилище надвигалось на меня, а я был безоружен.

Тут вскочил аргзун с топором и встал рядом со мной, чтобы меня защитить.

Зверь Наал издал громкий, леденящий кровь крик, и бросился на нас. Мы не могли оторвать взгляда от его раздваивающегося языка, мелькавшего в бездонной пасти.

Всего в нескольких дюймах от нас голова вдруг остановилась, покачнулась и, словно ее подбросила какая-то сила, взметнулась вверх. Зверь Наал развернулся во всю длину и потянулся из последних сил, как будто собираясь вылезти из ямы. Я видел, как отскочили от ее края зрители. Но Зверь рухнул вниз, едва не раздавив нас.

Значит, мой удар помог. Я убил его. Но он цеплялся за жизнь дольше, чем стал бы кто-нибудь другой. В тот момент я почти верил в его сверхъестественную природу.

Я наклонился к голове Зверя и потянул за рукоятку своего меча. Он легко вытащился.

И вдруг я понял, что мы вовсе не были спасены. Я все еще был пленником, и хотя я был вооружен, над ямой стояло около двух сотен аргзунов, готовых уничтожить нас, скажи Хоргул хотя бы одно слово.

— Что делать? — спросил я моего нового друга.

— Кажется, знаю, — сказал он, немного подумав. — Здесь есть узкий проход. Вон там, видишь, в другом конце ямы? — Я проследил взглядом, куда указывал его палец. Он был прав: там был ход, в котором легко поместился бы человек, но не могла пройти голова Зверя Наала.

— Что это? — спросил я.

— Тоннель, который ведет к лагерю рабов. Иногда по нему приводят сюда новые жертвы Зверя Наала, чтобы скормить ему. — Мой друг мрачно хмыкнул. — Хватит, больше он не будет пировать, наслаждаясь человеческой плотью. Мы убили Зверя Наала, это произвело на аргзунов впечатление! А еще большее впечатление на них произведет то, что мы исчезнем отсюда! Если нам повезет, в суматохе мы сможем бежать.

Я пошел за ним по туннелю.

По пути он рассказал мне, что его зовут Мовat Джард, из клана Мовat-Тук — одного из самых могущественных кланов, существовавших в стране до того, как в дела аргзунов вмешалась Хоргул. Он также сказал мне, что, хотя аргзуны боялись ее, в последнее время появилось очень много недовольных. Подданные роптали: провалился ее честолюбивый

план захвата целого континента, и Аргзуния была опустошена.

Через некоторое время мрак тоннеля стал рассеиваться, и я увидел впереди что-то вроде деревянной решетки. За ней располагалась пещера, освещенная одним-единственным факелом.

На полу лежали люди — грязные, оборванные, бородатые, бледные, набитые туда, как скот. Эти подавленные, униженные существа были когда-то воинами великой армии, которую заманили в ловушку. Около полутора сотен истощенных, измученных, бесчувственных рабов. Как мне было их жаль!

Мовat Джард попытался выбить решетку топором, и вскоре ему это удалось. Решетка упала, и нас встретили удивленные взгляды. Запах, неизменно появляющийся в такого рода вынужденном человеческом жилье, был почти невыносим, но я знал: несчастные рабы были в этом не виноваты.

Один человек, который держался лучше остальных, выступил вперед. Мы были с ним одного роста. Каким-то чудом ему удалось содержать свою густую бороду в порядке и чистоте, а мускулистое тело — в хорошей форме, словно он делал для этого специальные упражнения.

Когда он заговорил, в его глубоком голосе слышалось мужество и достоинство.

— Меня зовут Карнак, — просто сказал он. — Что все это значит? Кто вы и как попали сюда? И как вы ускользнули от Зверя Наала?

Отвечая, я обращался не только к нему, а ко всем рабам, так как они смотрели на меня и моего друга почти с надеждой.

— Зверь Наал мертв! — объявил я. — Мы убили его — мой друг Мовat Джард и я.

— Этот аргзун — твой *друг*? Невозможно!

— Возможно. И свидетельство этому — моя жизнь! — Я улыбнулся Мовat Джарду, который попытался улыбнуться в ответ. Но когда он обнажил зубы, он все равно выглядел зловеще.

— Кто ты? — спросил Карнак, тот человек с бородой.

— Я чужестранец. Я даже не с вашей планеты.

Но я здесь для того, чтобы вам помочь. У вас есть шанс освободиться!

— Свобода! — воскликнул он, и по рядам людей в пещере пробежала волна возбуждения: они стали вставать, в их движениях появилась жизнь.

— Вы должны быть готовы дорого заплатить за свою свободу, — предупредил я их. — Нам надо где-то добыть оружие.

— Но мы же не можем сражаться с целой нацией, — глухим голосом сказал Карнак.

— Конечно, — ответил я. — Но с целой нацией сражаться и не придется: ее просто нет. Осталось всего человек двести, да и те вряд ли окажутся сильными соперниками.

— Это... правда? Неужели это правда?

— Конечно, правда, — ответил я. — Но все равно нас мало, и оружия у нас нет. Нужно хорошенько все обдумать. Но сначала нужно исчезнуть отсюда.

— Учитывая наше состояние, это будет нетрудно, — ответил Карнак. — К тому же сейчас нас охраняют только два стражника вместо обычных двух-трех десятков. — Он показал рукой на другой вход в пещеру. Его закрывала только какая-то плетенка. — Обычно коридор кишит стражей, и сколько раз мы ни пытались прорваться, нас всякий раз отбрасывали назад или отправляли некоторых из нас на съедение к Зверю Наалу. Но сейчас...

Мы с Мовat Джардом тут же подбежали к плетеной двери и стали колотить в нее мечом и топором. Позади нас сгрудились пленники во главе с Карнаком.

Из-за двери мы услышали возгласы удивления. Потом какой-то аргзун закричал:

— А ну хватит стучать, а то отправитесь к Зверю Наалу!

— Зверь Наал мертв, — ответил я. — Здесь ты найдешь тех двоих, кто убил его.

Мы сорвали плетеную дверь. Когда она упала, нашим глазам открылись два растерянных стражника с мечами в руках.

Мовat Джард и я сразу же бросились на них и расправились с ними в мгновение ока. До этого мне не приходилось видеть такого короткого сражения.

Карнак наклонился к одному из стражников и взял его меч. Второй меч, боевой топор и дубинку взяли его товарищи.

— Нужно пойти в Оружейные Палаты Аргзунии, — сказал Моват Джард. — Там мы сможем подобрать оружие для всех.

— Где мы находимся? — спросил я.

— Под Черным городом. Есть несколько ходов.

— А где Оружейные Палаты?

— В Замке, то есть в Замке Хоргул. Если мы поспешим, мы сможем их обогнать. Наверное, среди них сейчас такая неразбериха!

— Моват Джард, почему ты помогаешь нам бороться с твоим собственным народом? — спросил Карнак подозрительно: однажды он уже столкнулся с хитрой аргзунской ловушкой.

— То, что сказал Майкл Кейн и что он однажды сделал для меня, заставило меня о многом задуматься. Я понял, что принципы могут быть сильнее законов кровного родства. Кроме того, я сражаюсь не с аргзунами, а с Хоргул. Если мы победим ее, мне снова придется делать выбор, но сначала нужно ее победить.

Кажется, Карнака это убедило. Мы бросились по коридорам, ведущим из подземелий в город, и скоро добрались до железных ворот, охраняемых одним-единственным стражником. Когда он увидел нас и, вероятно, заметил по нашим глазам, что мы способны на самые отчаянные поступки, он даже не стал доставать меч, а просто протянул к нам руки:

— Возьмите ключи, но оставьте мне жизнь!

— Честная сделка, — сказал я, взяв у него ключи и отомкнув ворота. — Мы также позаимствуем твое оружие. — Еще двое получили меч и топор — теперь уже восемь человек были вооружены. Мы связали стражника и вышли в город.

За стенами Черного города мы услышали голоса, но аргзуны еще не дошли до ворот. Мы направились в Оружейные Палаты Замка, отряд бывших рабов вели Моват Джард, Карнак и я.

Стражники пытались нас остановить, но мы прорвались в Замок.

Первые аргзуны появились в городе и подняли

тревогу, когда мы уже подходили к Оружейным Палатам.

За оружием в Аргзунии, видимо, ухаживали не так старательно, как в Варнале, и само по себе оно было немного другим — под стать своим хозяевам, наполовину дикарям. Но в целом Оружейные Палаты Черного города были похожи на оружейную комнату Варнала.

Пока освобожденные пленники с энтузиазмом выбирали себе оружие — самое лучшее из числа аргзунского, а также из числа тех трофеев, которые были захвачены синими великанами в многочисленных набегах, — восемь человек, что были уже вооружены, встретили новую партию нападавших.

Должно быть, мы — трое вожаков — представляли собой странное зрелище: синий гигант не менее десяти футов ростом, почти обнаженный человек с дикими глазами и огромной бородой и загорелый чужестранец, не расстающийся с мечом, — пришелец с другой планеты. Но у нас была одна общая черта — мы неплохо владели мечом.

Мы стояли плечом к плечу, удерживая аргзунов, пока наши товарищи выбирали себе оружие. Казалось, я попал под настоящий дождь, только сверху на меня хлынули не капли воды, а удары мечей синих великанов.

Каким-то чудом нам удалось их удержать у входа в Палаты и даже немного ослабить их натиск.

И тут позади нас раздался настоящий рев!

Это вооружились и готовились вступить в бой пленники. Рабы снова стали воинами, жаждущими отомстить за годы рабства и страха, за коварную ловушку, которая лишила народы юга их лучших граждан, цвета нации.

Теперь мы наступали, тесня аргзунов назад, по коридорам Замка, побеждая их в огромных залах и маленьких комнатах, в личных покоях Хоргул и в пустом тронном зале, где я воспользовался случаем сорвать со стены гобелен с изображением Зверя Наала.

Нас было мало. Наши люди почти забыли, как сражаться. Но наши сердца горели восторгом спра-

ведливой битвы, ибо, наконец, мы могли нанести по своим врагам удар возмездия.

Из Замка мы вышли на улицы, и весь город превратился в поле сражения. К этому времени треть наших бойцов были убиты, но аргзуны потеряли больше воинов!

Чем дольше мы сражались, тем лучше владели мечом бывшие пленники: в бою они вспоминали былое мастерство.

Сражение стало затихать, так как аргзуны решили привести свои силы в порядок. Нам тоже следовало отдохнуть и обсудить план действий. Замок и площадь вокруг него были наши, но в руках аргзунов находилась бóльшая часть города.

А где-то сейчас были Хоргул и Шизала... Я молился в душе, чтобы Хоргул в пылу битвы не распорядилась убить Шизалу. Я заклинал провидение, чтобы аргзунская королева все еще верила в способность своих воинов побеждать.

Аргзуны атаковали первыми, но мы были готовы: на площади, у начала каждой улицы стояли воины.

Какое-то время силы были равны, ни одна из сторон не могла потеснить другую.

— Равновесие, — сказал Моват Джард, когда он, Карнак и я совещались.

— Как его переломить? — спросил я.

— Нужно, чтобы большой отряд зашел к ним с тыла, — сказал Карнак. — Если мы сможем атаковать их с двух сторон, мы посеем смятение в их ряды.

— Хороший план, — согласился я. — Но как наш отряд попадет к ним в тыл? Летать мы не умеем!

— Точно, — сказал Моват Джард, — но мы можем пройти *под* ними. Помните пещеру, где держали пленников? Помните, я сказал, что там несколько входов и выходов?

— Помню, — ответил я. — И мы сможем пройти под землей и выйти на поверхность города за спинами аргзунов?

— Сможем, если, конечно, они не ожидают от нас этой штуки, — сказал он. — Но если они перекрыли все подземные ходы, нам придется плохо, ведь

отряд сильных воинов уйдет, и мы должны будем сражаться за двоих, чтобы удержать площадь и Замок. Сто́ит рисковать?

— Сто́ит, — сказал я. — Если мы не получим преимущества, наши воины устанут и не смогут противостоять аргзунам. Они и так слишком слабы после каменной тюрьмы. Мы не должны терять время.

— Кто их поведет? — спросил Карнак, выступая вперед: конечно, он думал, что это будет он.

— Я, — сказал я. — Вы оба должны быть здесь, чтобы поддерживать защитников.

Они согласились, что я был прав.

Не прошло и шати, как я собрал группу из тридцати воинов и повел их к входу в их бывшую тюрьму, который указал нам Моват Джард.

Мы спускались вниз по неровному полу подземного хода и вдруг наскочили на отряд аргзунов, идущих нам навстречу.

Едва мы успели что-либо сообразить, как уже вели бой, отнимавший драгоценное время, уносивший невосполнимое — людские жизни.

Казалось, аргзуны сражаются без особого рвения, и когда я убил двоих и обезоружил еще нескольких, остальные сложили оружие и подняли руки в знак того, что они сдаются.

— Почему вы так легко сдаетесь? — спросил я их.

Один из них ответил хриплым голосом с резким неприятным аргзунским акцентом:

— Мы устали сражаться за Хоргул, — сказал он. — А сейчас она даже нами не командует, она исчезла, когда ты убил Зверя Наала. Мы подчинялись ей только потому, что думали, что Рахарумара живет в Звере Наале и что она сильнее Зверя Наала, а значит, и Рахарумары. Но теперь мы знаем, что Рахарумара никогда не жил в Звере Наале, иначе ты бы не смог его убить. Мы не хотим рисковать жизнью ради осуществления ее хитрых планов — слишком много наших братьев умерло, потому что мы слепо исполняли ее приказы, продиктованные неуемным честолюбием. Все ее замыслы привели к тому, что сейчас горстка великанов защищается от рабов на улицах своего собственного города. Мы хотим мира.

— А другие аргзуны тебя поддерживают?

— Не знаю, — ответил он. — Все произошло так быстро! Мы не успели переговорить.

— Ты знаешь светловолосую девушку, которую Хоргул привезла сюда и которая была вместе со всеми на площади, когда меня кинули в яму Зверя Наала?

— Да, я ее видел.

— Ты знаешь, где она?

— Думаю, в Башне Вульсе.

— Где это?

— Около главных ворот — это самая высокая башня в городе.

Мы забрали у них оружие и отправились дальше, через пещеру для рабов, на поверхность города недалеко от аргзунов. Там мы сразу же напали на своих врагов.

Аргзуны обернулись с удивленными возгласами. Мы яростно атаковали, тесня их и продвигаясь вперед, чтобы соединиться с нашими товарищами, сражавшимися с великанами с другой стороны площади.

Моим противником был самый крупный аргзун из всех, с кем мне доводилось встречаться — он был двенадцати футов ростом. Вооружен он был пикой и мечом.

В ходе сражения он швырнул пику в меня, но по чистой случайности я смог поймать ее на лету, развернуть ее и бросить обратно. Я попал ему в живот и прикончил потом ударом меча. Если бы не эта счастливая случайность, — пойманная в воздухе пика, — не знаю, удалось бы мне выжить в этой схватке или нет.

Я увидел, что мы уже почти соединились с нашими товарищами на площади.

Уверенный, что победа будет на нашей стороне, я оставил командование своим отрядом на смуглого воина, который в сражении проявил ум и мастерство, и покинул поле боя, заправляя меч за пояс.

Я побежал к Башне Вульсе около главных ворот. Я надеялся, что найду Шизалу и освобожу ее.

Я скоро увидел Башню: она не охранялась.

Но я увидел и кое-что еще, заставившее меня вздрогнуть от удивления. Это было просто невозможно — галлюцинация, бред, мираж!

Я увидел, что к крыше Башни привязан самолет, как две капли воды похожий на тот, на котором мы с Шизалой вылетели в лагерь аргзунов.

Как он сюда попал?

Я вбежал в дверь, ведущую в Башню, и увидел каменные ступени спиральной лестницы. Мне показалось, что внизу комнат не было, поэтому я побежал вверх по этой лестнице.

На самом верху я обнаружил дверь. Она была незаперта, и я ее распахнул.

Когда я увидел в комнате двух людей, я испытал настоящий шок.

Там была Шизала.

А еще... Еще там был Телем Фас Огдай, брадхинак Мишим Тепа, жених Шизалы.

Одной рукой он обнимал Шизалу, в другой — держал меч. Когда я ворвался в комнату, он осторожно повернулся на звук.

ГЛАВА 14
Безмерное счастье и бесконечное горе

Должен сознаться, вместо радости от того, что Шизала была в безопасности и под надежной защитой, я на миг почувствовал жестокое разочарование.

Я опустил меч и улыбнулся Телем Фас Огдаю.

— Приветствую тебя, брадхинак. Я рад, что тебе удалось спасти брадхинаку от опасности. Как ты сюда попал? Ты узнал что-нибудь в Нарлете? Или тебя прислал сюда Дарнад? Ты оказался здесь быстрее, чем я ожидал.

Телем Фас Огдай улыбнулся и пожал плечами:

— Какая разница? Я здесь, Шизала в безопасности. Вот что важно.

Я подумал, что его ответы были почему-то очень уклончивыми, но принял их.

— Майкл Кейн, — сказала Шизала, — я была уверена, что тебя убили.

— Кажется, провидение на моей стороне, — сказал я, пытаясь скрыть выражение моих глаз, которые добавляли: кроме одного-единственного случая в жизни — самого важного.

— Я слышал, ты совершил чудеса отваги, — с некоторой иронией сказал Телем Фас Огдай. Он мне не нравился все больше и больше, несмотря на все мои усилия быть к нему объективным. Своим поведением он не очень-то мне помогал.

— Снова провидение, — ответил я.

— Может, ты оставишь нас на минутку, — сказал Телем Фас Огдай. — Мне нужно сказать Шизале два слова наедине.

Мне не хотелось снова показаться грубым, поэтому я поклонился и вышел из комнаты.

Едва закрыв дверь, я услышал, как Шизала громко вскрикнула.

Ну, это уж было слишком. Несмотря на столкновение с Телем Фас Огдаем при похожих обстоятельствах во дворце Варнала, я не смог сдержаться.

Я рванул дверь. Шизала извивалась в сильных руках Телем Фас Огдая, а он, с искаженным от ярости лицом, пытался подтащить девушку к окну, около которого был привязан самолет.

— Стой! — приказал я ровным голосом.

Шизала всхлипывала.

— Майкл Кейн, он...

— Извини, Шизала, но что бы ты обо мне ни думала, я не буду стоять в стороне и смотреть, как эта скотина так обращается с женщиной!

Телем Фас Огдай рассмеялся. Меч был уже у него за поясом, но он отпустил Шизалу, чтобы вновь выхватить оружие.

Как же я удивился, когда она сразу же кинулась ко мне!

— Он предатель! — закричала она. — Телем Фас Огдай был в сговоре с Хоргул, они хотели вместе править всем континентом.

Я не мог поверить своим ушам.

— Он угрожал убить тебя, когда ты придешь, если я не буду молчать, — продолжала она. — А я... я этого не хотела.

Телем Фас Огдай фыркнул:

— Не забывай о своей клятве, Шизала. Ты все равно выйдешь за меня замуж.

— Нет, не выйдет. Ваше обручение будет расторгнуто, как только весь мир узнает о твоем предательстве, — сказал я, вытаскивая меч.

Шизала покачала головой.

— Нет, такие клятвы значат больше, чем обычные законы. Он прав. Его отправят в ссылку, и меня вместе с ним.

— Это жестоко!

— Это традиция, — просто ответила она, — обычай наших народов. Если нарушать традиции, общество перестанет существовать, понимаешь? Отдельные люди должны иногда страдать несправедливо ради Великого Закона.

Против этого трудно было что-либо возразить. Я могу показаться старомодным, но я уважаю обычаи и традиции как те столпы, на которых держится общество.

Вдруг Телем Фас Огдай снова засмеялся, точнее издал что-то похожее на нервный смешок, и бросился на меня.

Я быстро толкнул Шизалу за спину и отразил его удар.

Никогда еще не встречал я человека, так искусно владеющего мечом. Наши силы были бы равны, если бы я не был так измотан всеми происшествиями этого дня. Я начал чувствовать, что он, должно быть, победит, и Шизала будет обречена всю жизнь жить с предателем, которого ненавидела.

Вскоре я действительно стал отступать под напором его атак и обнаружил, что оказался прижатым спиной не к стене, а к окну, что было гораздо опаснее. Высота была футов сто!

Я увидел, как ухмыляется Телем Фас Огдай. Я был в отчаянии. Я молил о новых силах, о втором дыхании. В последней попытке я рванулся вперед, прямо на эту груду блестящей стали!

Я захватил его врасплох. Это спасло меня и стоило ему жизни.

На мгновение он отшатнулся назад. Я быстро ударил его в горло. Клинок вошел глубоко, и он упал на меня со сдавленным яростным ревом.

Я опустился рядом с ним на колени и увидел, как из тела уходила жизнь. Я не мог спасти его. Мы оба знали, что он умрет. Подошла Шизала и тоже встала на колени.

— Почему, Телем, — спросила она, — почему ты это сделал?

Он повернулся к ней и заговорил, делая невероятные усилия.

— Это случилось во время похода, в который я тайно отправился год назад. Я хотел попытаться разузнать, что случилось с твоим отцом. Но вместо этого меня схватили и привели к Хоргул.

— Такой подход свидетельствует о твоей смелости, — сказал я тихо.

— Хоргул меня каким-то образом соблазнила, — сказал он. — Она посвятила меня в тайны, это были мрачные тайны, поверьте мне. Я оказался целиком в ее власти. Я помогал ей делать последние приготовления для нападения на Варнал. Я намеренно приехал в Варнал к тому времени, когда должно было начаться нападение, зная, что меня отправят за помощью в Мишим Теп и к другим союзникам. — Он зашелся в кашле, но сделал над собой усилие и продолжал говорить: — Я... я ничего не мог с собой поделать. Я ожидал, что вас разгромят, но вы спаслись. Карналы узнали, что я не сообщил в Мишим Теп о нападении. Отец спросил, почему я так поступил. Я не знал, что ответить. Люди стали об этом говорить, и скоро уже все знали, что я предатель, что я предал Варнал, хотя никто не знал, почему. А все эта женщина... Это было как сон... Я предатель... и еще я глупец... она... она... она...

Он приподнялся, устремив глаза в пустоту.

— Она... от нее только зло! — вскрикнул он. — Ее нужно найти и убить. Пока она жива, в опасности на Вашу́ будет все, что мы любим, все, чем

дорожим. Ее секреты страшны, они дают ей невероятную силу. Она должна умереть!

И он упал — замертво.

— Где Хоргул? — спросила Шизала.

— Не знаю. Думаю, она опять ускользнула, но куда — это загадка. Пещеры — это целый мир, который даже сами аргзуны исследовали не до конца.

— Как ты думаешь, он не преувеличивал... Может, его рассудок был уже замутнен...

— Думаю, да, — сказал я.

И вдруг она оказалась в моих объятьях; она плакала, и плакала, и не могла остановиться.

Я крепко обнимал ее, шепча какие-то слова, чтобы успокоить ее. Она прошла через такие невероятные страдания и столько раз должна была испытывать нечеловеческий страх, но все это она перенесла очень храбро. Я не мог винить ее за эти слезы.

— О Майкл Кейн, любимый, — всхлипнула она.

Я не мог поверить своим ушам. Да, испытания сегодняшнего дня, должно быть, повлияли на ясность моего рассудка!

— Что... что ты сказала? — спросил я неуверенно.

Она перестала всхлипывать и посмотрела мне в глаза, вытирая слезы.

— Я сказала «любимый», — повторила она. — Майкл Кейн, я люблю тебя с того самого дня, когда впервые увидела тебя. Помнишь, ты удирал от мизина?

Я рассмеялся, и она вслед за мной.

— Нет, это я тогда в тебя влюбился! — воскликнул я. — А ты... Я думал, ты любишь Телем Фас Огдая.

— Я восхищалась им тогда, — сказала она, — но я не могла любить его, особенно после того, как увидела тебя. Но что я могла сделать? Я была привязана к нему традицией, которой не имела права противиться.

— Я этого от тебя и не ожидал тогда, — сказал я. — Но сейчас...

Она обняла меня.

— Сейчас... — сказала она. — Сейчас мы свободны и можем пожениться, как только назначат день для королевского обручения и потом — для свадьбы.

Я наклонился, чтобы поцеловать ее.

Вдруг я вспомнил, что ведь я не знаю, как прошла битва.

— Мы должны узнать, как там дела у наших воинов, сражающихся с аргзунами.

Она ничего — или почти ничего — не знала о том, что происходило в городе. Я быстро ей все рассказал.

Она улыбнулась и взяла меня за руки.

— Я больше не хочу с тобой расставаться, — сказала она.

Я знал, что нужно было оставить ее в башне или, еще лучше, в самолете, где она будет в безопасности, но я не мог смириться с мыслью, что нас опять что-то разлучает. Самолет напомнил мне о том времени, когда мы вместе вылетали в лагерь аргзунов, и я спросил ее, зачем она оставила самолет.

— А ты не понял? — спросила она. Держась за руки, мы спускались по ступеням. — Я хотела помочь тебе. Или вместе с тобой умереть, если так сложится. Но когда я спустилась в палатку, ты уже сделал свое дело и исчез.

С любовью и благодарностью я сжал ее руку еще крепче. Остальное я знал от Хоргул.

На улице я увидел, что аргзуны сдаются: узнав о бегстве своей королевы, у них пропали воля и желание сражаться.

Нам навстречу шел отряд торжествующих победителей — воинов под командованием Моват Джарда и Карнака, бывшего раба.

Мы остановились, чтобы их подождать. До моего сознания наконец дошло, что сражение закончилось и больше не нужно будет ни на кого нападать и ни от кого защищаться. И вдруг я почувствовал, что смертельно устал.

И все же несмотря на эту усталость, я был счастлив. Мы победили. Шизала согласилась быть моей. Чего еще желать?

Вдруг Карнак улыбнулся и, протянув руки вперед, бросился к нам.

— Шизала! — закричал он. — Шизала, неужели это ты? Что ты здесь делаешь?

Шизала не узнавала бородатого мужчину; в ее глазах было недоумение. Кто бы это мог быть? Я не знал, но надеялся, что Карнак — просто ее старый друг, а не какой-нибудь бывший жених или еще кто-то, кто мог бы разрушить мое счастье.

— Карнак, ты знаешь Шизалу? — спросил я удивленно.

— Знаю ли я ее? — Карнак от души рассмеялся. — Думаю, да.

— Карнак? — тут настала очередь Шизалы рассмеяться. — Тебя так зовут? Так?

— Конечно.

Не стану скрывать, я почувствовал ревность, когда этот пожилой человек обнял Шизалу. Но все разрешилось в одном-единственном слове.

— Отец, — закричала девушка. — О, отец, я думала, тебя убили!

— И убили бы очень скоро, если бы не этот молодой человек с необычным именем и его свирепый друг. — Карнак показал на Моват Джарда.

Шизала повернулась ко мне.

— Ты спас моего отца? — Она бросилась мне на шею. — О, Майкл Кейн, двор Варнала обязан тебе самим своим существованием!

Я улыбнулся.

— Спасибо. Если бы он перестал существовать, я был бы очень несчастен.

Карнак потрепал меня по плечу.

— Какой воин! Какой молодец! За всю свою жизнь я не встречал ему равных, а уж я перевидал немало отличных воинов!

— Вы и сами прекрасный воин, сэр, — сказал я.

— Да, я неплохо сражаюсь, но я никогда не сражался так хорошо, как ты. — Он с сожалением посмотрел на меня и Шизалу: — Хм, дети мои, вижу, вы испытываете друг к другу, хм, некоторую симпатию. Но, Шизала, ты же понимаешь, что в этой ситуации ничего нельзя поделать.

— Что?! — Я похолодел от ужаса. Неужели какое-то новое препятствие между мной и Шизалой?

Карнак покачал головой.

— Все дело в брадхинаке Телем Фас Огдае. Он...

— Он мертв, — сказал я. У меня гора с плеч свалилась. Конечно, Карнак ничего не знал о последних событиях, и я ему быстро все рассказал.

Он нахмурился, когда услышал мой рассказ.

— А ведь у парня были крепкие нервы и сильная воля. Я знал, что Хоргул пускает в ход свой взгляд и голос и подчиняет так всех, кто ей нужен, но я никогда не думал, что сын моего старейшего друга мог... — Он кашлянул. — В какой-то степени это была моя вина, ведь он пришел, чтобы найти меня и спасти. — Карнак, брадхи Варнала, покачал головой. — Мы скажем его отцу, что он погиб за нас, — решил он. — Ведь в известном смысле так и было.

Он посмотрел на нас и улыбнулся.

— Тогда вы можете объявить о своем обручении, как только мы вернемся в Варнал. Конечно, если вы этого хотите.

— Конечно, мы этого хотим, — ответили мы с Шизалой в один голос, улыбаясь друг другу.

Оставалось только собрать совершенно растерявшихся и уже не сопротивлявшихся аргзунов, и мы решили, что Карнак, Шизала и я отправимся на самолете домой, оставив Черный город на попечении Моват Джарда, чтобы сделать поражение аргзунов менее горьким. Мы объявили, что Моват Джард будет там временным правителем, пока аргзуны и карналы не подпишут договор и в Аргзунии не состоятся выборы.

Понимая, что аргзуны оказались в этой ситуации из-за коварства Хоргул, мы обошлись с ними довольно мягко.

Попрощавшись на время с Моват Джардом, мы поднялись в самолет, и Карнак сел за пульт управления.

Он провел самолет по закоулкам и поворотам тоннеля прочь из пещеры. Мы пролетели над Оставленными Судьбой Землями, над лесом с приземистыми деревьями, широкой рекой и Алой равниной.

Путешествие заняло несколько дней, но мы провели их в разговорах о событиях прошлого и о планах на будущее.

Вскоре мы увидели вдали крыши Варнала.

Когда в городе узнали, кто прилетел, люди от радости обезумели. Нас встретила буря ликования. На следующий день должно было состояться обручение. Когда я отправился в свою комнату, меня переполняло счастье.

Но тут-то меня и подстерегало горе. Казалось, Судьба заставила меня пройти через все эти испытания, чтобы в последний момент, поманив вознаграждением, вырвать его из моих рук.

В ту ночь я пережил странное, но уже знакомое мне ощущение.

Я почувствовал, как мое тело разрывается на части, как я снова мчусь с поразительной скоростью через пространство и время. Потом это безумие закончилось, и я понял, что снова лежу. Я улыбнулся, уверенный, что видел сон. Тут я почувствовал, что на глаза упал свет: значит, настало утро моего обручения.

Я открыл глаза и увидел над собой улыбающееся лицо — лицо *доктора Логана*, моего главного ассистента в лаборатории на Земле.

— Логан! — ахнул я. — Где я? Что случилось?

— Не знаю, профессор, — сказал он. — Ваше тело все покрыто шрамами. Но ваши мускулы, кажется, стали еще крепче. Как вы себя чувствуете?

— Что случилось? — почти закричал я.

— Вы имеете в виду приемник? Ну, нам понадобилось часов семь, но мы разыскали вас на какой-то странной волне. Мы уже думали, что совсем вас потеряли, и тут нам все-таки повезло. Что-то случилось с транслятором. Помехи или еще что-то, не знаю.

Я вскочил и схватил его за воротник халата.

— Вы должны отправить меня назад! Слышите? Отправьте меня назад!

— Э, профессор, видно, ваши странствия были не очень-то легкими, — сказал один из техников. — Хорошо, хоть живы остались. Мы работали семь часов, думали, вы уже погибли.

— Так и есть, — сказал я, ссутулившись. Я отпустил воротник халата Логана и посмотрел на аппарат. Он отправил меня в мир, где я оказался участником захватывающих событий и где я встре-

тил прекрасную женщину. Но он же принес меня обратно в однообразие и скуку мира земного.

Меня упрятали в больницу и держали там несколько недель. Врачи и психологи не давали мне покоя, пытаясь выяснить, что же со мной произошло. Я был признан негодным для работы, и меня не подпускали даже близко к транслятору. Я несколько раз пытался добраться до него, но все мои попытки провалились. Наконец меня отправили в Европу в бессрочный отпуск.

И вот я здесь.

Эпилог

Вот что рассказал мне профессор Майкл Кейн, физик на Земле, воин на Марсе.

Поверьте ему, как поверил я, если хотите. Или не верьте — если можете.

Услышав историю Майкла Кейна, я попросил разрешения сделать две вещи.

Он спросил, какие.

— Позвольте мне опубликовать ваш замечательный рассказ, — попросил я, — чтобы весь мир мог судить о ясности вашего рассудка и о вашей правдивости.

Он пожал плечами.

— Боюсь, найдется очень мало людей, которые будут правы в своих суждениях.

— Но хотя бы они будут правы.

— Ну хорошо, а что еще?

— Прошу вас, позвольте мне помочь вам построить собственный транслятор вещества. Я дам вам денег. Можно это сделать?

— Да. Как-никак я изобретатель этого аппарата. Но для этого нужно очень много денег.

Я спросил, сколько. Он сказал. Это пробьет огромную брешь в моих средствах — сумма, названная Майклом Кейном, была гораздо больше той, что я мог себе позволить, но я не стал ему об этом говорить. Мне нужно было своей помощью доказать, что верю его рассказу.

Сейчас этот транслятор почти закончен. Кейн думает, что сможет настроить его на правильную длину волн. Несколько недель мы работали не покладая рук, и теперь, я надеюсь, все будет хорошо.

Этот аппарат немного усложнен по сравнению с первым: он одновременно и передатчик, и приемник, и постоянно настроен на одну и ту же волну.

Когда Кейн вернется на Марс — в какое бы глубокое прошлое он ни попал — он надеется построить там такой же аппарат, чтобы путешествовать на Землю и обратно, когда ему захочется. Это мне представляется не очень реальным, но я с уважением отношусь к способностям Кейна.

Получится?

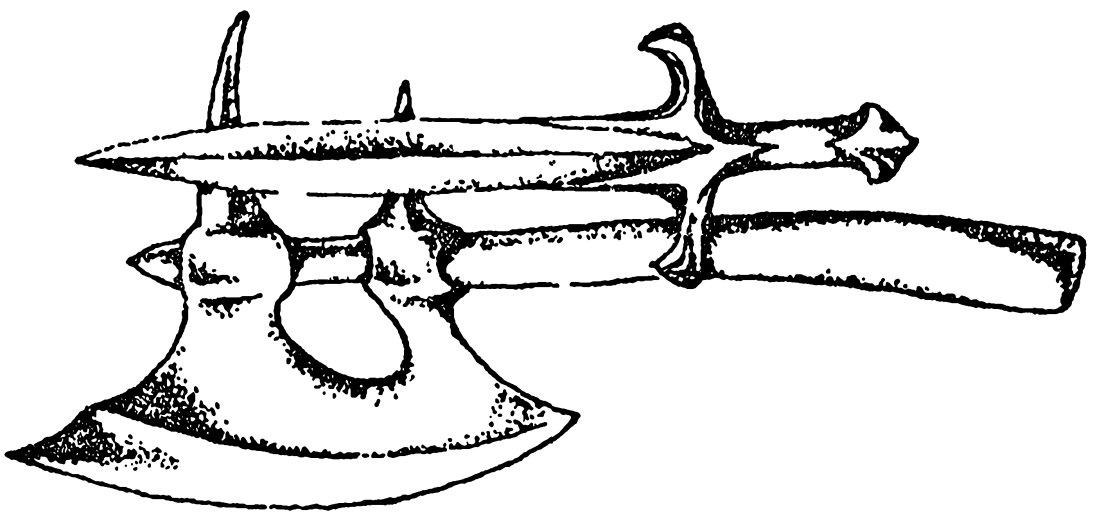
Пока не знаю. Когда эта книга будет в типографии, нам еще предстоит целая неделя работы: нужно будет испытать аппарат.

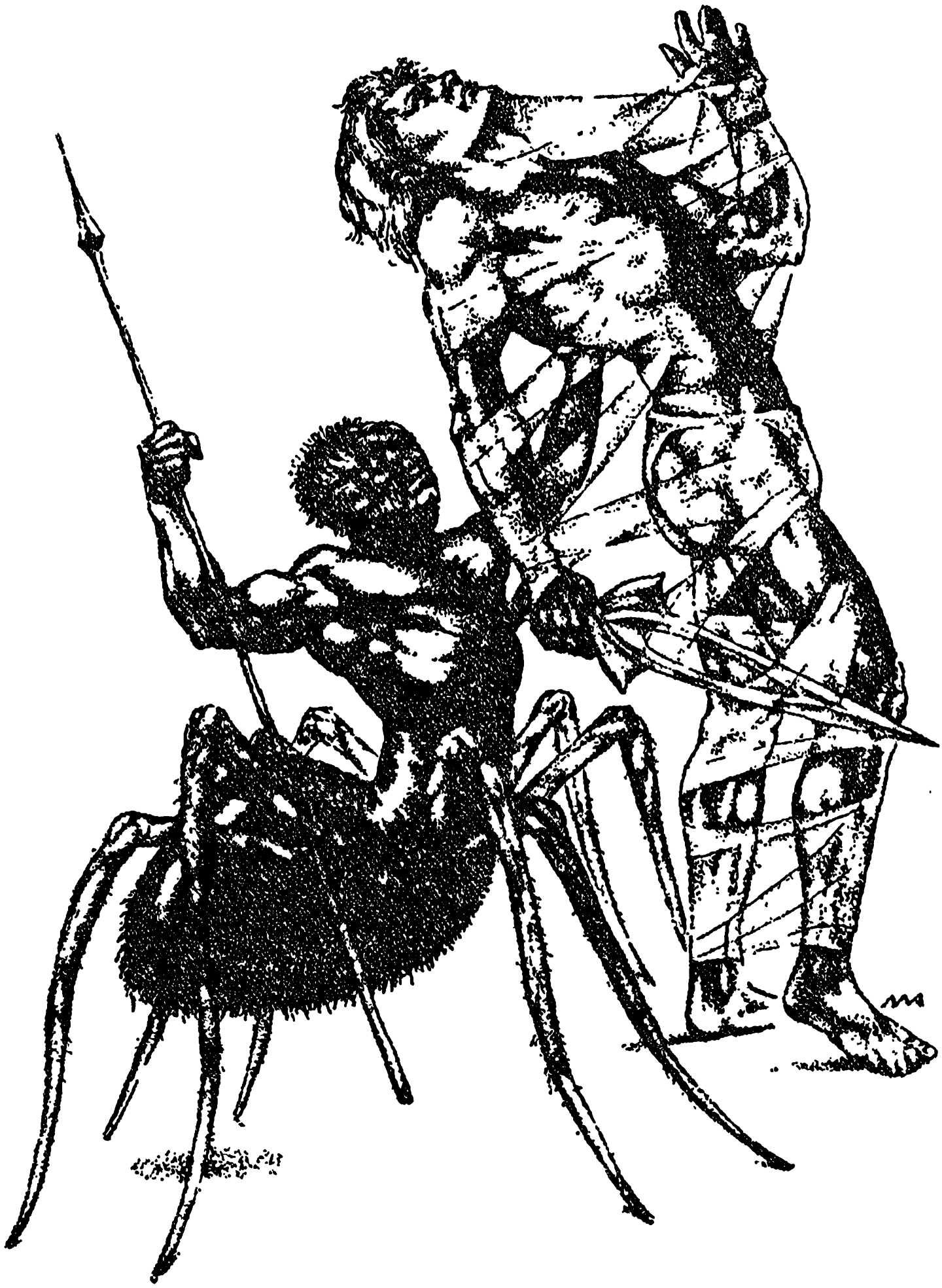
Может быть, вскоре мне будет что рассказать о воинах Марса в новой книге.

Что ж, будем на это надеяться.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОВЕЛИТЕЛЬ ПАУКОВ





Пролог

— У нас *должно* получиться!

Я поднял глаза. Эти слова произнес симпатичный великан с пронзительными, как бриллиант, горящими голубыми глазами. Он стоял, склонившись над самым невероятным из всех приборов, какие мне только приходилось видеть в своей жизни. Размером прибор был с телефонную будку; его покрывали всяческие кнопки, переключатели и датчики. Укрепленный сверху огромный змеевик гудел и светился от энергии, которая вырабатывалась в расположенной справа, в темном углу, динамо-машине необычной формы.

Высокий мужчина устроился на сидении, свисавшем с потолка нашей самодельной лаборатории, расположенной в подвале моего дома в Белгравии. Я стоял под этим сидением и читал ему информацию с датчиков.

Много недель мы работали над этим аппаратом. Точнее было бы сказать, *он* работал, потому что я лишь предоставил ему деньги и выполнял его распоряжения относительно самых простых вещей.

Встретились мы сравнительно недавно во Франции, где он рассказал мне странную, невероятную историю о своих приключениях — где бы вы думали? — на Марсе! Там он полюбил прекрасную принцессу из Варнала, Города Зеленых Туманов. Он сражался против гигантов с синей кожей, называемых аргзунами, и ему удалось спасти от их господства половину континента, которую они собирались захватить.

Рассказ о таких событиях звучит, конечно, как бред сумасшедшего или безудержные фантазии ка-

кого-нибудь краснобая. И все же я ему поверил. И верю до сих пор.

Я уже подробно описал нашу первую встречу и что из нее вышло: как Майкл Кейн, человек, устраивавшийся сейчас в аппарате над моей головой, проводил в Чикаго специальные исследования с целью создания того, что он называл «транслятором вещества», как его первый опыт оказался неудачным и его перенесло не в другой конец лаборатории, как было запланировано, а на Марс!

Это был, как мы думаем, Марс далекого прошлого, Марс, процветавший задолго до того, как туда ступила нога человека, Марс странных обычаев, красок, пейзажей, животных. Марс, на котором воюющие народы пользовались в своей борьбе оружием и техникой, доставшимися им от некогда могущественной цивилизации. Марс, на котором Майкл Кейн чувствовал себя как дома. Искусно владея мечом, он мог сражаться на равных с самыми лучшими воинами Красной планеты. Романтик, задыхающийся от скуки и однообразия своего земного существования, он был счастлив тем, как судьба распорядилась его жизнью.

Но эта же судьба — на сей раз в образе его коллег по лаборатории — вернула его на Землю, в настоящее, как раз тогда, когда он собирался жениться на своей возлюбленной с Марса. В лаборатории в Чикаго устранили неполадки в трансляторе вещества и перенесли Кейна обратно. Еще секунду назад он спал в своей постели на Марсе, — и вот он уже смотрит в улыбающиеся лица коллег, гордых от того, что, по их мнению, спасли ему жизнь.

Ни один человек не поверил ему, когда он рассказал о своем путешествии. Этому блестящему ученому *не поверили*, когда он пытался убедить окружающих, что он действительно был на Марсе — Марсе, существовавшем миллионы лет назад! Его не подпускали к собственному изобретению, ему предоставили «бессрочный отпуск». В отчаянии от того, что ему не суждено было вновь увидеть свою любимую, Майкл Кейн стал путешествовать по миру — совершенно бесцельно, так как думал он при этом

только об одном — о Вашу́, о той планете, которую мы, земляне, называем Марсом.

Мы с ним встретились случайно в маленьком кафе на французском Средиземноморье. Он мне все рассказал, и я решил помочь ему построить собственный транслятор вещества, похожий на тот, который был у него в лаборатории в Чикаго, чтобы, если повезет, он смог вернуться на Марс.

И теперь этот аппарат был почти готов!

— У нас должно получиться! — Майкл Кейн повторил эту фразу тихо, словно про себя, продолжая работать с мрачной решимостью и сосредоточенностью.

Он рисковал жизнью. А если нас постигнет неудача? Возможно, во время первого опыта он оказался на Марсе случайно? У него были весьма зыбкие доказательства в поддержку своей версии о том, что та конечная точка его путешествия сквозь пространство и время, в которую он попал, была обусловлена специальной настройкой аппарата. Я постоянно напоминал ему об этом — даже если аппарат будет работать, у нас был один шанс из ста, а может, из тысячи, что Майкл Кейн снова попадет на Марс. Но даже если он попадет туда, где гарантия, что окажется он в том же промежутке времени, в котором был раньше.

Он продолжал настаивать на своей теории, основанной больше на том, во что ему очень хотелось верить, чем на реальных фактах. И с этой отчаянной верой он трудился, напрягая все силы: все получится, повторял он, если он правильно рассчитает время года, день и географические координаты.

Он выбрал местечко недалеко от города Сэлзбери, которое, по его мнению, подходило как нельзя лучше. А самым удачным временем будет половина двенадцатого ночи завтра. Поэтому мы так спешили.

Что касается приборов, я был уверен, что все в порядке. Не буду вас обманывать, конечно, я в них ничего не понимал, но я верил в характер Майкла Кейна и его репутацию физика.

Наконец он оторвался от прибора, в котором возился, и взглянул на меня. Хотя я хорошо знал его, я никак не мог привыкнуть к сочетанию тоски и огня в его глазах.

— Ну, вот и все, — сказал он. — Больше ничего не сделать. Остается только перевезти транслятор на место. Энергетический блок готов?

— Да, — ответил я, имея в виду передвижную динамо-машину, которую мы собирались использовать для того, чтобы снабдить энергией наш транслятор. — Позвонить в бюро?

Он сжал губы и нахмурился. Спрыгнув с сидения на пол, он посмотрел вверх — на творение своего интеллекта, и напряжение прошло. Казалось, он был доволен.

— Да, лучше позвони сейчас, чем утром.

Я поднялся наверх и позвонил в бюро по найму, которое должно было прислать нам рабочих для того, чтобы перевезти аппарат из моего дома на выбранное нами место. Рабочие будут у моих дверей рано утром, уверили меня в бюро.

Когда я вернулся, Майкл Кейн сидел в кресле и дремал.

— Эй, старик, — сказал я, — тебе лучше сейчас отдохнуть, а то завтра у тебя не будет сил, а ты должен быть в форме.

Он молча кивнул. Я помог ему добраться до кровати и потом отправился в свою комнату.

Наутро приехали рабочие. Майкл Кейн придирчиво следил за тем, как они выносили транслятор и грузили его в свой фургон.

Мы отправились в Сэлзбери. Я сидел за рулем грузовика, к которому был прикреплен агрегат, называемый Майклом Кейном энергетическим блоком. Выбранная нами площадка для опыта была недалеко от Стоунхенджа, этого старинного сооружения из огромных каменных блоков, которое считается древнейшей астрономической обсерваторией. На фоне бледного утреннего неба гигантские колонны выделялись особенно величественно.

Мы привезли с собой и с помощью рабочих установили большую палатку, чтобы укрыть аппарат от непогоды и от любопытных взглядов. После того, как рабочие помогли нам, они уехали, получив от нас распоряжение вернуться со своим фургоном утром.

Ну это был и денек! Ветер рвал холст палатки, угрожая повалить ее на землю, но Кейн и я труди-

лись не покладая рук: мы собрали наш аппарат и провели несколько контрольных проверок, чтобы убедиться, что он работает. На это ушел почти весь день, и когда я отправился включить динамо-машину, чтобы проверить транслятор, уже опускалась ночь.

Время шло, и лицо Майкла Кейна становилось все более решительным и суровым. Он был целиком сосредоточен на предстоящей передаче и постоянно напоминал мне, что́ я должен буду сделать. Я и так все хорошо помнил — нужно было лишь проверить, как работают некоторые приборы, и нажать на некоторые кнопки.

Было почти половина двенадцатого, когда я вышел из палатки. Дул порывистый ветер, небо покрывали рваные облака, из-за них выглядывала луна, необыкновенно яркая и круглая. Ночь была какой-то тревожной. Это была ночь ожидания чуда.

Я немного постоял на улице, покурил. Поеживаясь от прохладного ночного воздуха и еще плотнее закутываясь в плащ, я подумал, что мой мозг от напряжения последних недель словно оцепенел. А сейчас, когда опыт должен был вот-вот начаться, я вдруг испугался — за Кейна. Если ничего не получится, он потеряет если не жизнь, то надежду на счастье. А потеряв надежду, он перестанет быть тем Майклом Кейном, которым я так восхищался.

Из палатки раздался его голос. Он звал меня.

Когда я вошел, я увидел, что он тоже волнуется, но не сильно — наверное, он очень устал и, к тому же, слишком ясно сознавал, чем мог окончиться для него этот опыт.

— Все уже почти готово, Эдвард.

Я выплюнул сигарету и взглянул на наш странный аппарат. После подключения к динамо-машине он ожил и сейчас тихонько гудел. В укрепленном над ним змеевике то вспыхивали, то гасли рубиново-красные огни, от чего палатка изнутри выглядела очень своеобразно. Лицо Майкла Кейна, освещенное тем же рубиново-красным светом, было прекрасно и возвышенно, как у существа неземного, почти бога.

— Пожелай мне счастья, — он попытался улыбнуться. Мы пожали друг другу руки.

Он занял место в аппарате, и я наглухо закрыл

за ним дверцу. Я взглянул на часы: осталась всего одна минута. Я не осмеливался даже подумать о том, что я собирался сейчас сделать.

Секунды шли. Я прочитал информацию с датчика, проверил приборы, еще раз повторил про себя инструкцию. Протянув руку, я нажал на одну из кнопок и повернул выключатель. Такие простые действия, но они могли убить человека или забросить его на край света.

Вдруг откуда-то сверху раздался пронзительный звук, и огоньки забегали по проводам с лихорадочной быстротой.

Я знал, в чем было дело.

Кейн был в пути.

Но куда? И в какое время? Может быть, я этого никогда не узнаю.

Что ж, дело сделано. Я медленно вышел из палатки, зажег сигарету.

Я думал о Кейне, вспоминал его рассказы о приключениях на древней Красной планете, о его возлюбленной. Я не переставал спрашивать себя, был ли я прав, когда поверил ему. Был ли я прав?

Кроме этих сомнений и страха за Кейна, я испытывал чувство утраты, как будто из моей жизни ушло что-то важное. Я потерял друга.

И вдруг из палатки раздался голос.

Как странно, это же был голос Кейна. Однако звучал он как-то по-новому.

Итак, у нас ничего не получилось. Аппарат не работал — Кейн остался на Земле. Наверное, в вычисления вкралась ошибка. Со смешанным чувством облегчения и тревоги я ворвался в палатку. И снова неожиданность!

Стоявший у транслятора человек был почти обнажен.

Это был Кейн, но не тот, с кем я только что, буквально несколько минут назад, простился.

В изумлении я уставился на этот призрак.

На нем были только кожаные доспехи, расшитые необыкновенными, сверкающими драгоценными камнями, совершенно мне не известными. На широкие мускулистые плечи был наброшен легкий плащ нежно-голубого цвета. На левом боку у него висел меч с

большим эфесом; он не был вложен в ножны, а свисал из широкой кожаной петли на поясе. На ногах были тяжелые сандалии, зашнурованные почти до колен. Волосы, как я заметил, были довольно длинными. На теле появились новые шрамы. Он мне улыбнулся как-то странно — как старому приятелю, которого давно не видел.

Я узнал его одежду по рассказам: это была одежда *пакана* — воина с Марса.

— Кейн! — ахнул я. — Что случилось? Ты же исчез отсюда всего несколько минут назад! — Я запнулся. Я не мог ничего больше сказать, лишь смотрел на него, не отрывая глаз.

Он подошел ко мне и сжал мое плечо.

— Подожди, — сказал он твердо. — Я объясню. Но может, вернемся в твой дом в Лондоне? Тебе, наверное, опять понадобится магнитофон.

На грузовике с прицепом, в котором была наша динамо-машина, мы вернулись в Белгравию. Как ни трудно было поверить, все это время рядом со мной сидел этот странный, почти обнаженный человек с длинным клинком и необычными украшениями на кожаных доспехах.

К счастью, никто не видел, как мы вошли в дом. Кейн двигался упругой походкой, играя крепкими мускулами, — супермен, полубог, герой из легенды.

Экономка моя живет в своем собственном доме и приходит только в определенные дни, чтобы сделать кое-какие дела по хозяйству, поэтому я сам приготовил Кейну ужин и сварил крепкий черный кофе, который его, кажется, очень обрадовал.

Я включил магнитофон, и он начал рассказывать. В этой книге я сохранил все как есть, за исключением своих вопросов и его отступлений, не касающихся сути дела. Я также опустил некоторую чисто техническую информацию. Итак, вот что он мне поведал.

Э. П. Б.
Честер-Сквер
Лондон, Ю-З 1

Апрель 1965

ГЛАВА 1
Бесплодная равнина

Устраиваясь в трансляторе, я испытывал смутный страх. Только в тот момент я впервые ясно понял, что́ я мог потерять.

Но было поздно. Ты, Эдвард, сделал то, что от тебя требовалось. У меня появились знакомые ощущения. Все было как во время первого опыта, только сейчас я не знал, куда попаду, ведь, если ты помнишь, в первый раз я был уверен, что перемещусь в лабораторию в другом конце здания, а вместо этого оказался на Марсе. Где я окажусь на этот раз? Хоть бы опять на Марсе!

Перед глазами стали появляться пятна неопределенных цветов. Я снова испытал состояние невесомости. Потом я вдруг почувствовал, что связан со всем миром, со всей Вселенной, и в то же время продолжал мчаться через мрак с невероятной скоростью. Моя душа не могла больше вмещать все ощущения, и я потерял сознание.

На этот раз я очнулся почти в полной темноте. Я лежал лицом вниз на холодных жестких камнях. Вероятно, падая, я немного ушибся. Я перевернулся на спину.

Я был на Марсе!

Я понял это, едва увидев две марсианские луны. Урну́ и Гарху́ — на языке Вашу́, — или Фобос и Деймос, как мы их называем, — освещали своим тусклым светом мрачные скалы и скудную растительность. Унылый пейзаж! На западе что-то сверкнуло: возможно, это лунный свет отражался от поверхности какого-то тихого озера или моря.

На мне все еще была одежда, в которой я сел в кабину транслятора. В волны было обращено все, что там оказалось, и сейчас на Марсе я обнаружил на руке часы, а в кармане — немного денег.

Но что-то было не так.

Я осторожно сел. Я все еще был немного заторможен, но во мне крепло подозрение, что случилось что-то серьезное.

Во время первого эксперимента аппарат перенес меня к стенам Варнала в южной части Марса. Оттуда же, «спасая мою жизнь», меня забрали назад, на Землю, мои «братья»-ученые.

Но эта бесплодная земля была совершенно непохожа ни на что, когда-либо виденное мною на Марсе, на *моем* Марсе!

Конечно, это был Марс. Где еще могли бы вы увидеть такие две «луны»? Но Марс, на котором я побывал во время первого опыта, и Марс, на котором я оказался сейчас, казалось, существовали в разное время. В первый раз я посетил Марс, процветавший в то время, когда на Земле жили мамонты и человек еще только должен был там поселиться, чтобы стать повелителем.

Беспомощный и одинокий, я был в отчаянии. У меня уже не оставалось никакой надежды на то, что когда-нибудь снова увижу свою возлюбленную Шизалу, с которой был почти обручен, и проживу свою жизнь счастливо и покойно в Городе Зеленых Туманов.

Ночи на Марсе длинные, а эта показалась мне просто бесконечной. Когда наконец рассвело, я встал и огляделся.

Мой взор не встретил ничего, кроме моря и скал, сколько я ни озирался. Насколько мог видеть глаз, вглубь материка от серого моря, которое, отражая холодное небо, спокойно и размеренно несло на берег свои волны, простиралась бесплодная равнина, покрытая рыжевато-коричневыми валунами.

И мне уже было все равно, в какой период марсианской истории я попал — задолго до рождения Шизалы или много лет спустя после ее смерти. Я знал лишь одно: если я снова находился на том месте, где однажды стояли или будут стоять Варнал, Город Зеленых Туманов, и Зовущие горы, тогда все пропало. Сейчас там, где ветер мог бы перебирать листву деревьев, звавших куда-то путников, он

гнал волны сурового свинцового моря, а на месте города была огромная неколебимая скала.

Меня предали, хотя и трудно было объяснить, кто. Кого мог я винить в том, что оказался здесь, а не во дворце правителей Карналии, что здесь пытался справиться со своим отчаянием, а не пьянел от счастья в объятьях своей возлюбленной.

Внезапно почувствовав себя смертельно усталым, я вздохнул. Нисколько не заботясь о том, что будет со мной, я отправился прочь от моря. Единственной моей целью было идти и идти вперед, пока не упаду от усталости и голода. В природе царило такое же опустошение, как и у меня в душе, охваченной безысходным отчаянием, в душе, где не осталось ни надежд, ни мечтаний.

Прошло часов пять, или около сорока марсианских шати, прежде чем я увидел того зверя. Должно быть, он какое-то время за мной наблюдал.

Я прежде всего заметил его странную сверкающую шкуру, отражавшую свет всеми цветами радуги. Казалось, зверь был сделан из особого липкого кристаллического вещества, но это была лишь видимость. Он был из плоти и крови, каким бы невероятным ни представлялся.

Высотой зверь был около двадцати килод — чуть больше шести футов, а длиной — около тридцати килод. Он был могуч. В пасти сверкали, как кристаллы, огромные зубы. У него был один глаз со множеством граней, как у других марсианских зверей, и четыре крепкие ноги, заканчивающиеся тяжелыми когтистыми лапами. Вместо хвоста у зверя было что-то вроде гребня из спутавшегося меха.

Было ясно, что он собирался мной пообедать.

Перед лицом опасности мое отчаяние исчезло. У меня не было оружия, поэтому я отступил и схватил в обе руки по огромному камню.

Призвав на помощь всю свою волю, я повернулся, чтобы встретить лицом к лицу зверя, который крался за мной, грозно приподнимая свой гребень как бы в предвкушении обеда. Глаз не отрываясь смотрел на меня, из открытого рта текла желтая слюна.

Вдруг я закричал и, целясь ему в глаз, бросил первый камень, следом — второй. Чудовище издало жалобный крик, в котором слышались боль и ярость, и взвилось на задние лапы.

Я поднял еще два камня и бросил их зверю в живот. Конечно, этот удар был не таким эффективным, как первый — в глаз. Зверь снова встал на задние лапы и выжидательно посмотрел на меня, а я — на него. Вид у него был зловещий.

На мгновение мы оба замерли.

Я медленно отступил и, присев, провел рукой по земле в поисках «снарядов». Но я нашел всего один камень, больше не было.

Гребень чудовища дрожал и яростно ходил из стороны в сторону, пасть раскрылась еще шире, слюна потекла с новой силой. Зверь сделал несколько шагов назад, но я видел: он не отступает, а лишь готовится вернее на меня наброситься.

Я попробовал сделать то, что обычно делают на Земле люди, оказавшиеся лицом к лицу с диким зверем. Закричав что было сил, я бросился вперед, размахивая руками, в одной из которых был камень.

Я почти врезался в его противную морду.

Зверь не сдвинулся ни на сантиметр!

Да-а, попал я в переделку!

Готовясь дорого отдать свою жизнь, я бросил ему в глаз последний камень и проскочил мимо. Зверь вскрикнул, потом крик перешел в жалобное завывание. Он снова вскочил на задние лапы. Я увидел, как по морде чудовища потекла густая кровь. Размахивая передними лапами, выпуская и снова поджимая когти, он развернулся на задних лапах. Я попал в нижнюю часть глаза, и, возможно, удар был удачным: рана сильно кровоточила. Однако зверь все еще мог видеть.

Я наклонился за следующим камнем и в это время увидел, что чудовище, лязгая зубами, несется на меня.

Я едва успел отпрыгнуть с его пути, как он развернулся и снова бросился на меня. Спасения не было!

Я помню, как лежал на камне, пытаясь встать на ноги, каждой клеточкой тела ощущая, что на меня через миг навалится эта громада и в меня вопьются эти блестящие зубы.

И тут зверь упал на землю всего в нескольких сантиметрах от меня, дернулся и затих.

Что случилось? Сначала я подумал, что мой удар причинил зверю больше вреда, чем я ожидал, но, когда я встал, то увидел, что из его спины торчала длинная тяжелая пика.

Я оглянулся. Увидев стоящего невдалеке человека, я снова насторожился. Это был человек огромного роста — синий великан, аргзун. Я уже знал, какими необузданно жестокими могут они быть, я помнил, как нападали они на людей, похожих на меня.

Этот аргзун был очень хорошо вооружен, на левом и правом боку висели меч и дубинка. Мускулы у него были весьма внушительными, как и рост — около десяти футов.

Я оказался в другом времени, в другой эпохе, это было видно по его доспехам: они были сделаны не из кожи, как я привык видеть, а из очень хорошего металла.

Может быть, он спас меня от смерти, чтобы сейчас самому прикончить меня? Я уже начал вытаскивать его пику из тела чудовища, чтобы было чем защититься, когда великан нападет на меня.

К тому времени, как он подошел, мне удалось освободить пику. Он улыбнулся и взглянул на меня вопросительно; стоял он подбоченившись и слегка наклонив голову.

— Я готов встретиться с тобой, аргзун, — сказал я по-марсиански.

Тогда он рассмеялся, но не тем животным смехом, который я привык слышать от аргзунов, а вполне добродушно. Неужели аргзуны так изменились?

— Я видел, как ты сражался с радари, — сказал он. — Ты очень храбрый.

Устало, ничего не говоря, я опустил пику. Голос его также был необычен для аргзунов.

Он снова улыбнулся, показывая на мою одежду:

— Ты почему так укутался? Ты болен?

Я покачал головой, уже начиная смущаться из-за своей внешности — по марсианским меркам она была по меньшей мере странной, а также из-за того, что принял его за врага.

— Меня зовут Гул Хаджи, — сказал он. — А как зовут тебя? Из какого ты племени?

— Мое имя — Майкл Кейн, — сказал я, снова обретая способность говорить. — Я не принадлежу ни к какому племени по рождению, но меня считают членом своего племени карналы.

— Имя довольно странное. Но о карналах я слышал. У них репутация людей таких храбрых, каким ты только что показал себя.

— Прости меня, — сказал я, — но ты совсем не похож на аргзуна.

Он добродушно рассмеялся:

— Спасибо. Это потому, что я мендишар.

Кажется, я что-то слышал о мендишарах, но не мог вспомнить, что именно и от кого — наверное, от Шизалы.

— Это Мендишария?

— Если бы! К сожалению, нет, но мы от нее совсем недалеко.

— А где находится Мендишария относительно Аргзунии?

— Моя страна лежит на север от Пещер Мрака.

Получается, что разрыв во времени был не таким уж большим. Если еще существовали Карналия и аргзунские Пещеры Мрака, подземный мир синих великанов, тогда бесплодная земля, на которой мы сейчас находились, не покрывала, вероятно, всю поверхность планеты.

Гул Хаджи протянул руку:

— Можно я возьму назад свою пику?

Я виновато улыбнулся и отдал ему его оружие.

— У тебя очень усталый вид, — сказал он. — Пойдем, здесь недалеко я остановился на привал. На обед можно приготовить мясо твоего недавнего врага. — Он наклонился, легко поднял огромного зверя и взвалил его на плечо.

Я шел рядом, и ему приходилось сдерживать шаг, чтобы я мог за ним поспеть. Ноша его совсем не тяготила.

— Я поступил невежливо, — сказал я. — Я даже не поблагодарил тебя за то, что ты спас мне жизнь. Я — твой должник.

— Да ниспошлют тебе небеса возможность отплатить мне, — сказал он. Я уже слышал этот величественный ответ: так принято было отвечать на юге!

Мы дошли до небольшого ручейка в скалах, рядом с которым Гул Хаджи разбил свою палатку. Горел костер, от него шел зловонный дым, но Гул Хаджи объяснил, что единственное топливо, которое можно было достать в этих краях, был оксел — коричневатое, похожее на папоротник растение.

Пока специальным ножом, висевшим у него за поясом, Гул Хаджи снимал со зверя шкуру — а у него это получалось очень ловко, — он объяснил, чем были похожи мендишары и аргзуны. Мне было интересно услышать об этом, тем более, что в своем рассказе он упомянул о событиях из истории Вашу́, или Марса, как эту планету называют земляне.

Оказывается, в далеком прошлом мендишары и аргзуны были одним народом, живущим у моря, из которого, по преданию, они и родились. Они были рыбаками, морскими торговцами и пиратами, строили корабли и добывали инрак — редких моллюсков, которых все, кроме самих синих великанов, считали деликатесом.

Жили они в той части планеты, которую все называли отдаленной и заброшенной. Их интересы в жизни были очень ограниченными и исчерпывались торговлей с близлежащими странами или набегами на них же.

Потом началась Величайшая война. Гул Хаджи не очень распространялся о ее причинах и участниках. Он лишь сказал, что шла она между якшами и шивами. О шивах я уже слышал — именно от этого загадочного племени карналам досталось много полезных изобретений. Я знал, что когда-то у шивов была могущественная цивилизация, они разбирались в атомной энергии и других столь же сложных вещах. Их наука находилась на более высоком уровне, чем сейчас на Земле. До сих пор в разных местах планеты находят руины их городов. Как выяснилось,

Гул Хаджи знал о шивах немногим больше меня. Якши и шивы, сказал он, развились из одного рода, но шивы были значительно более творческим, созидающим народом.

Величайшая война шла на Вашу́ десятилетиями. Вскоре о ней услышали даже синие великаны, жившие от воюющих народов довольно далеко, а потом они даже стали испытывать на себе пагубные последствия этой войны: многие умерли от страшной болезни, переносимой ветром.

Шивы потеснили якшей, и те пришли в страну синих великанов: несмотря на замечательное оружие, якши были разбиты морально и физически. Горстка якшей предложила синим великанам присоединиться к ним для атаки на позиции шивов в глубине материка, в горах, обещая взамен богатую добычу. Многие согласились, и синие великаны и якши вместе отправились в горы. Очевидно, они нашли противников в их подземных пещерах, сделанных в скалах, и атаковали их. Шивы удерживали свои позиции, пока их не осталось только трое, и они ускользнули от врагов на какой-то летающей лодке. Немногие оставшиеся в живых якши бросились им вдогонку, велев своим синим союзникам ждать в горах их возвращения.

Но якши не вернулись, и синие великаны заняли подземные пещеры шивов. Некоторые из них взяли с собой в поход женщин, и теперь они стали устраиваться в новом мире, обживать его и даже, кажется, страна их встала на путь процветания. Из пещер было удобно совершать грабительские набеги на менее сильные светлокожие народы. Так несколько тысячелетий назад появилась Аргзуния.

Сегодняшние мендишары — это потомки тех, кто остался тогда в своей стране и не пошел с якшами воевать против шивов. Они не принимали участие в Величайшей войне, а жили торговлей с жителями далеких островов и континента, лежащего за морем на север от них.

— Так было, — сказал Гул Хаджи, закрепляя мясо на вертеле над огнем, — пока власть не захватили приозы.

— А это кто? — спросил я.

— Раньше они были просто королевскими стражниками — отрядом, который по этикету охранял дворец нашего брадхи. — Брадхи был чем-то вроде марсианского короля; его власть была наследственной, но в случае необходимости его могли сместить и всеобщим голосованием выбрать нового. — Отряд этот состоял из лучших молодых людей, завоевавших почет и уважение всего нашего племени. Постепенно их стали идеализировать, люди наделяли их невероятными, почти магическими способностями. В глазах простого народа они были больше, чем людьми, почти богами. Они могли делать, что хотели, и оставаться безнаказанными. Около сорока лет назад пьюкан-нара приозов — то есть их главный военачальник — начал говорить о том, что получает послания от высших существ.

Понимая, что существование приозов опасно для народа, брадхи и его совет решили распустить отряд, но они забыли о той власти, которую приозы получили над простыми людьми. Когда было объявлено решение о роспуске отрядов, ему никто не подчинился. Старого брадхи сместили, а пьюкан-нара приозов Джевар Бару был избран новым правителем. Смещенный брадхи и его приближенные умерли странной смертью один за другим, их семьи вынуждены были бежать, а править начал новый брадхи — Джевар Бару. Но его правление не делало людей счастливыми. Атмосфера в стране стала нездоровой.

— Как это? — спросил я.

— Приозы возродили в умах мендишаров прежние предрассудки и суеверия. Они объявили себя ясновидящими и возвещали о разного рода «чудесах» и «посланиях» от «высших существ». Они сделали ставку на религию в ее самом худшем, самом примитивном проявлении.

Я хорошо понимал, о чем он говорил: и в нашей земной истории были подобные случаи.

— Сейчас у власти находится клика воинов, которые одновременно являются и священниками. Они выдаивают из народа его богатства, — продолжал Гул Хаджи. — Многие простые люди недовольны. Но Джевар Бару и его «сверхчеловеки» имеют над

народом полную власть, и те, кто осмеливается открыто высказывать свое недовольство, оказываются непосредственными участниками варварского ритуала жертвоприношения, — конечно, в виде жертвы: на центральной площади нашей столицы, Мендишарлинга, у избранных для этого ритуала мужчин и женщин вырывают из груди сердце.

Я вздрогнул от отвращения.

— А какова твоя роль в этих событиях? — спросил я его.

— Довольно важная, — ответил он. — Готовится восстание, бунтовщики ожидают сигнала в маленьких деревеньках в горах недалеко от Мендишарлинга. Нужен только человек, который сплотил бы их и повел против приозов.

— И где этот человек?

— Это я, — сказал Гул Хаджи. — Надеюсь, я оправдаю их доверие. Я из рода последнего брадхи, мой отец был убит по приказу Джевара Бару. Моя семья, преследуемая приозами, скиталась по пустыням, пытаясь найти убежище и не находя его. Те, кого не убили приозы, умерли от голода и болезней, и от клыков диких зверей — вот таких, как этот, — и он показал на тушу атаковавшего меня чудовища; она уже начала зажариваться.

— Я остался один, — продолжал Гул Хаджи свой рассказ. — Хотя я тоскую по Мендишарии, я долго не мог даже подумать о том, чтобы вернуться, пока посланцы с родины не разыскали меня довольно далеко отсюда и не сказали, что бунтовщики ищут командира и что я мог бы подойти им как последний из древнего рода брадхи. Я согласился возглавить это восстание и теперь направляюсь в ту деревню, где собирается армия повстанцев.

— Поскольку у меня нет определенной цели, — сказал я, — не позволишь ли ты мне сопровождать тебя?

— Я человек одинокий, и твоя компания была бы очень кстати.

Мы поели, и я рассказал ему свою историю, которую он вовсе не посчитал такое уж невероятной, как я боялся.

— Мы привыкли к тому, что на Вашу́ происходит много загадочного, — сказал он. — Время от времени до нас доходят вести о чудесах далекого прошлого, о странных изобретениях, о которых мы знаем очень мало. Твоя история необычна, но вполне возможна. Здесь все возможно.

Я еще раз убедился, что марсиане были людьми философского склада, может быть, чуточку фаталистами, как бы мы их назвали, но, несомненно, с твердыми принципами и традициями, которым свято следовали, и это всегда выручало их.

После еды мы отдохнули, и к тому времени, как мы отправились в горы Мендишарии, уже темнело.

Когда лучи восходящего солнца тронули вершины гор на границе Мендишарии, Гулу Хаджи пришлось сдерживать свои шаги.

Мы шли через бирюзовое болото, когда два всадника на огромных, похожих на обезьян дахарах — животных, на которых ездят верхом почти во всех марсианских странах, — появились на вершине ближайшей невысокой горы. Увидев нас, они остановились на миг, а потом поскакали на нас во весь опор.

Разодеты они были пышно, ярко сверкали начищенные доспехи. На тесно прилегающих к голове шлемах раскачивались пестрые перья. Длинные мечи блестели на солнце.

Они собрались нас убить, это было ясно.

Гул Хаджи крикнул всего одно слово, когда бросил мне свою пику и выхватил меч.

И слово это было:

— Приозы!

Всадники с грохотом неслись на нас, и я держал пику наготове. Мой противник замахнулся своим огромным мечом, намереваясь размозжить мне голову.

Ему это сделать не удалось, так как я вовремя выставил пику и отбил меч, но удар приоза был настолько сильным, что пика вылетела у меня из рук и мне пришлось отпрыгнуть с пути врага. Я рванулся, чтобы поднять пику, а он развернул дахару, уверенный в своей легкой победе. Улыбаясь так, что узенькие глаза-щелочки стали совсем не видны, он бросился на меня.

ГЛАВА 2
Ора Лиз

Синий великан уже приготовился пронзить меня насквозь своим мечом. Уверен, что так бы и случилось.

Моя пика была от меня совсем близко, но поднять ее я не успевал. Когда острие клинка уже почти коснулось моей шеи, я отпрянул назад, почувствовав, что был буквально на волоске от гибели, так как меч почти коснулся моего черепа. Я дотянулся до пики и, схватив ее, вскочил на ноги.

Он снова развернул дахару, но я уже знал, что у меня появился шанс, и не упустил его.

Пика попала ему в лицо; он умер сразу же. Когда он падал с седла, пика вошла еще глубже. Меч выпал из его рук и повис на цепи, которой он был прикреплен к металлическому браслету на запястье. Не чувствуя ничьей сильной руки, которая управляла бы ею, дахара взвилась на дыбы. Труп упал на землю.

Оглянувшись, я увидел, что Гул Хаджи был не столь удачлив, как я — а я-то победил только потому, что удача была на моей стороне. Гул Хаджи защищался от дождя ударов, которые обрушил на него противник. Мой друг отбивался, стоя на одном колене.

Я схватил меч убитого мной приоза и побежал на дерущихся с яростным криком. Со стороны это, должно быть, выглядело забавно: невысокий по сравнению со сражающимися великанами, странно одетый — в рубашке, брюках и пиджаке, — вооруженный тяжелым мечом человек бежит на помощь одному из противников!

И тут приоз сделал большую глупость: он развернулся на крик. Мой друг только этого и ждал. Он бросился вперед, выбил у врага его оружие и вонзил свой клинок в его горло.

Гул Хаджи схватил дахару своего противника за поводья, и труп приоза соскользнул на землю, застряв ногой в стременах. Бывший брадхинак освободил его ногу, всем своим видом выражая презрение.

Я понял, какое решение принял мой друг, и повернулся к дахаре убитого мной приоза, которая стояла в стороне и нервно озиралась. Без всадника она имела еще больше человеческих черт, чем когда-либо раньше. Дахары и люди имели общего предка — обезьяну, и если бы кто-нибудь сказал о них, как мы говорим на Земле о собаках или лошадях: «Ну надо же, они совсем как люди!» — то этот человек просто констатировал бы факт. Их интеллект был очень развит, причем у мелких южных дахар сильнее, чем у крупных северных. Я приблизился к большой дахаре с осторожностью, пытаясь уговорить ее, успокоить. Она дернулась, чтобы убежать, но я уже держал ее за поводья. Она лязгнула зубами, как будто собираясь укусить меня, но я знал, что даже самые свирепые дахары никогда не бросаются на людей. Через секунду я уже сидел верхом.

Итак, у нас обоих были дахары и оружие.

Нам было очень неприятно, но другого выхода не было: мы сняли с трупов все, что нам было нужно. К сожалению, доспехи ни одному из нас не подошли: Гулу Хаджи они были чуть-чуть малы, мне — слишком велики, но мне удалось как-то пристроить ремни через плечо и на них — тяжелое оружие. Я с радостью избавился почти от всей своей земной одежды, стеснявшей мои движения. Теперь, в новых доспехах и с тяжелым оружием, я чувствовал себя совсем как марсианский воин. Я сел верхом на свою дахару и поскакал вперед, стараясь поспеть за Гулом Хаджи, направлявшимся в горы.

Наконец мы были в Мендишарии. Нужная нам деревня — Асде-Трохи — была всего в нескольких милях.

Вскоре мы уже были там. Я ожидал увидеть примитивные лачуги, но моим глазам предстали яркие, украшенные мозаикой стены низких домиков полусферической формы. Мозаики складывались в красивые, искусно выполненные картины. Асде-Трохи была окружена стеной, но когда мы спускались с холма, деревня была перед нами как на ладони. Стена была украшена рисунком, в котором причудливо переплетались различные геометрические фигу-

ры — в основном круги и прямоугольники, — выполненные яркими, насыщенными цветами — оранжевым, синим, желтым.

По мере того, как мы приближались к Асде-Трохи, на стене стали появляться вооруженные люди с обнаженными клинками. Это были синие великаны. На некоторых были доспехи, но не металлические, как у Гула Хаджи, а кожаные, какие я раньше видел на аргзунах. Вооружены они были тем, что смогли, казалось, достать где-то по случаю.

Когда мы подъехали ближе, один из стоявших на стене вскрикнул и стал что-то быстро объяснять остальным.

Раздался громкий ликующий крик, и воины подняли мечи и топоры вверх и стали подпрыгивать от радости.

Очевидно, они узнали Гула Хаджи и так его приветствовали.

В центре деревни был установлен флагшток, и теперь с него спустили одно знамя и водрузили на нем другое. Думаю, они буквально подняли знамя борьбы, так как этот тяжелый желто-черный квадрат был, вероятно, знаменем свергнутого брадхи.

Гул Хаджи улыбнулся мне, когда увидел, как открываются ворота:

— Такой встречи стоило ждать годами, — сказал он.

Мы въехали в деревню. Все жители — мужчины, женщины, дети, которые были с меня ростом! — окружили Гула Хаджи, наперебой выкрикивая слова приветствия.

Одна из женщин — весьма, как я полагаю, красивая по их стандартам — бросилась к Гулу Хаджи и повисла на его руке, не отрывая своих огромных глаз от его лица.

Казалось, Гул Хаджи смутился — как смутился бы и я на его месте, — и с некоторым трудом освободил руку, но ему это удалось, только когда он увидел, что к нему величественной походкой приближается высокий молодой человек с протянутыми в знак приветствия руками.

— Морахи Ваджа! — воскликнул изгнанник. — Видишь, я сдержал свое слово!

— А я — свое, — улыбнулся молодой воин. — В горах не осталось ни одной деревни, которая не поддерживала бы тебя и не стремилась бы помочь нашему делу.

Женщина продолжала стоять рядом, но теперь она уже не обнимала Гула Хаджи.

Морахи Ваджа повернулся к ней.

— Это моя сестра Ора Лиз, ты с ней не знаком, но она — самый горячий твой союзник. — Морахи Ваджа улыбнулся и обратился к девушке: — Ора Лиз, пожалуйста, скажи, чтобы слуги приготовили Гулу Хаджи и его другу комнаты и обед. — Казалось, что молодого воина совершенно не удивило появление в их деревне чужестранца, человека из другого племени.

Гул Хаджи понял, что настала пора меня представить.

— Это Майкл Кейн, он с Негалу, — сказал он, называя Землю именем, принятым для нее на Марсе.

На этот раз Морахи Ваджа все же удивился, но не сильно.

— Я думал, на Негалу живут только гигантские пресмыкающиеся, — сказал он.

Гул Хаджи рассмеялся.

— Он не только с Негалу, он еще и из будущего.

Морахи Ваджа слегка улыбнулся.

— Что ж, приветствую тебя, друг, надеюсь, ты принесешь нам счастье.

Я не стал говорить, что сам от всей души надеялся сделать хотя бы это, раз уж свое счастье я упустил!

Когда мы спешились, Гул Хаджи сказал:

— Майкл Кейн спас сегодня мою жизнь, когда мы сражались с приозами.

— Мы приветствуем нашего дорогого гостя! — сказал Морахи Ваджа.

— Да, но Гул Хаджи не упомянул, что до этого он спас мою жизнь, — сказал я, когда Морахи Ваджа вел нас к большому дому, украшенному самой красивой мозаикой, которую я когда-либо видел.

— Значит, судьба распорядилась так, чтобы он спас тебя, ведь если бы он дал тебе погибнуть, кто помог бы ему в схватке с приозами?

Что ж, логично. Мне нечего было ответить на это. Мы вошли в дом. В больших, светлых, просто украшенных комнатах было прохладно.

Ора Лиз была уже там. Она смотрела только на Гула Хаджи, который был одновременно польщен и смущен ее вниманием.

Морахи Ваджа, вероятно, являлся человеком, чье мнение имело в деревне вес — он был, как выяснилось впоследствии, чем-то вроде мэра, и по его приказанию о нас заботились как нельзя лучше. Еду и напитки подавали восхитительные, кое-что из еды, очевидно, производилось на севере, поскольку раньше я никогда этого не пробовал.

Мы до отвала наелись и напились, и во время еды Ора Лиз не оставляла Гула Хаджи своим вниманием. Она даже умоляла позволить ей остаться, когда Морахи Ваджа сказал, что мы должны обсудить стратегию и материальное обеспечение восстания.

Существовали две основные причины восстания. Во-первых, люди начали сознавать, что никакой сверхъестественной силы у приозов не было. Слишком многие женщины и девушки убедились, что желания приозов были весьма примитивны. Трудно было, узнав об этом, продолжать считать их почти богами. И во-вторых, приозы стали более самоуверенны и потому более беспечны и уже не так бдительно следили за своей безопасностью.

Такое развитие событий показалось мне знакомым. Падение тиранов из-за собственной неосмотрительности и недальновидности происходило с регулярностью закона природы. Мудрый король, каким бы характером он ни обладал, защищал своих подданных и таким образом — себя самого. Чем крупнее и сложнее общество, тем больше времени ему требуется, чтобы избавиться от тирана. Конечно, часто одного тирана сменяет другой, и порочный круг замыкается. В конечном итоге это приводит к гибели государства — его упадку или утрате независимости, но рано или поздно должен появиться просвещенный правитель. На это иногда уходят века, а иногда — несколько недель. Все так, однако к та-

кой ситуации трудно относиться философски, когда железный каблук стоит на *твоем* лице.

Мы проговорили довольно долго, и все это время мне было забавно наблюдать, как Гулу Хаджи приходилось часто отказываться от очередного вкусного блюда, или восхитительного плода, или от подушки, предлагаемых ему такой заботливой Орой Лиз.

Вырабатывая план, мы исходили из того, что, когда мендишары из деревень атакуют столицу, ее жители поддержат восстание против приозов.

Это представлялось логичным.

Все было готово для выступления.

Оказывается, все было иначе еще совсем недавно. Мендишары не хотели идти за Морахи Ваджой, который в их глазах был слишком молод и неопытен. Однако все изменилось, когда Морахи Ваджа удалось связаться с Гулом Хаджи. Теперь они были готовы к борьбе.

— Очень важно, что ты здесь, брадхи, — сказал Морахи Ваджа. — Ты должен беречь себя до восстания, ибо если мы потеряем тебя, то потеряем всякий шанс победить.

Гул Хаджи пробовал протестовать, но Морахи Ваджа оставался непреклонным: он был убежден в том, что говорил.

Каждому из нас в доме Морахи Ваджи была предоставлена комната. Моя кровать была очень простой и жесткой, как это было принято здесь, на Марсе. Вскоре я уже крепко спал.

Я лег спать со смешанным чувством отчаяния и надежды. Я, конечно, не мог забыть, что от женщины, которую я любил, меня отделяли непреодолимые препятствия. С другой стороны, беду порабощенного народа Мендишарии я переживал, как свою собственную. Мы, американцы, всегда сочувствуем угнетенным, кем бы они ни были. Не очень-то христианская позиция, согласен, но это позиция большинства моих соотечественников, а также вообще большинства землян.

Проснулся я, настроенный еще более философски, чем накануне. У меня оставалась надежда, хотя и очень слабая.

Помнишь, я рассказывал тебе о замечательных

изобретениях таинственных шивов? На шивов-то я и надеялся: если бы я смог с ними связаться, я бы попросил их помочь мне пересечь пространство и время снова, но на этот раз не для того, чтобы попасть на другую планету, а для того, чтобы оказаться в другом месте и в другом времени здесь, на Марсе.

Я решил, что как только своими глазами увижу, что революция мендишаров победила, я разыщу шивов. Я не мог уйти из Мендишарии раньше, наверное, потому, что считал Гула Хаджи своим близким другом и все, что он делал, было для меня интересно и важно.

Вскоре после того, как проснулся, я услышал легкий стук в дверь. В открытое окно — стекол в доме не было — струился солнечный свет и аромат свежего, чистого воздуха — знакомый запах Марса.

Я пригласил стучавшего войти. Это была девушка-служанка. Женщины из племени мендишаров были всего на фут или два ниже мужчин. В руках у служанки был поднос с горячим завтраком. Я удивился, ибо на юге марсиане предпочитают на завтрак обходиться фруктами.

Я уже заканчивал завтрак, когда вошел Гул Хаджи. Поприветствовав меня, он сел на кровать и разразился смехом.

Я не мог удержаться и улыбнулся ему в ответ, хотя и не знал причины его веселья.

— Что там такое случилось? — спросил я его.

— Эта девушка, — сказал он, продолжая смеяться, — сестра Морахи Ваджи. Как там ее зовут?

— Ора Лиз?

— Точно. Она принесла мне утром завтрак.

— А что, так никогда не делается?

— Очень редко. Это, конечно, было очень любезно с ее стороны. И я бы расценил ее внимание как проявление гостеприимства или как комплимент, дело не в этом, а в том, что она сказала.

— И что же? — мне стало как-то не по себе.

Как я уже говорил, я человек очень чувствительный или даже мнительный. Называйте это, как хотите, но у меня есть шестое чувство, предупреждающее меня об опасности. Некоторые скажут, что в подсознании накапливается какая-то информация,

не доходящая до сознания, и из этой информации в сознание передается только вывод.

— Короче говоря, — объявил мой друг, — она сказала, что знает, что наши судьбы связаны. Боюсь, она думает, что я собираюсь на ней жениться.

— Ах, значит, она в тебя влюблена! — воскликнул я, все еще встревоженный. — Ты — загадочный изгнанник, вернувшийся, чтобы ценой борьбы занять престол. Что может быть романтичнее? Какая девушка осталась бы равнодушной к такому герою? Я слышал, что это чувство довольно распространенное.

Он кивнул.

— Конечно, конечно. Поэтому я и не принял ее заявлений всерьез. Но я был с ней вежлив, не бойся.

Задумавшись, я провел рукой по подбородку и вдруг понял, что уже несколько дней не брился: на лице была щетина. Нужно было что-то сделать.

— Что ты ей сказал?

— Что наше дело занимает все мысли и все время, но что тем не менее я заметил, какая она красивая. Она правда красивая, ты не находишь?

Я не ответил. Красота — понятие относительное, я это прекрасно понимал, но, честное слово, я не мог бы отличить красивую восьмифутовую синюю великаншу от уродливой.

— Я сказал ей, что нам придется подождать, пока мы не познакомимся поближе, — сказал мендишар, неуверенно кашлянув.

Я почувствовал некоторое облегчение, узнав, что мой друг был так вежлив и тактичен.

— Очень мудро с твоей стороны, — сказал ему я. — Когда будешь сидеть на троне Мендишарии как брадхи, вот тогда и будешь думать о романе — или о том, как его избежать.

— Точно, — сказал Гул Хаджи, снова вырастая надо мной, потому что он встал с кровати. — Не знаю, как она на это прореагирует. Мне показалось, она восприняла мои слова как объяснение в любви. Меня это немного беспокоит.

— Не волнуйся, — сказал я. — Чем ты думаешь сегодня заняться?

— Нужно готовить восстание, а для этого отправим посланцев ко всем силакам и орсилакам и при-

зовем их встретиться, чтобы всем вместе обсудить наши планы.

Эти два марсианских слова можно было перевести приблизительно так: «главный человек в деревне» и «главный человек в городе». Суффикс «-ак» обозначает человека, имеющего власть над другими, точнее, облеченный ими властью, чтобы он действовал в их интересах, слово «сил» — небольшую группу людей, скажем, население деревни, «орсил» — группу побольше, население городка.

— Это необходимо сделать, — продолжал Гул Хаджи, — чтобы они сами убедились, что я — тот, кого они ждали, а также для того, чтобы решить, когда мы выступаем, куда и как нанесем главный удар и как будем использовать наших воинов.

— Как ты считаешь, сколько воинов в твоем распоряжении? — спросил я, окатываясь холодной водой, которая была у меня в комнате.

— Около десяти тысяч.

— А сколько будет у приозов?

— Около пяти тысяч, включая и воинов из других племен, которых приозы считают своими союзниками. Приозы будут, кажется, лучше вооружены и обучены. Мои люди привыкли сражаться каждый за себя, не имея единого военачальника. Приозы — воины дисциплинированные и подчиняются приказам. Не уверен, что смогу сказать то же самое о своих бойцах.

Я понял. Этим мендишары были похожи на своих сородичей — аргзунов, которых смогла на время объединить эта сверхковарная Хоргул, и то ей удалось сделать это, только когда она использовала их предрассудки и страх перед общим врагом — Зверем Наалом.

— Именно поэтому я и должен быть во главе восставших, — сказал Гул Хаджи. — Как утверждает Морахи Ваджа, они будут подчиняться наследнику брадхи, но не сделают и шага, чтобы выполнить приказ какого-либо простого силака.

— Значит, Морахи Ваджа был прав. Очень важно, чтобы ты был жив и стоял во главе восстания.

— Да, наверное. Но это очень большая ответственность.

— Ответственность, к которой тебе придется привыкнуть, — сказал я ему. — В качестве брадхи Мендишарии тебе придется возложить на себя ответственность за жизнь подданных — и сделать это на всю жизнь.

Он вздохнул и попытался улыбнуться:

— В том, чтобы быть одиноким странником в пустыне, есть свои преимущества. Ты не находишь?

— Конечно, но человек, в жилах которого течет королевская кровь, не всегда волен выбирать свою судьбу.

Он снова вздохнул и сжал эфес своего огромного меча:

— Ты не только хороший боевой товарищ, Майкл Кейн. Ты еще и надежный друг.

Я сжал его руку и заглянул в глаза.

— То же самое можно сказать и о тебе, брадхинак Гул Хаджи.

— Надеюсь, — сказал он.

ГЛАВА 3

Долг Гула Хаджи

Через несколько дней мы получили известие, что все орсилаки и силаки предупреждены и через три дня соберутся для решающего совещания.

Эти три дня перед совещанием мы провели в обсуждении наших планов. Отдыхали мы мало, и все свободное время Гул Хаджи проводил с Орой Лиз. Как и любому мужчине, ему льстило ее восхищение, и он просто купался в нем. Я чувствовал, что ничего хорошего из этого не могло выйти, но не мог его винить. Если бы я сам попал в такую ситуацию — разумеется, если бы до этого не встретил Шизалу, — то вел бы себя точно так же. По правде говоря, я и в самом деле часто вел себя так, но в тех случаях на карту было поставлено гораздо меньше.

Мне казалось, что мой друг давал Оре Лиз повод думать, что ее страсть взаимна, но у меня не было случая сказать ему об этом.

Однажды случилось так, что я оказался с девушкой в одной комнате, и мы разговорились.

Несмотря на то, что мне было трудно общаться с ней, так как очень непривычны были ее рост и своеобразное лицо, я понял, что она была простой, искренней, романтически настроенной девушкой. Я заговорил с ней о Гуле Хаджи, сказал, что у него много обязанностей перед народом и что, возможно, пройдут годы, прежде чем он сможет подумать о себе, о своей личной жизни, о жене, наконец.

В ответ она лишь рассмеялась и пожала плечами.

— Ты мудрый человек, Майкл Кейн. Брат говорит, что твои советы были очень полезны. Но думаю, что в вопросах любви ты не столь умен.

Это замечание уязвило меня больше, чем я даже готов был признать, так как мысли о моей любви, о Шизале, не оставляли меня ни на минуту. Но я упрямо продолжал разговор на эту тему.

— Ты никогда не думала, что Гул Хаджи, может быть, не испытывает к тебе столь же сильного чувства, как ты к нему? — спросил я мягко.

Ора Лиз опять засмеялась.

— Через два дня мы поженимся, — сказала она.

Я ахнул.

— Поженитесь? Гул Хаджи ничего мне об этом не говорил.

— Не говорил? А это неважно, все равно так будет.

После такого заявления мне нечего было ответить, и я решил разыскать Гула Хаджи, и чем раньше, тем лучше.

Я нашел его у северной границы деревни, он стоял, глядя поверх стены на прекрасные бирюзовые горы, на ухоженные поля, кормившие жителей деревни, и на луга, на которых росли огромные алые цветы рани.

— Гул Хаджи, — сказал я без околичностей. — Ты знаешь, что Ора Лиз решила, что ты через два дня на ней женишься?

Он с улыбкой повернулся ко мне.

— Значит, она так решила? Боюсь, она живет в мире, придуманном ею самой. Вчера она мне сказала с очень таинственным выражением лица, что если я

буду ждать ее под определенным деревом вон там, — он показал на северо-восток, — то случится то, чего мы оба желаем. Тайная свадьба! Это даже более романтично, чем можно было от нее ожидать.

— Неужели ты не понимаешь, что она искренне верит, что ты придешь туда?

Он глубоко вздохнул.

— Да, наверное, она так и думает. Я должен что-то сделать, правда?

— Да, и как можно скорее. Бедная девушка!

— Знаешь, Майкл Кейн, из-за обязанностей, которые на меня свалились в эти последние дни, я совсем запутался. Я проводил время с Орой Лиз, потому что в ее обществе мне было очень хорошо, напряжение проходило, я отдыхал душой. Понимаешь, я почти ничего не слышал из того, что она мне говорила и не помню ни одного слова из того, что я отвечал ей. Очевидно, все зашло слишком далеко.

Солнце начало садиться, и на темно-синем небе появились красные, желтые и лиловые отсветы.

— Пойдешь к ней? — я рассказал, где ее можно найти.

Он устало зевнул.

— Да нет, не сейчас. Лучше я поговорю с ней, когда отдохну и буду чувствовать себя не таким разбитым. Отложим разговор до утра.

Мы медленно вернулись в дом нашего хозяина. Навстречу нам попалась Ора Лиз. Она быстро прошла мимо, остановившись на миг лишь затем, чтобы бросить Гулу Хаджи многозначительную улыбку.

Я был в ужасе. Я понял, что мой друг оказался в затруднительном положении. Я также понял, как это произошло, и поэтому не мог ему не сочувствовать. И теперь ему придется сделать то, что не по душе ни одному мужчине: ему предстояло с максимальным тактом сказать девушке то, от чего она будет чувствовать себя очень несчастной. Немного разбираясь в таких ситуациях, я также знал, что как ни старается мужчина причинить как можно меньше боли, девушка всегда его неправильно понимает, и рыдает, и гонит его прочь, не принимая его утешения. Найдется очень мало женщин, которые реагировали бы иначе. Честно говоря, как раз они и

вызывают мое восхищение, — женщины, такие, как моя Шизала, которая при всей своей женственности может проявить железную волю и характер, силе которого может позавидовать любой мужчина.

Конечно, я сочувствовал бедной Оре Лиз, сочувствовал от всей души. Она была молода, неопытна — простая деревенская девушка, может быть, не такая умная, как Шизала, но очень непосредственная, в отличие от многих девушек, получающих воспитание на юге.

Я сочувствовал обоим: и Оре Лиз, и Гулу Хаджи. Но действовать предстояло моему другу, и я знал, что он сделает то, что от него потребуется.

Приняв ванну и побрившись специально отточенным ножом, который я одолжил у Морахи Ваджи, ибо синим великанам совершенно нечего сбривать, и у них нет ни бритв, ни лезвий, я улегся в свою кровать, но даже тогда тревожное чувство не отпускало меня. Всю долгую марсианскую ночь я крутился и метался в постели и наутро чувствовал себя таким же усталым, как накануне, когда только ложился спать.

Я окатил себя холодной водой, стараясь избавиться от чувства усталости, съел всю еду, которую мне принес слуга, надел доспехи и вышел во двор.

Утро было чудесным, жаль только, у меня не было времени оценить это.

Когда я оглядывался в поисках Гула Хаджи, из дома выбежала Ора Лиз. Она громко всхлипывала, почти стонала, все лицо было залито слезами.

Я понял, что, должно быть, Гул Хаджи поговорил с ней и сказал ей правду, ничего не смягчая и не приукрашивая. Я попытался остановить ее, успокоить, но она вырвалась из моих рук и выбежала на улицу.

Я сказал себе, что все было к лучшему, что так и должно было случиться, что, будучи такой юной и жизнерадостной, бедная девочка скоро утешится, и найдет другого воина, и окружит его своей любовью и заботой, которые, видимо, были неотъемлемой частью ее натуры.

Но я ошибся. Как же я ошибся! Это стало ясно из последовавших за этим событий.

Тут из дома вышел Гул Хаджи. Он шел медленно, опустив голову. Когда он взглянул на меня, я прочел в его глазах боль и грусть.

— Ты сделал это, — сказал я.

— Да.

— Я ее видел. Она пробежала мимо меня, и я не смог ее остановить. Поверь, все к лучшему.

— Надеюсь.

— Она скоро утешится.

— Ты не знаешь, Майкл Кейн, — сказал он со вздохом, — чего мне стоило сделать это. В другое время я бы, наверное, страстно влюбился в Ору Лиз.

— Еще влюбишься, когда все испытания будут позади.

— А тогда не будет слишком поздно?

Я был реалистом.

— Возможно, — ответил я.

Он сделал над собой усилие, чтобы выбросить эти мысли из головы.

— Пошли, — сказал он, — нужно еще поговорить с Морахи Ваджой. Он должен знать, как ты предлагаешь использовать отряд из Сала-Раз.

Мы оба были в мрачном настроении: Гул Хаджи был подавлен, а меня не оставляли дурные предчувствия.

Этот случай имел более серьезные последствия, чем мы могли себе представить.

Ему суждено было полностью изменить ход событий и вовлечь меня в невероятные приключения.

Ему суждено было принести многим смерть.

ГЛАВА 4

Нас предали!

Настал день решающего совещания, а Оры Лиз все не было. Отряды, посланные на ее поиски, не обнаружили никаких следов. Мы все беспокоились о ней, но нужно было думать прежде всего о деле: о предстоящем восстании.

Прибывали силаки и орсилаки, гордые от сознания своей значимости. Они путешествовали тайно, в

одиночку. Приозы очень пристально следили даже за небольшими группами людей, ожидая от них какой-либо угрозы своему существованию или, по крайней мере, спокойствию.

В обычной жизни купцы, ремесленники, скотоводы, земледельцы, сейчас все они были воинами. Даже тирания приозов не могла лишить этих людей права носить оружие. И они были вооружены до зубов.

На всех горах выставили посты, которые должны были предупредить, если появятся патрули приозов. Это было сделано на всякий случай, так как в тот день приозов не ждали, потому именно тогда и созвали совещание.

В Асде-Трохи прибыли более сорока силаков и орсилаков, и все они были, судя по виду, достойны доверия. На их лицах читались одновременно готовность участвовать в общем деле и независимость, обычно вызывавшая в них желание сражаться в одиночку, не полагаясь на помощь других. Однако характерное выражение недоверия стало понемногу исчезать с их лиц. Они входили в комнату в доме Морахи Ваджи, предназначенную для этого важного совещания и, видя там Гула Хаджи, говорили: «Он так похож на нашего брадхи! Словно тот ожил и снова пришел к нам». Этого было достаточно. Хотя они не кланялись и не приветствовали его подобострастными улыбками, а держались прямо, было видно, что они готовы сражаться ради общего дела.

Убедившись, что все узнали Гула Хаджи, Морахи Ваджа развернул большую карту Мендишарии и повесил ее на стену. Он предложил стратегию, которой было разумнее придерживаться, и предложил тактические ходы в расчете на различную реакцию приозов. Командиры отрядов задали несколько вопросов — было видно, что они хорошо понимали ситуацию и хотели помочь найти верное решение, — и мы обсудили новые предложения и варианты.

С такими воинами, подумал я, против неосмотрительных приозов победа над ними, захват столицы, выборы нового брадхи казались делом нетрудным.

Однако чувство неосознанной тревоги не покидало меня. Я гнал его прочь, но никак не мог отде-

латься. Я все время был настороже, беспокойно оглядывался, не снимая руки с эфеса меча.

В полдень нам принесли обед, и мы поели, не прерывая совещания, так как нельзя было терять ни минуты.

Вскоре после полудня мы завершили обсуждение основных проблем. Оставалось только принять решения, касающиеся более частных вопросов: как лучше было использовать отдельные отряды со специальным вооружением или выдающихся воинов и другие подобные вопросы.

К вечеру у большинства из нас сложилось впечатление, что к назначенному часу — через три дня — мы должны быть готовы и что мы непременно победим.

Но нам не суждено было предпринять какую-либо атаку.

Вместо этого на закате мы *сами были атакованы.*

Они напали на деревню со всех сторон, а нас было так мало, и вооружение наше было так скудно!

Противники наши все были на дахарах, в сверкающих в последних лучах солнца доспехах, с великолепным оружием: пиками, щитами, мечами, дубинками, боевыми топорами.

Их появление сопровождалось страшным шумом, ибо это ехали кровожадные великаны, предвкушавшие возможность стереть с лица земли деревню со всеми ее жителями: мужчинами, женщинами, детьми. Всадники кричали, как кричит росомаха, вцепляясь человеку в глотку.

Это был крик, от которого ужасом наполнялись сердца не только женщин и детей, но и мужественных, не раз побеждавших опасность мужчин. Это был крик существ безжалостных, злобных, заранее торжествующих победу.

Это был крик охотников, увидевших свою жертву, но здесь люди охотились на людей.

Мы видели, как они ехали по улицам, круша все на пути, опуская меч на все, что двигалось или шевелилось. Невозможно передать веселье, написанное на их лицах. Я видел, как умерла женщина, прижимавшая к себе ребенка: какой-то воин отрубил ей голову и поддел на пику ребенка. Я видел,

как пытался защитить себя от ударов четырех всадников мужчина и как он упал с криком ярости и ненависти.

Это было как кошмарный сон.

Как все это случилось? Нас предали, это было ясно. Нас атаковали приозы, ошибки быть не могло.

Конец всему! Если мы погибнем, люди останутся без командиров. Даже если некоторые избегнут страшной участи, невозможно будет снова организовать восстание, всерьез рассчитывая на успех.

Кто нас предал?

Я не находил ответа. Конечно, это не мог сделать какой-нибудь силак или орсилак. Люди гордые и честные, они сейчас мужественно пытались отразить атаку приозов.

Пока мы сражались, наступила ночь, но было светло, как днем, ибо вокруг полыхали дома, подожженные нашими противниками.

Если раньше мне казалось, что Гул Хаджи преувеличивал жестокость тирана и его подручных, то теперь все мои сомнения рассеялись. Я никогда не видел, чтобы люди были так жестоки по отношению к другим людям.

Память о той битве все еще сжимает мне сердце. Никогда не забуду я ту ночь ужаса. К сожалению, никогда.

Мы сражались, пока тела наши не стало ломить. Один за другим умирали, истекая кровью, лучшие мендишары, надежда нации, но они уносили с собой жизни многих хорошо вооруженных приозов.

Я отвечал ударом на удар. Мои движения стали почти автоматическими: защититься, напасть, парировать выпад или удар, самому нанести удар или сделать выпад. Я казался себе машиной. События последнего дня и усталость от того, как много я убивал, делали меня безучастным ко всему.

Когда нас осталось уже совсем мало, я вдруг услышал крики Морахи Ваджи и Гула Хаджи, которые стояли слева от меня.

Морахи Ваджа спорил с моим другом, убеждая его, что он должен бежать. Но Гул Хаджи отказывался.

— Ты должен уйти! Это твой долг!

— Долг?! Мой долг сражаться здесь, рядом с моими товарищами.

— Твой долг — снова отправиться в ссылку. Вся наша надежда — это ты. Если тебя убьют или схватят сегодня, страна будет обречена. Уходи, и место убитых сегодня займут новые люди.

Я сразу же увидел, что Морахи Ваджа был прав, и стал его горячо поддерживать.

Могу себе представить, как это выглядело со стороны: мы продолжали сражаться, яростно споря.

Постепенно Гул Хаджи понял, что должен уйти.

— Но ты должен уйти со мной, Майкл Кейн. Мне... мне... будут нужны твои советы и... утешение.

Бедняга! Он был в таком состоянии, что мог попасть в беду. Я согласился.

Шаг за шагом мы отступали к тому месту, где два суровых воина держали для нас дахар.

Вскоре мы уже уехали прочь из разоренной Асде-Трохи, но подозревали, что деревня была окружена на случай попытки бегства — это была стандартная тактика.

Я оглянулся назад и вновь содрогнулся от ужаса.

Небольшая группа защитников стояли плечо к плечу у дома Морахи Ваджи. Вокруг были трупы мужчин, женщин и детей, много трупов! Языки пламени лизали изысканные мозаичные картины на домах. Это была сцена с полотна Брейгеля — сцена ада.

Мне пришлось развернуться, так как нам навстречу скакали приозы.

Я редко испытываю ненависть, но приозов я по-настоящему ненавидел.

Я даже обрадовался возможности убить тех трех, что, ухмыляясь, ехали нам навстречу.

Своими теплыми от пролитой крови мечами мы стерли эти торжествующие улыбки с их лиц.

С тяжелым сердцем мы поехали вперед, оставляя позади Асде-Трохи, место, где сейчас царили ярость и жестокость.

Мы ехали и ехали, пока у нас хватало сил держать глаза открытыми. Тут настало утро.

В первых лучах солнца мы увидели остатки лагеря и какой-то силуэт на земле.

Приблизившись, мы узнали, кто это был.

Ора Лиз.

С криком удивления Гул Хаджи спрыгнул с дахары и бросился к девушке. Я присоединился к нему. Мы увидели, что Ора Лиз была ранена ударом меча.

Но почему?

Гул Хаджи посмотрел на меня.

— Это уже слишком, — сказал он хриплым голосом. — Сначала нападение приозов на деревню, а теперь еще это.

— Это тоже их рук дело? — спросил я тихо.

Он кивнул и, пощупав пульс, добавил:

— Она умирает. Странно, что она не умерла раньше — рана очень тяжелая.

Как бы в ответ на его слова Ора Лиз открыла глаза. Взгляд был уже тусклым, но было видно, что она узнала Гула Хаджи.

С ее губ сорвалось что-то вроде восклицания или стона, и она произнесла с трудом, почти шепотом:

— О, мой брадхи!

Гул Хаджи погладил ее по руке, пытаясь что-то сказать, но не смог. Он винил во всем случившемся с Орой Лиз себя.

— Мой брадхи! Прости меня!

— Простить? — наконец смог выговорить он. — Это не ты должна просить прощения, а я.

— Нет! — ее голос стал тверже. — Ты не понимаешь, что я наделала. Еще не поздно?

— Поздно? Поздно для чего? — Гул Хаджи был озадачен, а я, кажется, начинал понимать.

— Поздно помешать приозам?

— Помешать сделать что?

Ора Лиз слабо кашлянула, и на ее губах появилась кровь.

— Я... я сказала им, где ты...

Она попыталась приподняться.

— Я сказала им, где ты. Не понимаешь? Я рассказала им о совещании! Я сошла с ума! Это все от горя! О...

Гул Хаджи взглянул на меня с болью в глазах. Он наконец все понял. Нас предала Ора Лиз. Она

хотела отомстить Гулу Хаджи за то, что он ее отверг.

Он посмотрел на нее. То, что он ответил ей, навсегда заставило меня проникнуться к нему глубоким уважением: он был настоящий мужчина, мужчина во всем, он знал, что такое сила и сострадание.

— Нет, — сказал он, — они еще ничего не сделали. Мы предупредим всех... сразу же...

Она умерла, не сказав больше ни слова, — с улыбкой облегчения на губах.

Мы похоронили несчастную девушку там же в горах. Мы никак не отметили ее могилу. Что-то подсказывало нам поступить именно так: как будто не оставляя никакого следа на могиле Оры Лиз, мы хороним вместе с ней весь этот трагический случай.

Хотя это, конечно, было невозможно.

К вечеру того же дня к нам присоединились другие мендишары, бежавшие из Асде-Трохи. Мы узнали, что приозы добивали всех, кого видели живыми, что они долго преследовали убегавших. Мы также услышали, что приозы взяли несколько пленных — их имена называть не стали — и что деревня разрушена до основания.

Один из орсилаков, пожилой воин по имени Хал Хира, сказал:

— Хотел бы я знать, кто нас предал. Я уже давно ломаю себе голову, но ответа найти так и не могу.

Я взглянул на Гула Хаджи, он — на меня. Наверное, как раз в этот момент мы и заключили молчаливое соглашение никому ничего не говорить об Оре Лиз. Пусть это останется тайной. Настоящими злодеями были приозы, остальные — жертвами судьбы.

Мы вообще ничего не ответили Халу Хире, и он об этом больше не заговаривал.

Мы все были не расположены говорить.

На смену горам пришли равнины, равнинам — пустыни, а мы все ехали вперед, спасаясь от преследования приозов.

Они не поймали нас, но подвели некоторых из нас — хотя и не напрямую — к гибели.

ГЛАВА 5
Башня в пустыне

Распухшие губы Хала Хиры были крепко сжаты. Он вглядывался в простиравшуюся перед нами пустыню.

Это была настоящая пустыня, покрытая черным песком, который непрекращающийся ветер постоянно шевелил, как бы возвращая его к жизни. Как раз это и была пустыня, а не та заброшенная, бесплодная, треснувшая от засухи земля, покрытая камнями, земля, на которой я оказался, когда транслятор перенес меня с Земли на Марс.

Нам перестали встречаться лужи черноватой воды, мы уже не знали, где находились, помнили только, что идем на северо-запад.

Дахары устали не меньше нас и начали то и дело спотыкаться. Небо было безоблачным, и нашим заклятым врагом стало солнце, палившее немилосердно.

В течение пяти дней мы бесцельно ехали по пустыне. Мы не переставали думать о том, как повернулись дела в деревне. Мы были в отчаянии. Кроме того, мы знали, что если не найдем воду, то умрем. Наши тела были покрыты толстым слоем черного песка пустыни, и мы валились с наших дахар от усталости.

Ничего не оставалось делать, как двигаться вперед, продолжая безнадежные поиски воды.

На шестой день Хал Хира беззвучно сполз с седла. Когда мы подъехали, чтобы помочь ему, он был мертв.

Еще двое умерли на следующий день. Не считая Гула Хаджи и меня, в живых оставались еще трое — если, конечно, нас можно было назвать живыми — Джил Диэра, Вас Оола, Бак Пури.

Первый был тучным воином, маленького для мендишара роста. Они все были немногословны, но этот говорил еще меньше, чем остальные. Двое других были высокими молодыми воинами. Из них двоих Бак Пури стал проявлять очевидные признаки того, что терял терпение и присутствие духа. Я не мог

упрекать его — скоро, очень скоро палящее солнце доведет нас всех до безумия, если не убьет так, как убило Хала Хиру.

Бак Пури уже начинал что-то бормотать про себя и закатывать глаза. Мы делали вид, что ничего не замечаем: так было лучше и для него, и для нас. Глядя на него, мы представляли себе, в каком состоянии мы скоро окажемся.

И тут мы увидели эту башню.

Я не видел на Марсе ничего подобного. Хотя она была частично разрушена и казалась невыразимо древней, на ней не было следов губительного влияния времени. Разрушения, казалось, были вызваны какой-то бомбардировкой, в верхних частях башни были большие дыры, пробитые насквозь с воздуха в один из периодов ее истории.

По крайней мере, в ней можно было укрыться. Кроме того, существование башни свидетельствовало о том, что здесь раньше было какое-то поселение, а где было поселение, могла быть вода.

Подойдя к башне и потрогав ее, я с удивлением обнаружил, что она была сделана из какого-то искусственного материала, и я никак не мог его узнать. Казалось, это была невероятно долговечная пластмасса, крепкая, как сталь, а может, и еще крепче, поскольку на ней совершенно не сказалось коррозийное действие песка.

Мы вошли в дверь, причем моим спутникам пришлось пригнуться. В башню нанесло песку, но он был прохладным. Мы упали на землю и, не произнеся ни слова, почти немедленно уснули.

Я проснулся первым, возможно, потому, что еще не привык к тому, что марсианские ночи такие длинные.

Еще только начало рассветать. Я чувствовал себя очень слабым, но отдохнувшим.

И даже в таком состоянии мне было интересно узнать, где же мы находились. Над головой на расстоянии двенадцати футов был потолок, но не было видно, как можно было добраться до верхнего этажа, который должен был обязательно там быть.

Не тревожа сон моих спутников, я пустился изучать окружавшую нас пустыню, пытаясь разыскать

хоть какой-нибудь признак того, что под песком была вода.

Я был уверен, что вода где-то здесь должна быть, но вот найду ли я ее — это был другой вопрос.

Взгляд мой упал на какой-то силуэт в песках. Эта была не дюна. Я обнаружил под песком низенькую стену, сделанную из той же пластмассы, что и башня. Когдя я разгреб песок, я увидел, что стояла эта стена на поверхности из того же материала. Я не мог понять назначения этого сооружения. Стена простиралась в виде правильного квадрата с расстоянием в тридцать футов по диагонали. Я пошел к противоположной стене.

Я был неосторожен — очень измучен, чтобы быть осторожным — и вдруг песок стал уходить из-под моих ног; я попытался сохранить равновесие, но не удержался и упал вниз. Я приземлился, еле переводя дух и поглаживая ссадины и ушибы, в каком-то помещении, наполовину засыпанном песком. Перевернувшись и взглянув вверх, я увидел рваные края дыры, в которую я провалился. Она, казалось, была сделана тем же предметом, что и дыры в башне. Ее пытались заделать передвижной крышкой, в щели которой навалился песок. Через эту-то крышку я и упал.

Крышка была непрочной — это был тонкий лист пластмассы. Я взял в руки кусок, который упал вниз вместе со мной. И снова я не мог узнать материал, но, не будучи химиком, я не мог сказать наверняка, была ли известна технология его производства в мое время на Земле. Как и материал башни, этот материал свидетельствовал об очень высоком уровне развития техники и о существовании передовых технологий, не сравнимых с достижениями ни одного из известных мне марсианских племен.

И вдруг от моей усталости не осталось и следа. Мне в голову пришла мысль — одна мысль, у которой было множество граней, но должен признаться, в тот момент я мало думал о своим спутниках.

Может быть, это было жилище шивов? Если так, возможно, у меня будет шанс вернуться на Марс

того времени, в которое мне нужно попасть — времени, где жила моя Шизала.

Я выплюнул песок изо рта и встал. Помещение было пустым и безликим. Только когда глаза мои стали привыкать к темноте, я смог различить на дальней стене небольшую приборную панель. Тщательно осмотрев ее, я обнаружил, что она состоит из полдюжины кнопок. Я занес над ними руку. Если нажать на одну из них, что может случиться? И случится ли что-нибудь вообще? Вряд ли. С другой стороны, те руки, которые закрыли заплатой дыру в потолке этого помещения, могли поддерживать и эти приборы в рабочем состоянии. Были ли здесь живые существа? Я был уверен, что из этой комнаты можно было попасть в другие. Логично? Логично. Если есть кнопки, они должны были быть от какого-нибудь механизма.

Наугад я нажал одну из кнопок. Я приготовился к самым серьезным последствиям, но ничего особенного не произошло, кроме того, что комната осветилась тусклым светом, который исходил от самых стен. Но в этом свете стала видна тонкая линия, образовывавшая прямоугольник недалеко от панели. Дверь? Как раз этого я ожидал.

Приборы — все или только их часть — были в рабочем состоянии.

Прежде чем предпринять дальнейшие исследования, я помедлил и вернулся на место прямо под дырой в потолке комнаты. Я услышал слабые голоса. Очевидно, мои спутники проснулись и, не увидев меня рядом, пошли меня искать.

Я позвал их.

Вскоре над комнатой склонился Гул Хаджи. Он был очень удивлен:

— Что ты там нашел, Майкл Кейн?

— Возможно, путь к спасению, — сказал я, изо всех сил стараясь изобразить усмешку. — Прыгай сюда и позови остальных: посмотрите сами, что я нашел.

Гул Хаджи спрыгнул ко мне, за ним — Джил Диэра и Вас Оола. Бак Пури спустился к нам последним. Он подозрительно озирался с совершенно безумным видом.

— Вода? — сразу же спросил он. — Ты нашел воду?

Я покачал головой.

— Пока нет, но возможно, мы ее найдем.

— «Возможно»! «Возможно»! Я умираю.

Гул Хаджи положил руку на плечо Бака Пури.

— Успокойся, друг, потерпи еще немного.

Бак Пури провел языком по распухшим губам и затих, оставаясь мрачным и недовольным. Время от времени он бросал на нас безумные взгляды.

— Что это? — Джил Диэра махнул рукой в сторону приборной панели.

— Я нажал на одну из кнопок, и вспыхнул свет, — сказал я. — Можно предположить, что еще одна из них откроет дверь, но я не знаю, какая именно.

— Интересно, а что за дверью? — вставил Вас Оола.

Пожав плечами, я протянул руку и нажал на вторую кнопку. Пол, стены, потолок комнаты начали трястись. Я поскорее нажал на эту кнопку еще раз, и вибрация прекратилась. Я нажал на третью кнопку — и никаких видимых признаков.

Четвертая кнопка, и мы услышали резкий скрип и скрежетание, которыми сопровождалось, как я немедленно заметил, движение двери: она ушла в стену направо.

Заглянув в появившееся отверстие, мы ничего не увидели. Темнота была, хоть глаз выколи. Но мы почувствовали на лицах дуновение холодной-холодной струи воздуха.

— Как ты думаешь, кто создал все это? — спросил я Гула Хаджи. — Шивы?

— Может, и шивы, — сказал он не очень уверенно.

Я протянул руку в темноту, чтобы нащупать панель с кнопками, которая, как было логично предположить, должна была быть и в этой комнате.

Я ее нашел. Нажав соответствующую кнопку, я зажег в комнате свет.

Песка на полу не было. По форме эта комната была приблизительно такой же, как и первая. Но здесь на стенах были закреплены какие-то огромные сферические предметы, под которыми находились пульты управления.

На полу лежал скелет.

Увидев останки того, кто, вероятно, был синим великаном племени мендишаров, Бак Пури пронзительно вскрикнул и стал показывать на кости дрожащим пальцем.

— Дурной знак! Он тоже был любопытен, и его убили. Здесь действуют сверхъестественные силы!

С показной беспечностью я прошел внутрь и склонился над скелетом.

— Чушь, — сказал я, подняв копье с коротким древком. — Он был убит вот этой штукой — смотрите сами. — И я протянул им копье. Оно было легким и крепким, сделанным как единое целое из еще одного необычного материала.

— Ничего подобного я в жизни не видел, — сказал Джил Диэра, присоединяясь ко мне, чтобы взглянуть на оружие. — Смотри, на древке вырезаны знаки — или буквы? — и я не знаю, какой язык это мог бы быть.

Я тоже не знал, на марсианский он был похож мало. Однако было некоторое сходство, очень смутное, с классическим санскритом — в самом общем очертании букв.

— Знаешь, что это такое? — спросил я, передавая пику Гулу Хаджи.

Он сжал губы.

— В своих странствиях я уже встречал нечто подобное. Похоже на оружие шивов, но не совсем. — Казалось, рука его дрогнула, когда он возвращал мне копье.

— Тогда что это? — спросил я нетерпеливо.

— Это...

И тут раздался этот звук. Высокий звук, от которого останавливалась в жилах кровь, — противоестественный шепот, отозвавшийся в комнатах эхом. Он звучал вокруг нас, во всем этом подземном мире.

Это был самый жуткий звук из всех, какие я слышал в своей жизни. Казалось, он подтверждал полубезумное предположение Бака Пури о том, что здесь живут существа сверхъестественные. Внезапно из убежища, обещавшего спасение, подземная комната превратилась в источник безотчетного, неконтролируемого ужаса.

Первым побуждением было бежать. И Бак Пури действительно сделал шаг к двери, чтобы вернуться в первую комнату. Остальные не двигались, но было видно, что они с трудом удерживают себя.

Я рассмеялся, точнее, попытался рассмеяться — в результате у меня получилось какое-то безрадостное кряхтение, — и сказал:

— Спокойно. Это очень древнее место. Звук могли издать животные, поселившиеся в руинах, он может исходить от машин, наконец, он мог быть вызван ветром, проходящим через комнаты.

Я не верил ни единому своему слову, и они тоже.

Я попробовал другое средство.

— Хорошо, — сказал я, поежившись. — Что будем делать? Рискнем там, где, может быть, никакого риска и нет, или пойдем на верную смерть в пустыне — смерть медленную, мучительную?

Бак Пури остановился; должно быть, ему на помощь пришли остатки его некогда сильного характера. Он расправил плечи и присоединился к нам.

Я миновал скелет и, приблизившись к панели с кнопками, открыл следующую дверь.

Эта дверь открылась легко, и я быстро нашел кнопку, чтобы осветить третью комнату, которая была больше, чем предыдущая.

В какой-то степени в этой комнате я почувствовал себя лучше: здесь было больше всякого оборудования. Конечно, я не знал его назначения, но меня успокаивала мысль о каком-то высоком интеллекте, создавшем все это. Как ученый, я оценил труд и изобретательность этого интеллекта. И еще я увидел, что оборудование создано живым мыслящим существом, а не какой-то сверхъестественной силой.

Если эти пчелиные соты комнат все еще были обитаемы, значит, жили здесь люди, которые мыслят логически и действия которых можно расценивать с позиций элементарной логики. Конечно, не было гарантии, что они не отнесутся к нам враждебно или не будут угрожать нам каким-нибудь опасным оружием, но я почему-то был уверен, что в конечном итоге с ними можно будет найти общий язык.

Так я думал.

Мне следовало понять, что в моих рассуждениях,

которые я выстраивал так тщательно, чтобы успокоить свою тревогу, был серьезный просчет.

Мне следовало понять, что услышанный нами звук по природе был животным, а по настроению — очень злобным. В нем не было ничего, освященного истинным интеллектом.

Мы пошли вперед, минуя комнату за комнатой, обнаруживая новую технику и материалы: ткань, немного похожую на парашютный шелк, контейнеры с газом и химикатами, мотки шнура, похожего на нейлоновый, только гораздо крепче, химическое оборудование, приборы для опытов по электронике, части каких-то аппаратов, в том числе электрических генераторов.

Чем дальше продвигались мы по этому лабиринту комнат, тем более беспорядочно были расположены в комнатах предметы. В первых комнатах царил порядок, а в последующих вещи были перевернуты, шкафы, где все это хранилось, открыты, их содержимое выворочено наружу. Это были следы посещения грабителей, труп одного из которых мы нашли во второй комнате?

Не знаю, какая это была комната по счету, может, тридцатая. Я открыл ее обычным путем и протянул руку, чтобы включить свет, и тут моей кожи коснулось что-то мягкое и влажное. О, это было ужасное прикосновение! Вскрикнув, я убрал руку и повернулся к своим товарищам, чтобы рассказать, что случилось.

Первое, что я увидел, было лицо Бака Пури с глазами, в которых застыл ужас.

Он показал рукой на комнату. Из горла вырвался сдавленный звук. Он опустил руку и потянулся к мечу.

Другие сделали то же самое.

Я посмотрел в дверной проем и увидел их.

Белые фигуры.

Вероятно, они когда-то были людьми.

Теперь это были уже не люди.

С ужасом и отчаянием я тоже вытащил меч, чувствуя, что нет, наверное, такого оружия, которое могло бы защитить нас от призраков, надвигающихся из темноты.

ГЛАВА 6
Те, что некогда были людьми

На этот раз Бак Пури не бросился убегать.

На его лице отразилась сложная гамма чувств. Он сделал полшага назад и прежде, чем мы успели его остановить, кинулся в темную комнату, прямо на эти мертвенно-белые существа.

Они что-то забормотали и на мгновение отшатнулись. При этом раздался какой-то шелестящий шум, как будто тысячи летучих мышей одновременно вспорхнули с места, и этот шум эхом пролетел по всему лабиринту комнат.

Бак Пури посылал свой меч направо и налево, вверх и вниз, отрубая им конечности, пронзая непривычно мягкие, какие-то вязкие тела.

И вдруг он превратился, словно по волшебству, в комочек плоти с торчащими из него во все стороны пиками. Он кричал от боли и ужаса, а пики, похожие на те, что мы уже видели рядом со скелетом, пронзали его тело одна за другой, пока под ними уже невозможно стало различить человека.

Он рухнул на пол.

Убедившись, что наводящие ужас существа можно было по крайней мере ранить или убить, я решил, что нужно воспользоваться безумной атакой Бака Пури, и, размахивая мечом, я бросился в комнату с криком:

— Вперед — они смертны!

Они и вправду были смертны, но легко ускользали; к тому же их вид и прикосновение к их телам вызывали физическое отвращение. Я слышал, как за мной последовали остальные. Это прибавило мне силы, и вскоре я уже сражался с окружившими меня врагами, нанося удары наугад по сплошной стене белой мягкой плоти, одной плоти, без костей.

А лица! Они были злобной пародией на лица людей. Опять мне на память пришли летучие мыши с Земли, мыши-вампиры: плоское лицо с едва выступающими огромными ноздрями и кривой разрез рта, полного острых маленьких зубов, полуслепые глаза — темные, бездушные, беспощадные.

Я отражал удары их лап и копий, стараясь избежать укусов их острых зубов, а они сновали вокруг, что-то бормоча и глухо вскрикивая.

Я неверно судил о них. В их лицах не было ни малейшего признака здравого рассудка. На них была написана жажда крови, темная нерассуждающая злоба, злоба, которая лишь ненавидит.

Мои спутники и я стояли плечо к плечу, спина к спине, пытаясь сопротивляться этой безликой злобной силе.

Когда мы увидели, что они уязвимы, что от наших тяжелых мечей уже пали около десятка чудовищных существ, мы воспряли духом.

Мы продолжали сражаться, и наконец призраки обратились в бегство, оставляя после себе убитых и раненых, которые метались по полу. Мы добили их. А что оставалось делать?

Мы попытались преследовать их, но дверь быстро закрылась. Когда же мы ее распахнули, призраки уже скрылись за следующей дверью.

Включив свет в комнате, где мы только что сражались, мы смогли получше разглядеть противников.

Своим безумием Бак Пури несомненно помог нам спастись. Атакуя призраков, он принял на себя основной удар — и основную массу их смертоносных копий.

Обитатели подземных комнат были немного ниже меня ростом и казалось, как это ни было невероятно, совсем не имели скелета. Наши мечи проходили через плоть и мускулы, вызывая кровь — если можно назвать кровью желтую жиденькую водицу, в которой были испачканы лезвия наших клинков. Но они ни разу не наткнулись на кости.

Сделав над собой неимоверное усилие, я нагнулся, чтобы рассмотреть тела, и увидел, что кости у них все же были, но настолько тоненькие и хрупкие, что напоминали палочки из слоновой кости.

Каким образом вырос на древе эволюции этот уродливый, аномальный отросток?

Я повернулся к Гулу Хаджи.

— Что это за племя? — спросил я. — Думаю, ты уже давно догадался.

— Это не шивы, — сказал он, криво усмехнув-

шись. — И не якши, как я думал до того, как их увидел. Эти жалкие существа не представляют никакой реальной угрозы, ну разве что для нашего рассудка.

— Ты думал, что это якши. Почему?

— Я узнал буквы на пиках и шкафах в комнатах, через которые мы прошли. Это письменность якшей.

— А кто такие якши? Помню, ты упоминал о них.

— Ты хочешь знать, кто *были* якши? Сейчас они живут только в слухах и суеверных рассказах. Это родственники шивов. Помнишь, когда мы только встретились, я тебе о них рассказывал?

Теперь я вспомнил. Ну конечно, древнее племя, позвавшее аргзунов за собой из Мендишарии во время марсианской войны, называемой Величайшей войной.

— Думаю, однако, что эти привидения — потомки якшей, — продолжал Гул Хаджи, — на которых они и похожи — если, конечно, я правильно представляю себе якшей. Призраки жили здесь, наверное, веками, и все это время они почему-то — видимо, как бы соблюдая ритуал — продолжали ухаживать за оборудованием, поддерживая его в рабочем состоянии, и защищать свое жилище от вторжений извне. Постепенно они утратили весь свой интеллект и привыкли находиться во мраке, хотя могли бы жить со светом. Что ж, остатки такого разрушительного и злобного племени, как это, вполне заслужили свою судьбу.

Я вздрогнул. По-своему, мне было жаль этих существ, которые когда-то были людьми.

И тут мне в голову пришла замечательная мысль.

— Что же, — сказал я веселым голосом, — люди они или животные, наверняка, они не могли бы прожить без воды. Значит, вода где-то рядом, и мы ее скоро найдем.

Казалось, когда мы только вошли в подземные комнаты, то на время забыли о жажде, но после изнурительного боя пить захотелось с новой силой — чтобы восстановить израсходованную энергию.

Мы очень устали, но теперь чувствовали уверен-

ность в том, что сможем справиться с белыми привидениями, если они снова захотят напасть. Мы продолжали идти вперед и скоро оказались в большой комнате, слегка освещенной — на этот раз естественным светом.

Взглянув вверх, я увидел, что свет проходит через куполообразную крышу, расположенную выше, чем крыши в других комнатах. Через щели и трещины в куполе проникал песок, но пол был покрыт лишь очень тонким его слоем.

И тут я услышал этот звук!

Журчание, плеск. Сначала я решил, что у меня от жажды начали галлюцинации, но когда глаза мои привыкли к полумраку комнаты, я увидел его — я увидел фонтанчик в центре. Целый маленький водоем, наполненный водой.

Мы подошли поближе и осторожно попробовали, вода ли это. Вода, чистая и свежая!

Захлебываясь, мы пили и пили и не могли напиться, мы мочили тела и одежду. Но мы не забывали и о возможной атаке «местных жителей», поэтому по очереди стояли на карауле.

С новыми силами, в хорошем настроении, мы наполнили водой фляги, висевшие на поясе. Пробка моей фляги застряла, и чтобы вытащить ее, мне пришлось воспользоваться маленьким ножичком, который есть у каждого синего великана. Он спрятан в доспехах так, что если воина захватывают в плен, враги могут и не заметить этот ножик, и у пленного будет шанс сбежать. Я достал пробку и снова убрал ножик в ножны, скрытые в моих доспехах.

Что теперь?

У нас не было никакого желания исследовать оставшиеся комнаты. Впечатлений и так хватало. Мы, однако, позаботились о том, чтобы забаррикадировать дальнюю дверь, через которую бежали белые призраки: мы навалили туда песок и щепки.

Потом я нашел лестницу, состоящую из ступенек, закрепленных в стене. Она вела наверх, в узкую галерею, которая шла по периметру всей комнаты в том месте, где начинался купол. Я взобрался по лестнице на галерею. Она была узкой: вероятно,

предназначалась она для рабочих, которые чинили и красили купол комнаты.

Он не был сделан из того же самого долговечного синтетического материала, что вся башня. Я увидел пролом в крыше и, когда выглянул, моим глазам открылась черная пустыня, сверкавшая сейчас в лучах палящего солнца. Купол был почти наполовину засыпан песком, и поэтому снаружи его было почти не видно.

Я взялся за край этого пролома, но в руках у меня остались только крошки: материал, из которого был сделан купол, разрушился под действием коррозии. Он был прозрачен — через него должен был проникать свет снаружи в комнату с фонтаном. Возможно, когда якши были в здравом рассудке и еще не опустились до полуживотного состояния, они любили отдыхать в главном зале своего подземного дворца. Крыша была сделана в виде купола исключительно в эстетических целях, ибо никакого практического значения такая ее форма не имела. Поэтому крыше и суждено было обвалиться окончательно. Когда это случится, песок забьет фонтан, и я не уверен, что у обитателей этого подземного дворца — или города? — хватит сообразительности расчистить его или починить крышу.

Купол раньше чинили, но, вероятно, это делали далекие, еще разумные предки теперешних бледных привидений.

Я спустился вниз, на пол, уже обдумывая свою новую идею.

В диаметре купол был футов тридцать — через него мог бы пройти достаточно большой предмет.

— О чем ты задумался, друг мой? — спросил Гул Хаджи.

— Кажется, я знаю, как отсюда выбраться, — сказал я.

— Отсюда? Вернемся назад, и все.

— Или сломаем крышу, — сказал я, указывая наверх. — Она очень непрочная, разрушенная снаружи песком. Но я имел в виду не только это. Мы сможем выбраться из пустыни.

— Ты где-нибудь нашел карту?

— Нет, но я нашел много других вещей. То, что

осталось от прежней высоконаучной цивилизации: плотная, прочная, непроницаемая для воздуха ткань, шнур, газовые контейнеры. Надеюсь, что газ в них еще есть и что это именно тот газ, который мне нужен.

Гул Хаджи был явно сбит с толку.

Я улыбнулся, а все смотрели на меня, как будто я вслед за Баком Пури стал сходить с ума.

— Меня натолкнул на эту мысль купол, хотя и не знаю, почему, — сказал я. — Мне вдруг пришло в голову, что, если бы у нас был летающий корабль, мы могли бы пересечь пустыню очень быстро.

— Летающий корабль?! Я слышал о таких. На юге до сих пор их используют, но их осталось очень мало, — сказал Джил Диэра. — Ты нашел летающий корабль?

— Нет. — Я покачал головой, все еще не в состоянии оторваться от своих размышлений.

— Зачем же тогда об этом говорить? — резко спросил Вас Оола.

— Потому что мы можем *сделать* его.

— Сделать? — Гул Хаджи улыбнулся. — Нет, нам не хватит знаний этих древних наций. Это невозможно.

— Хотя я не претендую на то, чтобы считаться таким же могущественным ученым, как ученые этих погибших народов, — сказал я, — на это моих знаний должно хватить. Я не собираюсь строить летающий корабль такой же сложный, какие были у них.

— Тогда какой?

— Я думаю, очень простой, примитивный летающий корабль все же можно соорудить. — Трое синих великанов смотрели на меня молча, все еще с подозрением или, скорее, с сомнением.

В марсианском языке не было слова, чтобы назвать этот корабль. Пришлось использовать слово из моего родного языка.

— Мы назовем его воздушным шаром, — сказал я.

Я начал чертить на песке план, объясняя принцип действия воздушного шара.

— Из материала, котрый мы здесь уже видели, мы сделаем огромный мешок и наполним его газом, — сказал я. — Конечно, это будет непросто —

мешок не должен пропускать газ. От него мы протянем веревки и закрепим на них корзину, в которой мы будем путешествовать, — нашу кабину.

К тому времени, как я закончил чертить и объяснять, мендишары мне поверили и в общих чертах все поняли, что свидетельствовало об их остром уме, ведь у их народа наука была довольно слабо развита. Еще раз я столкнулся со способностью марсиан с готовностью воспринимать новые идеи и откликаться на них. Действительно, им можно было быстро объянить любую достаточно сложную концепцию, если пользоваться понятными и логичными категориями. За долгую историю существования своей нации на примере погибших высокоразвитых цивилизаций они могли убедиться — то, что кажется невозможным, не всегда таковым является.

В отличном настроении мы вернулись, чтобы взять все необходимое для воздушного шара.

Я не был уверен, что в контейнерах, занимавших несколько комнат, содержался нужный нам газ. У меня не оставалось другого выхода, пришлось рискнуть жизнью, чтобы найти его.

У контейнеров были клапаны, которые все еще работали исправно. Некоторые газы я узнать не мог, но кажется, ни один из них не был ядовитым, хотя от некоторых у меня начинала кружиться голова.

Наконец я нашел комнату, в которой хранились нужные мне контейнеры с газом, атомный номер которого — 2, символ — Не, атомный вес — 4,0026. Этот газ, названный греческим словом, обозначавшим солнце — гелий, — был инертным, невоспламеняемым легким газом, который я искал, газом, который был нужен, чтобы наполнить наш воздушный шар.

Итак, мы нашли то, что нам было необходимо: легкую прочную ткань, газ, веревки. Потом мы стали обследовать моторы, которые попались нам на глаза во время поисков. Я не стал разбирать их, так как предполагал, что они работают на атомной энергии, вырабатываемой крошечным атомным реактором. Но я все же понял, как они работают, и мог бы приспособить их для наших нужд, привязав к пропеллерам.

Но пропеллеров не было, как не было ничего, что могло бы их заменить. Их нужно было как-то сделать.

И тут мы обнаружили великолепный агрегат. С его помощью можно было получать предметы из легкого прочного синтетического материала, из которого было построено почти все вокруг.

Этот агрегат был большим; кажется, он был связан с каким-то невидимым резервуаром.

Это было неожиданно ниспосланным нам счастьем. На передней панели был нарисован план агрегата с трех точек: сбоку, сверху, спереди. Мы выбрали нужный нам размер и, нажав кнопку, запустили механизм. Через несколько минут из аппарата появился первый блок.

Теперь мы могли сделать столько пропеллеров, сколько нам было нужно, а также кабину. Мне было жаль, что приходилось так быстро покидать подземный город. Как хотелось остаться и посмотреть, как работал этот аппарат, из каких исходных элементов и по какой технологии получалась такая сверхпрочная пластмасса. Я решил вернуться, как только представится возможность, и привести с собой людей, которые будут готовы, то есть соответствующим образом обучены, помочь мне достичь глобальной цели: исследовать все тайны подземного города, отыскать все приборы и аппараты, которые можно было бы применить в дальнейшем, научиться производить новые материалы, воспользовавшись информацией этой древней цивилизации.

Когда это случится, на Марсе настанет новая жизнь.

Мы трудились не покладая рук, перенося все необходимое в зал с купольной крышей, где, кроме всего прочего, мы находились около самого ценного в пустыне — воды.

В одной из комнат мы нашли герметично закрытые контейнеры со специально приготовленной обезвоженной пищей, которая была безвкусной, но очень питательной.

По мере того, как становилось видно, что воздушный шар приобретает конкретные формы, настроение улучшалось все больше и больше.

У нас появилась свободная минутка, и мы решили заняться своим внешним видом. Мне нужно было побриться — и вообще я старался это делать регулярно. Трудность была в том, что я не мог нигде найти хоть какое-нибудь зеркало. Тут в одной из комнат я увидел какой-то металлический шкаф с ярко начищенной блестящей дверцей. Я перетащил его в комнату с куполом просто потому, что очень хотелось побриться и он был нужен как зеркало!

Чтобы обитатели подземных комнат могли продолжать жить — если, конечно, это можно назвать жизнью, — мы соорудили вместо разрушающегося купола прочную крышу, чтобы песок не сыпался внутрь и не забивал фонтан.

Мы приладили баллоны с газом к отверстию в будущем шаре, а пока еще бесформенной груде тряпья, и с радостью наблюдали, как постепенно на наших глазах вырастает крутобокая сфера.

Нужно было приладить ремни к двигателю и установить пропеллеры, но в остальном шар был готов. По всем существенным признакам был похож на простейший самолет, и хотя он был уязвимее и медленнее, чем марсианские самолеты, на которых мне доводилось путешествовать, я считал, что мы неплохо потрудились.

Шар наполнился воздухом и поднялся, удерживаемый туго натянутыми веревками. Казалось, он мог спокойно нести человек сто таких, как мы. Мы начали смеяться и хлопать друг друга по спине — можете себе представить, как выглядел в этой ситуации я: у нас получилось!

С крепких веревок, проходящих поверх шара, свисала кабина, сделанная из больших пластмассовых пластин. Мы устроили в ней иллюминаторы. К сожалению, мы не нашли никакого прозрачного материала, чтобы вставить в эти иллюминаторы, и пришлось сделать что-то вроде ставней. В кабину мы положили фляги с водой, запасные контейнеры с газом, контейнеры с пищей.

Мы очень гордились нашим воздушным кораблем. Может, он казался грубым и топорно сделанным, но он был очень надежен. Когда мы выпустим его через крышу над поверхностью земли и приладим ремни к

двигателям, можно будет стартовать в любую минуту. Как сказал Гул Хаджи, эффектное появление в Мендишарии вождя, которого все считали мертвым или изгнанным из страны, да еще на летающем корабле, воодушевит народ, то есть вернет им надежду, утраченную во время несчастной атаки призов на деревню.

Гул Хаджи и двое других мендишаров всерьез обсуждали эту возможность, когда дальняя дверь — та самая, которую мы забаррикадировали на случай атаки белых призраков, — начала таять.

Материал, который я считал способным выдержать действие любой разрушительной силы, пузырился и струился вниз, как дешевая пластмасса в огне. От двери пошел отвратительный запах — одновременно приторный и едкий.

Я не знал, в чем было дело, но сразу начал действовать.

— Быстрее! — завопил я. — В кабину!

Я толкал своих спутников, помогая им забраться в кабину.

Когда я развернулся в сторону двери, ее уже не было, а в проеме стояли белые призраки.

У них в руках был какой-то аппарат.

Они, естественно, не соображали, что это было, но зато хорошо помнили, как эту штуку наводить и куда нажимать, чтобы выстрелить.

Ирония судьбы: передовое приспособление в руках слабоумных.

Аппарат испускал лучи, и один из них только что коснулся стены за моей спиной, чудом миновав меня и наш воздушный шар. Несомненно, это был тепловой луч. Лазер!

Тут я понял вдруг, что наш воздушный шар все еще был привязан к полу, так как никто не обрубил веревки.

Я бросился к ним с мечом.

Ведь я же знал, что предки этих привидений умели делать лазерные пистолеты. Почему я не вспомнил об этом раньше и не приготовился к такому повороту событий?

В нерассуждающей слепой ярости эти потомки якшей, движимые какой-то непостижимой генетиче-

ской памятью, отыскали прибор, вырабатывающий лазерные лучи, и пришли с его помощью расправиться с обидчиками — с теми, кто вторгся в их владения.

Как бы то ни было, скоро мы все умрем, если я не успею обрубить веревки. Гул Хаджи закричал мне из кабины, когда увидел, что я делаю.

Легко проходя через отверстие в куполе, как раз достаточное для него, шар стал подниматься. Скоро его подхватит ветер, и мои друзья будут в безопасности.

Привидения навели лазер на меня. Сейчас я умру. Смертоносный луч расплавлял или резал на кусочки все, что оказывалось на его пути.

И тут у меня появилась идея!

ГЛАВА 7
Город Пауков

Луч проходил то справа, то слева от меня, все ближе и ближе: эти идиоты стреляли наугад. И тут я увидел огромную блестящую дверцу шкафа, которую я использовал как зеркало, когда брился.

Это же был мощный отражатель! Он должен был меня выручить.

Я бросился к шкафу и спрятался позади него.

Лазер срезал верхушку фонтана, и вода с плеском упала в водоем. Через несколько мгновений фонтан пробился снова.

Луч ударил совсем близко — и выплавил целый кусок стены, за которой показалась следующая комната. Белые привидения подходили все ближе и ближе, не выпуская оружия из своих липких, мягких, почти лишенных костей рук.

И тут луч ударил в блестящую дверцу — мое «зеркало».

Лазерные лучи — это концентрированный свет. Зеркало отражает свет. Крепкое зеркало может отразить мощный луч света.

Это «зеркало» отразило лазерный луч.

Сначала луч как бы согнуло на несколько секунд

и, развернув, направило его в то место, откуда он был послан.

Большинство привидений исчезло в тот же миг, остальные завопили от ужаса, метнувшись назад, а потом остановились на мгновение и бросились на меня.

Я рванулся к одной из веревок, который шар был прикреплен к полу. Все происходило так быстро, что он еще только начал подниматься, и мне удалось дотянуться и ухватиться за последние футы уплывавшей вверх веревки.

Призраки попытались удержать меня, но безуспешно. Я стал подтягиваться по веревке вверх, к кабине.

Воздушный шар уверенно поднимался в воздух. И вот, когда опасность быть убитым белыми призраками миновала, но я все еще мог погибнуть, если бы сорвался, только тогда я и сообразил, что, спеша убраться подальше от этих чудовищ, мы забыли об одной существенной детали — о балласте для воздушного шара: он поднимался слишком быстро.

Пытаясь взобраться в кабину, я дважды чуть не упал. И вот когда я уже думал, что еще немного, и мои онемевшие руки разожмутся, я увидел, как Гул Хаджи открыл люк в кабине, потянулся всем телом и, рискуя вывалиться, схватил веревку, на которой я висел.

Земля — черная, сверкающая на солнце пустыня — была далеко внизу.

Гулу Хаджи удалось вернуться в кабину, и он втащил за собой веревку. Едва переведя дух, с помощью двух других наших товарищей, он втянул внутрь и меня.

Мои руки болели от напряжения, кожа была вся содрана. Еще чуть-чуть, и я бы отпустил веревку. Как раз в тот момент, когда я почувствовал, что не могу больше держаться, меня схватили огромные руки, втащили в кабину и закрыли люк.

Лежа на полу, я никак не мог отдышаться и прийти в себя. Испытания последних минут совершенно измучили меня. Поднимались мы по-прежнему очень быстро и скоро должны были выскочить из марсианской атмосферы. (Правда, нужно помнить,

что атмосферный слой в то время был толще, чем сейчас.)

Я встал и неуверенной походкой подошел к пульту управления. Это был очень простой пульт. Если бы могли, мы бы проверили его перед стартом. Теперь придется испытывать его прямо в воздухе. Если мы просчитались, нам конец.

Я потянул за рычаг, контролирующий клапан газового контейнера. Пришлось выпустить немного газа в надежде на то, что этого будет достаточно и мы не будем так стремительно нестись к Земле.

Постепенно высота выравнялась, и я понял, что этот рычаг устроен правильно.

Но мы продолжали двигаться наугад, увлекаемые воздушными потоками. Придется проверить ремни на двигателях, когда приземлимся. На нашем воздушном шаре мы доберемся до Мендишарии за день, а то и меньше.

Мне было жаль бесцельно тратить драгоценный гелий, но ничего не поделаешь. Медленно, понемногу я стал уменьшать высоту нашего полета.

На расстоянии 2000 футов от поверхности наш воздушный шар поддала какая-то гигантская нога, и от этого толчка он словно заметался в небе. Мы все не удержались на ногах, а меня швырнуло от пульта управления.

На какое-то время я, кажется, потерял сознание.

Когда я пришел в себя, вокруг было темно. Уже прошло ощущение, что наш огромный воздушный шар был маленьким шариком, игрушкой великанов, несравнимо более крупных, чем мои синие спутники. Наоборот, казалось, что шар несется целенаправленно с огромной скоростью.

Я встал и пошатываясь направился к иллюминатору.

Когда я отодвинул ставни и взглянул вниз, я не поверил своим глазам.

Мы летели над морем, на котором бушевал шторм. Наша скорость была добрых миль сто в час или даже больше.

Но что же нас несло? Кажется, какая-то естественная сила. Судя по завываниям и стонам, которые до меня доносились, это был очень сильный ветер.

Но как же мог ветер начаться так внезапно и развить такую скорость?

Я повернулся и увидел, что Гул Хаджи начинает шевелиться. Он тоже потерял во время падения сознание.

Я помог ему встать, и мы с ним привели в чувство наших спутников.

— Что это такое, Гул Хаджи? Ты знаешь?

Он потер лицо рукой.

— Мне следовало внимательнее следить за календарем, — сказал он.

— А что такое?

— Я ничего об этом не сказал, потому что понимал, что либо мы выберемся из пустыни, либо умрем, то есть так было до того, как мы обнаружили башню и подземный город. Я ничего не сказал об этом, пока мы были под землей, так как знал, что там мы в безопасности и городу ничего не грозило.

— Ты не сказал о чем?

— Прости, это моя вина. Может, потому о городе якшей ничего нигде и не сообщалось — из-за Ревущей Смерти.

— А что такое Ревущая Смерть?

— Сильный ветер, время от времени проносящийся над пустыней. Некоторые считают, что им-то пустыня и вызвана, ведь до того, как в этих краях стала господствовать Ревущая Смерть, на месте пустыни была плодородная земля. Возможно, город якшей был построен до того, как стала приходить Ревущая Смерть. Не знаю. Ревущая Смерть царит над пустыней уже много веков, и все это время ураганы сравнивают с землей все, что встречается на их пути.

— А в каком направлении движется ветер? — спросил я. — Неплохо было бы это знать, раз уж он нас несет.

— На запад, — сказал Гул Хаджи.

— Над морем?

— Точно.

— А потом куда?

— Не знаю.

Я снова подошел к иллюминатору и посмотрел вниз.

Под нами все еще было серое холодное штормовое море, но мне показалось, что сквозь мрак я смог различить что-то вроде земли.

— А что лежит за западным морем? — спросил я Гула Хаджи.

— Не знаю, какая-то земля, почти совсем не исследованная, за исключением побережий. По рассказам, это земля, не приносящая добра.

Мы уже почти достигли берега.

— Не приносящая добра? Откуда ты это взял? — спросил я у друга.

— Из легенд, рассказов путешественников, а также из того, что экспедиции, посланные исследовать ее, не вернулись. В джунглях Западного континента живут дикие звери. Этот континент сильнее всего пострадал от Величайшей войны. Когда она окончилась, говорят, на континенте произошли странные изменения; природа, животные, растения, люди — все изменилось от того, что осталось после Величайшей войны. Одни говорят, это был злой дух, другие — какой-то газ, третьи — машина. Но что бы то ни было, люди в здравом уме избегают Западный континент.

— По всему видно, ты говоришь об атомной войне, радиации и мутации, — сказал я задумчиво. — И если учесть, что война была несколько тысяч лет назад, маловероятно, что излучение до сих пор представляет собой опасность. Его не нужно больше бояться.

Я использовал некоторые земные слова, поскольку, хотя эти понятия должны были каким-то образом именоваться в языке Вашу́, я этих слов не знал.

Ревущая Смерть стала затихать, наш полет, кажется, замедлился.

Я почувствовал, что сейчас был бессилен как-либо повлиять на нашу судьбу: нас несло в глубь материка.

В небе над нами появились две марсианские луны и осветили странный пейзаж: причудливые джунгли какого-то непонятного цвета.

Должен заметить, мне стало не по себе от вида этой растительности, но я сказал себе, что мы в

безопасности, пока находились в воздухе на большой высоте.

Когда ветер перестанет управлять нашим полетом, мы сможем спокойно приземлиться, исправить моторы и потом отправиться куда нужно.

Возможно, сделать это предстояло только через несколько часов. Не знаю, откуда появился ветер и куда он исчез. Может, он постоянно дул вокруг всей планеты, набирая силу по ходу движения. Не знаю, я не метеоролог.

Наконец нам удалось выскользнуть из воздушного потока и направить шар к огромным деревьям, чья густая листва представлялась сверху сплошной твердой массой.

Крупные сверкающие листья всевозможных оттенков черного, коричневого, темно-зеленого и красного раскачивались на причудливо изогнутых ветвях.

Над джунглями висело ощущение тревоги. Нам совсем не хотелось там садиться. Но все же к утру мы нашли полянку, достаточно большую, чтобы на ней мог приземлиться воздушный шар, и стали снижаться.

Мы приземлились очень аккуратно, если учесть, что мы были неопытными аэронавтами. Мы привязали воздушный корабль и проверили, нет ли в нем повреждений. Строительные материалы якшей не пострадали от ветра, который разнес бы любой другой материал в щепки.

Сейчас нам хватило бы и часа, чтобы привести все в порядок и подыскать что-нибудь для балласта. Потом мы снова наполним шар гелием и — вперед, в Мендишарию.

Скоро мы включили все двигатели, и пропеллеры заработали.

Все это время мы не могли избавиться от неприятного чувства, будто за нами наблюдают. Но сами мы ничего не видели, кроме темных джунглей. Деревья поднимались на несколько сот футов и переплетались, образуя нечто вроде решетки, по которой вились теплые, пахнущие плесенью растения.

Не представляю, как в таких джунглях вообще могла появиться опушка, это было капризом природы. Земля на этом месте была гладкой и твердой

как камень. По краям росли низкие кустарники с темными блестящими листьями, виноградные лозы, которые издали казались жирными змеями, какие-то ненормальные кусты и ползучие растения, которые совершенно покрывали разветвленные корни деревьев.

Никогда я не видел, чтобы все в лесу было таким крупным. Ветки деревьев образовывали ярусы, и издали лес был похож на огромную скалу со множеством пещер.

В таком месте нетрудно было почувствовать, что за вами наблюдают. Мое воображение, подстегиваемое экзотическим пейзажем, рисовало самые невероятные картины.

Мы все сделали, оставалось только найти балласт. Джил Диэра предложил отрубить несколько толстых веток с деревьев. Конечно, это был не самый удачный вариант, но здесь было трудно найти что-либо более подходящее.

Пока Джил Диэра и Вас Оола помогали мне закончить работу над мотором, Гул Хаджи сказал, что пойдет за бревнами.

И он ушел. Мы закончили работу и стали ждать его возвращения. Нам не терпелось выбраться из этих таинственных джунглей и вернуться в Мендишарию как можно скорее.

Мы стали звать Гула Хаджи, и к вечеру охрипли от криков, но он не отзывался.

Ничего не оставалось делать, приходилось идти в лес, чтобы посмотреть, не был ли наш друг ранен; может, он лежал без сознания после какого-нибудь незначительного столкновения с обитателями джунглей.

Вас Оола и Джил Диэра хотели пойти со мной, но я сказал им, что для нас воздушный шар — важнее всего, и они должны остаться и сторожить его. Мне удалось их убедить.

Я нашел то место, где Гул Хаджи вошел в лес, и пошел по его следам.

Это было нетрудно. Великан оставлял заметные следы. В некоторых местах он, вероятно, спотыкался, и земля там была выворочена.

Лес был темным и сырым. Я ступал по гниющим,

расползающимся у меня под ногами растениям, иногда проваливался в грязь. Я продолжал звать своего друга, но его нигде не было.

И тут я набрел на место, где были видны следы битвы, и понял, что за нами действительно наблюдали, нам это не мерещилось.

Там я нашел меч Гула Хаджи — он был никогда с ним не расстался, если бы его не схватили — или убили!

Я кружил по лесу около этого проклятого места, безуспешно пытаясь найти, куда ушли его противники.

Это меня настораживало, ибо обычно я хорошо читаю следы. Все, что я смог обнаружить, были остатки какого-то вещества, прилипшего, как шелковые нити, к окружавшей листве.

Позднее я увидел следы этого вещества в другом месте и понял, что, поскольку это была единственная зацепка, мне следовало ею воспользоваться. Возможно, эти следы оставили те, кто схватил Гула Хаджи, хотя мне было непонятно, что это было за вещество и откуда оно могло у них взяться.

Наступила ночь, и я с трудом осознал, что пришел к какому-то городу.

Казалось, он состоял из одного-единственного здания, занимавшего огромную площадь. Город вырастал прямо из джунглей, сливался с ними, был их частью. Он был сделан из старой застывшей лавы, в трещины которой попали земля и семена, давшие жизнь небольшим деревьям и кустам. Башни и купола в сумерках сливались, и можно было подумать, что перед вами был огромный камень, который приобрел облик города.

То здесь, то там были видны окна и двери, все заросшие какими-то растениями.

Когда окончательно стемнело, город оказался освещенным редкими лучами марсианских лун, которые едва проникали через крышу, образуемую ветвями гигантских деревьев.

Должно быть, моего друга привели сюда. Страшное место!

Я очень устал, но продолжал идти вперед: я вошел в город и взобрался на кучу скользких камней

в поисках хоть какого-нибудь признака того, что город обитаем, или знака того, где находился мой друг.

Я карабкался по стенам домов, по крышам, снова прыгал вниз. Я искал, искал, искал. Город был погружен во мрак. Камень домов был гладким и липким на ощупь.

В городе не было улиц, только какие-то впадины на крышах «домов». В отчаянии я пошел по одной из них. Слева от меня что-то соскользнуло со стены, и мне стало дурно — это был огромный паук, крупнее, чем все, каких я когда-либо видел.

А вот и другие, такие же огромные! Покрепче сжав меч Гула Хаджи, я приготовился обнажить еще и свой. Пауки были размером с футбольный мяч!

Я уже собирался подняться по наклонной стене на крышу, как вдруг мне на голову и на плечи что-то упало. Я попытался стряхнуть это «что-то» мечом, но не мог, оно прилипло ко мне. Чем больше я отбивался, тем больше запутывался.

Теперь я понял, почему на том месте, где схватили Гула Хаджи, не было трупов.

Та штука, которую сбросили на меня, была сетью из того же тонкого липкого шелка, остатки которого я видел в лесу. Он был крепким и приставал ко всему, чего касался.

Все еще пытаясь освободиться, я упал лицом вниз.

Меня подняли чьи-то костлявые руки.

Я взглянул на тех, кто схватил меня, и не мог поверить своим глазам: до пояса они были людьми, значительно ниже меня ростом, жилистыми и щуплыми. У них были большие глаза и тонкие губы, из-за чего рот казался просто прорезью на лице. В них еще можно было узнать людей, пока взгляд не падал вниз: у них было восемь мохнатых ног. Человеческое тело и паучьи лапы!

Я попытался толкнуть их командира — это было все, что я мог сделать со связанными руками.

На его лице не было никакого выражения. Он бесстрастно указал на меня своим шестом, на конце которого оказалась игла длиной дюймов шесть. Он

вонзил в меня эту иглу. Я попытался сопротивляться, но в ту же долю секунды почувствовал, как мое тело словно окаменело.

Я не мог пошевелить даже пальцем, не мог даже мигнуть. Он впрыснул мне яд, это было ясно, яд, который мгновенно парализовывал.

ГЛАВА 8
Великий Мишасса

Двое из отвратительных человекообразных пауков взвалили меня к себе на спину и понесли вглубь этого странного города, который в свете, исходящем от каменных стен, показался мне лабиринтом, устроенным без цели и плана.

Мы прошли через коридоры и комнаты, которые иногда представлялись лишь тайными ходами в огромные залы с балконами.

Все больше и больше я убеждался, что этот город не мог быть делом рук паукообразных людей, или человекообразных пауков — как хотите, — этот город не мог быть делом рук людей вообще. Это было создание непостижимого интеллекта, применившего, возможно, ядерное излучение. И этот интеллект — наполовину безумный, если уж он задумал такой город — наверное, давно перестал существовать; или паукообразные люди были его слугами?

Я почему-то думал, что могущественный интеллект был мертв и люди-пауки были сами по себе, поскольку в коридорах и комнатах лежали слои пыли и висела паутина, а они могли скопиться только за очень долгий срок — за столетия. Я недоумевал, как вообще могли появиться паукообразные люди. Может, они были как-то связаны с огромными пауками, которых я видел снаружи. Если они были «родственниками», какой ненормальный союз в далеком прошлом мог дать такое потомство?

Они спешили вперед, быстро перебирая своими мохнатыми ножками. Пока они несли меня, я старался не думать о том, что может случиться. Я был уверен, они готовили какие-то мучения, может, соби-

рались съесть во время чудовищного ритуала. Я был всего лишь мушкой, попавшей в их паутину.

Моя догадка была даже ближе к истине, чем я поначалу предполагал.

Наконец мы вошли в зал, гораздо больший по размерам, чем все остальные. Он был освещен лишь тусклым свечением от каменных стен.

Действие яда постепенно ослабевало, и я попробовал пошевелить руками и ногами, хотя липкая паутина, которая и впрямь образовывалась внутри паукообразных людей, очень сковывала мои движения.

И тут я кое-что увидел!

Под потолком зала от одной стены до другой была натянута паутина. Она чуть сверкала в тусклом свете, исходящем от камня стен, и я с трудом различил на ней фигуру. Мне показалось, я узнал Гула Хаджи.

К самим тварям паутина не липла. Несколько пауков стали поднимать меня вверх, чтобы присоединить к первой жертве, и теперь я точно знал, что это был Гул Хаджи.

Там, наверху, рядом с другом, они и оставили меня, зашелестев прочь на своих мохнатых ножках. С тех самых пор, как я впервые увидел их, они не произнесли ни слова.

Мускулы лица еще были стянуты из-за яда, но мне удалось сказать несколько слов. Меня положили на паутину в стороне от Гула Хаджи, под ним, и я видел только его левую ногу, и то не выше колена.

— Гул Хаджи, ты... можешь говорить?

— Да. Ты имеешь хоть какое-нибудь представление о том, что они собираются с нами сделать?

— Нет.

— Прости, что втянул тебя во все это, Майкл Кейн.

— В этом нет твоей вины.

— Если бы я вел себя осторожнее — как и следовало, — мы бы уже давно были далеко отсюда. Самолет в порядке?

— Да, насколько я знаю.

Я начал исследование паутины. Та сеть, в которую я был завернут, становилась все более хрупкой и начала ломаться, поэтому вскоре мне удалось ос-

вободить руку. Но тут же я снова попался: она прилипла к нитям паутины, на которой мы с моим другом лежали.

— Я уже все это пробовал, — сказал сверху Гул Хаджи. — Не знаю, можно ли вообще отсюда выбраться.

Приходилось признать, что он, скорее всего, был прав, но я не переставал ломать себе голову. У меня возникло ощущение, что, если мы срочно не найдем выход, нас ждет что-то ужасное.

Я стал пробовать освободить вторую руку.

И тут мы услышали звук — громкий шуршащий звук, как будто на нас надвигался многократный увеличенный человекообразный паук.

Взглянув вниз, мы вдуг увидели два огромных глаза — фунта четыре в диаметре.

Это были глаза паука. Сердце замерло в моей груди.

Раздался голос — мягкий, ироничный, шелестящий голос, который мог принадлежать только тому, чьи глаза сейчас, не мигая, смотрели на нас.

— Шшто-ш, лакомый куссочек, сславно я поппирую.

— Ты кто? — я постарался, чтобы голос мой звучал резко, но куда там!

— Я — Мишасса, Великий Мишасса, поссследний из рода шшассаженов.

— А те... существа, они твои слуги?

Раздался звук, который можно было принять за какое-то нечеловеческое кряхтение.

— Мое потомство. Появившшеесся на ссвет благодаря эксперименту в лабораториях шшассаженов. Кульминация... Но вы, наверное, хотите знать, шшто васс ждет.

Я вздрогнул. Кажется, я уже догадался.

— Эй ты, маленький, ты будешь мне ужином, и ужже сскоро.

Теперь я видел это существо более отчетливо. Это был гигантский паук — очевидно, один из многих, вызванных к жизни атомным излучением, которое поразило природу этих мест много тысяч лет назад.

Мишасса стал медленно взбираться по паутине вверх, и она стала прогибаться под его тяжестью.

Все это время я не прекращал попыток вытащить руку из сети, и мне это наконец удалось. Рука стала свободной и не прилипала больше к паутине. Я вспомнил про маленький ножик, спрятанный в моих доспехах, и решил попробовать достать его, если смогу.

Дюйм за дюймом я придвигал руку к ножику. Дюйм за дюймом...

Наконец пальцы мои оказались на рукоятке, и я вытащил нож из ножен.

Гигантский паук подползал все ближе. Я начал обрезать паутину в том месте, где к ней прилипла другая рука.

Я трудился изо всех сил, но паутина поддавалась медленно. Наконец рука была свободна, и я потянулся к мечу.

Выхватив клинок, я сразу же ударил по паутине, лишавшей Гула Хаджи возможности двигаться, и, освободив его, повернулся, чтобы встретить паука.

Он прошелестел:

— Нет, не ссбежишшь. Даже ессли бы ты был ссовершшенно ссвободен, от меня не ссбежжишшь. Я ссильнее тебя, я проворнее тебя...

Он говорил правду, но меня это не могло остановить.

Вскоре его ужасные ноги уже были в нескольких дюймах от меня, и я приготовился защищаться из последних сил. И тут я услышал крик Гула Хаджи и увидел, как он пролетел мимо меня и оказался на спине чудовища. Мой друг вцепился в его шерсть и крикнул, чтобы я попытался сделать то же самое.

Я плохо понимал, что он задумал, но прыгнул, полностью освободившись наконец от паутины, и приземлился рядом с Гулом Хаджи на спину нашего врага. Одной рукой сжимая меч, я запустил другую в его странный мех.

— Дай мне меч, — попросил Гул Хаджи. — Я сильнее.

Я отдал ему меч и снова вытащил свой нож.

Когда мы стали колоть его и бить по спине, паук зашипел от ярости, слов было не разобрать. Похоже, он привык к смиренным, или, по крайней мере, смирным подношениям в виде его слуг, но мы были

воинами Вашу́ и собирались дорого отдать свою жизнь, прежде чем стать «лакомым кусочком» для этого болтливого паука.

Он свистел, шипел и бранился. В ярости он кинулся с паутины на пол, но мы держались крепко, при этом продолжая наносить ему удары в надежде найти тот единственный — смертельный — удар, который нас спасет.

Он попытался перевернуться на спину, чтобы раздавить нас тяжестью своего тела, но, возможно, его удержал инстинкт, свойственный многим насекомым: оказавшись на спине, они уже не могут снова встать на ноги. Как бы то ни было, только в самый последний момент он сохранил равновесие и стал метаться по всему залу.

Из десятка ран на его теле текла липкая черная кровь, но ни одна из этих ран не ослабила, казалось, его прыти.

Вдруг он понесся по прямой, издавая ноющий жалобный крик.

Мы продолжали крепко держаться за его шерсть, а скорость все росла, и мы стали изумленно переглядываться.

Он мчался, как машина, — 60 миль в час или даже больше — по тоннелям, унося нас все глубже и глубже в свой каменный город...

Издаваемый им звук стал громче. Зверь впал в неистовство. Отчего это произошло, мы не знаем: или вдруг им овладело сумасшествие, которое досталось ему по наследству от ненормальных предков и которое он больше не мог скрывать, или он обезумел от боли, причиняемой ему ранами.

И вдруг я заметил над нами какое-то движение.

Группа — стая? — человекообразных пауков — тех же самых, что доставили нас в зал с паутиной, или других — была явно охвачена паникой, когда увидела, что происходило.

И тут огромный умный паук замедлил свой сумасшедший бег и стал нападать на них, отрывая им головы, перекусывая их пополам, давя их между своими гигантскими челюстями. Какое же это было отвратительное зрелище!

Мы продолжали держаться за шерсть метавшего-

ся в исступлении зверя. Время от времени из его пасти вылетали членораздельные звуки, но что означали эти слова, мы не знали.

Вскоре позади гигантского паука осталась лишь гора обезображенных трупов: ни один из паукообразных людей не избежал страшной участи.

Моя рука болела. В любую секунду пальцы могли разжаться и выпустить шерсть паука, и я мог свалиться к нему под ноги и стать его жертвой. Судя по мрачному выражению лица Гула Хаджи, он тоже уже не выдерживал напряжения этих гонок.

И тут совершенно неожиданно для нас паук остановился и стал медленно оседать. Паук опустился на землю посреди того, что некогда было его свитой.

Он уничтожил своих слуг, кажется, в предсмертной агонии, ибо он выкрикнул лишь: «Их больше нет!» — и умер.

Мы убедились, что сердце его перестало биться, и буквально упали вниз с его спины. Прежде чем уйти, мы остановились посмотреть на него.

— Я рад, что умер он, а не мы, — сказал я. — Но должно быть, он понимал, что был последним представителем своего аномального вида. О чем думало это безумное, обозленное существо? Я ему в какой-то степени сочувствовал. Можно даже сказать, что он умер достойной смертью.

— Ты, наверное, заметил что-то, что ускользнуло от моего внимания, — возразил Гул Хаджи. — Я видел только врага, который нас чуть не уничтожил. Но вместо этого мы убили его, и это великолепно.

Прагматизм моего друга вернул меня к действительности: я перестал заниматься неуместными в данных обстоятельствах размышлениями о судьбе нашего недавнего грозного противника и о мире, который он здесь, в скале, устроил, и начал раздумывать, как из этого мира выбраться.

Я также подумал, все ли человекообразные пауки были убиты их агонизирующим повелителем.

Мы пробрались между трупами и по тоннелю вышли в огромный зал.

Мы обнаружили там еще один тоннель и пошли по нему просто потому, что рано или поздно надеялись

попасть в комнату, где будет дверь, ведущая наружу, или, по крайней мере, окно, а они должны были быть, мы видели их снаружи.

Тоннели таили в себе некоторые неудобства для Гула Хаджи. Ибо только некоторые из них были достаточно большими для синего великана или, скажем, для гигантского паука Мишассы. Из этого мы заключили, что даже среди себе подобных это существо было чем-то особенным.

И снова во мне шевельнулось что-то вроде сочувствия к этому бесформенному созданию, которое обладало таким недюжинным интеллектом и так плохо было приспособлено для мира. Несмотря на то, что этот паук угрожал моей жизни, я не мог больше его ненавидеть.

И вот когда я все еще был настроен философски, мы дошли до комнаты, которая представляла собой огромный чан с жидкостью.

Но сначала появился запах. Вдыхая его, мы почувствовали, как наши мускулы словно немеют, становятся менее гибкими. Войдя в комнату, мы увидели, что вдоль стен были расположены доски, по которым только и можно было пройти, так как пол, расположенный ниже, был залит зловонной пузырящейся жидкостью.

Мы остановились и посмотрели вниз на эту жидкость.

— Я, кажется, знаю, что это такое, — сказал я Гулу Хаджи.

— Яд?

— Точно. Тот самый, которым они нас парализовали. — Я нахмурился. — И кажется, нам он тоже мог бы пригодиться.

— Каким образом? — спросил мой друг.

— Еще не знаю. Но мне кажется, что рано или поздно ему найдется применение. Не помешает взять немного. — И я показал на дальнюю стену.

Там на полке стояли глиняные кувшины и целый ряд шестов с иглами на конце.

Мы осторожно подошли по доскам к полке. Мы старались сдержать дыхание, чтобы ядовитые пары не смогли парализовать наши мускулы и, лишенные контроля над ними, мы не упали бы вниз, где или

утонули бы в отвратительной жидкости, или умерли от чрезмерной дозы яда.

Наконец мы добрались до полки. Наши мускулы становились тверже с каждым шагом. Я взял два кувшина прекрасной работы, хотя и несколько странных на вид, и передал их Гулу Хадже, который наполнил их ядовитой жидкостью. Плотно закупорив кувшины, мы повесили их на пояс. Потом взяли несколько шестов с иглами и поспешили убраться из комнаты через ближайший выход.

Тоннель пошел вверх, и у нас появилась надежда. Впереди, кажется, стало светлее, хотя источник этого света еше не был виден.

Повернув налево, мы оказались в небольшом коридоре и увидели, что из расположенного в конце этого коридора окошка, сделанного в форме неправильного четырехугольника, идет дневной свет. Но тут свет заслонили огромные пауки, которых я уже раньше видел. Через окошко они забирались внутрь. Их было очень много.

Я вытащил меч, который мне вернул Гул Хаджи, а сам он приготовился действовать шестом. Когда пауки увидели нас, они на мгновение замерли, собираясь напасть, но потом прошелестели мимо и исчезли в тоннеле, ведущем в город.

То, что я сначала принял за нападение, таковым вовсе не являлось. Просто ночные обитатели джунглей на день возвращались в свое логово, чтобы в темноте дождаться наступления следующей ночи.

Мы вылезли через окно наружу и постояли немного на «крыше» города в скалах и каньонах из тускло сверкающей в темноте лавы. Скорее всего лава просто застыла в таком виде. Вряд ли это сооружение было в прямом смысле слова построено, как строят города.

Осторожно, чтобы не поскользнуться на гладкой поверхности, мы спустились вниз. Мы вдруг поняли, что не имеем ни малейшего представления о том, в какой стороне мог быть наш воздушный корабль.

Мы бы бродили по джунглям много часов или даже дней, если бы не увидели вдруг плотную фигуру Джила Диэры. Мы закричали и замахали руками.

Он резко обернулся и положил руку на эфес, но его настороженность прошла, когда он увидел нас.

— Где Вас Оола? — спросил я, когда мы поприветствовали друг друга.

— Все еще у самолета, сторожит его, — ответил воин. — По крайней мере, — он оглянулся вокруг с явным отвращением, — надеюсь, что он там.

— А почему ты здесь? — спросил Гул Хаджи.

— Когда к ночи вы оба не вернулись, я забеспокоился. Я подумал, что вас схватили, поскольку не слышал ничего, что указывало бы на то, что по джунглям бродит огромный дикий зверь. На рассвете я пустился в путь по вашим следам и вышел на это место. Видели, кто здесь живет? Огромные пауки!

— А труп еще одного жителя этих мест, гораздо более крупного, ты найдешь где-нибудь там, под землей, — лаконично заметил Гул Хаджи.

— Надеюсь, ты оставил какие-нибудь знаки, чтобы найти путь назад, — сказал я Джилу Диэре, в душе ругая себя за то, что сам об этом не подумал.

— Оставил, — и Джил Диэра показал на джунгли. — Нам сюда, идите за мной.

С тех пор, как мы ускользнули из башни якшей, неудачи преследовали нас, и мы очень беспокоились, как бы с нашим воздушным кораблем что-нибудь не случилось. Если его разрушили, нам придется плохо: мы окажемся одни в незнакомом месте, из которого не сможем выбраться.

Но корабль был цел, как и Вас Оола, который приветствовал нас с видимым облегчением.

Поднявшись в кабину, мы отвязали веревки, удерживавшие нас на земле, и стали медленно подниматься вверх.

Когда мы оказались на подходящей высоте над джунглями, простиравшимися во все стороны, насколько мог видеть глаз, я завел мотор. Мы уточнили наш курс и вскоре уже направлялись — как мы горячо надеялись — в Мендишарию, чтобы узнать, могли ли мы как-нибудь спасти от поражения так неудачно начавшуюся революцию.

ГЛАВА 9
Приговоренные к смерти

К счастью, мы без приключений пересекли океан и приземлились наконец у границ Мендишарии.

Спрятав самолет в горах, мы отправились узнать о том, что происходит в стране. Поначалу на пути встретились только две деревни, разрушенные до основания.

Потом нам повезло, и мы увидели старуху, чудом избежавшую смерти. Она рассказала, что людей арестовывали целыми семьями, много деревень сожгли дотла, несколько сотен или тысяч людей убили.

Она рассказала нам, что казнь захваченных вождей революции собирались обставить как торжественный ритуал, руководить которым должен был этот выскочка «брадхинак» Джевар Бару. Старуха не знала, когда все это должно было случиться, но утверждала, что вожди революции были еще живы.

Мы решили, что нам нужно попасть в Мендишарлинг, чтобы самим увидеть, как обстояли дела, каково было настроение людей, и чтобы, если будет возможно, спасти приговоренных. В одной из разрушенных деревень мы нашли одежду, и Гул Хаджи оделся как странствующий торговец, а я должен был изображать сверток — его ношу. Я бы неизбежно привлек к себе внимание, если бы попробовал изображать из себя *кого-то*, пришлось стать *вещью* — товаром торговца.

Именно так, на спине Гула Хаджи, я впервые оказался в столице Мендишарии. Невеселое это было место. Выглядывая в дырочку, которую я проделал в мешке, я увидел, что, если не считать разряженных нахальных приозов, не было ни одной распрямленной спины, ни одного лица, не искаженного горем, ни одного ребенка, который выглядел бы сытым и беззаботным.

Мы прошли по рынку, но ничего хорошего там не продавалось.

В городе царили отчаяние и запустение, которые казались еще более безысходными рядом с роскошью немногих избранных — приозов.

По книгам я знал, что такое может быть, но никогда сам не видел, чтобы тиран был настолько не уверен в своей безопасности, что не осмеливался ни на секунду разжать железные тиски, в которых он держал своих подданных.

Какой бы оборот ни приняли события сейчас, размышлял я, свернувшись в мешке на спине у своего друга, который мало заботился о моем удобстве, рано или поздно тиран падет, ибо людей нельзя унижать до бесконечности. Рано или поздно тиран или его подручные ослабят хватку, и его подданные этим воспользуются.

В маленькой таверне недалеко от центральной площади Гул Хаджи нашел комнату и сразу же прошел туда. Когда он опустил меня на жесткую кровать и уселся рядом, вытирая пот со лба, я вылез из мешка и попытался улыбнуться.

— У меня такое чувство, будто каждая моя косточка вывихнута, — сказал я.

— Ну прости, — улыбнулся Гул Хаджи. — Но как странно и подозрительно бы я выглядел, если бы стал трястись над своей поклажей, как будто в ней что-то драгоценное, а не пара свертков материи и несколько шкур, как я сказал страже.

— Наверное, ты прав, — согласился я, пытаясь размять руки и ноги, чтобы восстановить нормальное кровообращение. — Что теперь?

— Подожди, пока я пройду по городу и узнаю обстановку в стране, а также о настроении людей. Если они готовы выступить против Джевара Бару, — а это вполне вероятно, нужен только толчок, — тогда мы все обдумаем и найдем способ положить конец правлению этого самозванца.

Он сразу же отправился в путь, оставив меня одного без всякого дела. Я пришел с ним сюда по нескольким причинам. Во-первых, я был его другом и союзником и не мог и не хотел оставлять его одного. А во-вторых, если его схватят, я надеялся вернуться к нашим друзьям и передать все новости, чтобы вместе с ними прилететь на самолете на помощь Гулу Хаджи.

Я был один довольно долго, и к вечеру на улице произошло какое-то волнение.

Я осторожно подошел к окну и выглянул наружу. Гул Хаджи стоял внизу и горячо спорил с парой приозов весьма наглого вида.

— Я лишь бедный торговец, — повторял он. — Не больше и не меньше. Бедный торговец, господа!

— Ты очень подходишь под описание Гула Хаджи, претендента на престол. Он бежал — струсил, наверное, — из деревни, где мы его хотели схватить несколько недель назад, и предоставил своим сторонникам возможность сражаться за него. Мы ищем этого слабака, потому что ему удалось убедить несколько глупцов в том, что он будет лучшим правителем Мендишарии, чем достойный брадхи Джевар Бару.

— Судя по вашему рассказу, он полное ничтожество, — сказал Гул Хаджи, выражая почтение и согласие с официальной политикой. — Настоящий мерзавец! Надеюсь, благородные господа, вы его поймаете. А я должен вернуться...

— А мы-то как раз думаем, что ты и есть этот hwok'kak Гул Хаджи, — сказал один стражник, загораживая моему другу путь. Он назвал брадхинака самым обидным словом, которое только есть в марсианском словаре. Буквально hwok'kak — пресмыкающееся, обладающее особенно отвратительными привычками, но переносное значение этого слова — еще более мерзкое, и оно не поддается никакому описанию.

Хотя Гул Хаджи делал над собой героические усилия, возможно, он чем-то выдал себя, услышав это слово. Хотя, кажется, в любом случае не было никакого шанса, что стражники позволят ему вернуться в таверну.

— Ты пойдешь с нами для дознания, — сказал второй стражник, — и если ты и правда не Гул Хаджи, тебя, возможно, отпустят, хотя наш брадхи не очень-то жалует всякий сброд вроде странствующих торговцев.

Ничего другого не оставалось, приходилось действовать. В мешке с ворохом тряпья лежал меч — всю дорогу до таверны я боялся, что он вонзится мне в живот или в ногу. Я подошел к кровати, вытащил меч и снова вернулся к окну.

Пора было помочь своему другу, ибо, если весь город растревожится и решит его задержать, у нас не будет шанса живыми покинуть Мендишарлинг.

На мгновение я задержался на подоконнике, чтобы сохранить равновесие, и оттуда с криком спрыгнул на ближайшего ко мне стражника.

Гигантский воин остолбенел, когда увидел, как какой-то коротышка, вроде меня, прыгает на него с обнаженным мечом.

Я приземлился очень близко от него и сразу же напал.

Понимая, что в данной ситуации мое решение было единственно верным и сохранять тайну дольше было невозможно, Гул Хаджи тоже вытащил меч и напал на второго стражника.

Вскоре улица опустела, как по мановению волшебной палочки. Остались только двое приозов и мы: остались, чтобы биться насмерть.

Я надеялся, что среди убежавших с места сражения людей не было доносчиков, которые привели бы приозам подкрепление. Если нам удастся справиться с этими двумя, мы еще можем попытаться скрыться из города.

Мой противник все еще был ошарашен. Кажется, он так и не пришел в себя, потому что через несколько минут я пронзил его мечом, и он упал на булыжник мостовой.

Гул Хаджи расправился со своим противником также довольно быстро. Мы обернулись на топот множества ног и увидели целый отряд приозов, надвигающихся на нас. Впереди них на огромной серой дахаре ехал высокий, крепко сложенный мендишар в золотых доспехах.

— Джевар Бару! — как проклятье, прозвучал голос Гула Хаджи.

Очевидно, этих воинов никто не звал, они просто услышали шум нашего сражения.

Гул Хаджи приготовился защищаться, но я схватил его за руку.

— Не будь идиотом. Через секунду же тебя схватят. Уйдем, чтобы вернуться через короткое время и отплатить тирану за несправедливость.

Гул Хаджи неохотно вошел за мной в таверну, и мы забаррикадировали дверь.

Почти сразу же раздался дикий грохот: это в таверну ломились приозы. Мы побежали на самый верх — на третий этаж и оттуда через люк — на крышу.

Дома в этой части города были расположены вплотную друг к другу, и прыгать с крыши на крышу было делом простым.

Позади нас появились стражники, но без Джевара Бару, который, несомненно, предпочел остаться в безопасности внизу. Приозы влезли на крышу и, преследуя нас, кричали, чтобы мы остановились.

Думаю, они еще не узнали Гула Хаджи, хотя к этому времени у приозов уже должна была быть информация о том, что в бою вместе с ним часто сражается человек вроде меня. Узнай приозы, кто был их противником, они бы из кожи вон лезли, чтобы поймать его.

Дома становились все ниже, и вот мы уже бежали по крыше одноэтажного дома.

У городской стены мы снова спустились на землю. Люди смотрели на нас с изумлением. Мы вовремя заметили, как из какого-то кабачка выходят два подвыпивших приоза и, с некоторой неуверенностью передвигая ноги, направляются к своим дахарам.

Мы оказались у дахар первыми и, вскочив на них верхом, ускакали из-под самого носа противников. Мы уже направились к городским воротам, а приозы все еще стояли в полном недоумении, не двигаясь с места.

У ворот нам встретились четыре приоза, у которых с реакцией дело обстояло лучше. Увидев нас на дахарах, которые, как было очевидно, мы украли, они попытались загородить нам путь.

Наши мечи взлетели вверх и опустились, и двое приозов остались лежать на земле. Еще взмах — и оставшиеся двое были ранены. А мы продолжали скакать что было сил прочь из Мендишарлинга.

За нами послали погоню. Мы мчались галопом по тропинке, потом резко повернули налево в горы.

В горах наши дахары стали спотыкаться, а враги продолжали преследовать нас.

Если бы не ночь, думаю, нам бы пришлось вступить с противниками в сражение, выиграть которое, учитывая их огромное преимущество, у нас не могло быть ни малейшей надежды. Но ночь наступила, и прежде чем взошли марсианские «луны», нам удалось ускользнуть от погони.

Мы нашли какую-то пещеру, и там, чувствуя себя в относительной безопасности, Гул Хаджи рассказал мне обо всем, что узнал в городе.

Люди уже почти открыто роптали, но были слишком напуганы, чтобы сделать что-то против тирана, и слишком плохо организованы, чтобы, если они все же выступят, их усилия оказались ненапрасными.

Гул Хаджи сказал, что, как ему кажется, вести о разоренных и разрушенных до основания деревнях и о сотнях и тысячах невинных жертв дошли до горожан, хотя приозы делали все возможное, чтобы развеять подобные подозрения и слухи.

Почти двести пленных всех возрастов и обоих полов томились в темницах Джевара Бару. Их готовили к ужасному жертвоприношению на центральной площади.

Им всем был вынесен смертный приговор за помощь Гулу Хаджи и его сторонникам. Но некоторые из пленных даже не знали, что Гул Хаджи приходил в Мендишарию; и, конечно, дети не могли иметь ко всему этому ни малейшего отношения. Джевар Бару собирался проучить мендишаров, и это должен был быть жестокий урок. После такой казни, как та, что он задумал, можно было еще два-три года продолжать удерживать народ в повиновении, но не больше.

— Дело не в этом, — сказал я Гулу Хаджи. — Вопрос в том, как спасти этих несчастных — сейчас.

— Конечно, — согласился он. — Знаешь, как зовут главного пленника Джевара Бару — того, кто занимает особое место в планах «брадхи»?

— Как?

— Морахи Ваджа. Его схватили в бою. У приозов был специальный приказ — взять его живым!

— А на какой день назначено это жертвоприношение? — спросил я.

Гул Хаджи сжал голову руками:

— Их убьют завтра в полдень, — простонал он. — О, Майкл Кейн, что мы можем сделать? Как предотвратить казнь?

— Мы можем сделать только одно, — сказал я мрачно. — Нужно использовать все и всех, что у нас есть. Мы вчетвером — ты, я, Джил Диэра, Вас Оола — должны напасть на Мендишарлинг.

— Как могут четыре человека напасть на огромный город? — спросил он недоверчиво.

— Я все тебе расскажу, — ответил я ему, — но, честное слово, шансов мало.

— Поделись со мной своим планом, — сказал мой друг.

ГЛАВА 10

Отчаянный план

Я стоял за пультом управления воздушного корабля и через иллюминаторы всматривался в простиравшиеся перед нами земли.

Три великана за моей спиной стояли молча. Им нечего было сказать. Наш план — достаточно простой по замыслу — обсудили во всех деталях.

Близился полдень, и мы спешили. План в основном и зависел от того, насколько правильно мы сможем рассчитать время. Если он провалится, поражение будет зрелищем, происходящим на глазах у всех людей, и, может, тем самым оно поднимет их на сопротивление приозам.

Впереди показались башни Мендишарлинга. Город украсили, словно для праздника. На башнях и флагштоках развевались знамена — по случаю праздничных торжеств, мог бы подумать чужестранец. Но мы-то знали, в чем было дело...

На городской площади стояли две сотни столбов. К ним были привязаны двести пленников — мужчин, женщин, детей. Рядом с ними стояли двести приозов — разряженных, держащих наготове жертвенные ножи.

В центре площади, на платформе, окруженной этими столбами, стоял сам Джевар Бару, облачен-

ный в золотые доспехи и тоже держащий золотой нож. На помосте возвели столб, к которому был привязан Морахи Ваджа. Его лицо было сосредоточенно, глаза смотрели вперед и не видели, вероятно, ничего, кроме атрибутов предстоящего жертвоприношения, которые напоминали ему об ожидавшей его участи.

Площадь окружали толпы людей, согнанных сюда по специальному указу самозванного брадхи. Здесь было, кажется, все население Мендишарлинга.

Джевар Бару стоял, воздев руки к солнцу, с жестокой улыбкой на тонких губах. Он был возбужден. С нетерпением, которое было неуместно и потому отвратительно, он ждал, когда солнце достигнет зенита.

На площади царила бы гробовая тишина, если бы не возбужденные вскрикивания и разговоры детей в толпе и у столбов — детей, которые не знали, что должно было случиться. Родители шикали на них, но ничего не объясняли. И как можно было такое объяснить?

Не отрывая взгляда от солнца, Джевар Бару заговорил:

— О мендишары! Есть среди вас те, кто предпочел повиноваться Великой Силе Мрака, те, кто ослушался приказов Великой Силы Света, чьим материальным выражением является Дающее Жизнь Солнце. Движимые эгоизмом, злобой и тщеславием, они призвали на помощь убийцу и труса Гула Хаджи, чтобы тот возглавил их бунт против избранного вами брадхи. И он пришел, призываемый ими бандит и мерзавец, из самых дальних, забытых судьбой бесплодных земель, из ночи, чтобы сразиться с приозами, детьми неба, сыновьями Силы Света. Но от Великой Силы Света Джевар Бару получил предупреждение, и Джевар Бару отправился воевать с Гулом Хаджи, который позорно бежал и который никогда больше не осмелится при свете Дающего Жизнь Солнца появиться здесь, ибо он предпочитает прятаться в ночи. Итак, трус бежал, и Великий Свет восторжествовал. Сюда привели мы сегодня сторонников самозванного брадхинака. Они будут принесены в жертву Великому Свету. Это не месть.

Это дар Тому, Кто Следит Сверху — Великому Свету, — чтобы мендишары очистились и кровь этих предателей смыла бы *наши* прегрешения.

В ответ на это неслыханное лицемерие он не услышал восторженных криков.

Джевар Бару повернулся к Морахи Ваджe, подняв над его грудью золотой нож и готовясь совершить кровавый ритуал — вырезать сердце из груди воина.

Все люди замерли в напряжении. Действия Джевара Бару должны были стать сигналом для его двухсот подручных вырвать сердца двухсот ни в чем не повинных людей.

Через несколько минут солнце окажется в зените. Джевар Бару начал произносить заклинание.

Он уже плохо понимал, что происходит вокруг, поскольку собственными речами и молитвами привел себя в состояние полного экстаза. Тут-то над площадью и появился наш воздушный шар. Он остался незамеченным, так как все глаза были прикованы к Джевару Бару или закрыты, что было нарушением его указа о том, что все должны были *видеть* происходящий ритуал.

На это мы и рассчитывали, поэтому так четко планировали время появления нашего воздушного корабля, хотя в нашем распоряжении оказывалось всего несколько минут на то, чтобы попытаться спасти жертвы.

Мы остановили двигатели и зависли над площадью, спускаясь все ниже и ниже.

Тень воздушного шара упала на помост Джевара Бару как раз в тот момент, когда он собирался вонзить нож в грудь Морахи Ваджи.

Джевар Бару вздрогнул и поднял голову, за ним — все остальные.

Глаза Джевара Бару округлились от удивления.

И тогда из кабины я метнул в самозванного брадхи то, что я держал в руке — пику.

Острие пики, как я и рассчитывал, вошло в его горло. Этого было достаточно.

Джевар Бару, словно обратившись в камень по велению какого-то божества, застыл в той позе, в которой он был, когда впервые взглянул на нас.

Мы использовали предрассудки против предрассудков: все устроили так, чтобы появление корабля над площадью выглядело как пришествие разгневанного божества.

Накануне полета я смастерил что-то типа простейшего мегафона, и когда я заговорил, мой голос был искажен и усилен, причем больше из-за того, что он эхом отзывался от стен близлежащих домов.

— Жители Мендишарлинга! Ваш тиран повержен. Расправьтесь с его подручными!

Люди на площади стали роптать: они были одновременно ошеломлены и разъярены, но ярость их была направлена не на нас. Мы сделали точный психологический ход. Мы рассчитывали, что когда нанесем Джевару Бару удар, приозы потеряют присутствие духа и не будут знать, что делать, а народ, наоборот, воодушевится.

Толпа стала потихоньку сжимать кольцо вокруг площади и надвигаться на приозов, которые уже в панике оглядывались и вытаскивали мечи.

Я опустил воздушный корабль поближе к помосту, чтобы Гул Хаджи мог спрыгнуть вниз.

— Гул Хаджи! — воскликнул Морахи Ваджа, все еще привязанный к столбу.

— Гул Хаджи! — воскликнули приозы, узнавшие изгнанника.

— *Гул Хаджи!* — воскликнул народ на площади, услышав, как приозы с ужасом повторяют это имя.

— Да, это я, Гул Хаджи, — закричал мой друг, поднимая меч. — Джевар Бару утверждает, что я трус, покинувший свой народ. Что же, посмотрите, я вступаю в город почти безоружным, чтобы спасти друзей и призвать вас сбросить его с престола. Долой приозов, которые так долго вами командовали. Не упустите шанс отплатить им.

На мгновение наступила мертвая тишина, затем по площади прокатился гул, который начал нарастать, пока не перешел в рев.

Все население Мендишарлинга стало наступать на застывших в ужасе приозов.

Многие из мендишаров умерли, прежде чем остальным удалось сломить сопротивление приозов, и

ни один из тех, кто готовился совершить жертвоприношение, не ушел с площади живым. Почти все приозы были буквально разорваны на куски, целых трупов было мало. Что ж, весьма подходящая, хотя и слишком кровавая смерть.

Сам я в сражении не участвовал, просто не успел. Наш план был рассчитан на то, чтобы верно учесть настроение людей, на то, какое огромное воздействие окажет на них наше появление, а также на то, что яд, которым было смазано острие пики, парализует Джевара Бару. Так нам пригодилась жидкость, которую мы с Гулом Хаджи захватили из города пауков. Если бы план провалился, нас бы уничтожили так же быстро, как были уничтожены враги.

От напряжения последнего часа и от облегчения меня трясло, когда я спустился по веревке из кабины воздушного шара и встал рядом с Гулом Хаджи. Мы отвязали Морахи Ваджа от столба. А внизу на площади мендишары развязывали веревки, которые все еще удерживали у столбов двести несчастных жертв.

Народ с новым чувством облегчения стал приветствовать Гула Хаджи, и эти крики раздавались долго. Тем временем Джил Диэра и Вас Оола спрыгнули с корабля и привязали его к столбу, стоящему на помосте.

Я выступил вперед и закричал мендишарам:

— Приветствуйте брадхи Гула Хаджи! Вы принимаете его?

— Принимаем! — отозвалась толпа.

Гул Хаджи поднял руки, тронутый таким приемом.

— Спасибо. Я освободил вас от власти тирана, помог одолеть его вместе с подручными, но истинным вашим спасителем является Майкл Кейн. А сейчас нужно разыскать оставшихся приозов и схватить их. Они поплатятся за все, что творили здесь в последние годы. Идите, возьмите оружие наших врагов и разыщите тех приозов, которые еще живы.

Мужчины подбирали оружие приозов и пускались в погоню за врагами по улочкам Мендишар-

линга. Вскоре со всех сторон послышались звуки отчаянных схваток.

Когда действие яда начало ослабевать, мы крепко связали Джевара Бару.

Он что-то бормотал, на губах появилась пена. Он обезумел. Наверное, какое-то время он уже был не в себе, но неожиданное поражение окончательно вывело его из равновесия.

— Что ты думаешь с ним делать? — спросил я Гула Хаджи.

— Убью, — просто ответил мой друг.

Наступила развязка. Напряжение было позади. Мы быстро достигли цели. Снова мной овладело ощущение бесцельности происходящего.

Мы заняли дворец, в котором располагался Джевар Бару. До него здесь поколение за поколением жили предки Гула Хаджи, пока выскочка Джевар Бару не повел народ за собой к вырождению и гибели.

Моражи Ваджа возглавил отряд, отправившийся на поиски скрывшихся врагов. Он ушел, но вскоре вернулся, чтобы сообщить, что многие приозы еще не вернулись в столицу из карательных рейдов по деревням, остальные бежали. Чтобы их найти, понадобится время, и, возможно, некоторым удастся избежать наказания.

Когда я это услышал, у меня появилась идея. Хотя приозы, сбежавшие из Мендишарлинга, не могли представлять собой никакой реальной угрозы для Гула Хаджи, нельзя было оставлять их безнаказанными. Они совершили много кровавых преступлений, и часто их жертвами становились люди невинные.

Я решил, что смогу помочь мендишарам.

— Я буду вашим разведчиком, — сказал я. — С помощью самолета я смогу двигаться значительно быстрее приозов и следить, куда они перемещаются и где разбивают лагеря. Потом я вернусь и расскажу, где искать тех, кто сбежал.

— Хороший план, — кивнул Гул Хаджи. — Я бы сам отправился с тобой, но здесь слишком много дел. Передохни и утром трогайся в путь.

Действительно, мне нужно было отдохнуть. Я уснул сразу же, едва добрался до предоставленной мне спальни.

Наутро я сел в кабину воздушного корабля, помахал рукой Гулу Хаджи и сказал, что меня не будет, вероятно, несколько дней. Большая часть приозов направилась на юг, и я отправляюсь туда же.

Заработал мотор, завертелись двигатели, и вскоре я уже покинул Мендишарлинг и Гула Хаджи.

Тогда я еще не знал, что готовила мне судьба, которая почему-то вдруг заинтересовалась моей скромной персоной.

ГЛАВА 11

Летающее чудовище

Через два дня я был уже далеко на юге. По дороге я видел несколько отрядов приозов и отметил их местонахождение и направление, в котором они двигались.

Я пересек границу Мендишарии и увидел на юге вершины черных высоких гор, которые показались мне знакомыми.

Я подумал, что других приозов я уже не встречу, и перед возвращением решил исследовать горы, чтобы убедиться, что я действительно видел их раньше и знаю, что это за горы.

Так я и думал. Я прежде бывал в этих горах. Там раньше была Аргзуния — или еще только будет? Там я сражался с подданными коварной и злой Хоргул и со зверем, которым благодаря гипнозу она полностью управляла.

Что-то дрогнуло в душе. Ностальгия?

Я пролетел над горами. Конечно, я не мог любить это место, но оно напомнило мое первое пребывание на Вашу́ или, если точнее, то недолгое счастье, которое мне довелось испытать, когда я узнал, что Шизала любит меня и согласна выйти замуж. Трудно даже представить, что моей возлюбленной еще нет на свете.

Я подумал, не спуститься ли вниз, но рассудил, что если аргзуны еще не разбиты, они со мной расправятся в два счета. Такая смерть абсолютно бессмысленна.

Я уже разворачивал корабль, когда увидел, как из темного ущелья вылетело нечто и направилось прямо ко мне.

Это было чудовище самых невероятных пропорций, и поначалу я даже принял его за летающую машину. Никакая сила, кроме созданного человеком мотора, не могла бы поднять с земли, не говоря уж о том, чтобы заставить двигаться с такой скоростью, эту огромную тушу.

Но это было живое существо, а не созданная человеком машина.

Своими огромными клыками и горящими глазами зверь был похож на двухголовую хиллу — маленькое дикое существо, жившее на юге. На спине у него росли сильные крылья. Очевидно, и по внешности, и по темпераменту это чудовище было близким родичем хилл, которые, как я прекрасно помнил, были очень опасны. Можете себе представить, какой ужас навевало на меня это существо, похожее на хиллу, но в несколько раз крупнее!

Оно летело на меня, расставив в стороны огромные когтистые лапы, словно намереваясь схватить меня. Обе пасти были широко раскрыты.

Я переключил скорость на самую большую и сбросил часть балласта.

Шар резко взмыл вверх, и расстояние между нами увеличилось. Но потом зверь стал опять догонять меня, набирая скорость и высоту.

У меня не было времени развернуть корабль, и я все еще двигался прямо на юг. Как жаль, что кроме пик с ядовитыми наконечниками в кабине совсем не было оружия! Чтобы справиться с этим зверем, очень пригодился бы пулемет с пулями «дум-дум», или, еще лучше, огнемет, или реактивный гранатомет типа «базуки», или лазерный пистолет.

У меня ничего такого не было. Мне стало казаться, что даже в скорости чудовище превосходило меня, так как оно стало постепенно сокращать расстояние.

Воздушный шар — приспособление не самое маневренное, но я вытворял на нем такое, что вызвало бы шок у любого, кто хоть что-нибудь знал о возможностях управления аэростатами.

Подо мной — очень далеко — я увидел лес, населенный хиллами, тот самый, через который нам с братом Шизалы Дарнадом довелось пройти, когда мы направлялись в Аргзунию.

Я быстро миновал этот лес, продолжая двигаться на юг.

Я распалил мотор, как только мог, и слышал, как застучали пропеллеры: рано или поздно они должны были соскочить с оси.

А чудовище подлетало все ближе и ближе. Оно было больше, чем мой воздушный корабль, и я знал, что для того, чтобы уничтожить самолет и отправить меня на землю, достаточно всего одного удара когтей по наполненному газом шару.

Чудовище не сдавалось. Любое нормальное животное, подумал я, к этому времени уже устало бы. Так нет же, монстр упрямо преследовал меня, предчувствуя, наверное, что победа и последующий обед близки; жаль, добыча его явно разочарует.

Я поднялся еще выше. Если не буду осторожнее, то вскоре окажусь в таком разряженном слое атмосферы, что в нем невозможно станет дышать. Тогда мне не нужно будет больше бояться летающей хиллы или чего бы или кого бы то ни было еще. Я просто умру от нехватки кислорода.

А что если, несмотря на свой свирепый вид, это существо такое же трусливое, как и его менее крупный сородич, обитавший в лесах? Если да, то можно было бы попробовать напугать его.

Я ломал себе голову, но ничего не мог придумать. Что *могло* напугать двухголовое летающее чудище весом в несколько тонн? Сам собой напрашивался ответ: *другое* животное, тоже с двумя головами, только крупнее. Но такого союзника у меня не было.

Теперь летающая хилла — или как там она называлась — была близко, и я смог разглядеть ее черты.

Когда я взялся за пику с ядовитым наконечником и метнул ее в своего врага, мной руководил инстинкт.

Думаю, пика вошла в одну из ее глоток, рот закрылся, и тут — о ужас! — челюсти задвигались, и зверь проглотил пику. Теперь он уже был надо мной. Я решил, что умирать лучше сражаясь, как бы мало результатов это ни принесло, поэтому метнул еще одну пику.

Она должна была пролететь мимо, я промахнулся. То, что произошло в следующий момент, было непостижимо, — зверь вытянул шею и поймал пастью пролетавшую пику. Снова движение челюстей — и снова пики не стало.

Я разозлился: надо же, на это чудище не только не действует яд, оно еще и наслаждается моим оружием как лакомством!

Пики все же немного задержали хиллу, так как ей пришлось замедлять движение, чтобы проглотить их. Я бросил последнюю пику, целясь в глаз, но к несчастью, опять промахнулся.

Последнее, что я помню, была хилла, которая все-таки настигла корабль. Казалось, она вот-вот проглотит меня. Помню треск, словно что-то разорвалось; и тут я понял, что я и мой корабль обречены: или этот страшный хищник со странным аппетитом проглотит меня вместе с шаром, и кабиной, и моторами, и пропеллерами, или я разобьюсь всмятку, упав с высоты в несколько тысяч футов.

Кабина раскачивалась; я упал, ударился головой о пульт управления и, теряя сознание, подумал, что, к счастью, не почувствую, как умираю.

ГЛАВА 12
Мои новые друзья

Казалось, что каждая моя косточка сломана. На самом же деле все были целы, хотя я и не представлял, как это могло случиться. Я набил огромные синяки, в некоторых местах кожа ободрана, но в остальном был невредим!

Где я находился?

Живой? Вроде, да. Почему? Я не мог понять.

Я попытался вылезти из кабины, которая, кста-

ти, не очень сильно пострадала, — материал якшей, из которого она была сделана, оказался невероятно прочным.

Я открыл люк, находившийся теперь над головой, и вылез наружу, в темноту марсианской ночи, освещенной двумя лунами.

Шар валялся на земле наполовину пустой. Неужели, когда большая часть газа вышла, я упал так быстро, что хилла оказалась не в состоянии догнать меня?

Я не знал. Попытка ответа выглядела как-то неубедительно.

Я вернулся в кабину, не позволяя стонам боли срываться с губ. Там я нашел заплатку и то липкое вещество, которое мы нашли в городе пауков. При падении газовый баллон лег так, что образовалось что-то вроде кармана, из которого гелий вытекал гораздо медленнее, чем это происходило бы в другой ситуации.

Я поспешно заштопал баллон, не переставая думать, хватит ли гелия, чтобы снова наполнить шар.

Как раз когда я заканчивал работу, я увидел кое-что справа. Это было что-то очень крупное.

Я осторожно приблизился и увидел своего недавнего противника. Как умерло это чудовище? Я сделал шаг вперед, чтобы хорошенько его разглядеть. И вдруг обнаружил, что оно еще дышит.

Дышит с трудом, надо отметить, но все же еще дышит.

Я подумал, что летающая хилла проглотила слишком много отравленных пик, и даже на такой гигантский организм яд не мог не подействовать. Видимо, чудовище было парализовано в тот самый момент, когда нападало на меня, и оно промахнулось, полетело на землю и грохнулось здесь. Поверженный корабль, вероятно, полетел следом и упал недалеко от моего недавнего противника.

Я поблагодарил провидение, наделившее хиллу таким причудливым аппетитом.

Я побежал к кабине за мечом, который, должно быть, выскользнул из петли на поясе, когда падал.

Пока зверь спал, я вонзил меч ему в глаз, надеясь, что добрался до мозга. Я чувствовал себя тру-

сом, но это чудище нужно было убить, иначе оно могло бы напасть еще на кого-нибудь.

Мне не удалось убить его с первого раза, дважды оно отбрасывало меня, но потом я все же справился.

Я вернулся к кораблю и стал наполнять газовый баллон гелием из запасного контейнера.

К вечеру я почувствовал себя хуже.

Я собрался поспать ночь в кабине, закрепленной на земле, решив, что утром буду яснее представлять себе, куда следует держать путь.

Но утром я все еще был сонным и усталым после испытаний предыдущего дня и поднялся в воздух без определенной цели.

Внизу я увидел широкую реку. Я совсем не представлял себе, где мог быть. И я решил двигаться вдоль реки, пока не доберусь до города или деревни, где мог бы узнать, в какой стране нахожусь.

Но я летел вдоль реки четыре дня и за это время так и не встретил ни одного поселения. Когда наконец я увидел внизу что-то кроме реки, это оказалось не поселением, а флотом.

Несколько десятков отлично сделанных галер грациозно и изящно плыли вверх по реке. Снизившись, я разглядел, что ими управляли люди, похожие на меня, только с более темной кожей.

Я опустился еще ниже, направляясь к шедшей впереди галере, которая, судя по размерам и украшениям на единственном парусе, была флагманским кораблем.

Мое приближение вызвало на галере тревогу, но я нашел мегафон и закричал:

— Я не причиню вам вреда. Кто вы?

На языке, общем для всех народов Марса, хотя и с незнакомым мне акцентом, мне ответил один из воинов:

— Мы из Мишим Тепа, направляемся в свой Драгоценный Город! А ты кто?

Мишим Теп! Эта страна была старейшей союзницей Карналии, а Карналия была родиной моей Шизалы! Я был среди друзей!

Я назвался странником с севера, человеком без племени, который был бы очень рад, если бы ему позволили ступить на борт корабля.

Казалось, их любопытство усилилось. Кроме того, они увидели, что я неопасен. Поэтому они разрешили мне привязать воздушный корабль к их мачте и спуститься по веревочной лестнице на палубу. Это была сложная операция, но должен заявить, что горжусь тем, как ловко ее проделал.

Молодой капитан, приятный воин по имени Ворум Саз Хажи, сказал, что много месяцев возглавляемая им экспедиция была вдали от Мишим Тепа, они помогали маленькой стране-союзнице, которая пыталась отбиться от банды грабителей. С помощью флота Мишим Тепа враг был разбит, и теперь воины направлялись домой в Мих-Са-Вох, Драгоценный Город, столицу Мишим Тепа.

Чтобы не вдаваться в ненужные подробности, я представился ученым, изобретателем воздушного корабля, который они могли видеть, сказал, что путешествую по югу в поисках заказов или предложений работы. Добавил, что лечу сейчас с Западного континента, и, строго говоря, все это было правдой.

— Ну, если ты изобрел вот эту штуку, — с воодушевлением сказал Ворум Саз Хажи, — тогда тебе будут очень рады при дворе нашего брадхи. Там ты не умрешь с голоду, он тебе найдет работу.

Я был рад это слышать и сразу же решил устроиться в Мишим Тепе свободным ученым, как и хотел.

Я не беспокоился о том, что не сообщил в Мендишарию о приозах. Я вызвался разыскать их только для того, чтобы чем-нибудь заняться, приозов скоро выследят и без меня. Конечно, я скоро вернусь в Мендишарию, чтобы уверить Гула Хаджи, что жив и здоров, но пока я не мог отказать себе в удовольствии пожить немного среди людей одного роста со мной, людей, похожих на меня внешне, людей, связанных узами традиции и крови с нацией, которую считал своей родной — с карналами.

Через несколько дней путешествия вдали показались башни Драгоценного Города.

Это было самое величественное место, которое я только видел в своей жизни. Каждая башня и крыша были украшены драгоценными или полудрагоценными камнями так, что издали казалось, что

город был покрыт сплошным слоем какого-то сверкающего вещества.

Порт был построен из белого мрамора, с отделкой из драгоценных камней. Их блеск отражался в плещущихся волнах. С ясного голубого неба сверкало яркое солнце, в воздухе стоял нежный аромат цветов и трав, и я с радостью отметил, что люди казались умными, счастливыми, живущими спокойной, благополучной жизнью.

Много людей пришли встретить корабли, возвращающиеся из долгой экспедиции. Все горожане были одеты в яркие плащи таких же цветов, что и флаги на мачтах галер. Многие были поражены, увидев мой воздушный корабль.

Приветствуя возвратившийся флот, в воздухе звучала нежная музыка, которую любят южные марсиане. Теплое солнце, мирный пейзаж. Впервые с тех пор, как второй раз попал на Марс, я был в состоянии, близком к счастью.

Хотя Гул Хаджи и мендишары были людьми умными и благородными, на их цивилизации лежала печать первобытной дикости, постоянно напоминавший об их кровном родстве с аргзунами. Южным цивилизациям это было не свойственно. Кроме того, мендишары, как и аргзуны, внешне очень сильно отличались от меня, и сейчас было приятно оказаться среди людей, которые были такими же, как я сам.

Мы ступили на берег, и родственники Ворума Саза Хажи подошли, чтобы приветствовать его. Он представил меня, и я был приглашен в гости, пока не найду, где остановиться.

Ворум Саз Хажи сказал, что утром будет просить аудиенции брадхи.

Оглядевшись как следует, я заметил в порту чересчур много воинов, гораздо больше, чем по логике вещей их должно быть. Я также обратил внимание на поспешные приготовления к чему-то. Обнаружив то же самое, Ворум Саз Хажи был удивлен не меньше меня. Он спросил родителей, что происходит.

Они нахмурились и сказали, что расскажут все плохие новости, когда мы вернемся домой.

И только вечером, когда мы сели за стол, родите-

ли Ворума Саза Хажи рассказали нам, что Мишим Теп готовится к войне.

— Настали черные дни. Не знаю, просто не могу понять, как такое могло случиться, — сказал отец моего нового друга.

Тут вошли мужчина и женщина. Они были сверстниками родителей Ворума Саза Хажи. Они хотели расспросить меня о воздушном шаре, о моих приключениях и о многом другом.

Так разговор переключился с вопросов текущей политики на приключения: я вежливо рассказал им обо всем, что пережил на севере и на Западном континенте. К тому времени, когда гости ушли, я так хотел спать, что сразу же пошел в комнату, которую предоставили в мое распоряжение родители Ворума Саза Хажи.

Утром Ворум Саз Хажи отправился во дворец, где брадхи должен был его поздравить с одержанными победами, а я пошел в порт. Мы договорились, что в этот раз он поговорит с брадхи от моего имени. Конечно, до правителя Мишим Тепа уже дошли новости о моем корабле, и он, вероятно, захочет его увидеть, поэтому нужно было перегнать его ко дворцу.

По дороге в порт я заходил в магазинчики, останавливался поболтать с теми жителями Мих-Са-Воха, которые узнавали во мне пилота, управлявшего диковинным воздушным кораблем. Я не спешил, так как в запасе было много времени. И тут я увидел впереди небольшую процессию.

На усталых дахарах ехали измученные всадники. Вероятно, они возвращались из какого-то похода, о чем свидетельствовали их раны и пыль на доспехах.

С ними был пленник — человек с густой длинной бородой и очень светлыми спутанными волосами. Его тело также покрывало множество шрамов и ран. Он сидел на дахаре с завязанными за спиной руками.

Несмотря на то, что его внешность казалась несколько диковатой, держался он хорошо. В нем было что-то очень знакомое, однако я счел это плодом собственных фантазий. Я не стал ломать себе голову над тем, где я мог его видеть, так как эта загадка

представлялась неразрешимой. Вместо этого я спросил прохожего, не знал ли он, кто был этот пленник.

Прохожий покачал головой:

— Наверное, один из наших врагов, хотя у него довольно необычная внешность.

Я пошел дальше и вскоре добрался до порта, где и обнаружил свой воздушный шар в полном порядке. Теперь он был привязан к одному из металлических колец на причале.

Я забрался в кабину и завел двигатель. Этому чудесному приспособлению топливо было совсем не нужно.

Я направил самолет над самыми крышами домов в сверкающем Драгоценном Городе ко дворцу, огромному зданию, еще более величественному, чем все остальное. Казалось, дворец был буквально построен из драгоценных камней.

Я узнал, что в Мишим Тепе добывалось очень много драгоценных камней, и хотя при торговле с другими странами они ценились, местные жители были к ним совершенно равнодушны.

Я добрался до дворца и немного снизился; передав стражнику указания о том, как привязать воздушный корабль, я направился во дворец.

На ступенях меня встретил Ворум Саз Хажи.

— Я рассказал о твоем предложении, — сказал он, — и брадхи хотел бы с тобой сейчас поговорить. Он считает, что ты попал сюда в самый подходящий момент, ибо корабли, подобные твоему, могли бы оказаться очень полезными против наших врагов.

Когда я подошел к нему поближе, я увидел, что он чем-то обеспокоен.

— Что-нибудь случилось? — спросил я.

Он сжал мне руку, когда мы шли во дворец.

— Не знаю, — сказал он. — Возможно, все дело в тяготах войны, в которую мы собираемся вступить, только брадхи явно не в себе. Происходит что-то странное, я ничего не могу понять.

Он не успел больше ничего сказать, так как мы подошли к украшенным драгоценными камнями дверям в тронный зал, и я увидел огромную комнату с яркими величественными знаменами. Наверху, под потолком, были закреплены ряды шпалер. Вдоль стен

сидели благородные вельможи, мужчины и женщины, смотревшие на меня с вежливым любопытством.

На возвышении для трона в дальнем конце зала сидели три человека. Посредине располагался брадхи, это был изнуренный заботами мужчина с тронутыми сединой волосами и массивной головой, которая казалась высеченной из камня.

Слева от него стоял, все еще со связанными руками, тот самый диковатого вида человек, которого я уже видел раньше.

А третью фигуру на этом помосте, фигуру, сидевшую на троне рядом с брадхи, я узнал сразу. От ее присутствия в зале меня охватили смешанные чувства: отвращение, но и невероятный восторг.

Это была Хоргул, та самая злодейка, которая прямо или косвенно была причиной всех моих несчастий во время моего первого пребывания на Марсе.

Хоргул!

Значит, мои расчеты относительно времени оказались верными, даже если я и ошибся относительно пространства.

Но если здесь была Хоргул, то где-то же должна быть и Шизала!

И Хоргул, и человек с бородой повернулись ко мне. И они произнесли в один голос одни и те же слова:

— *Майкл Кейн!*

Но почему же они оба меня узнали?

ГЛАВА 13
Предательство Хоргул

Я остановился. Приближаться к трону было опасно.

И тут я вдруг узнал голос человека с диким взглядом и понял, почему он показался мне таким знакомым. У трона Мишим Тепа со связанными руками стоял Дарнад, брат Шизалы, с которым я расстался очень давно — кажется, несколько лет назад, — в пещерах Аргзунии.

Если он был в плену, мой долг был освободить его, ведь он был моим очень близким другом.

Я вытащил меч и вместо того, чтобы развернуться и убежать, бросился к Дарнаду, прежде чем растерявшиеся придворные могли что-либо сделать.

Хоргул кричала и показывала на меня:

— Это он, это он! Он — единственная причина войны!

Я не стал раздумывать, каким образом я, человек, который долгое время был на другой планете, в другой эпохе, мог вызвать войну. Я разрубил веревки, связывавшие руки Дарнада, и повернулся, чтобы встретить одного из придворных, подходившего ко мне с мечом.

Мне в очередной раз пригодилась одна штука, которой меня научил мой старый учитель по фехтованию месье Кларше: зацепив кончиком своего меча за эфес меча противника, я дернул свое оружие на себя — вместе с его клинком. Обезоружив придворного таким образом, я бросил меч Дарнаду; у нас обоих теперь было оружие. Та штука, которую я сейчас использовал, могла сработать только против человека, застигнутого врасплох, как, к счастью, и получилось в этот раз. Нам повезло.

В тронном зале царило замешательство. Я был уверен, что произошла чудовищная ошибка и что в ней была повинна Хоргул. Я не хотел убивать никого из этих людей, которые отнеслись ко мне с таким гостеприимством.

Мы с Дарнадом защищались недалеко от помоста, на котором стоял трон. Придворные действовали очень осторожно, опасаясь своей чрезмерной активностью навлечь беду на брадхи.

Это и подсказало мне выход из этой ситуации; чтобы ничья кровь не пролилась, в том числе и наша.

Я вскочил на помост позади брадхи и схватил его за доспехи.

Подняв меч над его головой, я заявил громко и четко:

— Если вы причините нам вред, вы убьете своего брадхи.

Они замерли на месте, потом опустили оружие.

— Не слушать его! — закричала на них Хоргул. — Он лжет, он не тронет вашего брадхи.

Конечно, Хоргул, зная меня лучше, чем эти люди, говорила правду. И именно поэтому, когда я обратился к придворным, я говорил так твердо, как только мог: мне нужно было убедить их всех, что я сделаю так, как говорил.

— Я в отчаянном положении, — сказал я. — Я не знаю, почему вы держите в плену сына вашего старейшего союзника, я не понимаю, почему вы разрешаете этой злобной женщине занимать место рядом с вашим брадхи. Но раз уж вы так поступаете, я вынужден защищать своего друга и себя. Вы что, не узнаете? Это же Дарнад из Карналии, брадхинак и пьюкан-нара?

— Конечно, узнаем, — закричал один из придворных, — поэтому мы его и держим. Мы воюем с Карналией!

— Воюете? — я не мог поверить своим ушам. — Воюете с теми, кто с незапамятных времен были вашими друзьями и союзниками! Почему?

— Я тебе объясню, — закричала Хоргул. — Ты должен знать, потому что ты отчасти виноват в том, что происходит. Эта распутница брадхинака Шизала обесчестила и велела убить сына брадхи, Телема Фас Огдая, чтобы выйти замуж за тебя!

Я даже немного растерялся от такой беззастенчивой лжи, ведь Хоргул сама была виновата в том, что Телем Фас Огдай стал предателем, а потом был убит в честном бою.

— Конечно, все знают, что Телем Фас Огдай предал карналов? — Я повернулся к придворным. Но они застонали и потом возмущенно зароптали, явно не соглашаясь с тем, что я сказал.

Тут выступил вперед один из придворных:

— Хоргул рассказала нам всю правду об отвратительном заговоре, который устроили ты и Шизала из Карналии. Чести Мишим Тепа было нанесено оскорбление, любимый сын этой страны убит, брадхи — унижен. Все эти обиды можно смыть только кровью.

— Чушь, — сказал я. — Я знаю правду. Хоргул вас загипнотизировала, как она поступала со многими другими. Вы поверили в рассказ, который нельзя воспринимать всерьез: вы только все хорошенько

проанализируйте, и вы поймете, что все в нем — ложь. Вы это давно бы поняли, если бы ваш рассудок не был столь безраздельно в ее власти.

Брадхи попытался освободиться.

— Если бы не она, мы никогда не узнали бы правду, — сказал он. Он говорил так, словно повторял что-то заученное. Я был уверен, что он был целиком во власти Хоргул.

— Ваш брадхи загипнотизирован Хоргул! — воскликнул я в отчаянии.

— Ты лжешь! — взвизгнула Хоргул. — Я всего лишь женщина, обычная женщина, обманутая Майклом Кейном. Он и вас сейчас пытается обмануть. Убейте его! Убейте его!

— Как, ну как же могла одна женщина внушить такую наглую ложь целой нации? — закричал я, поворачиваясь к ней. — Что ты наделала, ведьма! И чего ты еще добиваешься? Ты стравливаешь две великие нации. Где твоя совесть?

Хотя она продолжала играть выбранную ею роль, я увидел ее в глазах иронию, когда она ответила мне:

— А где *твоя* совесть? Ты, чужестранец, посмел вмешаться в жизнь южных народов и пренебречь их традициями и обычаями, чтобы заполучить женщину, которую любишь!

Я понял: убеждать их бесполезно.

— Хорошо, если я такой злодей, тогда ты должна знать, что я выполню свою угрозу и убью вашего брадхи, если вы попробуете напасть. — Я стал продвигаться вперед, и она неохотно отступила, пропуская меня.

Дарнад прикрывал наш отход. Мы прошли через весь зал, благополучно покинули дворец и добрались до моего самолета.

Я заставил брадхи влезть в кабину, Дарнад поднялся следом. Внутри нашего воздушного корабля я повернулся к старику.

— Ты должен поверить нам: Хоргул лжет, — сказал я горячо.

— Хоргул всегда говорит правду, — сказал он ровным голосом. В глазах ничего нельзя было прочитать.

— Неужели ты не чувствуешь, что она тебя загипнотизировала? — спросил я. — Карналы и жители Мишим Тепа так долго были друзьями и союзниками, что война между ними разрушит все, что дорого южным народам, разрушит всю южную культуру.

— Она бы не стала лгать.

— Но она *лжет!* — впервые за все это время заговорил Дарнад. — Я не понимаю, о чем вы тут говорите, я знаю лишь, что моя сестра и Майкл Кейн никогда не сделали бы то, в чем вы их тут обвиняете.

— Хоргул хорошая. Она говорит правду.

Я грустно покачал головой, подвел брадхи к люку и показал на лестницу.

— Можешь идти. Бедняга, как же тебя дурачат, — сказал я. — Ты — лишь тень когда-то великого брадхи.

На мгновение его глаза блеснули. Я увидел, каким бы он был, если б стал свободен от власти Хоргул. Скорбь из-за предательства и смерти сына, должно быть, на время ослабила его волю, и в это время Хоргул начала подчинять его себе.

Я ее недооценивал. Я думал, что в Пещерах Аргзунии ее власти пришел конец, но вместо этого она тут же ухватилась за новый план: восстановить силы и отомстить, и одним из ее врагов, сознавали это жители Мишим Тепа или нет, была их родина!

Мы подождали, пока брадхи спустится на землю, и когда придворные и стражники бросились вперед, мы убрали лестницу, перерезали веревки, которыми наш воздушный корабль был привязан к земле, и взлетели в небо над Драгоценным Городом.

Теперь я знал всю правду, и поскольку действительно снова был в том же промежутке времени, из которого меня забрали на Землю, я был полон решимости вернуться в Варнал, Город Зеленых Туманов, и увидеть мою Шизалу. Нам еще предстояло выяснить, что знал о планах Мишим Тепа брадхи Карналии, Карнак, отец Шизалы и Дарнада, и что он собирался предпринять.

Грандиозная битва у стен Варнала между карналами и аргзунами подорвала силы карналов и измо-

тала их. Не думаю, что у них мог бы быть шанс выиграть войну с Мишим Тепом, чье войско было сильнее.

К тому же они все равно не могли бы относиться к воинам Мишим Тепа как к злодеям и врагам, которых нужно во что бы то ни стало уничтожить. В то время, как жители Мишим Тепа были убеждены, что Хоргул говорит правду, сами карналы *знали*, что она лжет, и не могли испытывать к своим обманутым друзьям ничего, кроме сочувствия.

Нам понадобилось время, чтобы даже на полной скорости добраться до Варнала, но Дарнад, по крайней мере, помог мне выбрать правильный курс, иначе пришлось бы двигаться наугад, теряя драгоценные часы.

Пока мы летели к Городу Зеленых Туманов, Дарнад рассказал мне, что с ним приключилось с тех пор, как мы расстались в Пещерах Аргзунии.

Ты, вероятно, помнишь, Дарнад и я решили, что одному из нас нужно вернуться на юг за помощью, которая спасла бы Шизалу, находившуюся в плену у Хоргул в Пещерах Аргзунии, если бы я потерпел неудачу.

Дарнад ушел, спеша вернуться назад, преодолев то огромное расстояние, которое мы успели пройти. Но его дахара захромала, и вскоре он остался пешим в кишащем хиллами лесу.

Каким-то чудом он отбился от нападавших на него хилл, его дахаре повезло меньше. В лесу он немного заблудился и вышел прямо на деревушку дикарей, которые схватили его и хотели съесть.

Ему удалось прорыть ход из хижины, в которую его на время посадили, и бежать. Без оружия, умирая от голода, он долго бродил, пока не повстречался с отрядом кочевников-скотоводов, которые помогли ему.

Его ожидало еще много приключений, и наконец он попал в плен к разбойникам, которые продали его брадхи одного малочисленного народа, неизвестно как выжившего на юге, так как значительно отставал от южных народов по уровню развития. Дарнад воспользовался случаем бежать из рабочей партии и направился в Мишим Теп, поскольку эта

страна была ближайшей из стран-союзниц. Так ему тогда казалось.

Когда он добрался до Мишим Тепа и рассказал жителям приграничной деревушки, кто он такой, его прогнали прочь как врага! Он не мог поверить в то, что случилось, и решил, что произошла какая-то нелепая ошибка.

И тут он понял, что те, кого он считал друзьями своего народа, охотятся за ним. Неделями он пытался укрыться от разыскивающих его стражников, но наконец его выследили. Он храбро сражался, но все же был схвачен.

Стражники отправили его в Мих-Са-Вох, где я и встретил его.

Его история была так же невероятна и полна событий, как и моя собственная, которую я и рассказал по его просьбе.

Вскоре мы уже пролетали над равниной, которую я тотчас же узнал по росшему на ней странному алому папоротнику. Он медленно раскачивался на ветру, и вся Алая равнина выглядела как безбрежный алый океан.

Я обрадовался, увидев эту равнину, так как ее появление означало, что уже недалеко Зовущие горы и позади них — Варнал, Город Зеленых Туманов, где жил брадхи Карналии и, значит, Шизала, моя невеста.

Мы добрались до Зовущих гор на следующее утро. Прошло еще немного времени, и мы оказались в долине, в которой лежал Варнал.

Мое сердце готово было выскочить из груди от радости, когда я снова увидел белые дома Варнала. То там, то здесь были видны здания из голубого мрамора, добываемого в горах. Золото узоров на мраморных домах блестело в ярких солнечных лучах. На башнях развевались знамена. Варнал с виду был меньше и проще, чем Мих-Са-Вох, Драгоценный Город, но для меня он был несравненно прекраснее и несравненно дороже.

Мы приземлились на городской площади, и к нам сразу же поспешили стражники. Они были настороже и уже хотели задержать нас как врагов.

Нам навстречу из дворца шли двое: Карнак, брадхи Карналии, и... Шизала!

Шизала!

Она подняла голову и увидела меня. Наши глаза встретились. Мы не могли сдвинуться с места, лишь стояли и смотрели друг на друга со слезами счастья. Потом я выскочил из кабины, бросился к ней, обнял.

— Что случилось? — спросила она. — О Майкл Кейн, что же случилось?! Я не знала, что и думать, когда ты исчез ночью накануне нашего обручения. Я знала, что по собственной воле ты бы меня не покинул. Так что же случилось?

— Я тебе все расскажу, — обещал я, — но сначала нужно обсудить кое-что другое. — Я повернулся к брадхи. — Ты знаешь, что Мишим Теп собирается напасть на Варнал?

Он мрачно кивнул.

— Да, официальное объявление войны вчера привез гарольд, — сказал он. — Не могу понять, почему Болиг Фас Огдай поверил всей этой лжи. Он обвиняет меня, и моих детей, и тебя, Майкл Кейн, в преступлениях, которые в нашем обществе считаются самыми гнусными. Много лет мы были друзьями, как и наши отцы и деды. Как же так?

— Я все объясню, — сказал я. — А сейчас — давайте попробуем забыть о наших бедах, ведь мы снова вместе.

— Да, — согласился он, пытаясь улыбнуться. — Сегодня — очень счастливый день, ведь я уже и надеяться не смел на то, что снова увижу вас обоих. Пошли, пообедаем и поговорим.

Держась за руки, мы с Шизалой вошли во дворец вслед за ее отцом и братом.

Вскоре нам приготовили обед, и я начал свой рассказ. Я поведал им о том, как вернулся на Землю, как снова попал на Марс, какие приключения выпали на мою долю на севере. Дарнад рассказал о своих странствиях, а потом мы услышали о том, что случилось в Варнале с тех пор, как мы оба его покинули.

Несмотря на угрозу неизбежной войны, висевшую, как черная туча, над нашими головами, мы не мог-

ли скрыть радости от того, что снова были вместе, и проговорили до поздней ночи. На следующий день нас ожидали два важных события: наша помолвка с Шизалой и военный совет.

ГЛАВА 14

Неприятное решение

— Значит, Хоргул обманула Болиг Фас Огдая, как раньше она обманула его сына, — сказал Карнак на следующее утро.

— Он целиком в ее власти, — сказал Дарнад.

В то утро мы завтракали вместе. Это было редкостью на Марсе, но нельзя было терять ни минуты.

— Нужно бы как-то убедить брадхи в том, что она лжет, — сказала Шизала. — Должен же быть какой-то способ сделать это.

— Ты не видела его, — сказал я ей. — Мы пытались его убедить, но он вряд ли понимал, что мы говорили. Он был словно во сне. Война — это дело рук Хоргул, а не Болиг Фас Огдая.

— Вопрос остается открытым, — сказал Дарнад, — как можно предотвратить войну? У меня нет никакого желания проливать кровь своих друзей, как нет желания увидеть Варнал разрушенным, а это неизбежно, так как они нас обязательно победят.

— Есть, как мне кажется, только один выход. — Я говорил очень тихо. — Это чрезвычайно неприятное решение, но я убежден, что ничего другого придумать нельзя. Если больше ничего не получится, нужно убить Хоргул. С ее смертью придет конец ее власти над брадхи Мишим Тепа и его подданными.

— Убить женщину! — Дарнад был явно шокирован.

— Мне это не больше по душе, чем тебе, — сказал я.

— Ты прав, Майкл Кейн, — кивнул Карнак. — Кажется, это наш единственный шанс. Но кто возьмет на себя эту малопочтенную миссию?

— Поскольку я предложил этот план, я и должен его осуществить. Это мой долг, — пробормотал я.

— Обсудим это позднее, — сказал брадхи Карнак поспешно. А сейчас пора начинать церемонию помолвки. Мы идем в тронный зал, а вы с Шизалой пойдите приготовьтесь.

Шизала вернулась в свою комнату, я — в свою. Там я нашел множество роскошной одежды и доспехов. Вскоре пришел Дарнад, чтобы показать мне, как все это нужно носить.

Кольчуга была сделана из искусно выкованных золотых и серебряных колец, украшенных драгоценными камнями. На поясе висели меч и кинжал, также украшенные драгоценными камнями.

Поверх доспехов мне нужно было надеть плащ — темно-синий с ярко-алой подкладкой. Он был отделан изящным желтовато-зеленым шитьем, изображавшим сцены из карнальской истории.

На ноги мне приготовили мягкие сандалии из черной блестящей кожи, которые зашнуровывались до самых колен.

Когда я во все это облачился, Дарнад отступил назад, выражая свое восхищение.

— Ты здорово смотришься во всем этом. Я горжусь таким братом.

В марсианском лексиконе нет слова «зять»; когда кто-то входит в семью, он приобретает кучу родственников и становится для них тем же, кем является его супруга или супруг. Так я становился сыном Карнака и братом Дарнада. Таков обычай на Марсе, и я его принимал.

Дарнад провел меня в тронный зал, где нас ждали немногие избранные придворные. Тронный зал варнальского дворца, хотя и похожий на тронный зал Драгоценного Города, был менее роскошным и вычурным. На помосте стоял брадхи Карнак, облаченный в королевское платье из черного меха с обручем на голове.

Как и большинство важных обрядов южного Марса, церемония обручения была краткой, но очень торжественной.

Карнак объявил, что мы должны будем пожениться, и мы подтвердили, что это наше и только наше желание, и оно взаимно. Затем он спросил,

были ли какие-нибудь возражения против этого брака. Никаких возражений не было.

В заключение Карнак объявил:

— Моя дочь, брадхинака Шизала, и мой сын, Майкл Кейн с Негалу, могут пожениться в любое время по истечении десяти дней с этой помолвки.

Так я был обручен с этой замечательной девушкой.

Однако нужно было готовиться к худшему. С балкона одной из башен мы смотрели, как собираются внизу на площади воины нашей поредевшей армии.

Я уже снял с себя торжественные одежды, в которых был на церемонии и оделся в простые доспехи с обычным мечом и неточно стреляющим пневмомеханическим пистолетом. На плечи набросил темно-зеленый плащ.

Я мог бы также отметить, что начал отращивать волосы, чтобы носить их так же, как и все мужчины на юге. Хотя к этому обычаю на Земле относятся с неодобрением, короткие волосы на Марсе всем бросаются в глаза, и всегда найдется тот, кто спросит, почему у вас такая странная прическа. Поэтому, чтобы выглядеть, как хозяева, которых трудно было упрекнуть в недостатке мужественности, я тоже отпустил волосы. Как и все марсиане, я носил на голове простой металлический обруч, чтобы они не падали в глаза. Мой обруч был золотым, его подарила Шизала в день помолвки.

Сейчас мы стояли вместе на балконе и смотрели на площадь. С нами был Карнак, а Дарнад, как главный пьюкан-нара Карналии, был на площади.

— Ты бы мог оценить силы Мишим Тепа? — спросил меня Карнак.

— Да, — ответил я, — конечно, лишь приблизительно. Они превосходят нас в пять или шесть раз!

— Против нас повернулись наши самые сильные и верные союзники. Юг, каким я его знаю, перестал существовать! — устало сказала Шизала. — Веками мир в этой части на Вашу́ обеспечивался теми, кого называли «доброжелательными народами», и среди них Мишим Теп и Карналия были крупнейшими странами. Эта война так разорит и ослабит нас, что наша страна и весь юг станут легкой добычей врага.

— Я уверен, именно этого и добивается Хоргул, —

вставил я. — В условиях анархии, которая наступит после войны, кто бы ее ни выиграл, она захватит власть, которой так жаждет. Она не смогла нас уничтожить с помощью аргзунов, вот и решила попробовать еще раз. Ее не так-то легко заставить сдаться.

— Странная женщина, — сказала Шизала. — Я провела с ней много времени — так уж получилось, я была ее пленницей. Так вот, иногда она казалась мне такой невинной, обманутой, а потом вдруг оборачивалась настоящим чудовищем. А этот ее дар — способность заставлять других выполнять ее волю?! Это же что-то нечеловеческое.

— Нет, это вполне человеческая способность, — сказал я. — Думаю, многие обладают ею, только не в такой степени. Ее порочность в другом. В том, как она пользуется своим даром.

— Кажется, она ставит в вину всем южным народам какое-то преступление, когда-то совершенное против нее, — сказала Шизала. — Почему?

— Кто может объяснить, что руководит движениями больного рассудка, — сказал я. — Она безумна. Если бы безумие можно было объяснить с помощью законов логики, оно, наверное, не было бы тогда безумием.

— Как там твой план? — спросила Шизала с содроганием. — Ну, этот план убить ее? Как ты собираешься его осуществить?

— Он мне так отвратителен, что я о нем не думал. Сначала надо дождаться, чтобы против Карналии выступили основные силы Мишим Тепа. Не думаю, что Хоргул станет рисковать и сама отправится в поход вместе с армией. Она останется в городе. Я ее... убью, только если не будет никакой другой возможности убедить брадхи, что она лжет. А лучше всего было бы заставить ее признаться, что она говорит неправду.

— Ну, а когда армия Мишим Тепа будет в пути, что тогда?

— Тогда я тайно проберусь в Мишим Теп.

— Как?

— Большую часть пути я проделаю на воздушном шаре, потом натру кожу чем-нибудь, чтобы она бы-

ла похожа на кожу жителей Мишим Тепа, и проберусь в столицу как торговец. Думаю, многие купцы пытаются заработать в Мишим Тепе?

— Да, туда приходят много джелусов, родичей жителей Мишим Тепа.

— Значит, я стану джелусом.

— А что потом?

— Потом я предложу Хоргул поговорить со мной, скажу, что мне известны многие ее секреты.

— Она тебя узнает!

— А я слышал, что у джелусов принято носить маски, чтобы никто не знал, кого приняли на работу. Разве это не так?

— Так.

— Значит, я буду в маске.

— Ну хорошо, тебе удалось добиться встречи с ней наедине. Что тогда?

— Я попытаюсь похитить ее и заставить написать правду. Потом я посажу ее в тюрьму и отвезу ее признание брадхи Мишим Тепа. Если он и тогда откажется принять истину, я покажу бумагу его подданным. Я уверен, они все поймут, так как они сами не находятся непосредственно под ее гипнозом. — Мой голос оборвался, когда я поднял глаза и увидел лицо Шизалы.

— Это отважный план, любимый, но он обречен, — сказала она. — Да, он почти обречен.

— Это единственный план, который у нас есть, — сказал я. — Единственный с хотя бы искоркой надежды на успех.

Шизала нахмурилась.

— Помню, Телем Фас Огдай однажды рассказывал мне об одном забытом предмете, который хранится в сокровищнице Мих-Са-Воха. Это щит с гладко отполированной поверхностью, приковывающий к месту любого, кто в него заглянет.

Я очень заинтересовался этим рассказом. Он напоминал земной миф о Персее и Горгоне, который, вероятно, произошел от более древнего, марсианского. Так же, как все земляне — потомки марсиан.

— Продолжай, — нетерпеливо сказал я своей невесте.

— У этого щита есть еще одно удивительное свой-

ство. Любому, кто смотрится в него, приходится говорить правду. Это свойство как-то связано с гипнотическим эффектом, которым обладает поверхность. Не могу тебе объяснить это с научной точки зрения, поскольку щит этот был создан якшами или шивами, а их наука находилась на такой высокой ступени развития по сравнению с нашей, что мне в ее достижениях не разобраться.

— Да и мне тоже, — сказал я.

— Думаю, что это всего лишь легенда. Красивая история, которую Телем Фас Огдай рассказал мне лишь для того, чтобы убить время.

— Наверное, так и есть, — сказал я и тут же забыл о щите — я не мог себе позволить терять время на всякую ерунду.

Шизала вздохнула.

— Ах, Майкл Кейн, неужели на этой земле никогда не будет мира?! — сказала она. — Кто это решил, что такой сильной любовью, как наша, нельзя наслаждаться в тишине и покое? Почему мы все время должны разлучаться?

— Если мне повезет, возможно, у нас и появится шанс провести остаток жизни — а это долгие годы — вместе, не расставаясь, и прожить все это время в мире и согласии, — сказал я, пытаясь ее успокоить.

Она снова вздохнула и заглянула мне в глаза:

— Думаешь, это возможно?

— Счастье стоит того, чтобы за него побороться, — просто ответил я.

На следующий день мы снова стояли на балконе.

— Армия Мишим Тепа, должно быть, уже выступила, — сказала она, — и она идет к границам Карналии. Ей понадобится много дней, чтобы сюда добраться.

— Тем больше у меня будет времени, чтобы осуществить то, что мы задумали, — ответил я.

Я понимал, что она намекает на то, что мы могли бы провести вместе еще несколько дней, но я не мог позволить себе рисковать: мне нужно было иметь в запасе как можно больше времени.

— Да, наверное, — сказала она.

Я сжал ее в объятиях.

Позднее, посмотрев вниз, на площадь, я увидел, как готовятся к новой битве люди, которые еще недавно отбивали атаки намного превосходящих их по численности и мощи аргзунов.

Решено было встретить армию Мишим Тепа на поле боя, а не ждать, пока она осадит город. Нужно было, если возможно, спасти Варнал и женщин и детей, живущих в нем. Армия Мишим Тепа состояла не из варваров и дикарей, и они вряд ли станут мстить невинным за предательства и оскорбления, которые, как считалось, нанесли им мы.

Я увидел, как готовится к войне наша армия, и решил не терять больше времени, а отправляться в путь в Драгоценный Город этой же ночью.

Я попрощался с Карнаком и Дарнадом, поцеловал Шизалу.

Мысленно я сказал «до свиданья» этому чудному городу, когда заходящее солнце осветило его мраморные дома красным, как кровь, заревом.

Перемирие окончилось. Я направлялся в Мих-Са-Вох.

ГЛАВА 15
Маска убийцы

Я стоял в воротах Драгоценного Города и препирался со стражником. Он настаивал:

— Что тебе здесь нужно? Разве ты не знаешь, что в Мишим Тепе объявлено военное положение?

— Именно поэтому я здесь, друг мой. Не видишь, что ли, я из нации джелусов?

На мне была маска из тончайшего слоя серебра, покрывавшая все мое лицо. В этой маске, в кроваво-красном плаще, с мечом в ножнах, что было на Марсе делом непривычным, я выглядел настоящим купцом-джелусом. По крайней мере, мне так казалось, когда я отправлялся в путь. Теперь же, когда стражник столь придирчиво меня осматривал, я стал сомневаться, насколько убедительным был этот маскарад.

Казалось, он был удовлетворен результатами осмотра.

— Проходи, — сказал он.

Ворота распахнулись, и я прошел в город с самым беспечным видом. Через плечо у меня висел мешок.

Со стены спустился еще один стражник.

— Ты без дахары. Почему?

— Захромала по дороге.

Он удовлетворился моим ответом и ткнул рукой в сторону одной из улиц.

— Там ты найдешь остальных — в «Доме синего кинжала», — сказал он.

— Остальных?

— Ну да, остальных, твоих спутников, конечно. Ты что, не с ними?

Я не рискнул отрицать это, поэтому немного неуверенно двинулся в «Дом синего кинжала» — таверну и постоялый двор.

Когда я вошел, то увидел за столами джелусов в масках из бронзы, серебра и золота. Некоторые маски были украшены крохотными драгоценными камушками.

Они никак не отреагировали на мое появление, и я прошел мимо них к хозяину.

Я спросил, не было ли у него свободных комнат, но он только пожал плечами:

— Твои друзья все заняли. Почему бы тебе не поселиться вместе с кем-нибудь из них?

Я покачал головой.

— Да ладно, найду себе другой постоялый двор. Не посоветуешь, куда пойти?

— Посмотри, может, повезет в «Доме повешенного аргзуна»? Он здесь неподалеку, на соседней улице.

Я поблагодарил его и вышел. Уже было темно, и я с трудом находил дорогу. На Марсе улицы не освещаются даже в самых цивилизованных городах.

Я заблудился в лабиринте улочек, и так и не добрался до таверны с таким кровожадным названием. В поисках какой-нибудь другой таверны я вдруг обнаружил, что кто-то идет за мной по пятам.

Я немного повернул голову, пытаясь краешком глаза разглядеть, не было ли кого позади меня, но

из-за маски ничего не было видно, а снимать ее мне не хотелось, слишком велик был риск.

Еще какое-то время я продолжал идти вперед, а потом вдруг нырнул в боковую улочку — и не улочку даже, а узкий переулок — и укрылся в дверной нише.

Конечно, мимо меня быстро прошел какой-то человек. Я вышел из укрытия, доставая меч.

— Как ты думаешь, друг, — сказал я, — разве годится так выслеживать человека?

Он едва не вскрикнул от неожиданности и потянулся к щиту.

В лунном свете что-то блеснуло, и я понял, что на моем преследователе была маска джелуса.

— Что это, — сказал я как можно более развязно, — ты хочешь ограбить своего товарища?

Голос, раздавшийся из-за маски, был спокоен. Человек даже не подумал вытащить меч.

— Нет, такие поступки противоречат правилам джелусов, — сказал он.

— Тогда чего ты от меня хочешь?

— Позволь мне заглянуть под маску, *друг мой*.

— Это тоже, кажется, против правил, — возразил я.

— Не знаю, какие у тебя правила, *друг мой*, но я хорошо знаю правила джелусов. А ты?

Очевидно, я совершил какой-то промах, а этот человек его заметил. Возможно, существовал какой-то знак, которым джелусы тайно обмениваются, в то время как все вокруг думают, что они друг друга не замечают.

Если этот человек будет угрожать мне раскрытием моей тайны, придется его убить. Слишком много было поставлено на карту, чтобы я мог позволить себе так рисковать: если он выдаст меня, весь наш план рухнет.

— Обнажи свой меч, — сказал я ему мрачно.

Он засмеялся.

— Вытаскивай меч, слышишь!

— Итак, я был прав. Ты просто скрываешься под маской джелуса.

— Именно. А сейчас обнажи свой меч!

— А зачем?

— Я не могу позволить тебе выдать меня. Я должен заставить тебя замолчать.

— А я что, сказал, что собираюсь тебя выдать?

— Ты джелус. И ты знаешь, что я только притворяюсь, что я тоже джелус.

Он снова рассмеялся.

— Думаю, джелусы должны чувствовать себя польщенными из-за того, что ты захотел быть одним из них. Среди наших правил нет такого, которое предписывало бы убивать человека только за то, что он выдает себя за одного из нас.

— Тогда зачем же ты за мной идешь?

— Из любопытства. Ты, случайно, не вор?

— Нет.

— Жалко. Видишь ли, ты, вероятно, знаешь, что Гильдия Джелусов В Масках — это гильдия не только купцов, но также наемных убийц и воров. Мне вдруг пришло в голову, что мы приехали сюда с одной и той же целью.

— А зачем ты здесь?

— Чтобы ограбить сокровищницу дворца. Стражников так мало, что грех не воспользоваться такой редкой возможностью. Считается, что сокровищницу ограбить нельзя.

— Я не вор.

— Зачем же ты прячешься под маской?

— Это мое дело.

— Шпионишь в пользу карналов?

Поскольку я не был шпионом, я покачал головой.

— Все это очень загадочно, — сказал джелус с иронией.

И тут мне в голову пришла идея.

— А как ты рассчитываешь пробраться во дворец? — спросил я.

— Ага, ты все-таки пришел сюда с той же целью, что и я.

— Да нет же, говорю тебе, я не вор. Но я был бы не против проникнуть во дворец, минуя стражу.

— Что же тогда? Убийство?

Я вздрогнул. Лгать не имело смысла. Я же готовился убить Хоргул, но только если не нашлось бы ничего другого, что могло бы остановить два великих народа, собиравшихся истребить друг друга.

— Ага, убийство, — пробормотал джелус.

— Это не то, что ты думаешь. Я не наемный убийца.

— Значит, идеалист! Клянусь лунами, извини, я должен идти. Идеалист! — Джелус шутливо раскланялся и сделал вид, что спешит прочь.

— Нет, реалист, — сказал я. — Я здесь, чтобы остановить войну, которая сейчас кажется неизбежной.

— Идеалист! Войны начинаются и прекращаются. Зачем нужно их останавливать?

— Твои суждения нельзя назвать объективными, ты же наживаешься на войне, — сказал я. — А я от войн устал. Ну что, поклянешься, что не выдашь меня? Или предпочтешь сразиться со мной?

— В данных обстоятельствах я лучше буду молчать, — сказал мой собеседник, и его маска вдруг сверкнула в лунном свете. — Но у меня есть предложение. Обещаю, я больше не буду расспрашивать тебя, зачем тебе нужно во дворец. Думаю, мое предложение придется тебе по вкусу, оно может оказаться полезным для нас обоих.

— Ну, и что ты предлагаешь?

— Давай будем держаться вместе. Так легче проникнуть во дворец. Там мы пойдем по своим делам: ты — к своей... э-э... жертве, я — к сокровищнице.

Союзник мне и в самом деле не помешал бы, хотя, если бы я мог выбирать, вряд ли я стал бы полагаться на такого человека, как этот циничный вор.

Я обдумал его предложение и кивнул.

— Отлично, — сказал я. — Кажется, в этих делах у тебя действительно больше опыта, чем у меня, поэтому я сделаю так, как ты говоришь. Что ты намерен делать?

— Вернемся в «Дом синего кинжала», — сказал он. — Уединимся там в моей комнате, выпьем вина, отдохнем, поговорим.

Я пошел за ним с некоторой неохотой. Он вел меня по лабиринту улочек, и я поражался его умению ориентироваться. У меня даже мелькнула мысль, что этот вор может оказаться полезнее, чем я поначалу думал.

В комнате вор остался в маске, а я свою снял.

Вор склонил голову набок. Его маска была сделана так, что напоминала странную птицу, от чего он выглядел очень комично.

— В Гильдии меня называют Токсо, — сказал он.

— Меня зовут... — Я помедлил, сомневаясь. — Меня зовут Майкл Кейн.

— Странное имя. Кажется, я его уже слышал.

— Ну и что ты думаешь?

— Говорю тебе, имя странное. Если ты имеешь в виду, что я слышал и что я об этом думаю... Где истина? Знаешь, друг мой, я верю всему и не верю ничему. Я не очень хороший член Гильдии — другие, сделав тебе знак и не получив на него ответа, разозлились бы больше моего.

— А что это за знак?

Он незаметно, как бы случайно, провел большим пальцем правой руки по маске, словно рисуя на ней небольшой крест.

— А я и не заметил, — сказал я.

— Когда на всех одеты маски, необходимо иметь какой-нибудь знак, — сказал Токсо. — Мне, наверное, не следовало тебе его показывать. Многие выдают себя за джелусов. Маска джелуса — слишком хорошая маскировка.

— А еще кто-нибудь обратил на меня из-за этого внимание?

— Я сказал им, что ты сделал ответный знак, но что тебе, возможно, нужно помочь найти постоялый двор. Так я объяснил им, зачем мне понадобилось за тобой идти.

— Ты не очень-то правоверный член Гильдии, — сказал я.

— Чушь! Я просто живу, как могу. Я не верю в гильдии и жесткие правила.

— Почему же ты в ней остаешься?

— Чтобы выжить. Маска, друг мой, — это хорошая защита.

— Разве нет наказания за разглашение тайн Гильдии?

— Сейчас на многое закрывают глаза. Старых традиций придерживаются всего несколько фанатиков. Кроме того, я не могу перестать разговаривать. Мне нужно все время говорить, неизбежно у меня

вылетает кое-что из секретов Гильдии. И вообще, что такое «секрет»? И что такое «истина»?

Последнее прозвучало как риторический вопрос, поэтому я не стал отвечать.

— А сейчас скажи, — снова заговорил Токсо, — что ты думаешь о дворце?

— Я его плохо знаю, — ответил я, — ведь я был только в тронном зале.

Токсо вытащил из-под покрывала сложенный во много раз лист бумаги. Он расправил его и показал мне. Это был детальный план дворца, на котором указаны все двери и окна, все этажи и все комнаты, расположенные на них. Отличная карта!

— Я добыл этот план ценой моей парадной маски, — сказал Токсо. — Да ладно, я все равно ее редко надевал. И потом, я могу заказать новую, когда разбогатею.

Я не был уверен, что поступаю правильно, помогая вору ограбить королевскую сокровищницу, но я думал, что все богатства Мишим Тепа не могли быть слишком высокой ценой за то, чтобы остановить кровь, которая вот-вот должна была пролиться.

— А зачем устраивать охраняемую сокровищницу, — спросил я. — Зачем, если камни можно взять прямо из городской стены? Похоже, жители относятся к ним как к обычным камням.

— Дело не в камнях, хотя где-нибудь на севере или на востоке за них можно получить хорошую цену, а в мастерском исполнении тех предметов, которые хранятся в сокровищнице.

Он наклонился ко мне, и я увидел, как в узких восточных разрезах на маске сверкнули глаза.

— Вот самый лучший путь, — сказал он. — Мне пришлось отказаться от него, когда я думал проникнуть во дворец в одиночку.

— А что, никто из джелусов не хотел тебе помочь?

— Только один, и тот какой-то неуклюжий простофиля. Нет, кроме меня и этого олуха других воров здесь нет, все остальные джелусы — воины. Это же видно по маскам.

— А я и не знал, что маски различаются.

— Конечно, различаются.

— Тогда что за маска у меня?

— У тебя-то? У тебя, друг мой, маска наемного убийцы, — безмятежно сообщил мне Токсо.

Я вздрогнул. Я молил провидение о том, чтобы мне не пришлось убить женщину, какой бы злой и коварной она ни была.

ГЛАВА 16
Исчадие Ада

На улицах Драгоценного Города царили тишина и спокойствие. Токсо и я притаились в тени у дворца. Мы оба были в масках.

Наши маски обладали ощутимым недостатком: они притягивали к себе много света даже в темноте.

Токсо размотал веревку, закрепленную у него на поясе. Она была тонкой, но очень крепкой, как он меня заверил. Токсо молча показал наверх, на крышу, где на ее краю было установлено что-то вроде флагштока. Здесь действительно нужны были двое: веревка должна быть обернута вокруг этого флагштока так, чтобы оба конца оказались на земле. Один человек должен держать свой конец, пока второй карабкался по другому ее концу на крышу и закреплял веревку там, чтобы его товарищ мог в свою очередь по ней подняться.

Прошел стражник. Он был здесь один, и на то, чтобы обойти вокруг дворца, у него уходило минут двадцать. Если бы не военное положение, во дворец, наверное, было бы невозможно проникнуть, по крайней мере, таким способом, так как обычно здесь было три стражника.

Когда стражник скрылся, Токсо уверенным движением забросил веревку на крышу. Она обвила флагшток, и ее конец упал по другую сторону крыши. Токсо подергал за конец веревки, который был у него в руках, и оба конца стали одной длины.

Я завязал один конец веревки вокруг пояса. Токсо стал подниматься по своему концу. До возвращения стражника оставалось еще минут десять, не меньше, но подъем был делом медленным.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Токсо оказался на крыше и закрепил веревку вокруг флагштока. Я начал подниматься. К тому времени, как я был наверху, я не чувствовал рук от напряжения и усталости.

Мы быстро развязали веревку и, пригибаясь, побежали к тени около небольшого купола на крыше.

Внизу прошел стражник. Он ничего не заметил.

Хотя крыша была плоской, она казалась какой-то шершавой и скользкой. Когда я нагнулся, чтобы ее потрогать, я обнаружил, что она была покрыта отполированными драгоценными камнями.

Токсо показал на купол. Мы знали о нем и на него рассчитывали. Он был сделан из кусочков стекла — цветные стекла в рамках из мягкого металла. Нужно было бесшумно выставить стекло такого размера, чтобы в образовавшееся отверстие мы могли проникнуть внутрь.

Мы разогнули края рамки и вытащили стекло.

Внизу второй раз прошел стражник. Оба раза он нас не видел. Все его внимание было направлено на улицу. Наконец отверстие было достаточно большим, чтобы мы могли протиснуться внутрь. Сначала полез Токсо. Он на мгновение повис, держась руками за края, потом спрыгнул вниз. Я услышал тихий звук: он был внизу. Потом полез я.

Мы оказались на узкой галерее, которая шла вдоль стен комнаты, — вероятно, это был какой-нибудь зал для пиршеств, в темноте было плохо видно, но это точно был не тронный зал, где впервые в Мишим Тепе я увидел Хоргул.

Токсо побежал вдоль галереи, я за ним, и только тут я понял, что был на волосок от смерти: стоило мне промахнуться и не попасть на галерею, и я бы разбился!

Мы добрались до двери, запертой с нашей стороны. Мы отперли ее и оказались в небольшой комнате, из которой шли каменные ступени.

Мы бросились вниз и вдруг увидели, что вверху горит какой-то свет — неяркий, тусклый свет почти вечных светильников шивов. Такие светильники были у многих марсианских народов.

Мы спустились вниз и заглянули в большую ком-

нату, которая встретилась нам на пути. Эта просто обставленная комната была комнатой слуг. На кровати крепко спал какой-то толстяк. Позади него была дверь.

С замирающим сердцем мы проскользнули мимо спящего слуги к двери и медленно ее открыли. Нам удалось это сделать, не разбудив его.

Мы прошли через дверь и оказались в комнате, которая была больше первых двух и лучше обставлена. Она была похожа на гостиную в покоях какого-нибудь придворного, жившего во дворце. Наверное, человек, мимо которого мы только что прошли, был его слугой.

Едва мы вошли в комнату, в другом ее конце отрылась дверь, и мы оказались лицом к лицу с дворянином, которого я уже встречал раньше — в тронном зале.

Он с проклятием развернулся, наверное, чтобы позвать на помощь. Но я был уже рядом: я захлопнул дверь, отрезав ему путь к отступлению.

— Кто вы? Джелусы, да? Что вы здесь делаете?

Он, конечно, не ожидал увидеть нас, но он не испугался. На Марсе вообще было мало трусов. Он попытался вытащить меч, но я взял его за руку и кивнул головой на Токсо.

Пока придворный все еще крутил головой, пытаясь понять, что происходит, — он был храбрым, но не очень сообразительным, — Токсо отцепил от его пояса меч и, подняв его, ударил мужчину рукояткой по голове.

Он безвольно повалился на пол, и мы связали его и вставили в рот кляп.

К удивлению Токсо, я настоял на том, чтобы не было кровопролития. Народ Мишим Тепа был введен в заблуждение. На людей влияла умная, ковар я женщина, но они не заслужили того, чтобы умереть только потому, что верили ее лжи.

Открыв дверь, через которую вошел придворный, мы оказались на лестничной площадке. Перед нами было еще несколько дверей.

Отсюда мы с Токсо решили идти разными путями. Если верить плану дворца, который был у Ток-

со, — а он получил его от одного неверного слуги, — на этом этаже были покои Хоргул.

Однако Хоргул Токсо не интересовала. Его манили к себе богатства, скрытые внизу, в сокровищнице.

Мы молча расстались: Токсо пошел вниз, а я стал пробираться дальше в поисках нужной мне двери.

Я осторожно повернул ручку, и дверь открылась. В комнате было темно.

Неужели я ошибся?

Часто, даже если никого не видно, я могу почувствовать, есть в комнате кто-нибудь или нет.

В этой комнате никого не было. Я прошел через комнату к другой двери и обнаружил, что соседняя комната тоже пуста, как и все другие комнаты в покоях.

Я решил рискнуть и включить свет.

Я был прав. Оглядевшись, я убедился, что это покои Хоргул, и все же посреди ночи ее здесь не было.

Я был уверен, что она где-то в Драгоценном Городе. Да, она была достаточно смелой, чтобы отправиться вместе с армией в Карналию, нужно отдать ей должное, но, как мне казалось, это противоречило бы ее плану, каким я его себе представлял. Она, думал я, предпочитает остаться в стороне и наблюдать, как два старых друга и союзника сражаются насмерть.

Но тогда где же она?

Уверен, что где-то в стороне. Придется ее разыскивать.

Я вышел из покоев обратно на лестницу. Очевидно, во дворце было очень мало народа. Кроме нескольких стражников и слуг, все его обитатели ушли с армией. Тот придворный, которого мы встретили, был оставлен наблюдать за порядком.

Я решил заглянуть в тронный зал. Как мне подсказывал инстинкт, Хоргул вполне могла быть там.

Я устало спустился по лестнице на несколько пролетов, пока не оказался на первом этаже, в приемной, которую сразу же узнал.

Я поспешно нырнул в тень, когда увидел у дверей тронного зала стражника на посту. Над его головой

светила одна-единственная тусклая синяя лампа. Казалось, он спал.

Мне нужно было как-то отвлечь его внимание, иначе в тронный зал не попадешь.

На моем поясе висел маленький нож, которым я уже пользовался раньше. я вытащил его и бросил. Он упал у лестницы, расположенной в другом конце приемной. От звука стражник проснулся и стал смотреть в сторону лестницы, потом медленно пошел туда.

Этот шанс нельзя было упускать. Я быстро пересек приемную и оказался у дверей тронного зала. Мои ноги ступали по гладкому полу почти беззвучно. Я чуть приоткрыл дверь, которая, как я уже заметил раньше, открывалась вовнутрь, проскользнул в зал и быстро захлопнул ее за собой.

Итак, я был у цели.

И здесь, на троне Мишим Тепа, сидела эта коварная женщина, эта необузданная темноволосая женщина, такая прекрасная, но такая испорченная. Как сказала Шизала, она казалась временами неискушенной, а временами — нечеловечески мудрой. Настоящее исчадие ада.

Она меня не видела. Она сидела на троне, глядя прямо перед собой и бормоча что-то едва слышно.

У меня было мало времени: я боялся, что она позовет стражу. Если бы она позвала, кто знает, какая толпа слуг кинулась бы на ее зов. Я побежал к трону.

И тут она увидела меня. Не может быть, чтобы она меня узнала — на мне все еще была серебряная маска, — но конечно, она вздрогнула от неожиданности. Все же любопытство — ее характерная черта — победило, и она не стала звать на помощь.

— Ты кто? — спросила она. — На тебе эта странная маска.

Я не ответил, но пошел ей навстречу размеренным неторопливым шагом.

Ее большие невинно-мудрые глаза расширились.

— Что прячется за твоей маской? — сказала она. — Ты так безобразен?

Я продолжал приближаться, пока не оказался у самого помоста, на котором стоял трон.

— Сними маску или я позову стражников и они снимут ее с тебя. Как ты сюда попал?

Я медленно поднял руку к маске.

— Ты в самом деле хочешь, чтобы я ее снял? — спросил я.

— Да. Кто ты такой?

Я скинул маску. Она ахнула. По ее лицу быстрой чередой промелькнули самые разнообразные чувства, но как ни странно, я не заметил среди них и следа той ненависти, которая, казалось, переполняла ее раньше.

— Само Возмездие, наверное, — сказал я.

— Майкл Кейн?! Ты здесь один?

— Более или менее, — ответил я. — Я пришел, чтобы похитить тебя.

— Почему?

— А как ты думаешь?

Казалось, она и в самом деле не знала. Она склонила голову набок, заглянула мне в глаза, пытаясь прочитать в них что-то, а что именно — я и не знал.

Когда я смотрел на нее, мне было трудно поверить, что эта женщина, такая молодая, почти девчонка, сидящая на троне, была способна на ненависть и вовлекла в войну две некогда дружественные нации. На ее совести уже было то, что она использовала аргзунов, чтобы ослабить южные народы, и тем самым уничтожила всю аргзунскую нацию. Сейчас на поле битвы лицом к лицу стояли воины Карналии и Мишим Тепа, а она сидела здесь с невинными глазами и загадочно смотрела мне в лицо.

— Похитить меня... — Казалось, ей эта идея даже понравилась. — Интересно...

— Пошли, — сказал я резко.

Ее глаза расширились, и я отвел взгляд. Я же знал, как могущественен ее дар гипнотизма.

— Но все же я хотела бы знать, почему ты хочешь меня похитить, Майкл Кейн, — сказала она.

Я не знал, что ответить. Я ожидал какой угодно реакции, только не такого спокойствия, почти безразличия.

— Я хочу заставить тебя признаться, что ты со-

лгала брадхи о его сыне, о Шизале, обо мне, и таким образом остановить войну, пока еще не поздно.

— А что ты сделаешь для меня, если я скажу правду? — почти промурлыкала она, закрыв глаза.

— Что ты имеешь в виду? Ты что, хочешь заключить со мной сделку?

— Возможно.

— И какую сделку?

— Ну ты же знаешь, Майкл Кейн! Ведь можно даже сказать, что я устроила все это из-за тебя и для тебя.

Я не понял.

— Что ты предлагаешь? — спросил я. Возможно, сделка с Хоргул была бы самым удачным выходом для нас всех.

— Если я скажу брадхи, что я солгала, я должна взамен получить *тебя!* — сказала она, обвивая мою шею руками.

Я не мог ей отвечать.

— Я скоро отсюда уйду, — сказала она. — Все, что нужно, я уже сделала. Пойдем со мной, и ты не будешь ни в чем нуждаться.

Стараясь выиграть время, я сказал:

— А куда мы пойдем?

— На запад. На западе есть таинственная мрачная страна, где всегда темно, страна, где можно найти ответы на многие загадки, и это принесет нам безграничную власть — тебе и мне. Мы сможем управлять миром.

— В своих амбициях ты идешь гораздо дальше меня, — сказал я. — И кроме того, я уже был на Западном континенте и по своей воле туда не вернусь.

— Ты там *уже был?*

Ее глаза вспыхнули. Она сошла с помоста, чтобы заглянуть мне в лицо.

Я все еще не знал, как мне себя вести. Я ожидал криков ненависти, а вместо них — такое странное настроение. Я не мог уследить за движениями ее души и за ее мыслями. Наверное, мне это было не дано.

— Итак, ты был на западе. И что же ты там видел?

— То, что я не хотел бы увидеть снова, — сказал я. Теперь я невольно смотрел ей прямо в глаза. Они приковывали к себе внимание. Я почувствовал, как сильно и тяжело бьется в груди сердце. Она прижалась ко мне всем телом; я не двигался. На губах ее играла манящая, загадочная улыбка. Она начала гладить мои руки. Я почувствовал, что у меня кружится голова. Я словно был в каком-то нереальном мире. Ее голос доносился до меня будто издалека.

— Клянусь, — говорила она, — я выполню свое обещание, если ты выполнишь свое. Будь моим, Майкл Кейн. Твое происхождение так же загадочно, как происхождение богов. Может быть, ты и есть бог — молодой прекрасный бог, и ты дашь мне власть, а не я тебе.

С каждой секундой я все глубже и глубже погружался в эти глаза. Все остальное перестало существовать. Моя плоть растворилась в чем-то, я не мог стоять. Она подняла руки и провела ими по моим волосам.

Я отшатнулся назад, и это движение помогло мне освободиться от ее чар. С проклятиями я оттолкнул ее и крикнул:

— Нет!

Ее лицо изменилось. Вот теперь на нем появилась ненависть.

— Ну что ж, хорошо. Пусть будет так, — сказала она. — Прежде чем навсегда уйти отсюда, я доставлю себе маленькое удовольствие — собственноручно убью тебя. Стража!

Появился всего один стражник!

Я вытащил меч, проклиная себя за то, что был таким идиотом. Я позволил Хоргул одурачить меня, как она одурачила брадхи! Ее способность подчинять себе волю других людей развилась еще больше с тех пор, как я видел ее в последний раз. Если она станет *еще* могущественнее, бог знает, что может случиться. Ее нужно было остановить — чего бы это ни стоило.

Стражник выхватил меч и бросился на меня. Я легко отразил его удар. Я не хвастаю, когда говорю,

что великолепно владею мечом. Стычка с дворцовым стражником не стоила мне никакого труда, я бы легко прикончил его, но я все еще не хотел проливать кровь. Я пытался выбить у него из рук меч, но он держал свое оружие очень крепко.

Пока я терял время, пытаясь обезоружить его, в тронный зал ворвались еще несколько стражников.

Хоргул была у меня за спиной, пока я сражался с шестью воинами. Я все еще только защищался, я не хотел убивать.

Это было моей ошибкой, поскольку пока все мое внимание было поглощено стражниками, Хоргул подошла сзади и ударила меня по голове каким-то тяжелым предметом — мне так и не суждено было узнать, чем именно.

Я упал.

Последнее, о чем я успел подумать, — какой же я был идиот!

Теперь все пропало!

ГЛАВА 17

Зеркало

Я очнулся в сырой промозглой комнате, очевидно, где-то под землей. Вряд ли она была задумана как тюремная камера. Брадхи южного Марса не похожи на старых средневековых земных баронов — скорее всего ее использовали как кладовую. Дверь, однако, была крепкой, и как я ни старался, мне не удалось сдвинуть ее ни на дюйм. Снаружи она была заперта на засов.

Оружия у меня не было.

Я раздумывал над тем, какую судьбу приготовила для меня Хоргул. Отвергнув ее любовь, я только усилил ненависть ко мне. Я поежился. Зная, какой оборот могли принять ее мысли, я приготовился к худшему: она наверняка собиралась подвергнуть меня жестоким пыткам!

Сквозь дверную щелку я видел засов. Если бы у меня был нож, я мог бы его приподнять, я был в этом уверен, но ножа у меня не было.

Я стал ощупью исследовать свою камеру. На полу валялась всякая грязь — в основном остатки овощей, которые здесь некогда хранились.

Рука коснулась деревянной щепки. Сначала я даже не сообразил, что эта щепка могла мне очень помочь. Потом я поднял ее и снова подошел к двери. Но щепка была слишком толстой и через щель не проходила.

К счастью, она была из мягкого дерева, и мне пришло в голову попытаться расщепить ее ногтями.

Вскоре мне это удалось. Я вернулся к двери. Некоторое усилие, и щепка прошла в щель.

Благодаря небо за то, что единственными пленниками до меня здесь были овощи, я начал дюйм за дюймом приподнимать засов; я очень боялся, что щепка окажется слишком тонкой и сломается.

Через некоторое время я, наконец, добился своего.

С грохотом засов упал на пол, и я распахнул дверь.

В коридоре было темно. В противоположном его конце была еще одна дверь, и когда я подошел к ней, не подозревая об опасности, я увидел прямо перед собой стражника, которого, должно быть, разбудил шум падающего засова. Он вскочил, но я бросился на него, и мы начали бороться. Мне удалось задушить его.

Тогда я поднялся, взял его меч и кинжал и продолжил путь.

Я прошел по лабиринту коридоров, пока не оказался у двух дверей, сделанных, как мне показалось, из чистой бронзы или какого-то похожего металла.

Возможно, за ними находилась лестница, ведущая наверх, во дворец, подумал я с надеждой.

Я распахнул двери, и моим глазам открылось нечто невероятное.

Это была сокровищница Мишим Тепа, огромная комната, похожая на пещеру, с низким сводом. Она была буквально забита предметами самой искусной работы; их сделал не ремесленник, а художник. Здесь были украшенные драгоценными камнями ме-

чи и кубки, огромные столы и стулья, картины, выполненные из драгоценных камней, словно светившиеся изнутри. Все было свалено в кучи и за долгие годы покрылось слоем пыли. Брадхи Мишим Тепа, казалось, совсем забыли о своих сокровищах, валявшихся в беспорядке в этой темной комнате.

Я не мог надивиться на это чудо.

И тут я увидел Хоргул, стоявшую спиной ко мне. Она была чем-то поглощена. Она не услышала даже, как я вошел и направился к ней, оставляя позади множество диковинных предметов.

Я вытащил кинжал и приготовился ударить ее по голове.

Но тут я поскользнулся на мозаике из драгоценных камней, попытался ухватиться за какую-то этажерку, но она упала, и я упал вместе с ней.

Краешком глаза я видел, что Хоргул развернулась ко мне и схватила один из мечей.

Я попытался подняться, но снова поскользнулся. Она подняла меч и уже собиралась вонзить его в мое сердце, но... замерла.

Ее рот открылся. Она не была парализована, как были парализованы мы с Гулом Хаджи под действием яда человекообразных пауков, но рука у нее разжалась, и она выронила меч.

Я повернулся было, чтобы посмотреть, что же такое она увидела, но вдруг услышал крик:

— Не двигайся!

Я узнал голос. То был голос Токсо. Я подчинился его приказу.

Через некоторое время голос раздался снова:

— Встань, Майкл Кейн, но не смотри назад!

Я сделал так, как он говорил.

Хоргул все еще стояла, словно прикованная к полу.

— Отойди в сторону.

Я повиновался.

Вскоре я увидел знакомую маску и блестевшие за ней глаза.

— Я нашел сокровищницу. — Токсо похлопал по огромному мешку, который был перекинут через его

плечо. — А эта женщина потревожила меня. Наверное, она забралась сюда с той же целью, что и я.

— Так вот что она задумала, — сказал я. — Она уверяла меня, что, если я уйду с ней, мы ни в чем не будем нуждаться. Она не только вовлекла Мишим Теп и Карналию в гибельную войну, она еще хотела исчезнуть с сокровищами. Но что ты сделал с ней?

— Я? Ничего. Я просто попытался прийти тебе на помощь, но оступился и схватился за первое, что попало мне под руку. Это была какая-то материя, наверное, очень старая, так как она расползлась у меня в руках. Под ней оказалось какое-то зеркало. Я как раз собирался взглянуть на него, когда увидел, какое действие оказало это зеркало на женщину. Я подумал, что разумнее будет не смотреть на него, поэтому я и закричал тебе, чтобы ты не поворачивался.

— Зеркало! — воскликнул я. — Я слышал о нем. Это изобретение шивов. Оно отражает свет так, что те, кто смотрится в него, попадают под действие гипноза. Более того, зеркало подавляет их волю, и на любой вопрос, который им задают, они отвечают только правду.

Токсо не преминул задать свой любимый риторический вопрос:

— Да, но что такое правда? Ты думаешь, зеркало действительно способно сделать это?

— Давай попробуем, — сказал я. — Хоргул, ты лгала брадхи Мишим Тепа о Майкле Кейне, Шизале и обо всем остальном?

Раздавшийся голос был тихим, но слово прозвучало очень отчетливо:

— Да.

Я ликовал. В голове уже сложился план. Стоя спиной к зеркалу и лицом к Хоргул, Токсо и я связали женщину, заткнули ей рот и на всякий случай завязали ей глаза, чтобы она не смогла нас загипнотизировать. В тот момент, когда ее глаза были закрыты повязкой, она стала вырываться из наших рук, но она была слишком хорошо связана и не могла освободиться.

После этого я завернул ее в свой плащ.

— Твой плащ нам тоже понадобится, Токсо, — сказал я. Соблюдая всяческие предосторожности, мы сделали крюк, чтобы подойти к зеркалу сзади. Как и обо всех сокровищах Мишим Тепа, о нем тоже забыли. Сколько веков пролежало под слоем пыли это непостижимое изобретение? Очень много, если судить по расползшейся в руках Токсо ткани покрывала.

Мы завернули зеркало в плащ Токсо. Оно был около фута в диаметре и украшено всего несколькими драгоценными камнями. По форме круглое, с рукояткой, как у щита. Возможно, шивы и вправду использовали его как оружие, что маловероятно. Если его и использовали в войне, то лишь как способ получить информацию от пленников.

Нам удалось выбраться из комнаты и вынести трофеи — зеркало и мешок Токсо, кроме того, мы тащили еще и Хоргул. Мы достигли крыши незамеченными.

Стражник все еще находился на своем посту — а может, это был другой стражник, очень похожий на того, который стоял здесь раньше. Мы оглушили его ударом по голове. Стражник остался неподвижно лежать, а мы спустили на веревке наши тюки.

Оказавшись на земле, мы поспешили в таверну, по дороге то и дело отдыхая.

Пока что нам везло, и я молился, чтобы и сейчас нас не схватили. Все зависело от того, как мы сможем добраться до воздушного шара. Я рассказал о нем Токсо, и тот очень заинтересовался.

— Нам понадобятся дахары, чтобы добраться до твоего корабля, — сказал он, когда мы подошли к «Дому синего кинжала», где, к счастью, все спали. Мы отнесли наши трофеи в комнату, и Токсо ушел. Его не было с полчаса, и когда он вернулся, глаза его сияли от удовольствия.

Где-то он стянул повозку, в которую было впряжено шесть дахар. Я сел сзади, рядом Токсо положил свой мешок и связанную Хоргул. Он накрыл меня и все свертки одеялом, накинул на голову капюшон, и мы тронулись в путь.

Помню только, как меня бросало из стороны в

сторону на ухабах, когда мы мчались с невероятной скоростью. Я помню сердитые крики — это был стражник у ворот, как рассказал мне потом Токсо. Потом мы мчались по какому-то полю.

Когда я высунул голову из-под одеяла, было уже утро. Каким-то образом, несмотря на ужасную тряску, мне удалось уснуть. Меня тормошил Токсо.

— Теперь ты должен указывать путь, — сказал он.

Я с удовольствием сел рядом с ним. Вскоре мы добрались до места, где был привязан мой воздушный корабль. Я убрал маскировку, и вот он — в целости и сохранности. Мы загрузили все наши трофеи в кабину, и Токсо попросил высадить его у границы Алой равнины, около Нарлета, Города Воров, где среди своих товарищей Токсо чувствовал себя как дома. Я хорошо знал этот город и согласился, поскольку это было по пути.

Я надеялся добраться до поля сражения прежде, чем там начнутся боевые действия.

Вскоре мы были в воздухе и держали путь в Варнал. Остановились мы лишь однажды — около Нарлета, где Токсо выгрузил свой огромный мешок. Прощаясь, я поблагодарил его и снова поднялся в воздух.

Хоргул постанывала. Мне было этого достаточно, чтобы убедиться, что она жива.

Успею ли я?

ГЛАВА 18

Наконец-то правда!

Вот они! Еще чуть-чуть, и я бы опоздал!

Две армии — огромная армия Мишим Тепа и маленькая армия Карналии — стояли друг напротив друга на Алой равнине. Это было довольно необычное место для сражения. Несомненно, армия Мишим Тепа вообще не ожидала встретить карналов по дороге к Варналу, а карналы просто шли вперед, пока не увидели противника.

Я видел, что воины уже приготовились к атаке.

Я даже разглядел Карнака, сидящего на огромной дахаре, и Дарнада рядом с ним, во главе своей армии.

Там же, во главе своей армии, был и брадхи Мишим Тепа с суровым лицом. Насколько можно было видеть, глаза его были более осмысленными, чем раньше, вероятно, власть Хоргул не могла длиться бесконечно.

Когда мой воздушный корабль стал опускаться, все взгляды устремились на него. Его узнали. Некоторые из воинов Мишим Тепа метнули в него пики, но брадхи поднял руку, останавливая своих людей. Казалось, он был заинтригован.

Я вытащил свой самодельный мегафон и закричал брадхи:

— Брадхи, я привез доказательства того, что Хоргул лгала! Остановись! Ты собираешься начать бессмысленную войну только потому, что тебе лгала одна коварная, бесчестная женщина!

Он провел рукой по лицу, нахмурился и покачал головой, как будто отгоняя от себя неприятные мысли.

— Ты позволишь мне приземлиться и предъявить тебе эти доказательства? — спросил я.

Немного помолчав, он кивнул.

Я спустился вниз, и когда кабина коснулась верхушек алого папоротника, я бесцеремонно скинул на землю сверток, которым была Хоргул и, сжимая в руках завернутое в плащ зеркало, спрыгнул рядом. Я привязал корабль и потащил вперед связанную Хоргул и зеркало, пока не оказался перед воинами Мишим Тепа.

Сначала я снял плащ, в который была закутана Хоргул, и услышал ропот, пробежавший в толпе воинов. Брадхи кашлянул, как будто собирался что-то сказать, но потом передумал. Сжав губы, он снова мне кивнул.

Я вытащил кляп изо рта пленницы и заставил ее стоять прямо.

— Брадхи, ты поверишь тому, что скажет сейчас сама Хоргул? — спросил я.

Он снова откашлялся.

— Ну да, — сказал он. Его глаза были уже совсем не такими бессмысленными и тусклыми, как раньше.

Я показал им на завернутое зеркало.

— Это — легендарное Зеркало Правды, которое придумали шивы несколько тысяч лет назад. Вы все слышали о его магических свойствах. Я покажу вам одно из них.

Стоя спиной к людям Мишим Тепа, я поднял зеркало-щит и развернул покрывавший его плащ. Потом я протянул руку и убрал повязку с глаз Хоргул.

Сразу же зеркало приковало ее взгляд; она не могла сдвинуться с места.

— Видите? — сказал я. — Действует!

Люди стали подходить ближе, чтобы убедиться, что я говорю правду.

— Не смотрите в зеркало, — предупредил я, — или оно вас тоже загипнотизирует. Вы готовы узнать, говорила ли Хоргул правду или лгала вашему брадхи? Вы готовы убедиться, что это она втянула вас в эту бессмысленную войну против ваших старых союзников?

— Готовы, — неожиданно твердо и уверенно прозвучал голос брадхи.

— Хоргул, — сказал я медленно и четко, — ты лгала брадхи?

Тихий бесстрастный голос ответил:

— Да!

— Как ты его убедила?

— Своим даром — даром, который у меня в глазах и в сознании.

В толпе раздались восклицания. Снова я услышал, как откашлялся брадхи.

— В чем именно ты солгала ему?

— Я сказала, что Майкл Кейн и Шизала договорились убить и обесчестить его сына.

— А кто на самом деле в этом виноват?

— Я!

Крики становились все сильнее и сильнее. Воины начали двигаться вперед. Я был уверен, что многие

из них были готовы разорвать ее на куски за то, что она чуть не заставила их воевать с верными друзьями. Брадхи остановил их.

Он обратился ко мне и к своим воинам.

— Итак, вот доказательства того, что я стал жертвой злых чар этой женщины. Сначала я поверил, что сын был предателем. Но потом появилась она и уверила, что он никого не предавал, и мне захотелось ей поверить. Это была ложь, первая ложь, которой я поверил. Потом было много других лживых историй, которым я тоже верил. Майкл Кейн был прав. Она — исчадие ада, она чуть не разрушила наш древний Юг.

Карнак и Дарнад выступили вперед. Карнак и Болог Фас Огдай положили руки друг другу на плечи и поклялись в дружбе. В глазах у них были слезы.

Хоргул снова связали, вставили ей в рот кляп и положили ее на тележку, чтобы отвести ее в Драгоценный Город и судить там за преступления.

Болог Фас Огдай и несколько его придворных вернулись с нами в Варнал, где нас ждала Шизала.

Что еще сказать? Брадхи Мишим Тепа был почетным гостем на нашей с Шизалой свадьбе. Мы провели в Мих-Са-Вохе незабываемый медовый месяц в гостях у брадхи, потом вернулись в Варнал, где я стал руководить строительством новых самолетов.

Чтобы пополнить запас гелия, мы организовали экспедицию в Мендишарию и лежащую за ней пустыню. В Мендишарии наступили счастливые времена, народом правил Гул Хаджи.

Как тепло он нас принимал! Он уже думал, что я погиб и он никогда не увидит меня!

Прилетев в город якшей, мы обнаружили, что фонтан засыпан песком и последние из бледных призрачных существ лежали около него мертвыми. У них не хватило ума добыть себе воды!

Во время третьей экспедиции в Мендишарскую пустыню — на этот раз на целой эскадрилье самолетов — я решил провести сложный эксперимент,

используя машины, найденные мною в забытом городе якшей.

Помнишь, я тебе говорил, что транслятор вещества создан на основе достижений в области лазеров. Исследуя лазер якшей, я смог построить транслятор вещества, который послал меня на Землю почти в то же мгновение, из которого я отправился в свое второе путешествие на Марс.

Так я снова оказался на Земле, чтобы рассказать тебе эту историю.

Эпилог

— Так вот, значит, в чем дело! — воскликнул я, глядя на Майкла Кейна во все глаза. — Ты теперь сможешь путешествовать с Марса своего времени на Землю моего, когда захочешь!

— Да, — ответил он с улыбкой. — И мало того, я усложнил наш аппарат, его теперь не нужно никуда переносить, ты можешь держать его в винном погребе.

— В таком случае мне придется подыскать другое место для вина, — сказал я. — А что ты теперь намереваешься делать на Марсе?

— Ну, теперь я брадхинак, — он снова улыбнулся. — Я принц Карналии, принц Марса. Это большая ответственность. Карналия еще слаба. Поскольку для того, чтобы восстановить армию, требуется время, я теперь прилагаю все силы, чтобы создать надежный воздушный флот.

— А как же приключения, их больше не будет?

Кейн снова улыбнулся.

— О нет, в этом я не уверен. Я думаю, что будет еще много приключений. И я обещаю, что если выживу, я приду к тебе, чтобы рассказать о них.

— А я опубликую твои рассказы, — сказал я. — Люди будут считать их фантазиями, ну и пусть. Ведь мы-то с тобой знаем, что это правда.

— Возможно, и другие когда-нибудь это поймут, — сказал Майкл Кейн.

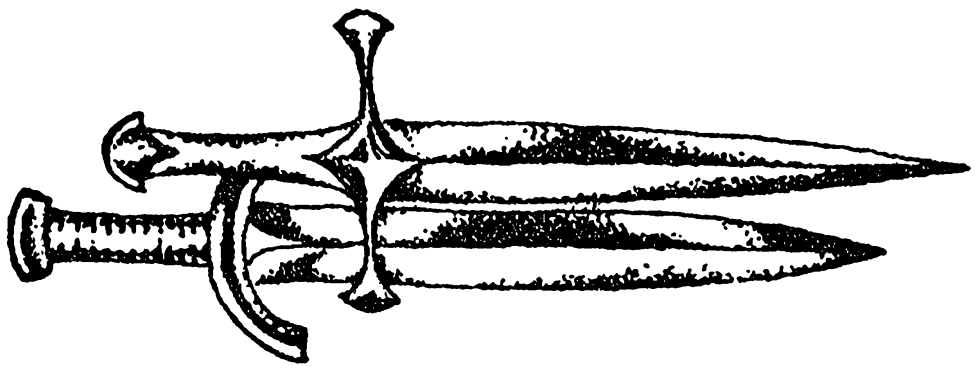
Вскоре он ушел, но я долго не мог забыть его последних слов:

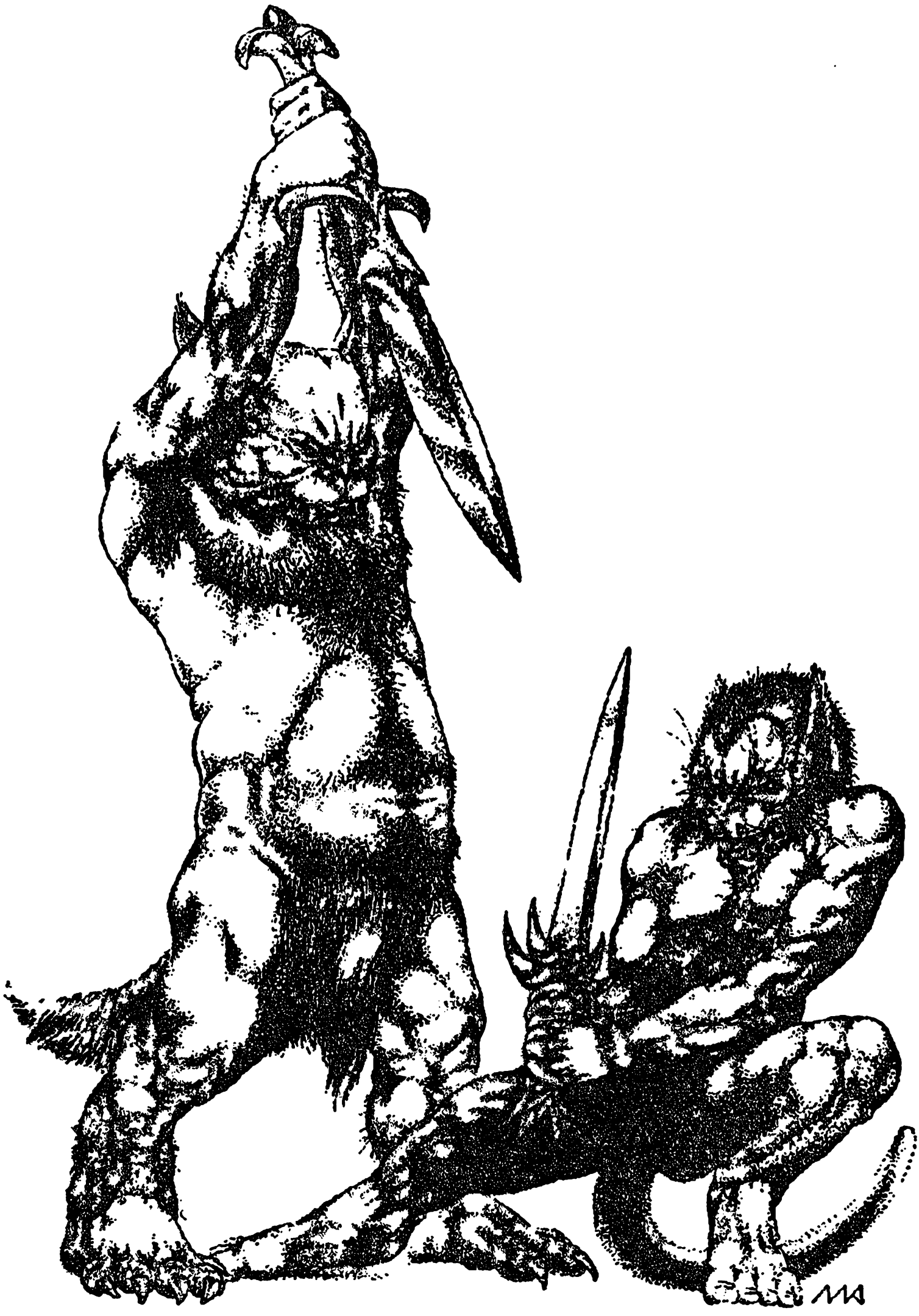
— *Будет еще много приключений!*

Я с нетерпением ждал рассказа о них.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ХОЗЯЕВА ХРУСТАЛЬНОЙ ЯМЫ





Пролог

Однажды осенним вечером я сидел в своем кабинете. В камине горел огонь, наполняя комнату теплом и ароматом наступающей зимы. И тут я услышал в гостиной какие-то шаги.

Вообще-то с нервами у меня все в порядке, но я человек впечатлительный, и пока я вставал с кожаного кресла и открывал дверь, я пытался решить для себя, кто же это был — привидение или взломщик. В гостиной было тихо, свет выключен. По ступеням ко мне поднимался какой-то человек.

По его росту, а также по характерным жестам я его мгновенно узнал. Я улыбнулся и, когда он приблизился, протянул ему руку.

— Майкл Кейн?! — воскликнул я.

— Он самый, — ответил мой гость мужественным голосом. Он поднялся по ступеням, подошел ко мне, крепко пожал руку и улыбнулся мне в ответ.

— Ну, как там Марс? — спросил я, провожая его в кабинет.

— Немного изменился с тех пор, как мы последний раз с тобой разговаривали, — ответил он.

— Ты должен мне все рассказать. Выпьешь чего-нибудь?

— Только не спиртного, спасибо. Я так отвык уже от него. Вот если бы кофе? Это единственное, чего мне не хватает на Марсе.

— Кофе? Подожди, — сказал я ему. — Я в доме один, пойду сварю.

Он тяжело опустился на стул около огня, позволив своему великолепному мускулистому загорелому телу расслабиться. Странно было видеть его здесь в марсианских доспехах, украшенных незнакомыми мне драгоценными камнями. Эфес длинного тяжело-

го меча лежал у него на коленях, а отточенное острие касалось пола.

Его пронзительные глаза казались спокойнее и добродушнее, чем тогда, когда я его видел в последний раз. Глядя на него, я тоже успокоился, хотя и был еще чуть-чуть взволнован оттого, что снова после долгого перерыва увидел своего друга.

Пока готовил кофе, я вспоминал его рассказы о приключениях на Марсе: о Шизале — принцессе Варнала, его жене — и о Гуле Хаджи, правителе Мендишарии, его близком друге. Я вспомнил, как он впервые оказался на Марсе, на древнем Марсе, существовавшем за много тысячелетий до нашего времени. Это случилось из-за того, что транслятор вещества, созданный его стараниями в лаборатории в Чикаго, был плохо настроен. Я вспомнил, как он встретил Шизалу; как много испытал, чтобы спасти ее из страны наводящих ужас синих великанов, как он сражался за нее с Хоргул, женщиной, обладавшей непостижимой властью над людьми. Я вспомнил, как ему понадобилась моя помощь и как мы вместе построили транслятор вещества в подвале моего дома. Он вернулся на Марс и снова встретился с многочисленными опасностями. Он обнаружил забытый подземный город якшей, помог совершить революцию и сразился со странными созданиями — человекообразными пауками, или паукообразными людьми, — прежде чем он снова нашел Шизалу и женился на ней. Используя всеми забытые достижения науки якшей, нации, которая уже вымерла, он построил машину, способную переносить его через пространство и время снова на Землю, к аппарату, находящемуся у меня в подвале.

Очевидно, он вернулся, как и обещал в прошлый раз, чтобы рассказать о своих последних приключениях.

Я принес кофе и поставил на стол перед ним.

Он налил себе немного и попробовал его как будто недоверчиво, потом добавил молока и сахара, сделал первый уверенный глоток и усмехнулся.

— Я еще не утратил к нему вкуса, — сказал он.

— А я не утратил вкуса к рассказам о твоих

приключениях, — ответил я нетерпеливо. — Давай, рассказывай, я хочу знать все от начала до конца, и очень подробно.

— А ты уже опубликовал рассказы о моих первых приключениях? — спросил он.

К тому времени они еще не вышли в свет, поэтому я покачал головой.

— Ну кто-то же должен мне поверить настолько, чтобы напечатать их, — сказал я. — Люди пытаются понять, для чего я все это выдумал. Но мы-то с тобой знаем, что я написал чистую правду о подвигах, которые ты действительно совершил. Когда-нибудь, когда правительство будет, наконец, готово рассекретить информацию, которая подтвердила бы все, что ты мне рассказал, люди, возможно, поверят, что я описал в книге то, что происходило на самом деле. Они перестанут думать, что ты лжец, а я — выдумщик или, еще хуже, писака, пытающийся заработать на научно-фантастическом романе.

— Надеюсь, что так и будет, — сказал он серьезно, — потому что будет очень жаль, если люди никогда не прочитают историю о том, что я испытал на Марсе.

Когда он выпил первую чашку кофе и стал наливать себе вторую, я приготовил магнитофон, чтобы записать каждое его слово, и устроился поуютнее.

— Ну что, твоя память все так же надежна? — спросил я.

— Думаю, да. — Он улыбнулся.

— И ты мне расскажешь о своих недавних приключениях на Марсе?

— Если ты хочешь о них слышать.

— Конечно, хочу. Как твоя жена Шизала? Как Гул Хаджи, твой синий друг? И как Хоргул, что слышно о ней?

— К счастью, ничего, с ней покончено, — сказал он. — И я благодарю за это судьбу.

— Что же тогда? Не может быть, чтобы на Марсе ничего не происходило!

— Конечно, нет. Вот и сейчас я пытаюсь прийти в себя после того, что случилось. Может быть, я сумею лучше во многом разобраться, если расскажу все по порядку. С чего мне начать?

— Последний раз ты рассказывал о том, как вы с Шизалой счастливо жили в Варнале, что ты строил самолеты для карналов и что предпринял несколько экспедиций в подземный город якшей, чтобы изучить их технику.

— Ты прав, — кивнул он задумчиво. — Что ж, я расскажу тебе о шестой экспедиции в город якшей. Как раз тогда события стали развиваться очень бурно. Ты готов?

— Готов, — ответил я.

И Кейн начал свой рассказ.

Э. П. Б.
Честер-Сквер
Лондон, Ю-З 1

Апрель 1965

ГЛАВА 1

Воздушная экспедиция

Я поцеловал на прощанье Шизалу — не подозревая, что мне будет суждено увидеть ее снова только через много марсианских месяцев, — и забрался по лестнице в кабину воздушного корабля, созданного по моим собственным расчетам.

Шизала в тот день была просто очаровательна, и я думал, что на целой планете нет никого прекраснее и нежнее.

В свете раннего утреннего солнца в небо Варнала, города, где я теперь стал брадхинаком, или принцем, поднимались стройные изящные башни. В воздухе стоял запах тумана, зеленого тумана, поднимавшегося над озером в центре города, и в его дымке еще ярче выделялись флаги на башнях дворца. Дома в Варнале построены из белого или редкого голубого мрамора, многие украшены золотым узором. Это был прекрасный город, наверное, самый прекрасный на Марсе.

Здесь мы жили со дня нашей свадьбы и были невыразимо счастливы. Но я человек неугомонный, и мне не терпелось узнать побольше о забытых машинах якшей, которые видел в подземном городе. Их нужно было как следует изучить.

И поэтому, когда с севера, из Мендишарии, ко мне в гости прилетел Гул Хаджи, мы решили слетать туда, обрадовавшись возможности вспомнить старые добрые времена.

Итак, мы собрались в путь. Предполагалось, что это путешествие займет не больше земной недели, и Шизала, любившая меня глубокой преданной любовью, которую я разделял, не возражала.

Гул Хаджи, синий великан, ставший моим ближайшим другом на Марсе, ждал меня в кабине воздушного шара, мерно покачивавшегося на ветру.

Я еще раз поцеловал Шизалу. Слова были не нужны, мы разговаривали взглядами.

Поднявшись по веревочной лестнице, я оказался в кабине воздушного корабля. Она была очень уютной: вдоль стен стояли диваны, покрытые красной материей, похожей на плюш, всякие крючки и полки были сделаны из до блеска начищенного металла, напоминавшего медь. В интерьер кабины я намеренно внес нечто викторианское, напоминавшее мне о Земле, обо всем, что я там оставил. Поверх газового баллона проходила толстая красная веревка, кабина была очень яркой — зеленой с красным и золотым рисунком. Рычаги пульта управления находились в передней части кабины. Они были сделаны из того же похожего на медь металла, что и все внутри.

Устроившись в кресле возле Гула Хаджи, я завел мотор. Рядом со своим массивным другом я чувствовал себя карликом!

Синий великан с интересом наблюдал, как я потянул за рычаг, освободив «якорь» — веревки, удерживавшие шар у земли, — и уверенно повел наш корабль в путешествие. Мы покидали Варнал, и я знал, что буду отчаянно скучать по нему и, конечно, по Шизале.

Тогда я еще не знал, что очень долго не увижу их, что судьбе будет угодно поставить меня лицом к лицу с чудовищными опасностями, что мне несколько раз придется заглянуть в глаза смерти, прежде чем я снова смогу обнять свою любимую.

Я направил воздушный корабль на север, пытаясь разобраться в путанице своих чувств. С одной стороны, мне было грустно покидать Город Зеленых Туманов, но с другой — мне не терпелось снова увидеть машины якшей и узнать о них побольше. Путешествие обещало быть долгим, несмотря на наш скоростной воздушный корабль.

В пути нам пришлось подумать об остановке, потому что на второй день путешествия двигатели стали давать сбой, чему я очень удивился, так как полностью доверял варнальским техникам.

Я повернулся к Гулу Хаджи, который смотрел на простиравшиеся внизу земли. Мы пролетали над желтым морем цветов, похожих на гигантские ири-

сы: на ветру они раскачивались из стороны в сторону словно в неком изящном, хотя и несколько однообразном танце. То и дело в этом желтом море появлялись синие или зеленые островки цветов, напоминавших бархатцы.

Даже на большой высоте в своем воздушном шаре мы чувствовали пряный чарующий запах. Казалось, Гул Хаджи был заворожен видом этой невиданной красоты и не заметил, что с двигателем творится что-то неладное.

— Похоже, нам придется приземлиться, — сообщил ему я.

Он взглянул на меня.

— Почему, Майкл Кейн? Разве это разумно? — спросил он.

— Что ты имешь в виду?

Он показал рукой вниз.

— Цветы.

— Найдем лужайку.

— Да я не об этом. Ты разве не слышал о цветах Маднафии? Издали они кажутся привлекательными, но приближаться к ним чрезвычайно опасно. Их запах, такой приятный издали, вызывает летаргический сон, стоит только подойти к ним поближе; потом наступает безумие. Многие попали в эту ловушку и лишились здесь жизненных сил и вообще всего человеческого, превратившись в тупых нерассуждающих существ, бродящих по Зыбучим пескам Голаны, где они со временем исчезают без следа.

Я поежился.

— Такую участь не заслуживает ни одно живое существо.

— Но именно такая участь постигла многих, кого привлек волшебный запах. Те, кто не сгинул в Зыбучих песках, превратились в ходячих мертвецов.

— Тогда давай попробуем проскочить через Маднафию и Голану, — предложил я. — Будем надеяться, что мотор не откажет, пока мы не окажемся в более безопасном месте. — Я решил во что бы то ни стало избежать опасности. Если потребуется, мы выключим моторы, и пусть нас несет ветер.

Пока я прислушивался к двигателю, Гул Хаджи рассказал мне об одном безрассудном старике, Блем-

плаке Безумном, который бредил властью. Говорят, он и по сей день бродит где-то внизу. Блемплак так долго дышал этим воздухом, напоенным запахом цветов, что тот перестал на него действовать так, как он действовал на остальных. Он выжил даже в Зыбучих песках — потому что сам их создал. Очевидно, когда-то он был добродушным, благожелательным человеком, но подучившись немного, возомнил себя настоящим ученым. Он мечтал о величии. Блемплак плохо разбирался в том, что оказалось в его руках, но ему не терпелось применить свои знания: он решил построить роскошную сверкающую башню, которая вдохновляла бы людей своим величием и красотой. Заложили фундамент, начали строительство. Долгое время казалось, что грандиозный проект ждет удача. Но к несчастью, что-то разладилось, и сознание Блемплака не смогло справиться с провалом. Эксперимент вышел из-под контроля; в результате появились Зыбучие пески с их аномальными особенностями.

Наконец, с чувством несказанного облегчения, мы миновали цветущий луг и Зыбучие пески. Мы пролетали над песками ночью, поэтому в тусклом свете «лун» я их плохо разглядел, но и того, что видел, было достаточно, чтобы понять, что Гул Хаджи не преувеличивал: грязь внизу шевелилась, как живая, из нее раздавались безумные вопли, иногда похожие на слова, но я не мог разобрать, что они обозначали, да, по правде сказать, не очень-то и старался.

К утру мы оказались в чудесном краю со множеством озер, пестревших зелеными точками островов; иногда на сверкающей водной поверхности попадались лодки.

Мне приятно было видеть эту мирную картину после ужасов предыдущих дня и ночи, и Гул Хаджи разделял мои чувства. Пока мы летели над лугом и песками, он был очень встревожен, хотя изо всех сил скрывал это. Я спросил его, где нам лучше приземлиться, так как рано или поздно двигатель все равно должен был отказать. Мой друг ответил, что это можно было сделать на любом острове, потому что их населяли просвещенные, умные люди, которые всегда были рады гостям. Гул Хаджи знал

названия всех островов, над которыми мы пролетали. Несколько в стороне от остальных был остров, покрытый обильной растительностью.

— Этот остров называется Драллабом, — объяснил Гул Хаджи. — Его жители мало общаются с соседями, и хотя, казалось бы, они почти не принимают участия в жизни других народов, драллабцы оказывают на их культуру чрезвычайное воздействие, и мне даже не хотелось уезжать, так тепло они меня приняли.

Вдали появился еще один остров. Это было очень своеобразное место. На крохотном участке земли я разглядел и гору, и небольшой лес, и даже пустыню. Это был К'кокрум, остров, который, как сказал Гул Хаджи, лишь недавно поднялся из воды и все еще был мало населен. Жители острова были людьми своеобразными — как и сам остров. Временами они принимали чужестранцев очень враждебно, а временами — вполне дружелюбно.

Мы все же решили там не приземляться, а лететь дальше. Гул Хаджи продолжал с теплым чувством называть острова, остававшиеся позади — С'сильда, с высокими стройными деревьями и уютными темными опушками, и Носирра, первозданная природа которого, по словам Гула Хаджи, таила несметные богатства.

Продолжая прислушиваться к мотору, я не пропускал все же ни одной детали из рассказа Гула Хаджи, так как это был рассказ о мире, который я знал мало, а чем больше узнал бы о нем, тем лучше был бы подготовлен к встрече с ним.

Наконец мы оставили позади озера и острова. Мы решили — если случится так, что двигатели невозможно будет починить, то в этом случае лучше было бы находиться не на острове посреди озера, а на «большой земле». Впереди мы увидели башни города, который назывался, по словам Гула Хаджи, Сенд-Амридом. Его жители славились как искусные ремесленники, знакомые со многими техническими достижениями, которые были известны на Марсе. Они могли бы оказаться более полезными для нас, хотя надо признать, жители островов, наверное, были бы дружелюбнее.

Я потянул рычаг, и мы сталиснижаться.

Позднее я пожалел, что мы не сели на один из островов. Гул Хаджи обнаружил, что Сенд-Амрид очень изменился с тех пор, как он, будучи изгоем, обрел здесь на время приют.

Наступил вечер, мгла окутала высокие темные башни Сенд-Амрида, и мы плыли над ними, испытывая огромное облегчение.

Место это было тихое, плохо освещенное — я объяснил это тем, что жители Сенд-Амрида были, как сказал мой друг, людьми трудолюбивыми и, вероятно, рано ложились спать, избегая ночных развлечений.

Мы приземлились на окраине города. Я выбросил «якорь», который глубоко вошел в землю. Спустился вниз по веревочной лестнице и привязал воздушный шар к растущим неподалеку деревьям.

ГЛАВА 2

Проклятье над городом

Все время, пока мы шли в Сенд-Амрид, рука Гула Хаджи инстинктивно сжимала рукоятку меча. Я хорошо знал его, и это показалось мне странным.

— Что-то не так? — спросил я.

— Не знаю, Майкл Кейн, — ответил он тихо.

— Ты же сказал, что в Сенд-Амриде нам ничто не угрожает?

— Да, я так думал. Но что-то мне не по себе. Это трудно объяснить.

Его настроение передалось мне, и я тоже забеспокоился.

Гул Хаджи пожал плечами.

— Я смертельно устал. Наверное, в этом все дело.

Я принял это объяснение, и когда мы подходили к воротам города, тревога наша немного улеглась.

Ворота были открыты, стражи не было. Если люди были настолько приветливы, значит, нам будет легко найти у них помощь.

Однако Гул Хаджи пробормотал, что все это было очень странно.

— Не такой уж они беспечный народ, — сказал он.

Мы ступили на тихие улицы. Высокие темные дома были безжизненны, как декорации, построенные для роскошного представления, но спектакль окончился, и сцена опустела.

Гул Хаджи шел к центру города, я — за ним, и по пустынным улицам разносилось эхо наших шагов.

Когда кроме этого эха послышались еще какие-то звуки, я остановился и положил руку на плечо Гула Хаджи.

Мы прислушались.

Шаги. Тихие шаги, как будто кто-то шел в комнатных шлепанцах или сапогах из мягкой кожи.

Шаги приближались. Снова рука Гула Хаджи инстинктивно потянулась к мечу.

Из-за угла появилась фигура, закутанная в темный плащ, на голову был накинут капюшон. В одной руке человек держал букет цветов, в другой — большой плоский ящик.

— Приветствуем тебя, — обратился я к нему, как это было принято на Марсе. — Мы чужестранцы и ищем помощи в твоем городе.

— Кому и чем Сенд-Амрид еще может помочь? — пробормотал человек в плаще. Судя по его тону, ответ был ему не нужен.

— Мы знаем, что здесь живут люди мастеровые, хорошо разбирающиеся в технике, умеющие обращаться с машинами. И мы думали... — Гул Хаджи осекся, когда услышал странный смех незнакомца.

— Машины! Не говори мне о машинах!

— Это почему?

— Тебе не нужно этого знать. Не задерживайся здесь, чужестранец. Вы оба — уезжайте из Сенд-Амрида, пока еще можете!

— Почему нельзя говорить о машинах? Это что, табу? Здесь ненавидят машины? — Я знал, что в некоторых странах на Земле машин боялись. Простые люди считали их бездушными, поэтому не хотели иметь с ними дела. Некоторые философы опасались, что чрезмерная автоматизация сделает человека ненужным. Как ученый на Земле я сам часто сталкивался с подобными вещами. Часто на вече-

ринках, когда речь заходила о моих работах в области ядерной физики, меня обвиняли во всевозможных злодействах. Я подумал, что жители Сенд-Амрида, вероятно, возвели этот страх в закон и запретили машины, которых они боялись и ненавидели. Я спросил об этом незнакомца, но он только рассмеялся в ответ.

— Нет, — сказал он. — Люди не могут ненавидеть машины, иначе им пришлось бы ненавидеть друг друга.

— Ничего не понимаю, — сказал я нетерпеливо. — В чем здесь дело? — Я уже начинал думать, что первый человек, которого мы встретили в Сенд-Амриде, был сумасшедшим.

— Я же говорю, — сказал он и быстро обернулся, словно чего-то боялся. — Не нужно вам знать, в чем дело. Уходите из Сенд-Амрида, уходите немедленно. Не задерживайтесь здесь ни на секунду. Этот город проклят.

Возможно, нам следовало тогда последовать его совету, но мы не ушли из города. Мы остались, чтобы поспорить с ним, и это, как очень скоро выяснилось, было нашей ошибкой, о которой мы горько пожалели.

— Кто ты такой? — спросил я. — Почему ты один только и бродишь сейчас по улицам Сенд-Амрида?

— Я врач, — ответил он. — То есть я *был* врачом.

— Ты хочешь сказать, что тебя исключили из гильдии врачей? — уточнил я. — Тебе не разрешают заниматься лечением?

Он снова рассмеялся. В его горьком смехе послышались нотки безумия.

— Меня не исключали из гильдии. Просто я уже не врач. Сейчас меня называют «Обслуживающий персонал механизмов третьей группы сложности».

— А что это за механизмы? Ты теперь механик?

— Меня называют механиком, а «обслуживаю» я людей. Эти «механизмы третьей группы сложности» — люди! — Эти слова прозвучали как крик души, полный горя. — Я был врачом, меня учили относиться к людям с сочувствием. А сейчас, — он всхлипнул, — я механик! Моя работа заключается в

том, что я осматриваю человеческий механизм и решаю, может ли он функционировать, не требуя к себе специального внимания. Если нет, то я должен как-то пометить этот механизм, и тогда его отправят на разборку, а исправные детали — в запасники, где хранятся «запчасти».

— Но это же чудовищно!

— Чудовищно, — тихо подтвердил он. — А сейчас уходите, немедленно уходите из этого проклятого города. Я и так уже рассказал вам много лишнего.

— Но как же так получилось? — продолжал Гул Хаджи настойчиво. — Когда я последний раз был здесь, люди были работящими и исполнительными. Может, от этого они казались немного занудными и слишком рациональными, но в остальном они были самыми обычными, нормальными людьми.

— В человеке есть рациональное начало, — ответил врач, — и эмоциональное, вместе они и образуют Человека. Но если их разделить и начать поощрять только одно из начал, активно заглушая другое, — получается одно из двух по части присутствия там человеческого.

— И что получается? — спросил я, невольно заинтересовавшись рассуждениями моего собеседника.

— Получается или Зверь, или Механизм, то есть Машина, — просто ответил он.

— Ну-у, ты все слишком упрощаешь, — возразил я.

— Так и есть, в самом обществе все упрощено, — сказал он, немного оживившись, так как, видимо, его взволновала тема разговора, но он продолжал нервно озираться. — Здесь поощряется рациональное начало в человеке, и он становится механизмом, и, если хотите, это происходит благодаря глупости второго начала, ведь именно Зверь поощряет существование Механизмов, ибо Зверь не может предсказывать события, как это умеет делать Человек. Зверь в человеке стремится создавать механизмы для собственного удобства, так как механизмы помогают сделать его жизнь комфортной, и поначалу это даже способствует развитию знаний. В нормальном обществе оба человеческих начала достаточно мирно сосуществуют. Но народ Сенд-Амрида очень сильно обособился от других, и теперь город перестал быть нормальным местом.

— Но не может быть, чтобы все это возникло неизвестно откуда. Должна быть какая-нибудь причина. Наверное, какой-то диктатор заразил весь город своим безумием, — сказал я.

— В Сенд-Амриде правят Одиннадцать, они равны между собой. Но ты прав, есть диктатор, который властвует над городом: он царит во всем мире безраздельно, и это продолжается много веков и тысячелетий — если, конечно, истории о бессмертных шивах были всего лишь выдумкой.

— Ты говоришь о Смерти, — сказал я.

— Да, и Смерть в Сенд-Амриде наводит на всех ужас.

— Но что за Смерть царит здесь?

— Болезнь — чума. Диктатор Смерть принес страх, и этот страх привел к господству Одиннадцати и их теории.

— А какая у них теория? — спросил Гул Хаджи.

Врач хотел было ответить, но вдруг глотнул воздух ртом и поспешил прочь туда, откуда пришел.

— Уходите! — успел шепнуть он нам. — Уходите сейчас же!

Его страх подействовал и на нас, и мы уже собирались выполнить то, что прозвучало, как приказ, когда впереди на одной из темных улиц показалась странная процессия.

Около сотни крепких мужчин несли на своих плечах гигантский портшез — что-то типа кареты, закрепленной на носилках. Эти люди шли как один. Мне приходилось видеть армии на марше, но даже в самом дисциплинированном отряде солдаты не могут двигаться с такой фантастической точностью, с какой шли люди, несущие на плечах этот портшез.

В портшезе были двое — я видел их через окошки, расположенные по бокам. Они сидели неподвижно, напряженно, неестественно прямо, с застывшими лицами. Глядя на них, нельзя было сказать, что они были живыми людьми, как нельзя было сказать этого о людях, несущих портшез. Я никак не ожидал увидеть подобную картину на Марсе, где человеческой личностью дорожат, несмотря на бесконечные битвы и сражения, то и дело возникающие в повседневной жизни. Какая бы то ни было регла-

ментация жизни совершенно чужда Марсу. Все мое существо было возмущено этим зрелищем, от бессилия и ярости я не мог сдержать слез. Возможно, тогда я не мог бы их объяснить, они просто появились у меня на глазах, а объяснение я нашел позднее, но это не важно. Это зрелище оскорбило меня до глубины души, оскорбило мои чувства и мой разум. Я своими глазами увидел то безумие, о котором говорил полусумасшедший врач.

Я знал, что Гул Хаджи был оскорблен видом этой процессии не меньше меня.

К счастью, мы люди разумные и смогли одержать верх над своим первым инстинктивным побуждением. Хорошо, что у нас есть способность контролировать свои поступки, но жаль, что иногда приходится ею пользоваться, чтобы убедить себя, что действовать не нужно. Мы решили выждать и разузнать побольше об этом ужасном месте.

Отступать я не собирался, я решил бороться. Я дал себе клятву, что, даже если это будет стоить мне жизни, даже если мне суждено будет потерять все, что мне дорого, я избавлю Сенд-Амрид от порчи, так как она грозила уничтожить не только один этот город, но и весь Марс.

Глядя на приближающуюся процессию, я и не подозревал, что́ мне нужно будет сделать, чтобы выполнить свою клятву. Я не осознавал ее скрытого значения.

Но даже если бы я все знал заранее, я бы не свернул. Решение было принято, клятва произнесена, и я чувствовал, что Гул Хаджи также дал себе клятву, подобную моей, — он был моим другом, и у нас с ним было много общего. Мы стояли и ждали, пока процессия приблизится к нам.

И вот они рядом, они остановились.

Один из сидящих в портшезе наклонился вперед и холодным голосом, лишенным каких-либо эмоций, спросил:

— Зачем пришли Сенд-Амрид?

Я был поражен манерой, в которой был задан вопрос. Я почувствовал, что человек с мертвой маской вместо лица мог говорить только так, и никак иначе.

Что-то заставило меня ответить языком более цветистым, чем тот, которым я обычно говорю.

— Мы прибыли к вам с открытой душой, чтобы просить народ Сенд-Амрида об одолжении. Мы просим вас о помощи, взамен которой можем предложить только нашу благодарность.

— Какая помощь?

— У нас неисправен мотор. У нас есть воздушный корабль моей собственной конструкции с мотором, который вы не найдете больше нигде на Марсе.

— Какой мотор?

— Принцип его действия очень прост. Я называю его двигателем внутреннего сгорания, но думаю, название вам ничего не объяснит.

— Он работает?

— Сейчас нет, поэтому мы здесь, — ответил я, призвав на помощь все свое терпение. Неполадки с мотором потеряли свое значение перед лицом проклятия, висевшего, по точному замечанию того врача, над городом и его жителями.

— А принципы верны? — спросил человек с мертвым лицом.

— Ну да, — ответил я.

— Если он работает — хорошо, если нет — плохо, — выдал мой собеседник.

— А вы можете работать? — спросил я, совершенно взбешенный скрытым смыслом его вопросов и особенно последнего заявления.

— Сенд-Амрид работает.

— Я имею в виду, вы можете починить мой мотор? — спросил я.

— Сенд-Амрид может все.

— Вы почините мой мотор?

— Сенд-Амрид не знает: если Сенд-Амрид починит мотор, это будет хорошо для Сенд-Амрида?

— Это будет хорошо для нас, и поэтому безусловно хорошо для Сенд-Амрида.

— Сенд-Амрид должен это обсудить. Вы идете с нами.

— Думаю, нам лучше остаться за городом, в нашем воздушном корабле, а утром мы узнаем ваше решение.

— Нет, это плохо. Мы вас не знаем.

Меня поразили невероятно примитивные доводы моего собеседника. Теперь я понимал, что имел в виду врач, когда сказал, что Человеку не осталось места среди Механизмов, созданных Зверем. Оглядываясь назад, я радуюсь, что все так случилось, ибо я осознал наконец, чем именно был для меня мой Марс. Не думай, проклятие, нависшее над Сенд-Амридом, было еще более чуждым Марсу, который я любил, чем оно чуждо Земле. И наверное, именно из-за того, что Марс был совершенно не готов справиться с опасностями, нависшими над Сенд-Амридом, я посчитал своим долгом истребить болезнь как можно скорее.

— Однако я все же думаю, нам будет лучше подождать за стенами Сенд-Амрида, — сказал я. Конечно, я собирался попробовать починить мотор и побыстрее добраться до Варнала, чтобы привести оттуда подмогу. С одной стороны, как человек, не терпящий посягательств на свою свободу, я понимал, что правители Сенд-Амрида вряд ли захотят подчиниться чужой воле, но с другой стороны, решение было принято, и в душе я знал, что был прав. Я поклялся тогда же, что буду избегать кровопролития и насилия насколько это возможно, так как знал, что насилие бесплодно, оно вызывает в ответ только насилие, и пролитая кровь порождает в будущем океаны крови.

Ответ человека с мертвым лицом только подтвердил эту мысль.

— Нет, Сенд-Амриду лучше, если вы останетесь. Вы не останетесь, тогда Сенд-Амрид заставит остаться.

— Вы силой заставите нас остаться?

— Много людей заставят двух людей остаться.

— Похоже на насилие, друг мой, — сказал Гул Хаджи с мрачной улыбкой, и рука потянулась к мечу. Я снова остановил его.

— Нет, Гул Хаджи, сейчас еще не время. Давай сначала осмотримся. Надеюсь, они не будут против нам помочь. Забудем пока что о наших неприятных ощущениях и пойдем с ними. — Я быстро пробормотал все это своему другу, и человек с мертвым лицом и его спутник, который за это время не сде-

лал ни одного движения и не произнес ни одного слова, кажется, нас не слышали.

— Ну ладно, только на время.

— Конечно, только на время, — уверил его я.

Человек с мертвым лицом спросил:

— Вы идете?

— Идем, — ответил я.

— За нами, — приказал он нам. — Назад к Центральной площади, — добавил он тем людям, которые несли его портшез — они все это время оставались безучастными к происходящему и совершенно неподвижными.

И тут случилось самое невероятное, самое ужасное.

Вместо того, чтобы развернуться, те, кто нес портшез, побежали спиной вперед.

Значит, э́то в Сенд-Амриде считалось точностью в работе, *эффективностью*.

Нет, это было безумием, безумием в чистом виде. Я чуть было не потерял выдержку, которую все это время отчаянно пытался сохранить, но заметил, что Гул Хаджи тоже вот-вот сорвется, и ради него постарался удержаться от опрометчивого поступка.

В ярости и ужасе, которые помогли нам понять того врача, показавшегося нам безумным, мы пошли вслед за процессией.

ГЛАВА 3

Одиннадцать

Для того, чтобы создать Центральную площадь, по-видимому, потребовались измерения и точный расчет: с математической точностью был найден центр Сенд-Амрида; все дома, мешавшие исполнению плана, были снесены, и на вычисленном месте сооружено какое-то приземистое квадратное здание, отличавшееся от всех окружающих его строений. По всему видно, что и дворец, и вся Центральная площадь возникли совсем недавно. Я был очень удивлен тем, как быстро их построили, — очевидно, использовался труд невероятно большого числа людей.

Центральная площадь была построена по́том и кровью людей — подданных тирана, чью власть еще труднее объяснить, чем власть какого-нибудь диктатора, одержимого манией величия.

Процессия остановилась у входа правильной квадратной формы, портшез опустили, из него вышли двое и прошли внутрь. Двигались они, как роботы.

Внутри было темно, так как коридоры освещали тусклые лампы, похожие на наши керосиновые. Меня это удивило, ведь обычно марсиане пользуются почти вечными искусственными лампами, доставшимися им от шивов, народа с необычайно высоко развитой наукой, который, если судить по легендам и преданиям, почти полностью погиб во время ужасной войны много веков тому назад; в живых осталось несколько бессмертных шивов, и они, по всей вероятности, хорошо обдумав жизнь своего народа, поняли, что́ привело его к гибели. Теперь они избегали людей, опасаясь, возможно, что те повторят их ошибки.

Я обратил внимание Гула Хаджи на необычные для Марса лампы, и он ответил, что в Сенд-Амриде тоже были в свое время светильники шивов, но жители города захотели сделать побольше таких светильников; они разобрали те, что были, чтобы узнать, как они устроены, после чего не смогли их собрать.

У меня уже стало складываться определенное мнение о жителях Сенд-Амрида, и этот рассказ его только подкрепил. Он помог также понять, как люди стали механизмами, которые мы здесь увидели. Я сочувствовал их безумию и понимал его причины, но это ничуть не поколебало моего решения во что бы то ни стало искоренить его.

Вслед за мужчинами с мертвыми лицами мы вошли в комнату, где увидели еще девять человек с такими же неестественно прямыми осанками и безучастными лицами, как и у тех двоих, что привели нас сюда. Но, конечно, черты у всех были разными.

Первые двое заняли свои места за круглым столом, где уже сидели девять человек. В центре стола было сделано углубление для предмета, вид которого

не мог вызвать ничего, кроме отвращения. Я сначала не мог понять, почему он был там, это казалось ошибкой. Но потом я понял.

Человеческий скелет.

Memento mori.

Я сомневаюсь, что даже сами Одиннадцать помнили сейчас, зачем туда положили этот скелет. Очевидно, это было напоминание о смерти. Если врач был прав, именно страх смерти — от чумы — привел к созданию существующей здесь неестественной формы правления.

Кроме того, я заметил также, что один стул пустовал. Если за столом должны были сидеть двенадцать человек, где же двенадцатый? Ведь правители Сенд-Амрида называют себя «Одиннадцать»!

Я надеялся разгадать эту загадку позднее.

Тем же ровным голосом, каким он разговаривал со мной, человек, встретившийся нам на улице, рассказал своим товарищам о разговоре, произошедшем между нами. Он выдавал точную информацию, не поясняя ее и не добавляя ничего от себя.

Когда он закончил, все остальные повернулись, чтобы рассмотреть нас.

— Мы поговорим, — сказал один через мгновение.

— Нам уйти, чтобы вы могли посовещаться? — спросил я.

— Нет необходимости. Мы оцениваем факты. Здесь вы или нет, не важно.

И Одиннадцать начали обсуждение, которое невозможно было спокойно слушать. Ни разу, ни одного-единственного разу ни один из них не сказал ничего личностного. Некоторым это может показаться правильным: значит, у Одиннадцати разум контролирует чувства. Но на самом деле этот разговор наводил на нас ужас, и тут я понял, что в любом деле важны действия Личности, важна индивидуальная точка зрения, тогда можно прийти к реалистическому решению, каким бы несовершенным оно ни казалось.

Наконец Одиннадцать приняли решение, на которое у любого нормального человека ушло бы несколько мгновений. Они постановили: если я объясню им, как сделан и как работает двигатель внутренне-

го сгорания, они помогут мне починить мой, испорченный.

Я знал, что если я объясню этим безумцам, как пользоваться двигателем внутреннего сгорания, они с его помощью могут создать какие-нибудь новые аппараты, кто знает, для каких целей предназначенные. Это было очень опасно. Но я сделал вид, что согласен, так как знал, что все равно сами они не смогут построить такой двигатель прежде, чем я успею вернуться с подкреплением, чтобы вылечить жителей города от болезни, которой они все заразились.

— Ты покажешь? — спросил один из Одиннадцати.

— Я покажу, — согласился я.

— Когда?

— Утром.

— Утро. Да.

— Мы вернемся на наш корабль?

— Нет.

— Почему?

— Вы останетесь или не останетесь. Мы не знаем. Поэтому вы останетесь здесь.

Я поежился.

— Ну хорошо, тогда, я думаю, мы сможем где-нибудь поспать до утра. — По крайней мере, мы восстановим силы, они нам утром понадобятся.

— Да.

— Есть здесь где-нибудь гостиница?

— Да, но вы там не остановитесь.

— Почему? Вы можете приставить к нам стражников, если вы нам не верите.

— Да, но вы умрете или не умрете. Мы не знаем. Вы останетесь здесь.

— Не понимаю, почему мы должны умереть?

— От чумы умирают.

Я все понял. Они не хотели, чтобы мы заразились чумой, которая все еще, как мы решили, свирепствовала в городе. Это место было, наверное, лучше всего защищено от нее. Мы согласились остаться.

Нас провели из комнаты по короткому коридору, в конце которого находилась лестница, ведущая вниз, в подземелье дворца.

Мы спустились по ступенькам и оказались в коридоре со множеством дверей. Все это было очень подозрительно, слишком уж похоже на камеры в тюрьме.

Я спросил мужчину, который привел нас сюда, что это такое.

— Здесь хранятся неисправные головы, — ответил он.

По всей вероятности, здесь держали тех, кто все еще мог быть полезным Сенд-Амриду, но был признан сумасшедшим.

Очевидно, к таким людям относились и мы. Что ж, если у меня не собирались отнимать оружие, я готов был позволить им запереть нас на ночь. может, потом нам удастся все же починить мотор, вернуться в Варнал и там решить, как избавиться от двойного проклятия, висевшего над городом, от двух царивших тут болезней — чумы и сумасшествия. Я не мог не думать, что это было сочетание, редкое для Марса, где болезни — вообще редкость, но довольно частое для Земли. Я также хотел понять, приведут ли какие-либо другие болезни, если они вдруг появятся на Марсе, к таким же последствиям. Я надеялся, что нет, и думаю, я был прав.

Я ученый, а не философ. Я предпочитаю действовать, а не размышлять. Но случившееся глубоко потрясло меня. Я чувствовал, что должен объяснить, почему я предпочитаю Марс Земле. На Марсе люди усвоили один урок: они знают, что́ может произойти, если очень настойчиво стремиться к совершенству. Они научились ценить человеческую личность превыше всего, уважать не только сильного, но и слабого, ибо в каждом из нас есть и сила и слабость. То, что мы называем силой или слабостью, порождается прежде всего обстоятельствами, в которых мы оказываемся.

Отчасти из-за этого я и ненавидел тех существ, в которых превратились жители Сенд-Амрида.

Возможно, в конечном итоге окажется, что для разрешения этой проблемы потребуется умение владеть мечом и ловкость. Но я сначала все взвешивал и только потом хватался за меч.

На Марсе действительно лучше, чем на Земле, и

ты сам должен понять почему. Судьба была милосерднее к Марсу, чем к Земле: здесь было меньше болезней, здесь живет меньше людей, и поэтому у каждого есть шанс стать собой.

Человек с мертвым лицом открыл одну из дверей и отступил, пропуская нас внутрь.

Я очень удивился, увидев, что в комнате, а точнее, в камере, уже кто-то был. Этот человек был мало похож на Одиннадцать; искорка в его глазах напомнила мне о враче, которого мы встретили в городе.

— Нехорошо, что он здесь, — сказал человек с мертвым лицом, — но другого места нет. Не говорите с ним.

Мы молча прошли в камеру, проводили нашего недавнего спутника глазами и увидели, как он закрыл за собой дверь. Услышав, как упал засов, мы поняли, что мы в тюрьме. Нас успокаивало только то, что нам оставили наше оружие.

— Кто вы? — спросил наш сосед по камере, когда шаги человека с мертвым лицом замерли вдали. — Почему Номер Шесть посадил вас сюда, не отняв у вас оружия?

— Значит, это был Номер Шесть? — улыбнулся я. — Он нам не представлялся.

Человек в ярости подскочил ко мне.

— Ты смеешься... над *этим*?! — Он показал на дверь. — Ты что, не понимаешь, над чем ты смеешься?!

Я перестал смеяться.

— Конечно, — ответил я. — Мне кажется, если мы намереваемся что-то против *этого*, — я кивнул в сторону двери, — предпринять, нужно попытаться самим не сойти с ума и не стать такими же безумными, как те, с кем мы собирались бороться.

Он посмотрел на меня, словно изучая мое лицо, а потом перевел взгляд на пол, кивая головой в ответ на свои мысли.

— Возможно, ты прав, — сказал он. — Возможно, в этом-то и была моя ошибка.

Я представил своего друга и представился сам:

— Это Гул Хаджи, король, то есть брадхи Мендишарии, лежащей далеко на севере, а я Майкл Кейн, принц Варнала, лежащего на юге.

— Странная дружба, — сказал он, глядя на нас. — Я думал, что южные народы и синие великаны — заклятые враги.

— Сейчас все изменилось, — улыбнулся я. — Но кто ты, и почему ты здесь?

— Я — Номер Один, — сказал он. — И если хотите, я здесь именно поэтому.

— Ты хочешь сказать, ты тот, кого не хватало в совете правителей Сенд-Амрида?

— Именно. И мало того, я сам создал этот совет. Вы видели, где они заседают?

— Да уж, ну и местечко они выбрали!

— Это я положил в центре стола скелет. Он должен был постоянно напоминать о том, против чего мы боролись — о проклятой чуме, все еще властвующей в городе.

— Но что вызвало чуму? Я не слышал, чтобы на Марсе были смертельные болезни.

— Мы сами ее вызвали — конечно, не подозревая об этом. Недалеко от города мы нашли кувшин, настолько древний, что он мог быть создан только шивами или якшами. Нам понадобилось много лет, чтобы открыть его.

— И что было внутри? — с любопытством спросил Гул Хаджи.

— Ничего, как нам показалось.

— Просто воздух? — спросил Гул Хаджи недоверчиво.

— Не просто воздух. Чума. Она была там все это время. А мы по своей глупости выпустили ее.

Гул Хаджи кивнул.

— Да, я помню эту историю, — сказал он. — В той войне, направленной на взаимное разрушение, шивы и якши использовали болезни, которые каким-то образом удалось закупорить в кувшины, чтобы потом выпускать на врагов. Такой кувшин вы, наверное, и нашли.

— Мы и сами это поняли, но какой ценой! — назвавший себя Номером Один сел на свою койку, опустив голову на руки.

— Но что же случилось потом?

— Я был членом совета, правившего Сенд-Амридом. Я решил, что для того, чтобы бороться с чумой,

нам надо придерживаться логической системы. Я решил — и, поверьте мне, это было очень нелегкое решение, — что пока в городе царит чума, к людям следует относиться как к механизмам, иначе болезнь распространится повсюду. Если человек не очень сильно пострадает от чумы — а ее последствия, как вы знаете, могут быть разными, — значит, это потенциально функционирующий механизм. Если человек очень болен, его считают механизмом бесполезным и, следовательно, уничтожают, предварительно отделив здоровые органы, которые можно было бы поместить в банк запасных органов, чтобы в случае необходимости трансплантировать их функционирующим или потенциально функционирующим механизмам.

— Но судя по вашему плану, можно предположить, что у вас должны быть очень сложные хирургические приспособления. Никогда бы этого не подумал, глядя на жизнь вашего города.

— У нас есть аппарат шивов. Руку, ногу, любой внутренний орган можно пришить: его нужно просто приставить к тому месту, где он должен быть, и включить аппарат шивов. Из сопла вылетает какая-то сильная струя воздуха и — орган пришит. — В голосе Номера Один звучало удивление, как будто ему было странно, что я не знаю такого простого факта.

— Я слышал о таких аппаратах, — вмешался Гул Хаджи, — но я не знал, что один из них находится в Сенд-Амриде.

— Мы держим это в тайне, — ответил наш собеседник. — У нас репутация очень скрытных людей, как ты знаешь.

— Знаю, — согласился Гул Хаджи, — я просто не думал, что вы настолько хорошо храните свои тайны.

— Возможно, если бы мы не были такими скрытными, — сказал он, — мы бы не оказались сейчас в этой ситуации.

— Трудно сказать, — ответил я. — Но почему ты в тюрьме?

— Потому что я увидел, что мой план вызвал к жизни опасность еще более серьезную, чем чума, —

ответил он. — Я попытался повлиять на ход событий, который сам же ранее разработал, я стремился снова вернуться к благоразумию и здоровому рассудку, но было уже поздно.

Я ему всем сердцем сочувствовал.

— Но они тебя не убили. Почему?

— Думаю, из-за моего мозга. По-своему они уважают интеллект или, по крайней мере, определенным образом работающий интеллект. Но думаю, они скоро перестанут ценить и это.

Я думал так же. Я испытывал смешанные чувства к этому человеку, сидевшему сейчас перед нами с опущенной головой: мне был отвратителен разработанный им план, но я не мог не сочувствовать ему. Наконец сочувствие победило, хотя я мысленно не переставал ругать его за недальновидность. Как часто бывало на Земле, этот человек стал жертвой чудовища, им же самим порожденного.

— А тебе не приходило в голову, — сказал я, — что шивы или якши, создавшие этот кувшин с чумой, могли создать и другой — с каким-нибудь средством, убивающем чуму.

— Конечно, я думал об этом, — Номер Один бросил на меня оскорбленный взгляд. — Но существует ли это средство до сих пор? И если да, то где оно? И как связаться с шивами?

— Этого никто не знает, — ответил Гул Хаджи. — Они приходят и уходят.

— Должен же быть какой-то способ, — сказал я, быстро взглянув на Гула Хаджи — понял ли он, о чем я думаю. — Должен быть способ разыскать это средство, если, конечно, оно еще существует.

Гул Хаджи поднял на меня глаза, в которых зажегся огонек надежды.

— Ты подумал о том месте, куда мы направляемся?

— Да, — ответил я.

— Конечно! Вылечим чуму — вылечим и безумие.

— Точно.

Номер Один смотрел на нас с удивлением, явно не понимая, о чем мы говорим. Я решил, что пока еще не нужно было посвящать его в нашу тайну сокровищницы подземного города якшей, хранившей много ценных машин. Мы с Гулом Хаджи уже давно

договорились не говорить об этом месте никому, кроме нескольких проверенных людей. В этом мы, возможно, были похожи на самих якшей и шивов, которые справедливо считали, что опасно обрушивать на простых людей столько научно-технических секретов сразу. Если шивы следили с благосклонным вниманием за жителями Марса, — а я подозревал, что так и было, — значит, они ждали, пока те не станут достаточно зрелыми, чтобы пользоваться благами предыдущих высокоразвитых цивилизаций, приведших себя к своей собственной гибели.

Номер Один спросил:

— О чем это вы? Что, неужели есть шанс найти избавление от чумы?

— Именно.

— Где? И как?

— Мы не можем этого сказать, — объяснил я, — но если мы выберемся из Сенд-Амрида и найдем средство от чумы, мы вернемся, обещаю тебе.

— Хорошо, — сказал Номер Один. — Пусть будет так. Вы снова дарите мне надежду, а я думал, что она уже давно умерла.

— А как тебя зовут? — спросил я. — Вспомни свое настоящее имя, и это подкрепит твою надежду.

— Барени Даса, — сказал он, поднимаясь. Теперь он говорил увереннее. — Барени Даса, Главный Кузнец Сенд-Амрида.

— Пожелай нам удачи, Барени Даса, — сказал я. — Будем надеяться, что Одиннадцать помогут нам починить двигатель.

— В Сенд-Амриде разбираются в технике, — сказал он с гордостью. — Ваш мотор починят.

— А вдруг ты не очень хорошо знаешь Одиннадцать? — спросил я.

Он сжал губы.

— Возможно, мы просто не различаем людей, которых любим, и машины, которые любим, — сказал он.

— А это всегда надо различать. Это не значит, что машины надо отвергнуть. О таких важных различиях полезно помнить, но вряд ли нужно что-либо безоговорочно отрицать. Если умеешь делать различия, значит, ты любишь науку и машины, если же

все без разбора отрицаешь, значит, ты их просто боишься.

— Я подумаю над твоими словами, — проговорил он, слегка улыбнувшись. — Но мне понадобится время, чтобы решить, прав ты или нет.

— Мы как раз и просим тебя подумать, — улыбнулся я в ответ.

И мы легли спать, причем Гулу Хаджи пришлось устроиться на полу, так как койки в камере сенд-армидской тюрьмы не были рассчитаны на великана ростом в десять футов.

ГЛАВА 4
Прочь из Сенд-Амрида

Едва рассвело, мы отправились взглянуть на двигатель — Гул Хаджи, я сам и Одиннадцать. От Барени Дасы мы узнали, что каждый член совета был выдающимся мастером своего дела, пока не началась чума, и мы поняли, что наш мотор вообще невозможно, наверное, будет починить, если это не смогут сделать Одиннадцать.

Я опустил корабль к земле и показал им двигатель. Я сразу же увидел, что неполадка была пустяковой, и я клял себя за то, что не осмотрел двигатель раньше. Горючее к мотору шло по трубке, состоящей из нескольких секций, в одну из них что-то попало, и образовалась пробка.

Обычно люди пренебрегают самым простым объяснением. Я предположил — и у меня для этого были основания, так как механики Варнала очень добросовестны и на них можно положиться, — что с двигателем случилось что-то серьезное.

Из-за этой ошибки мы оказались в Сенд-Амриде, что, наверное, все-таки было к лучшему, ибо теперь мы сможем что-нибудь предпринять. Я думал не столько о благополучии Сенд-Амрида, сколько о безопасности всего Марса. Я знал, что болезни и теории могут распространяться вместе: так в средние века властвовали над людьми Черная Смерть и Черная Магия. Я решил любой ценой этому воспрепятствовать.

Пока разумнее всего было сделать вид, что двигатель еще неисправен, и позволить Одиннадцати его исследовать. Но в то время, когда я, как и обещал, рисовал для них схемы, их лица оставались такими же безучастными, я бы даже сказал, пустыми, как и раньше. Я знал, что какое бы топливо ни оказалось в их распоряжении, оно все равно не подойдет. Они не смогут далеко продвинуться в своих работах по созданию двигателя внутреннего сгорания, поскольку даже с паровым двигателем они были не знакомы. Но они хотели разобраться, и этим они очень отличались от других марсианских народов, которых физика не интересует вовсе, кроме, может быть, теоретических проблем, и которые бездумно пользуются достижениями шивов и, считая их слишком сложными, даже не пытаются в них хоть что-нибудь понять.

Я не мог не сочувствовать жителям Сенд-Амрида, но все же считал, что лучше бы они вели себя, как другие марсиане.

Я почувствовал некоторое облегчение, когда увидел, что мотор исправен: теперь я знал, что смогу покинуть город, когда это будет нужно.

Показав Одиннадцати чертежи, я ожидал увидеть на лицах удивление, но его не было. На лицах не было ничего, кроме, пожалуй, уверенности в себе.

Одиннадцать задали мне неизбежный в этом случае вопрос — о топливе, и я показал им бензин, который получил в Варнале. Должен заметить, что варнальцы совершенно не разбираются в двигателях, которые я установил на воздушных кораблях, как не разбираются они в двигателях, гораздо более сложных — в двигателях, созданных шивами. Я нашел такие в Варнале и установил их на своем первом воздушном корабле.

Итак, я понял, что Одиннадцать с трудом следили за ходом моих объяснений. Что ж, мне это было на руку.

Один из Одиннадцати — он называл себя Номер Девять — спросил меня о бензине и о том, где его можно найти.

— Он не встречается в таком виде в природе, — ответил я.

— А какой он в природе? — последовал спокойный вопрос.

— Трудно сказать.

— Ты пойдешь в Сенд-Амрид и покажешь. У нас много контейнеров с жидкостями. Они остались от старых времен.

Несомненно, он хотел сказать, что они тоже были созданы шивами, и жители Сенд-Амрида их сохранили.

Мое любопытство победило, и я не смог отказать себе в удовольствии увидеть «жидкости шивов», о которых сказал Номер Девять. Я согласился вернуться во дворец.

Гул Хаджи остался в воздушном корабле, а я пошел с Одиннадцатью в их лабораторию. При свете дня везде в городе были видны следы чумы. То и дело на улицах попадались повозки, груженные трупами. Но напрасно искал я на лицах живых следы горя: их не было. По законам Одиннадцати такие нерациональные и неэффективные эмоции, как радость или горе, не поощрялись. Думаю, присутствие на лице эмоций означало одно из двух: человек или сошел с ума, или заболел чумой.

Я не мог спокойно этого видеть. Уж лучше бы они выли от горя!

Одиннадцать показали мне химикаты, найденные ими на руинах городов шивов, но я сказал, что среди их трофеев не было ничего подходящего. Надо признаться, я им солгал.

Они попросили меня оставить им немного бензина, и я согласился, сделав при этом все, чтобы он не стал работать, когда они захотят его использовать.

Я наотрез отказался от путешествия в их ужасном портшезе, и мы пошли назад к воздушному кораблю пешком.

Хотя Одиннадцать и не подали виду, это им очень не понравилось, и вскоре я понял, почему. Из одного дома покачиваясь вышел мужчина и нетвердой походкой направился к нам.

На его губах была кровавая пена, от шеи до носа шло зеленое пятно, одна рука была парализована и не действовала, другой он размахивал, словно для того, чтобы удержать равновесие. Он увидел нас, и с

его губ сорвался какой-то нечеловеческий крик. Глаза горели, как будто он был в лихорадке, и это был огонь ненависти.

Он подошел к Одиннадцати поближе и крикнул из последних сил:

— Что вы наделали? Что вы наделали?!

Все Одиннадцать развернулись спиной к бедняге, оставив меня одного лицом к лицу с ним.

Но не обращая на меня внимания, он кинулся к правителям Сенд-Амрида.

— Что же вы наделали?! — закричал он снова.

— Слова не имеют значения. Не можем ответить, — сказал Номер Девять.

— Это вы виноваты! Это вы выпустили чуму! Это вы навязали нам этот чудовищный режим! Почему же этого никто не понимает?

— Неэффективен, — донесся до меня ровный, бесстрастный — мертвый — голос Номера Шесть.

Вдруг из того же дома выбежала хорошенькая девушка. Ей было лет восемнадцать, одета она была в обычную марсианскую одежду. Волосы растрепаны, на глазах слезы.

— Отец! — закричала она, подбегая к неизвестному.

— Уходи, Ала Мара, — закричал он. — Уходи! Я сейчас умру, и я хочу использовать тот крохотный кусочек жизни, который мне отпущен, чтобы выразить тиранам свой протест! Я хочу заставить их испытать хотя бы одно человеческое чувство — хотя бы только ненависть!

— Нет, отец! — девушка стала тянуть его за руку.

— Я сочувствую вам обоим, — обратился я к ней. — Но потерпите еще чуть-чуть. Может быть, я смогу вам помочь.

Один из правителей повернулся. В руке у него было приспособление для метания небольших стрел, из которого можно было попасть только с очень близкого расстояния. Не моргнув глазом, он выстрелил в упор. Мужчина со стоном повалился на землю.

Девушка закричала и заколотила выстрелившего — кажется, его называли Номер Три — кулаками в грудь.

— Неэффективна, — сказал Номер Три. — Ты неэффективна тоже. — Он поднял свое оружие.

Я с криком бросился на него, выбил его оружие из рук и схватил девушку.

Я ничего не говорил.

И он ничего не говорил.

Мы стояли и молча смотрели друг на друга, пока к нам не повернулись остальные десять.

Свободной рукой я достал меч.

— Самый неэффективный человек — это мертвец, — сказал я. — Могу сделать такими нескольких из вас, если вы приблизитесь хотя бы на один шаг.

Напряжение первых минут прошло, и девушка начала рыдать. Мне стало жаль ее еще больше, чем прежде.

— Не плачь, Ала Мара, — сказал я, вспомнив, как ее называл отец. — Не плачь, они тебя больше не тронут.

Тот из Одиннадцати, который стоял от меня дальше всех, поднес к губам свисток, несмотря на мое предупреждение. Воздух прорезал громкий пронзительный звук, и я знал, что сейчас на зов прибежит стража.

Закинув девушку на плечо, я бросился прочь из города. Я помнил, что ворота были где-то совсем рядом — за поворотом. Мне нужно было убежать от Одиннадцати подальше, чтобы расстояние между ними и мною было достаточно большим и они не смогли применить свое оружие.

Вот и ворота! Задыхаясь, я выбежал из города и бросился к воздушному кораблю.

Меня преследовали стражники, и я молился о том, чтобы успеть добраться до него прежде, чем они меня настигнут.

Гул Хаджи, должно быть, видел, что за мной гонятся, потому что он вдруг появился у входа в кабину, и я бросил ему девушку и развернулся как раз вовремя, чтобы отразить атаку первых двух воинов.

Они плохо владели мечом, и поначалу мне было легко с ними справляться, но вскоре подоспело под-

крепление, и мне пришлось бы туго, если бы на помощь не пришел Гул Хаджи.

Мы сражались с ним бок о бок, пока на земле не появились первые убитые и раненые.

— Лезь в кабину, — велел мне мой друг. — Я сейчас.

Все еще отбиваясь, я забрался в кабину.

Гул Хаджи сделал последний — удачный — выпад и в ту же долю секунды, воспользовавшись этой небольшой остановкой в сражении, запрыгнул в кабину.

Я был готов к этому и захлопнул дверь сразу же за его спиной. Гул Хаджи остался запирать ее, а я метнулся мимо испуганной девушки к пульту управления.

Через секунду двигатель заработал, мы убрали «якорь» и стали подниматься в небо.

— Что теперь? — спросил Гул Хаджи, усаживаясь в свое специальное огромное кресло. Он не отрываясь смотрел на девушку.

— Мне бы, конечно, очень хотелось вернуться в Варнал, — сказал я, — и забыть все, что мы здесь видели, как кошмарный сон. Но нужно, наверное, отправиться в подземный город якшей и посмотреть, не сможем ли мы там найти средство от чумы. Было бы еще лучше, если бы нам удалось встретиться с шивами, они могли бы нам помочь.

— Шивы редко вмешиваются в наши дела, — напомнил мне Гул Хаджи.

— Но если бы они все узнали?

— Наверное, они бы помогли.

— Хорошо, — сказал я. — Отправляемся в город якшей. Думаю, там мы найдем способ связаться с шивами.

— А девушка? — спросил мой друг.

— Придется взять ее с собой, — ответил я. — Раз однажды я ей помог, я теперь чувствую, что отвечаю за нее.

— И я тоже, — улыбнулся Гул Хаджи, сжав мое плечо.

Из-за спины мы услышали слабый голос Алы Мары.

— Спасибо, незнакомцы. Но если мое пребывание

здесь как-то меняет ваши планы, высадите меня где-нибудь, вы и так много для меня сделали.

— Ерунда, — ответил я, направляя воздушный корабль на север, к городу якшей. — Я думаю, со временем мы вернемся в Сенд-Амрид, и тогда, надеюсь, у нас будет возможность уничтожить всех тиранов, царящих сейчас там.

Девушку, наверное, тронули мои слова, или она вспомнила смерть отца, только она снова начала всхлипывать. Я не мог оставаться безучастным к горю, и поэтому мне долго не удавалось сосредоточиться на мысли о том, как найти аппарат или средство, которые могли бы остановить чуму. Конечно, если то или другое вообще существовало.

Впереди было еще несколько дней пути. Что же, как раз достаточно времени, чтобы все хладнокровно обдумать.

Тогда я еще не знал, что готовит мне судьба. Если бы я знал, я бы, наверное, вернулся в Варнал.

В ближайшее же время наше положение усложнилось, и мы оказывались в ситуациях одна отчаянней другой.

ГЛАВА 5

Дикари

Наконец мы были над пустыней.

По дороге в город якшей мы остановились в Мендишарии, на родине Гула Хаджи. Он уверял меня, что, поскольку совсем недавно покинул свою страну, остановка будет недолгой.

Прибыв в город якшей, мы опустились на землю недалеко от входа, которым пользовались в прошлое наше посещение. Мы закрепили воздушный шар с помощью «якоря» и оставили его на попечении Алы Мары.

У входа, закрытого огромным щитом из устойчивого к коррозии сплава, мы увидели следы.

С тех пор, как мы здесь были в последний раз, в подземелье кто-то побывал.

Гул Хаджи показал на землю.

— Вон следы, — сказал он. — Тут прошли люди,

а там они протащили по земле что-то тяжелое. Ты что-нибудь понимаешь, Майкл Кейн?

Я нахмурился.

— Не больше тебя. Нужно быть осторожным. Возможно, внутри мы найдем что-нибудь, что поможет нам разобраться, кто же вторгся сюда. И кто бы это мог быть?

Гул Хаджи покачал головой.

— Судя по следам, это были люди не из моей нации, а из твоей, но в этих местах людей с твоим ростом нет. Значит, они пришли издалека.

Мы подняли щит, закрывавший вход, и прошли в прохладную комнату, освещенную почти вечными лампами древних народов.

Во время последнего посещения мы сделали деревянные ступеньки, края которых сейчас были обиты и расколоты, словно по ним тянули тяжелые предметы.

Мы пришли в ярость от того, какой разгром увидели в следующих комнатах. Одни машины были перевернуты, другие разломаны, колбы с химикатами разбиты; повсюду валялись всякие осколки и обломки.

Чем дальше мы шли, тем большее разрушение представало пред глазами. Здесь побывали вандалы, ничего не пощадившие на своем пути. Наконец мы добрались до одной большой комнаты, в которой раньше хранилось множество машин — очень интересных, обещавших потрясающие открытия. Я так мечтал в них разобраться! Сейчас комната была пуста.

Все машины пропали!

Но где они?

Я не мог себе даже представить.

Вдруг я уловил впереди едва слышные звуки и вытащил меч. Гул Хаджи последовал моему примеру.

Едва мы это сделали, как из противоположной двери на нас выскочили несколько человек, бряцавших оружием и прикрывавшихся круглыми щитами из грубо обработанного металла.

Больше всего меня поразило то, что у них были бороды, в то время как у всех, кого я до этого видел на Марсе, бороды вообще не росли.

Эти люди были приземистыми, мускулистыми, в тяжелых простых кожаных доспехах. Единственным украшением были ожерелья и браслеты: у большинства — из грубого металла, похожего на железо, у некоторых — из золота или меди.

Они на мгновение замешкались в дверях.

Один из них — мужчина с косыми глазами, с бородой, более густой, чем у его товарищей, склонил голову на бок и сказал хриплым неприятным голосом:

— Кто вы? Что вы здесь делаете? Это наша добыча. *Мы* нашли это богатство.

— Да что вы говорите, — сказал я с иронией.

— Да! А вы забавно выглядите вдвоем. Я думал, что синие великаны враждуют с людьми вроде нас.

— С людьми вроде вас — да, — заявил им Гул Хаджи, — и вполне заслуженно, если судить по тому разгрому, который вы здесь устроили.

— Я имел в виду и людей вроде *него* тоже, — сказал человек с бородой и махнул мечом в мою сторону.

— Это к делу не относится, — сказал я нетерпеливо. — Но действительно важно другое — кто *вы* такие?

— Не ваше дело!

— Как бы не так! — проревел Гул Хаджи.

Человек с бородой заносчиво рассмеялся.

— Да? И что же вы собираетесь предпринять? Мы — багарады, нами командует Рокин Золотой. Мы — самые отчаянные и смелые воины по обе стороны Западного океана.

— Значит, вы пришли из-за моря.

— А-а, ты слышал о нас.

Я покачал головой, а Гул Хаджи сказал:

— Я немного слышал о багарадах от отца. Дикари, грабители, разбойники, живущие по ту сторону Западного океана.

Я только однажды был на Западном континенте, да и то случайно. Я попал там в Город Пауков, и мы с Гулом Хаджи едва избежали смерти. И эти люди были с того же загадочного континента, не исследованного ни одним из цивилизованных марсианских народов.

— Дикари! — Мужчина засмеялся каким-то гортанным смехом. — Что же, может быть. Но скоро мы завоюем весь мир.

— Как это? — спросил я, уже начиная догадываться, каков будет ответ.

— У нас есть оружие — оружие, о котором остальные не могли даже мечтать. Оружие богов, которые здесь некогда жили.

— Здесь жили не боги, — возразил я, — а несчастные, жалкие демоны.

Мужчина нахмурился.

— Что ты знаешь о здешних богах?

— Говорю тебе, те, кто построил этот подземный город, были не богами, а простыми людьми.

— Ты богохульствуешь, гладкокожий, — прорычал дикарь. — Будь осторожен. И вообще, кто ты такой?

— Я — Майкл Кейн, брадхинак Варнала.

— А-а, брадхинак! Значит, мы сможем получить за тебя хороший выкуп, а?

— Несомненно, — ответил я холодно. — Но это будет выкуп за труп, потому что я скорее умру, чем позволю твоим рукам коснуться меня.

Дикарь усмехнулся, ответ ему понравился.

— А кто второй?

— Я — Гул Хаджи, брадхи Мендишарии, и если ты рассчитываешь на выкуп за меня, могу повторить тебе слова моего друга.

Дикарь опустил глаза, задумавшись.

— Что же, так тому и быть. Хорошая добыча, если мы сможем заполучить вас живыми, ведь так? Я Зонорн, Заставляющий Платить, и это имя мной заслужено. В свое время я мог разорвать человека на части.

— Выдающееся достижение, — усмехнулся я.

Его лицо стало серьезным.

— Да, так и есть — там, где живут багарады. Никто не посмеет даже косо посмотреть на Зонорна — разве что тот, кто сильнее.

— Ну, если судить по твоим словам, таких нет, — сказал я.

— Я говорю о нашем брадхи, Рокине Золотом. Ты можешь оскорбить меня. Если оскорбление не очень

серьезное, я пожалуюсь Рокину. Но скажи хоть одно дурное слово о Рокине, нашем брадхи и военачальнике, я разорву тебя на части. В сражении против человека мне не нужны ни щит, ни меч.

— Значит, это по приказу Рокина ты украл все эти аппараты? Так?

— В общем, да.

— А где они сейчас? На этом берегу Западного океана?

— Некоторые еще здесь, остальные уже в Багараде.

— Идиоты! — вырвалось у меня. — Оставьте их в покое! Конечно, они легко истребят ваших врагов, но столь же легко они могут разделаться и с вами.

— Не трудись учить нас, незнакомец, — бросил мне Зонорн. — Мы знаем, что делаем. И не смей называть багарада идиотом, по крайней мере, пока не найдешь свою бороду. — Он рассмеялся над своей остротой. Наверное, это была любимая шутка багарадов.

— Бороду я брею, — сказал я. — А что касается машин, лучше бы вы вернули их туда, откуда украли. Ты же не понимаешь, что вы наделали и что собираетесь сделать, и не поймешь, даже если я объясню.

— Мы не боимся тебя, — пробормотал он. — Мы не боимся даже твоего друга-великана. Нас много, и мы — самые искусные воины на Марсе.

— Тогда я предлагаю сделку, — сказал я.

— Какую сделку?

— Если мы победим вас в честном бою, вы вернете машины. — Я подумал, что такое простое условие, может быть, придется ему по вкусу.

— Нет, мы так не можем, — сказал он, покачав головой как бы с сожалением. — Это должен решать Рокин.

— Что же делать?

— Я человек честный, — сказал Зонорн задумчиво. — Сила сейчас на нашей стороне. Мы вас отпустим. Что вы на это скажете?

— Вы просто боитесь сразиться с нами, — со смехом сказал Гул Хаджи, играя мечом.

Не нужно было ему этого говорить!

Если бы Зонорн отпустил нас, мы бы успели слетать в Мендишарию за подкреплением и вернуться прежде, чем дикари загрузят свои машины на свои корабли.

Но Гул Хаджи задел гордость Зонорна.

Их спор можно было сейчас решить только кровью.

С яростным криком Зонорн бросился на Гула Хаджи.

Другие багарады тоже не остались в стороне.

Скоро мы с Гулом Хаджи отбивались от целого урагана ударов. Наши противники были сильными и отважными, но чересчур прямолинейными в атаке.

Защищаться от них было довольно легко, даже при таком большом численном перевесе, но мы знали, что скоро нас убьют, если только счастье не улыбнется нам и не пошлет какое-нибудь чудо.

Нас прижали к стене, и вскоре наши клинки были от кончика до рукоятки в крови врагов.

Я отразил довольно неуклюжий выпад и, направив свой меч поверх щита, попал врагу в шею. И только когда тот замертво повалился на пол, а я уже сражался со следующим противником, я понял, что убил самого Зонорна.

Через некоторое время правая рука начала болеть, но я продолжал отчаянно сражаться, понимая, что от исхода поединка зависела не только наша личная жизнь и судьба.

Решалась судьба Сенд-Амрида, а может, и всего Марса.

Мы должны были найти нужную нам машину — или в подземном городе, или среди трофеев этих неуправляемых багарадов, которыми командовал Рокин Золотой.

Я блокировал удар сверху и немного покачнулся, когда мой противник толкнул меня в грудь щитом.

От неожиданности я опустил меч, но через долю секунды уже снова бросился на багарада, чтобы поразить его в сердце.

Мы быстро расправлялись с нашими врагами, но казалось, что на смену убитым приходят новые воины. Вскоре я перестал замечать что-либо вокруг, кроме мелькавших вокруг меня мечей.

На время я стал, как мне это ни было противно, машиной, способной лишь отражать удары и наносить их. Мое внимание было занято только тем, как сохранить жизнь, даже если для этого придется лишить жизни многих противников.

Как бы ни были прекрасны и возвышенны мои теории, когда приходилось убивать, я убивал, хотя и ненавидел себя за это.

Мы продолжали сражаться, и вскоре уже потеряли представление о времени. Снова и снова мы оказывались на волосок от гибели, и каждый раз судьба щадила нас.

Наконец наши враги стали уставать. Я это заметил и решил, что будет лучше и для нас и для нашего общего дела, если мы попытаемся бежать.

Крикнув Гулу Хаджи, я кинулся в открывшееся пространство и краешком глаза увидел, что друг бросился следом.

И тут я заметил, что откуда-то со стороны на Гула Хаджи летит еще один воин. Я почувствовал, что мой друг уже не успевает вовремя его увидеть.

С криком я бросился на помощь.

Но я развернулся слишком резко и поскользнулся на залитом кровью полу.

Помню ухмыляющееся лицо какого-то бородача и опускающийся тяжелый щит.

Я попытался собраться с силами и приподняться.

Я увидел, как согнулся от боли Гул Хаджи.

Тут перед глазами все поплыло, и я упал. Я был уверен, что никогда больше не проснусь.

ГЛАВА 6

Рокин Золотой

Я проснулся, хотя это было не очень приятное пробуждение — меня болтало из стороны в сторону на спине дахары.

С трудом — из-за слепящего солнца — открыв глаза, я увидел, что был связан по рукам и ногам и переброшен через спину огромной дахары, зверя, используемого для перевозки грузов и передвижения повсеместно на Марсе.

Солнце било мне прямо в глаза, у меня раскалывалась голова, каждая клеточка тела болела, но, кажется, я был цел.

Где Гул Хаджи? Что с ним?

Что с Алой Марой? Мы ведь оставили ее на воздушном корабле!

Я молил провидение, чтобы свирепые дикари не нашли ее.

Я закрыл глаза, уже начиная размышлять, как нам сбежать от багарадов, как найти аппарат, — если он существует, — чтобы излечить Сенд-Амрид от чумы. Но мне было трудно думать связно и логично: я очень устал.

Когда я в следующий раз открыл глаза, передо мной было злобное лицо какого-то багарада.

— Живой, — ухмыльнулся он. — А я думал, что вы там на юге все слабаки. Оказывается, нет.

— Развяжи мне руки, дай меч, и ты лично в этом убедишься, — ответил я хриплым голосом.

Он удивленно покачал головой.

— Тебе бы бороду, классный бы багарад из тебя вышел! Я думаю, Рокину Золотому ты понравишься.

— А куда мы направляемся?

— К Рокину.

— А что с моим другом? — я специально ничего не спросил про девушку.

— Да он тоже живой, хотя кто-то из наших его чуть-чуть поцарапал.

У меня гора с плеч свалилась: Гул Хаджи жив!

— Мы не нашли ваших дахар, — сказал багарад. — На чем вы приехали?

Я повеселел еще больше: ни нашего корабля, ни Алы Мары они не нашли. Но где же тогда они? Почему дикари не заметили воздушного шара? Я попытался ответить так, чтобы по его реакции выяснить еще что-нибудь о нашем корабле.

— У нас было воздушное судно, — сказал я. — Мы сюда прилетели.

Мой собеседник загоготал.

— Ну ты нахал! — сказал он. — Ты не только такой же храбрец, как и багарады, но и такой же врун.

— Вы не видели воздушный шар?

Он усмехнулся:

— Мы не видели воздушного шара. Ты называешь нас дикарями, но даже мы не такие дураки, чтобы поверить в твои сказки. Все знают, что человеку не суждено летать, поэтому он и не может.

Я устало улыбнулся. Он не знал, что я улыбаюсь его наивности, а также тому, что его слова означали одно: они не видели наш воздушный корабль, они не схватили Алу Мару. Но что же случилось с девушкой?

Наверное, воздушный шар отнесло ветром в сторону. Не знаю. Я только надеялся, что и шар, и девушка в безопасности.

Через некоторое время от усталости я снова уснул, несмотря на то, что меня продолжало болтать из стороны в сторону.

Когда я в следующий раз проснулся, было уже темно, дахара шла медленнее.

Теперь разговоры багарадов слышались на фоне какого-то шума — это был рокот моря.

У меня все внутри опустилось, когда я понял, что мы прибыли на стоянку дикарей и скоро я встречусь лицом к лицу с самим Рокином Золотым — их обожаемым вождем.

Через некоторое время дахары остановились. Какие-то сильные руки отвязали меня от седла дахары и положили на землю. Один из дикарей, возможно, мой недавний собеседник, приложил к моим губам бурдюк с тепловатой водой, и я жадно напился.

— Скоро мы тебя покормим, — пообещал багарад. — Но сначала на тебя посмотрит Рокин.

Он ушел, и я остался лежать на жесткой гальке, прислушиваясь к звукам моря. Я все еще был словно в полусне.

Позднее я услышал голоса и глухой звук удара. Я повернул голову и увидел рядом массивное тело Гула Хаджи. Я заметил его рану и обратил внимание на то, что дикари его по крайней мере перевязали.

Мой друг повернул ко мне голову и улыбнулся.

— Ну что же, зато мы живы, — сказал он.

— Да, но надолго ли? — спросил я. — И будет

ли от этого какой-нибудь толк? Пока что мы можем только выжидать.

— А как та девчонка, которую ты спас из Сенд-Амрида? Где она?

— Насколько я знаю, в безопасности, — ответил я. — По крайней мере, в руки багарадов она не попала.

— Отлично! Но откуда ты знаешь?

Я ему рассказал.

— Может, она все видела и отправилась за помощью? — сказал Гул Хаджи, сам не очень-то веря в это.

— Да нет, ей не справиться с управлением, если, конечно, она не следила предельно внимательно за моими действиями, — сказал я. — Я не знаю, как все это объяснить. Я лишь надеюсь, что все в порядке.

— Ты заметил одну вещь? — спросил Гул Хаджи. — У нас есть реальный шанс бежать.

— Это какой же?

— Они не нашли нож в моих доспехах.

Это было кое-что. У всех синих великанов в доспехах спрятан нож, так что, если не искать его специально, ни за что на него не натолкнуться: он кажется частью украшений. У меня были случаи в жизни, когда этот нож оказывался очень кстати. К сожалению, сейчас на мне были южные доспехи, в которых ножа не было. И все же один нож лучше, чем ни одного. Если бы я мог зубами достать нож из доспехов Гула Хаджи, я бы попробовал разрезать веревку на его руках.

Я пополз к нему, когда вдруг услышал над собой какой-то звук. Я перевернулся на спину и взглянул вверх.

На фоне ночного неба, освещенного Фобосом, вырисовывалась огромная фигура, разодетая в роскошные доспехи, сделанные из золотых пластин, небрежно выкованных и кое-как скрепленных грубыми заклепками. Это было любопытное зрелище: как на ладони была видна любовь дикарей к красоте и их своеобразные о ней представления.

У стоявшего надо мной багарада была тщательно расчесанная великолепная желтая борода и такие

же волосы, длинные, лежащие аккуратными прядками, гораздо более чистые, чем у его товарищей. На поясе он носил широкий меч, рукоятку которого не отпускал. Когда он взглянул вниз, на меня, его губы расплылись в широкую улыбку.

— Ты кто? — спросил он с иронией. — Брадхи или брадхинак?

— А *сам-то ты* кто? — спросил я, хотя уже догадывался.

— Я-то брадхи, друг мой, как ты сам прекрасно знаешь, если ты хотя бы вполовину такой человек, каким мне тебя расписали мои придворные. Я брадхи Рокин Золотой, главный над этим... над этой сворой, багарадами. А сейчас будь умницей, отвечай на мои вопросы.

— Я брадхинак Майкл Кейн из Варнала, Города Зеленых Туманов, самого красивого на Ваш́у. — Я говорил очень взволнованно.

Рокин ухмыльнулся.

— А ты, — обратился он к Гулу Хаджи, — ты тогда, наверное, брадхи.

— Брадхи из древней династии, — сказал мой друг. — Брадхи из Мендишарии, и горжусь этим.

— Да?

Гул Хаджи не отвечал. Он не мигая смотрел на Рокина.

Но тот и не ждал ответа.

— Мне сказали, что ты убил много моих воинов, ты даже убил моего лучшего лейтенанта Зонорна, Заставляющего Платить. Я думал, что он неуязвим.

— Это было просто, — ответил я. — Все вышло само собой. Я не понял, что это был он, пока не убил его.

Рокин загоготал от удовольствия.

— Ну и хвастун! Еще похлеще, чем багарады.

— Чем некоторые багарады, как мне сказали, — ответил я. — И в это нетрудно поверить, если они похожи на Зонорна.

Рокин слегка нахмурился, продолжая улыбаться.

— Ты так думаешь? Да нет, ты сам увидишь, что немного найдется тех, кто сможет победить багарада.

— Немного кого?

— Что ты имеешь в виду?

— Немного кого? Детей?

— Нет, мужчин, друг мой, мужчин. — Его лицо прояснилось. Как многие дикари, он умел ценить оскорбительные замечания, даже если они были адресованы ему самому. Но я знал, что есть грань, которую лучше не переступать, хотя она и была весьма зыбкой. О ней не стоило забывать.

— Что ты собираешься с нами сделать? — спросил я.

— Еще не знаю. Мои воины сказали, вы интересуетесь оружием и машинами, которые мы вынесли из подземелий найденного нами города. Что вы о них знаете?

— Ничего.

— А мне сказали, что вы знаете о них очень много.

— Тебя обманули.

— Скажи, чтобы они вернули машины, — прорычал Гул Хаджи. — Майкл Кейн, скажи ему то, что ты сказал его другу. Нужно быть идиотом, чтобы копаться в этих машинах.

— Значит, что-то вы все же знаете, — задумчиво пробормотал Рокин. — Но что именно?

— Мы только знаем, что, если вы сунетесь в машины, вы все умрете. И это в лучшем случае. В худшем погибнет весь Марс.

— Только не пытайся испугать меня своими нелепыми угрозами, — улыбнулся Рокин. — Я не мальчик, которому нужно объяснять, что такое хорошо и что такое плохо.

— В таком случае не веди себя, как младенец. Эти машины — не игрушки!

— Я знаю, друг мой. Это оружие. Оружие, которое поможет мне завоевать половину Марса, если я с умом им воспользуюсь.

— Забудь об этом! — сказал я.

— Чушь! С какой стати?

— А ты послушай! — сказал я. — В городе неподалеку отсюда свирепствует чума. Один из аппаратов, которые ты захватил, вероятно, поможет ее вылечить. Если чуму не остановить, она скоро распространится по всему Марсу. Ты знаешь, что такое чума? Что такое болезни?

— Да, я сам раз или два болел, знаю, что другие тоже болели. Я пару дней кашлял после того, как мальчишкой перекупался в холодном Западном океане. Ты об этом?

— Да нет же! — Я описал ему симптомы зеленой чумы, уничтожавшей народ Сенд-Амрида.

Он сам позеленел, когда я закончил свой рассказ.

— Ты уверен, что все это так серьезно? — спросил он.

— Еще бы, — ответил я. — А что, если какая-нибудь болезнь, вроде той чумы, распространится по всему Марсу и дойдет до вашей страны?

— Как это она может «распространиться»? — спросил он недоверчиво.

Я попытался ему растолковать, что такое вирусы и микробы, но он ничего не понимал. Мне удалось только посеять в нем сомнения: после нашего разговора он долго ходил задумавшись, покачивая головой.

— Ну и врун! Вот так врун! — все повторял он. — Маленькие существа в нашей крови! Хо-хо-хо! Точно, ты багарад. Наверное, младенцем тебя выкрали у нас.

— Ты можешь верить или не верить тому, что я рассказал о чуме, — сказал я с отчаянием, — но поверь, последствия ее ужасны. Чума не помилует даже Рокина Золотого.

Он похлопал себя по доспехам.

— Они золотые, они защитят меня от чего угодно. И от человека, и от колдовства.

— Кажется, ты относишься к нам с уважением, — сказал я. — Когда же ты нас освободишь?

— Ну уж нет, — покачал он головой и ухмыльнулся. — Думаю, вы нам еще пригодитесь, хотя бы для выкупа.

Было ясно, что невозможно ничего добиться, взывая к разуму дикарей. Нечего делать, оставалось ждать, пока мы не увидим украденные из города якшей машины, и надеяться, что вскоре после этого мы сможем бежать, предварительно убедившись, что багарады не смогут воспользоваться награбленным. У меня появилась идея.

— А что, если я помогу тебе разобраться в машинах, — предложил я. — Тогда ты нас освободишь?

— Возможно, — сказал он, задумчиво кивнув. — Если я увижу, что тебе можно доверять.

— Я ученый, — сообщил я ему. — Мои знания могут тебе пригодиться, если я захочу помочь тебе — при соответствующих условиях.

Кажется, атака была удачной. Он потер рукой подбородок и кивнул.

— Я подумаю, — сказал он, — и снова поговорю с тобой утром. Он повернулся и пошел прочь. — Я прикажу дать вам поесть, — крикнул он, как бы в последний момент вспомнив об этом.

Нам принесли ужин, довольно вкусный — просто приготовленное мясо, овощи, травы. Нас кормили два веселых багарада, чьи примитивные шутки мы должны были все то время, пока ели, терпеть.

Когда они ушли и лагерь дикарей затих, я опять пополз к Гулу Хаджи, чтобы достать нож из его доспехов.

Мы были очень крепко связаны и не могли видеть, заметил ли кто-нибудь из багарадов наши передвижения. Но я решил рискнуть.

Дюйм за дюймом я приближался к моему другу, и наконец мои зубы легли на рукоятку его ножа.

Я медленно, с трудом вытащил его из тайных ножен.

Руки Гула Хаджи были связаны за спиной, поэтому ему теперь пришлось развернуться. Я стал пилить его путы.

Прошли столетия, прежде чем первая веревка была перерезана и я принялся за вторую. Скоро его руки будут свободны.

Оставалась последняя веревка на руках Гула Хаджи, когда сверху раздался противный хохот, и, развернувшись, я увидел, как надо мной блеснуло что-то желтое.

— Ну и шустрые вы оба, — донесся до нас голос Рокина и его смех. — Но вы — слишком ценная добыча, чтобы мы могли позволить вам ускользнуть. Лучше еще поспите.

Гул Хаджи и я сделали отчаянную попытку

вскочить на ноги и броситься на него, но наши путы были крепки.

Рукоятка меча взметнулась вверх.

И опустилась.

Я потерял сознание.

ГЛАВА 7

Через Западный океан в Багарад

Когда я снова очнулся, мы были в море. Я лежал в вонючем трюме корабля, сделанного не из дерева, а из какого-то другого материала.

Мои путы сняли. Боли почти не было, осталось только что-то вроде спазмов в мышцах. Голова была ясной. Недавние испытания сделали меня безучастным ко всему. Я знал, что чувства рано или поздно вернутся, а пока без них было даже лучше. Я смотрел на происходящее словно со стороны, благодаря чему был способен здраво все оценивать. Итак, мы находились на корабле. Замкнутое пространство, ограниченные возможности — и, следовательно, больше шансов держать события под контролем. На Марсе я оказался в подобной ситуации впервые, до этого все, что случалось здесь со мной, происходило на безграничных марсианских просторах.

По каким бы то ни было причинам — скорее всего из-за сплава всех перечисленных и еще многих других причин — я теперь мог лучше разобраться в том, что предстояло сделать. Во-первых, нужно было исследовать все украденные из города якшей машины и посмотреть, не было ли среди них того аппарата, который мог бы обуздать чуму. Если мы его найдем, тогда будем думать, как его заполучить и — хотя эта мысль была мне противна — как уничтожить остальные. Если среди машин не окажется той, что мы ищем, придется уничтожить их все, и это будет, как всякое разрушение, делом нетрудным.

Корабль бросало из стороны в сторону, и приходилось напрягать все силы, чтобы меня не било о стены трюма. Корпус корабля казался сделанным из единого куска сверхпрочной пластмассы, найденной

мной ранее в городе якшей. Трюм не был освещен, но когда мои глаза привыкли к темноте, я разглядел предметы, которые некогда были частями двигателя. Но сейчас это была груда металла. Последствия войны, которую марсиане называли Величайшей, войны, почти полностью уничтожившей шивов и якшей, а заодно — и саму планету.

Из дальнего угла я услышал стоны. Я узнал голос.

— Гул Хаджи, — сказал я. — Это ты?

— Я, друг мой, я. Или, скорее, то, что от меня осталось. Минутку, я должен убедиться, что я цел. Где это мы?

Во мраке трюма я смутно видел, как поднимается с пола гигантская фигура моего друга. Раздался грохот: это Гул Хаджи споткнулся и упал.

Тогда я, раскачиваясь из стороны в сторону, сам пошел к нему. Хотя в трюм снаружи почти не проходили звуки, я решил, что мы попали в страшный шторм. Я уже слышал, что по Западному океану путешествовать небезопасно, наверное, поэтому его так редко пересекали.

Гул Хаджи застонал.

— О, Майкл Кейн, мендишары совершенно не приспособлены для морских путешествий.

Корабль в очередной раз налетел на огромную волну, и нас швырнуло к стене трюма.

Вдруг в трюм ворвался луч света и хлынула морская волна, мгновенно нас промочив. В двери вырос какой-то бородатый дикарь.

— На палубу, — кратко приказал он. Из-за шторма мы едва расслышали его слова.

— В такую погоду?! — воскликнул я. — Мы же не моряки!

— Значит, вы ими станете, дружок. Пошевеливайтесь, Рокин хочет вас видеть.

Я пожал плечами и пошел к лестнице, которую разглядел теперь в свете, проходящем через дверь.

Гул Хаджи пошел следом.

Вместе мы поднялись на скользкую палубу, где поспешно схватили и больше не выпускали из рук веревку, натянутую посредине палубы между двумя огромными мачтами, на которых сейчас были спущены паруса.

Брызги разлетались во все стороны, вода заливала палубу, корабль казался легкой щепкой, которую болтало из стороны в сторону посреди сплошной серо-зеленой массы воды. И небо, и море были одинаково серыми, и невозможно было разглядеть, где заканчивалось одно и начиналось другое. Все над нами, под нами и вокруг нас было в движении. Никогда раньше я не попадал в такой ужасный шторм.

Если синий великан может позеленеть, тогда лицо Гула Хаджи было зеленым. В глазах я увидел страдание, которое не могло причинить одно только физическое неудобство, моего друга что-то мучило, какая-то душевная боль не оставляла его.

Мы пробирались на капитанский мостик, где возвышался Рокин, все еще в золотых доспехах. Он смотрел по сторонам с изумлением.

Нам каким-то образом удалось взобраться на мостик и встать рядом с ним.

Он повернулся к нам и заговорил. Я не мог разобрать слов, но по тону было ясно, что в речи его звучит то же изумление, какое было написано на лице. Я знаками показал ему, что ничего не слышу.

— Никогда не видел ничего похожего, — закричал он. — Вот чудеса-то будут, если мы не погибнем.

— Зачем ты позвал нас? — спросил я.

— За помощью, — прокричал он в ответ.

— Что мы можем сделать? Мы ничего не знаем ни о море, ни о кораблях.

— Там, внизу, в трюме — машины. Они всемогущи. Они наверняка могут успокоить шторм.

— Сомневаюсь, — ответил я.

Он кивнул и снова посмотрел на меня. Кажется, он осознал смысл моих слов.

— У нас есть шансы спастись? — спросил я.

— Мало.

Он не был напуган. Кажется, ему просто не верилось, что такой шторм вообще мог разыграться.

И вот тогда в корабль ударила очередная волна. На нас обрушилась тяжелая масса воды, потом я почувствовал, как на меня упало грузное тело Рокина.

Я услышал крик.

Я понял, что меня смыло с палубы. Я был целиком во власти бушующего океана.

Я отчаянно пытался держаться на плаву и делал все, чтобы рот и ноздри оставались закрытыми.

Меня бросало из стороны в сторону, выкидывало вверх и снова накрывало волной, пока я не увидел веревки. Я не знал, закреплен ли у нее второй конец, но вцепился в нее. Я потянул и — о счастье! — почувствовал, что второй конец к чему-то привязан.

Не знаю, как долго меня швыряло по океану, но все это время я не отпускал веревку, благодаря которой продержался на поверхности, пока шторм не начал утихать.

Я открыл распухшие от соли глаза и увидел, что всходило солнце и наступало утро.

Впереди я заметил на воде мачту, к ней и была прикреплена моя веревка.

Из последних сил я стал подтягиваться по веревке к разбитой мачте. Приблизившись к ней, я увидел, что за нее держатся несколько человек.

Хотя, конечно, в плане безопасности мачта была не бог весть чем, я вцепился в нее с чувством бесконечного облегчения, которое перешло почти в ликование, когда я увидел Гула Хаджи. Но он был без сознания от усталости и даже не открыл глаз, когда я протянул к нему руку, чтобы подбодрить его и показать, что я еще жив.

В этот момент вдали послышался крик и, повернув голову в том направлении, я заметил, что останки нашего корабля все еще были на плаву.

Луч солнца упал на что-то, мгновенно вспыхнувшее золотым, и я узнал Рокина. Сжимая веревку в зубах, я поплыл к кораблю. Веревка закончилась, но, к счастью, корабль несло в нашу сторону.

Вскоре меня подняли на борт, а потом несколько багарадов по веревке подтянули к кораблю и мачту и стали помогать тем, кто за нее держался, подняться на борт.

Наконец, Гул Хаджи был на корабле, и мы лежали рядом на палубе совершенно без сил. Рокин, такой же измученный, как и мы, стоял, облокотившись на сломанную перегородку, смотрел вниз, на нас.

Нам откуда-то принесли горячего чая, и мы почувствовали себя настолько лучше, что смогли сесть и осмотреться.

Буквально все было смыто за борт разбушевавшимся штормом. Корпус корабля уцелел только чудом, он даже почти не был поврежден. На палубе не осталось ничего: ни мачт, ни перегородок, ни оснастки.

Рокин подошел к нам.

— Вам повезло, — сказал он.

— И тебе, — ответил я. — Где мы?

— Где-то в Западном океане. Судя по направлению ветра, ближе к нашему берегу, чем к вашему. Надеюсь, мы попадем в нужное нам течение, и скоро доберемся до земли. Большая часть нашей провизии пропала, когда залило вон тот трюм. — Он показал на трюм, с которого была сорвана верхняя стенка. — Машины там же, наполовину в воде, но думаю, они вне опасности.

— Пока они в твоих руках, опасность висит в воздухе, — напомнил я.

Он усмехнулся.

— Рокину ничто не может повредить, даже шторм.

— Если я прав относительно этих машин, — сказал я ему, — они могут причинить гораздо больше вреда, чем шторм.

— Да, но только врагам Рокина, — хвастливо заявил багарад.

— И Рокину тоже.

— Что они мне могут сделать? Они у меня в руках.

— Я тебя предупредил, — сказал я, покачав головой.

— О чем ты меня предупредил?

— О твоем полном невежестве!

Он пожал плечами.

— Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы просто пользоваться этими машинами.

— Конечно, — согласился я. — Но нужно разобраться в них, понять, как они действуют. Иначе они нагонят на вас страху.

— Я тебя не понимаю, брадхинак. Ты мне надоел.

Снова пришлось отказаться от попытки уговорить его, образумить, но я еще раз утвердился в той мысли, которую старался объяснить ему. Мало знать, что машины работают, нужно убедиться, что понимаешь, *как они* работают, прежде чем воспользоваться ими во имя благой цели и без риска для жизни.

ГЛАВА 8
Хрустальная Яма

На следующий день мы увидели землю — не знаю, что это было — сам Западный континент или один из близлежащих островов.

Пока Рокин подводил корабль к берегу, чтобы бросить якорь, мы соскочили на отмель, которая шла до самого берега.

Когда якорь был брошен, мы все сели в тени корабля, пытаясь прийти в себя после испытаний последних двух дней. Рокин повернулся ко мне, но его обычная ухмылка на этот раз была едва видна.

— Что же, мы все теперь далеко от дома — и далеко от нашей славы, — вздохнул он.

— И все благодаря тебе, — сказал Гул Хаджи, словно прочитав мои мысли.

— Да, — сказал Рокин, поглаживая свою золотую бороду, которая от соленой морской воды стала грязной и жесткой. — Наверное, ты прав.

— Ты хоть представляешь себе, где мы находимся, — спросил я.

— Нет.

— Тогда пошли вдоль берега, может, набредем на какое-нибудь селение, — предложил я.

— Пошли, — кивнул он. — Но кто-то должен остаться караулить сокровища, которые мы оставляем на корабле.

— Ты имеешь в виду машины? — спросил Гул Хаджи.

— Да, — ответил Рокин.

— Мы могли бы их покараулить. С помощью твоих людей, — сказал я.

Рокин расхохотался.

— Может, я и дикарь, но кто вам сказал, что я дурак?! Нет уж, вы пойдете с нами. Корабль будут охранять мои люди.

И мы отправились в путь. Побережье было песчаным, лишь изредка нам попадались крупные валуны. Вдали виднелся какой-то полутропический лес, и листва деревьев слегка покачивалась на тихом теплом ветру.

Такая мирная картина.

Но я ошибся.

К полудню побережье сузилось, и мы оказались довольно близко от леса. Небо все покрылось тучами, воздух стал холоднее. У Гула Хаджи и у меня самого не было плащей, и мы дрожали от холода.

И тут откуда ни возьмись, они и появились.

Эта вопящая стая выскочила из-за деревьев и побежала нам навстречу. Какая жалкая пародия на человека! Совершенно обнаженные, покрытые шерстью, они размахивали дубинками и примитивными мечами.

Сначала я не мог поверить своим глазам, но не задумываясь вытащил меч и приготовился защищаться.

Хотя они шли на двух ногах, лица у них были лишь наполовину человеческими, а наполовину звериными: они мне напоминали собак из породы ищеек.

Более того, у них были не носы и рты, а пасти, как у собак.

Их внешность была так невероятна, и выскочили они на нас так внезапно, что чуть не застали врасплох.

Размахивая дубинкой, ко мне подскочил первый человек-ищейка.

Я блокировал его удар и зацепил его пальцы, а потом прикончил его ударом в сердце.

Его место занял второй, на смену которому подходили все новые и новые «воины». Мы были окружены их стаей. Нас пятеро: Гул Хаджи, Рокин, я и еще двое багарадов, наших противников же по крайней мере раз в десять больше.

Я сделал выпад и убил сразу двух, поразив их в шею.

Из собачьих пастей наших врагов текла слюна, глаза горели нечеловеческой, маниакальной ненавистью, которую до этого я видел только в глазах бешеных собак. У меня возникло ощущение, что если кто-нибудь из них сейчас меня укусит, то я тоже заражусь их бешенством.

С каждым ударом я все яснее вспоминал уроки месье Кларше, моего учителя фехтования с Земли, и еще трое полегли от моего клинка.

Ко мне вернулось мое хладнокровие.

Я снова стал просто сражающимся автоматом с очень ограниченной задачей: защититься, отразить следующий удар, отбить эту сумасшедшую атаку.

Мы продержались дольше, чем я рассчитывал. Тут наши противники подошли так близко, что нельзя уже было действовать мечом.

Закипела рукопашная, мы отбивались руками и ногами. Я рухнул на землю, и на меня прыгнули по меньшей мере десяток людей-ищеек.

Меня схватили за руки и ноги и, несмотря на то, что я продолжал отчаянно отбиваться, связали.

Я снова был пленником.

Смогу ли я здесь выжить, чтобы спасти Сенд-Амрид?

Я уже начал в этом сомневаться. Неудачи преследовали меня, и я чувствовал, что, наверное, здесь, на таинственном Западном континенте, я и найду свою смерть.

Люди-ищейки понесли нас в лес, переговариваясь на обычном марсианском языке, но как-то отрывисто, словно лая. Я их плохо понимал.

Оглянувшись, я увидел, что одна группа людей-ищеек несла Гула Хаджи, в руках существ из другой группы мелькнуло что-то желтое: это были золотые доспехи Рокина. Значит, мои друзья живы. Как я ни крутился, так и не увидел двух других наших спутников-дикарей. Я решил, что их убили.

Мы вышли на огромную опушку, на которой располагалась деревня. Дома были сделаны очень неумело, грубо, словно будки. Они были построены на месте старых каменных зданий, не похожих ни на одно из строений шивов или якшей, которые я видел. Когда-то эти старые дома были тяжелыми и

крепкими, но они были воздвигнуты людьми с более низкой материальной культурой, чем древние народы, погибшие в Величайшей войне.

Нас принесли в одну из будок и сбросили на вонючий пол, сделанный наполовину из камня, наполовину из засохшей грязи. Интересно, что за люди жили в этих краях до тех пор, пока сюда не переселились люди-ищейки.

Но я не успел поделиться своими наблюдениями и вопросами с Гулом Хаджи или с Рокином, так как к нам обратился один из людей-ищеек, самый крупный. Он вошел в конуру и уставился на нас своими собачьими глазами.

— Кто вы? — спросил он с довольно странным акцентом.

— Путешественники, — ответил я. — Мы не причиним вам вреда. Зачем вы на нас напали?

— Ради Первых Хозяев, — ответил он.

— А кто такие Первые Хозяева? — спросил Гул Хаджи откуда-то из-за моей спины.

— Первые Хозяева — это те, кто кормится из Хрустальной Ямы.

— Мы их не знаем, — сказал я. — Почему они велели вам напасть на нас?

— Они нам ничего не велели.

— Они вам отдают приказы? — спросил Рокин. — Если да, скажи, что они захватили в плен Рокина Золотого, и его люди накажут их, если Рокин умрет.

На массивной пасти человека-ищейки появилось что-то вроде улыбки:

— Наказывают Первые Хозяева, их наказать нельзя.

— Мы можем с ними поговорить? — спросил я.

— Они не говорят.

— Мы можем их повидать? — спросил Гул Хаджи.

— Вы их увидите, а они — вас.

— Что же, может быть, когда мы их наконец увидим, мы сможем их уговорить, — сказал я Гулу Хаджи. Я снова обратился к разговаривавшему с нами человеку-ищейке. Кажется, он был вожаком стаи.

— А эти Первые Хозяева похожи на тебя? — спросил я. — Или, может быть, на нас?

Вожак пожал плечами.

— Нет, ни на нас они не похожи, ни на вас, — сказал он. — Похожи на него. — И он показал на Гула Хаджи.

— Они что, из моей расы? — спросил Гул Хаджи, немного оживляясь. — Значит, они не причинят нам вреда.

— Они лишь похожи на тебя, — сказал человек-ищейка, — а вовсе не такие, как ты. Вы увидите их в Хрустальной Яме.

— Что такое Хрустальная Яма? — проворчал Гул Хаджи. — Почему мы не можем их увидеть здесь?

И снова человек-ищейка улыбнулся.

— Они еще не прибыли, — ответил он.

— А когда они прибудут?

— Завтра, когда солнце будет в зените.

С этими словами человек-ищейка вышел.

Ночью нам удалось немного поспать. Мы надеялись, что с таинственными Первыми Хозяевами разговаривать будет легче, чем с людьми-ищейками, вероятно, их слугами, чью функцию я еще не мог понять. Мы надеялись, что сможем их убедить.

Около полудня следующего дня за нами пришли несколько людей-ищеек и куда-то потащили нас.

Вожак ждал нас у камней, вероятно, служивших раньше фундаментом какого-то особняка. В одной руке у него был меч, в другой — палка. На конце палки сиял невиданных размеров камень, похожий на рубин. Я не знал, какое значение мог иметь этот жезл, возможно, он показывал, что этот человек-ищейка был вожаком над остальными.

Нас внесли в лес, но вскоре мы снова оказались на опушке, на этот раз гораздо большей по размеру. Трава здесь была очень высокой — по пояс нашим врагам, и когда они несли нас, она хлестала нам по лицу.

Скоро трава поредела и закончилась вовсе. Нашим глазам открылась опушка с затвердевшей на земле грязью; в центре что-то блестело так ярко, что у меня заболели глаза.

На солнце это «что-то» сияло, как огромный бриллиант.

Только подойдя поближе, мы увидели, что именно

это место, должно быть, и называлось Хрустальной Ямой.

И это действительно была яма. Ее склоны были отделаны прозрачными кристаллами, очень тонко обработанными, с множеством граней, каждая из которых по-своему преломляла свет. Поначалу было совершенно невозможно догадаться, что это было.

Но где же были Первые Хозяева, похожие на Гула Хаджи? Я никого не видел вокруг, кроме моих спутников и людей-ищеек, принесших нас сюда.

Нас подтащили к краю ослепительной ямы и сняли с наших рук и ног веревки. Мы стали осматриваться, пытаясь понять, что происходит, поэтому-то мы и не были готовы к тому, что случилось в следующее мгновение: нас со всей силы толкнули, мы соскользнули на дно ямы — к счастью, ее склоны были довольно пологими — и повалились друг на друга.

Пока мы пытались подняться, люди-ищейки развернулись и направились прочь.

Мы не могли понять, зачем нас столкнули в эту яму, но всем было не по себе; мы подозревали, что нас посадили туда с какой-то неведомой целью.

Через час бесплодных попыток подняться вверх по склонам ямы — и почти все это время приходилось держать глаза закрытыми, — мы сдались: нужно было придумать какой-то другой способ выбраться оттуда.

Кажется, ничего нельзя было предпринять.

И тут сверху раздался шум, и мы заметили, что на нас кто-то смотрит.

Сначала мы решили, что это кто-то из Первых Хозяев, но лицо не соответствовало описанию.

Потом мы разглядели лицо девушки.

Кажется, слово «девушка» не совсем подходит, так как лицо это, очень приятное и умное, все же было наполовину кошачьим: с кошачьими глазами и остренькими ушками.

Увидев девушку-кошку, мы удивились так же сильно, как и накануне, когда увидели людей-ищеек.

— Вы враги ищеек племени Хагк? — прошептала девушка-кошка.

— Это, кажется, они нас таковыми считают, — ответил я. — А ты тоже их враг?

— Весь мой народ — хотя сейчас нас осталось очень мало — ненавидит людей-ищеек из племени Хагк, — ответила она взволнованно. — Многих уже сбросили в эту яму для встречи с Первыми Хозяевами.

— Они и ваши хозяева тоже? — спросил Гул Хаджи.

— Раньше были, но мы их отвергли.

— Ты пришла нас спасти, девушка? — спросил Рокин нетерпеливо.

— Я пришла попробовать, но времени мало. Держите. — Она перегнулась через край и что-то сбросила нам вниз. Я сразу увидел, что это были мечи — три меча, не похожие на те, которыми пользовались люди-ищейки, но все же очень странные. Они были короче, чем мечи, к которым я привык, но тоже великолепной работы. Я поднял один, остальные отдал своим товарищам.

Мы их осмотрели: сталь была легкой и очень хорошо обработанной. Конечно, на мой вкус меч был слишком легким, но лучше иметь такой, чем вообще остаться без оружия. Я немного повеселел.

Я взглянул вверх и увидел, что лицо девушки вдруг стало очень встревоженным.

— Уже поздно пытаться вытащить вас отсюда, — сказала она. — Приближаются Первые Хозяева. Удачи вам!

И она исчезла.

Сжимая мечи, мы напряженно ожидали Первых Хозяев, не зная, откуда они появятся.

ГЛАВА 9
Первые Хозяева

Они появились сверху, громко хлопая огромными крыльями.

Они были немного меньше Гула Хаджи, но действительно внешне очень напоминали его, хотя их кожа была гораздо светлее. Этот светло-синий цвет производил особенно отталкивающее впечатление в

сочетании с красными разинутыми ртами и длинными белыми клыками. Огромные крылья занимали всю спину — от плеч до бедер.

Они были больше похожи на животных, чем на людей.

Возможно, как животные — собаки и кошки — стали людьми, точнее, теми странными существами, которых мы уже видели, так эти люди стали животными. В их глазах горел огонь — холодный, мертвый огонь безумия, и это было безумие зверя, а не человека.

Они кружили над нами, не переставая махать крыльями, и от поднимаемого ими ветра — или от ужаса? — у нас на головах шевелились волосы.

— Джихаду! — воскликнул Гул Хаджи, не веря своим глазам.

— Кто это? — спросил я, не в силах оторвать взгляда от странных существ над нами.

— В Мендишарии есть легенды о древних людях, похожих на нас. Их изгнали из наших земель за колдовство.

— Колдовство?! Но я всегда считал, что на Марсе не верят в подобные вещи!

— Конечно, нет. Я же сказал, джихаду существуют только в легендах. Правда, теперь я в этом уже не уверен...

— Как бы они ни назывались, они здесь на наше несчастье, — прорычал Рокин, пытаясь открыть глаза, несмотря на ослепительный свет, исходивший от кристальных склонов ямы.

Один за другим Первые Хозяева — или джихаду, как их называл Гул Хаджи, — стали опускаться все ниже и ниже.

Я едва не оцепенел от ужаса, но продолжал держать меч наготове.

Вот опустился первый из них: он визжал пронзительным резким голосом, раскрывая красную пасть и обнажая острые клыки, и сжимал и разжимал когти, намереваясь схватить меня.

Я ударил его мечом по руке, и показалась кровь.

По крайней мере, джихаду смертны, помню, подумал я. Мой первый враг развернулся в воздухе и атаковал меня с другой стороны. К нему тут же

присоединились остальные, и теперь мои товарищи тоже приготовились действовать.

Я ударил первого нападавшего в лицо своим легким мечом и, попав ему в глаз, убил его.

Первые Хозяева были, очевидно, не готовы к вооруженному сопротивлению, поэтому первую их атаку мы отбили довольно легко.

На меня налетел еще один: грудь его была открыта, словно он специально подставил ее под удар.

Яма была небольшой по размеру, и это нас очень выручало, так как джихаду не могли напасть на нас все вместе. Нам приходилось подниматься выше, становясь на трупы тех, кого мы уже убили. Стоять на них было устойчивее, чем на скользких кристаллах.

Вокруг мелькали страшные лица, сильные крылья, обнаженные клыки, горящие глаза, сжимающиеся и разжимающиеся когти. Я отрубил еще одному из нападавших голову и сжался, когда на меня хлынула его густая вонючая кровь.

Я собирался нанести удар по очередному монстру, но вдруг почувствовал, что мои плечи что-то больно сжало.

Я попытался развернуться, пронзить моего противника, но я потерял равновесие и через миг был уже в воздухе.

Меня поднимал вверх один из летающих монстров!

Мы были уже высоко над лесом, а я все еще пытался уничтожить своего врага, даже если бы это стоило жизни мне самому, так он был мне отвратителен.

Я увидел, что Гул Хаджи и Рокин были в таком же положении, что и я, но за нами летело довольно мало Первых Хозяев, и я не мог не порадоваться при мысли о том, как много чудищ пали от наших мечей.

Я извивался в когтях врага, пытаясь развернуться так, чтобы нанести ему удары по рукам или телу.

Я видел, что справа от меня Рокин пытался сделать то же самое, и благодаря его золотым доспехам ему удалось освободить одно плечо из когтей чудовища.

Оно все еще сжимало руку Рокина, но он изловчился и стал колоть мечом грудь врага.

Я ожидал какого-нибудь ответного удара, но джихаду просто разжал когти.

Я с ужасом увидел, как багарад закричал и стал падать на камни, сменившие под нами лес.

Золотые доспехи блестели в солнечных лучах, когда Рокин летел вниз.

Он ударился о камни.

Доспехи развалились. Какую-то долю секунды окровавленное тело билось в конвульсиях, потом затихло.

Мне стало плохо от такого зрелища.

Да, Рокин был дикарем; он схватил нас, и я считал его за это своим врагом, но он был человеком по-своему храбрым и великодушным. Он был Человеком...

Теперь, когда Рокин погиб, мы, может быть, никогда не найдем остальные машины, вывезенные из города якшей — конечно, если произойдет невероятное и мы спасемся из лап летающих монстров, которые некогда были людьми.

Я сделал резкое движение назад и обвил своей ногой ногу державшего меня джихаду. Он этого, конечно, не ожидал, да и я сам тоже. Я действовал под влиянием импульса — или вдохновения? — и теперь был шанс, что я не упаду, если он вдруг разожмет лапы.

Я так изменил позу, что теперь мог колоть его мечом в бок, что я тут же и начал делать.

Раны, которые мне удавалось наносить, были не очень серьезны, но они причиняли боль, и мой враг стал кричать и шипеть.

Я почувствовал, что лапы сжимают меня уже не так крепко, и приготовился к тому, что должно было произойти в следующее мгновение.

Я нанес своему врагу еще несколько ударов.

Он закричал громче, чем прежде. Одна лапа разжалась, и я должен был что-то сделать, чтобы эта лапа не ударила меня, — я отрубил ее.

Для зверя это было уже слишком: он отпустил меня. Я полетел было вниз. От участи Рокина меня спасло только то, что я держался своими ногами за ноги чудовища.

В воздухе я развернулся и ухватился за ногу своего врага руками. Он затряс ею в воздухе, но потерял равновесие и, сам того не желая, стал снижаться.

Мы опускались все ниже и ниже — к моей невыразимой радости. Теперь он пытался освободиться от меня, но я вцепился намертво и продолжал колоть его мечом.

Он истекал кровью и слабел с каждой минутой.

И тут он сделал невероятное усилие, и ему удалось стряхнуть меня.

Все было напрасно, падая, успел подумать я.

Но падение длилось недолго, так как камни, на мое счастье, опять сменил лес, и я упал в крону дерева — на гибкие ветви, словно в гамак, и уже через мгновение был в состоянии спуститься на землю.

Я беспокоился о Гуле Хаджи.

Как там он?

Я молил провидение о том, чтобы ему тоже удалось выбраться из рук джихаду.

В лесу было тихо, но потом вдруг раздался чудовищный треск справа от меня.

Я побежал на звук и обнаружил труп несшего меня чудовища. Он умер от ран.

Я поежился, глядя на отвратительное животное, и решил, что лучше всего было снова забраться на дерево и посмотреть, не увижу ли я где-нибудь Гула Хаджи.

Я вскарабкался на ближайшее дерево и долго всматривался в небо.

Вдали я увидел какое-то пятно, потом другое, это летели существа, которых я не мог разглядеть, и я не знал, были ли это джихаду и несли ли они кого-нибудь или летели одни.

С каменным сердцем я спустился на землю. Мне нужно было как-то отыскать логово джихаду, чтобы спасти своего друга: я всем сердцем надеялся, что они не станут его сразу же убивать.

Но как найти это проклятое логово?

На этот вопрос я не знал ответа.

Я подумал, что девушка-кошка, которая принесла нам мечи, когда мы были в яме, могла бы помочь

мне снова, если бы я смог ее разыскать. Поскольку это все равно было единственное, что я мог сделать, я пустился в путь в направлении Хрустальной Ямы, чтобы найти ту девушку.

Даже если я не смогу найти девушку-кошку, я схвачу кого-нибудь из людей-ищеек и добуду у него всю необходимую информацию.

ГЛАВА 10
Пурры

Я был в пути много шати, в которых марсиане измеряют время, — они равняются одной восьмой часа. Я пересек каменистое плато, где разбился Рокин, и снова вошел в лес. Там я услышал звуки, принадлежавшие какому-то живому существу.

В зарослях что-то затрещало.

Это двигался огромный зверь.

Я насторожился и, вытащив меч, спрятался в тени.

Вдруг из леса выскочило существо весьма странного вида — я не мог поверить своим глазам, на этот раз потому, что оно было очень похоже на животное с Земли.

Зверь, оказавшийся сейчас передо мной, напоминал полевку, только очень большую.

Гигантскую.

Величиной со слоненка.

Сверкающие глаза зверя были устремлены на меня, несмотря на все мои попытки остаться незамеченным.

Зверь — явно всеядный — был, вероятно, очень голоден.

Он стоял сгорбившись, глядя на меня своими сверкающими глазами и шумно втягивая носом воздух. Он готовился к прыжку.

У меня почти не было шансов справиться с этой гигантской полевкой — я так устал, я столько всего пережил с тех пор, как покинул Сенд-Амрид, я столько отшагал с того места, где меня бросил один из Первых Хозяев, что просто валился с ног.

И тут это чудовище, которое с пронзительным

криком вдруг бросается на меня! Я нырнул за дерево, что на миг сбило моего противника с толку.

Животное оказалось не очень сообразительным, на мое счастье, но в сложившейся ситуации его физической силы, одного его веса было бы достаточно, чтобы справиться со мной, несмотря на весь мой интеллект.

На мгновение зверь остановился, но потом стал обходить дерево, за которым я стоял.

Я не оставался на месте, а старался все время передвигаться так, чтобы гигантскую полевку, собиравшуюся мною поужинать, и меня все время разделяло спасительное дерево.

Вдруг мой враг с остервенением бросился на дерево и очень сильно качнул его на меня: я упал на спину и на несколько секунд оказался беспомощным.

Я стал подниматься, но прежде чем встал на ноги, зверь был уже рядом: его пасть, сравнительно небольшая, была разинута, и я знал, что он легко мог откусить руку или ногу.

Из последних сил я ударил, целясь в морду, и отступил, чтобы немного передохнуть и приготовиться к следующей атаке. Перед глазами все поплыло.

На этот раз только чудом я избежал укуса. Я не мог броситься бежать, так как зверь был быстрее меня. Я знал, что смогу продержаться еще минуту-две, но потом все равно умру.

Я знал, что умру.

Наверное, это и помогло мне собрать последние силы, и я снова ударил врага мечом по его отвратительной морде. Появилась кровь, и зверь опешил, но не отступил, а лишь замер на месте, решая, как лучше со мной расправиться. Меня повело от усталости: оставалось думать только о том, как бы удержаться на ногах и умереть сражаясь.

И вдруг откуда-то сверху из-за спины зверя в него полетел дождь тоненьких стрел. Он закричал и забился в агонии. Он развернулся в ту сторону, откуда летели стрелы, и пять или шесть стрел попали ему в глаза.

Я не мог поверить, что все происходящее не было сном. Не может быть, чтобы удача так неожиданно оказалась на моей стороне!

Зверь кричал и метался. Он даже сбил меня с ног своим жирным хвостом, когда бился в судорогах.

Я упал на свежую траву, благодаря провидение за спасение и молясь, чтобы мне опять не пришлось оказаться в руках каких-нибудь дикарей.

Словно на расстоянии я услышал тихие голоса и увидел, как вокруг мертвой полевки движутся фигуры, напомнившие мне своей грациозностью и изяществом кошек. Помню, теряя сознание, я подумал, как забавно, что такая куча кошек охотится на одну гигантскую мышь.

И тут настала спасительная темнота. Я отключился: может быть, я потерял сознание или просто уснул.

Я проснулся от прикосновения теплой мягкой руки и, открыв глаза, увидел уже знакомое мне лицо девушки-кошки, пытавшейся спасти нас от Первых Хозяев.

— Что случилось? — спросил я заплетающимся языком.

— Мы охотились на рети и нашли нашу жертву, — ответила она тихо. — Рети охотилось на тебя. Так мы смогли одновременно убить нашу добычу и спасти тебя. Где твои друзья?

Я покачал головой.

— Одного из них убили Первые Хозяева, другого они унесли, — ответил я. — Не знаю, где он сейчас.

— Ты сражался с Первыми Хозяевами и выжил! — в ее сиявших глазах было восхищение. И еще что-то. — Это великий день! Мы надеялись, что, получив наши мечи, вы сможете умереть сражаясь. Мой народ будет считать тебя героем.

— У меня нет никакого желания быть героем, — сказал я. — Я всего лишь человек. Если повезет, у меня еще будет шанс найти пропавшего друга.

— А которого из них унесли Первые Хозяева? — спросила она.

— Синего великана — Гула Хаджи, моего самого лучшего, самого близкого друга.

— Мало надежды, что ты его снова увидишь, — вздохнула она.

— Но хоть сколько-нибудь надежды осталось?

— Теперь уже, пожалуй, нет. Прошлой ночью у Первых Хозяев должен был быть пир.

— Прошлой ночью? Сколько же я спал?

— Почти два дня, — сказала она просто. — Когда мы принесли тебя сюда, ты был очень измучен.

— Два дня? Так долго?

— Не так уж долго, если учесть, что тебе довелось пережить.

— Но слишком долго, — сказал я, — ибо я упустил шанс спасти Гула Хаджи.

— Ты бы все равно не успел добраться до жилища Первых Хозяев, как бы ни старался, — попыталась она меня успокоить. — Твой друг был героем. Вспомни, как он умер и что он сделал для тех, кто много веков находился под властью Первых Хозяев.

— Знаю, что не могу всерьез винить себя в смерти Гула Хаджи, — сказал я, стараясь скрыть горе и чувство невосполнимой потери, — но это не может принести облегчения. Я не могу перестать его оплакивать.

— Оплакивай его, если хочешь, но и почитай его как героя. Он убил многих из Первых Хозяев. Никогда еще в Хрустальной Яме не кипело такое сражение. До сих пор дно Ямы устилают трупы Первых Хозяев. Погибла по меньшей мере половина из них. Расскажи мне о сражении.

Я рассказал ей вкратце о том, что произошло.

Ее глаза загорелись, кулаки сжались.

— О, какой прекрасный сюжет для поэтов! — воскликнула она. — Как тебя зовут, герой, как зовут твоих друзей?

— Моих друзей звали Гул Хаджи, брадхи Мендишарии, что лежит за океаном, и — я помедлил, так как Рокин не был моим настоящим другом, хотя в сражении он оказался верным и храбрым товарищем, — и Рокин Золотой, брадхи Багарада.

— Брадхи! Они оба брадхи! — воскликнула она. — А ты? Ты, наверное, брадхи всех брадхи, не меньше!

Я улыбнулся, слыша такой восторг в ее голосе.

— Нет, — сказал я. — Меня зовут Майкл Кейн, по браку я брадхинак из королевского дома Варнала, который лежит далеко на юге, за океаном.

— Так вы с юга, из-за океана! Я слышала рассказы об этих таинственных землях, где живут боги. Здесь богов нет, они нас покинули. Они возвращаются, чтобы спасти нас от Первых Хозяев?

— Я не бог, — ответил я. — Там на юге, мы не верим в богов. Мы верим в Человека.

— А разве человек не подобен богу? — наивно спросила она.

Я снова улыбнулся.

— Он так иногда думает. Но люди из моей страны — не сверхъестественные существа. Они похожи на вас — они из плоти и крови. Они такие же, как и вы, только предки у нас разные.

— Нет, Первые Хозяева нам говорили другое.

— А Первые Хозяева умеют разговаривать? — Я был поражен. — Я думал, что они — не умеющие мыслить звери.

— Сейчас они с нами не разговаривают. Но они оставили свои писания, мы их читали, их заповедям мы следовали. Хагки еще почитают и боготворят Первых Хозяев, а мы — нет.

— А почему они их почитают? Мне казалось, люди-ищейки должны сражаться с такими, как Первые Хозяева, — сказал я.

— Первые Хозяева нас создали, — просто ответила она.

— Создали? Но как?

— Не знаю. Я лишь слышала обрывки легенд, в которых рассказывалось, что Первые Хозяева когда-то служили волшебникам, исчезнувшим сейчас с Ваш́у.

Я подумал, что она говорила о шивах или якшах, когда-то властвовавших на всем Марсе — или Ваш́у, как они называли планету. Возможно, крылатые синие великаны улетели когда-то давно из Мендишарии, нашли остатки этих древних народов и узнали от них некоторые секреты.

— Что говорится в этих легендах о Первых Хозяевах? — спросил я.

— Первые Хозяева создали наших предков. Они заколдовали их так, что собаки и кошки стали внешне очень похожими на людей, они стали мыслить и ходить, как люди. Какое-то время мы, пурры,

и те, другие, хагки, жили в одном месте — в Городе Первых Хозяев — и служили им для волшебных целей.

Опыты над живыми существами! Жестокая вивисекция! Если изложить рассказ девушки с точки зрения науки, то получалось следующее. Первые Хозяева узнали у древних народов некоторые научные тайны и, применив их, — возможно, это была какая-то невероятно сложная хирургия, — получили похожих на людей существ из кошек и собак. Плоды своего труда они использовали как объект для дальнейших опытов и как слуг.

— И что потом? — спросил я. — Как получилось, что ваши три народа разделились?

Девушка-кошка нахмурилась.

— Трудно это объяснить, — ответила она. — Но Первые Хозяева все больше и больше замыкались на себе. Магию, открытую ими во время опытов над нашими предками, они стали пробовать на себе. И они стали... похожи на животных. Ими овладело безумие. Они покинули город и поселились в пещерах далеко от города, в горах. Но каждые пятьсот шати они возвращаются пообедать к Хрустальной Яме, которую создали или они сами или их давние хозяева, волшебники.

— А что они обычно едят? — спросил я.

— Нас, — тихо ответила девушка.

Какая мерзость! Теперь я понимал, почему людищейки приносили в жертву своим странным хозяевам незнакомцев, но мне была противна мысль о том, что хагки тащат в Хрустальную Яму и своих сородичей — людей-кошек.

— Они едят пурров?! — воскликнул я.

— Не только пурров, — девушка покачала головой. — Конечно, если хагки поймают кого-нибудь из нас, они отправляют пленников в Хрустальную Яму. Но если им не удается никого схватить, они сажают в яму слабейшего из них самих, чтобы у Первых Хозяев была пища.

— Но что же заставляет их делать это? — не удержался я от вопроса.

Ее ответ был кратким и простым, и в то же время каким-то очень мудрым.

— Страх, — сказала она.

Я кивнул, подумав, что это чувство было едва ли не основной причиной всех несчастий. Не кажется ли тебе, Эдвард, что все политические системы, все искусство, все наши поступки направлены на одно — на создание чувства, которое мы все по-своему ищем — чувства безопасности, отсутствия страха. Именно страх вызывает безумие, войны. Страх сам порождает страх — то, чего мы боимся больше всего. Не потому ли все легенды прославляют бесстрашного человека — человека, не представляющего для других угрозы? Возможно, хотя бесстрашные люди тоже бывают разными. Настоящее бесстрашие — свойство цельного человека, того, кому не нужно доказывать, что он бесстрашен. Настоящий герой — это часто герой невоспетый.

— Но даже в каждом из ваших народов людей больше, чем Первые Хозяева, — сказал я. — Почему вы не попробовали объединиться, чтобы покончить с ними?

— Первые Хозяева рождают в нас страх не своим числом, — ответила девушка, — и не своей внешностью, хотя это тоже влияет. Страх глубже, я не могу его объяснить.

Кажется, я ее понимал. На Земле мы объясняем это просто — мы называем это страхом неизвестности. Иногда мужчина боится женщину, которую, как он чувствует, он не может понять. Иногда человек боится незнакомых людей — людей другой расы, из другой страны, даже из другой части своей собственной страны. Иногда он боится машин, с которыми ему приходится работать. Непонимание — на уровне личности или более глобальное — рождает недоверие и страх, и именно страх, а не предки делает людей-ищеек из рода хагков недочеловеками.

Я объяснил это девушке-кошке, и она понимающе кивнула.

— Думаю, ты прав — сказала она. — Наверное, поэтому мы живем и развиваемся, а люди-ищейки деградируют и все больше и больше становятся похожими на своих предков.

Меня поразил ее интеллект. Хотя я не люблю делать подобные выводы о животных, мне кажется,

что как раз природная трусость собак и природная храбрость кошек и отразились в тех типах людей, которые развились из них. Поэтому я не мог целиком винить людей-ищеек за то, что они были так жестоки, хотя это и не изменило моего неприятия того, чем они стали. Бывают же храбрые собаки — на Земле много рассказывают о таких, — значит, и эти люди-ищейки могли бы обрести мужество, если бы все сложилось иначе.

Я оптимист, и я подумал, что в поисках средства от чумы, пожиравшей жителей Сенд-Амрида, я мог бы наткнуться и на средство, которое помогло бы разрушить причину их страха, ибо, конечно, не было никакой надежды исправить Первых Хозяев. Они были порождением зла. Зло — это лишь другое название для того, чего мы боимся. Возьмите Библию, и вы убедитесь, что пророки, не знавшие женщин и потому боявшиеся их, называли их существами злыми. А зло порождает зло. Если вы устраните первопричину зла, вы можете дать остальным надежду.

Я рассказал это девушке. Она нахмурилась и кивнула.

— Трудно сочувствовать хагкам, — сказала она. — То, что они с нами сделали в прошлом, — ужасно. Но я попытаюсь понять тебя, Майкл Кейн.

Она встала со своего места.

— Меня зовут Фаса, — сказала она. — Пошли, посмотришь, где мы живем.

Она повела меня из дома, где я лежал в темноте, в миниатюрный город, построенный среди деревьев. Люди-кошки не срубили ни одного дерева, город сливался с лесом, растворялся в нем, таким образом предлагая гораздо лучшую защиту, чем забор вокруг домов, выстроенный на обычной опушке, — а именно так живут большинство населяющих джунгли народов.

Жилища людей-кошек имели всего один или два этажа. Они были отделаны застывшим илом, но как же красиво смотрелись! Дома, над которыми возвышались шпили и минареты, были расписаны бледными, радующими взгляд цветами, приятно гармонировавшими с природными красками и формами.

Эта картина немного рассеяла мои мрачные мыс-

ли, и Фасе было приятно видеть, что красота ее родного лесного города произвела на меня такое сильное впечатление.

— Тебе нравится?

— Еще бы! — ответил я. По-своему этот простой уголок напоминал мне Варнал, Город Зеленых Туманов, больше, чем какое бы то ни было другое место на Марсе. В нем царило то же спокойствие, умиротворенность и надежность, благодаря которым я чувствовал себя в Варнале как дома.

— У ваших людей артистическая душа, — сказал я, касаясь меча, который все еще был у меня за поясом. — Я это понял, едва увидел ваши мечи.

— Мы стараемся, — ответила девушка. — Иногда я думаю, что в красивой, успокаивающей обстановке и душа становится спокойнее и добрее.

Меня поразила высказанная ею мысль — такая простая и такая мудрая, полная здравого смысла, если хотите, ведь что такое мудрость, если не вид здравого смысла, самый глубокий, настоящий, «здоровый» смысл.

Кажется, живущие здесь обособленно от остальных, окруженные двумя грозными врагами, пурры обладали чем-то очень ценным, чего не было у других народов Земли и даже Марса.

— Пойдем, — сказала девушка, взяв меня за руки. — Ты должен познакомиться с моим старым дядюшкой Слуррой. Я думаю, ты ему понравишься, Майкл Кейн. Он восхищен тем, что ты сделал, но того, кем восхищаются, не всегда любят, правда?

— Правда, — сказал я убежденно, и вошел следом за ней в один из домов.

Мне пришлось пригнуться, проходя через низенькие двери в комнату, где я увидел старика-кота, который очень удобно устроился в прекрасно сделанном кресле. Когда я вошел, он не поднялся со своего места, но в его глазах, в том, как он держал голову, было видно больше уважения, чем в каком-либо вежливом жесте, который можно часто увидеть на Земле.

— Когда мы послали к вам Фасу с мечами, мы не думали о том, какие блага ты нам принесешь, — сказал он.

— Блага? — удивился я.

— Неисчислимые, — ответил он, жестом предлагая мне сесть на стул рядом с ним. — Моему народу было очень важно увидеть, что Первых Хозяев победили — ведь по большому счету вы их победили. Мои люди поняли, что Первые Хозяева смертны, что кому-то по силам их убить.

— Может, — сказал я, кивая в знак того, что я его понимаю, — это поможет и хагкам.

Старик задумался.

— Да, это возможно, если, конечно, еще не поздно. Надеюсь, этот случай заставит их усомниться во власти Первых Хозяев, как это сделали пурры много лет назад, еще до того, как появились на свет наши прапрадеды, когда нами правил Миспаш, Основатель Рода.

— Наверное, он был мудрый человек?

— Он был основателем нашего рода, — ответил Слурра. — Он научил нас великой истине, ведь он был величайшим из пророков.

— И чему же он вас научил?

— Никогда не искать пророков, — ответил Слурра с улыбкой. — Одного было достаточно; он был очень мудрым.

Я знал, что это правда. Слова Слурры можно было отнести и к ситуации на Земле, где люди продолжают искать пророков, и целые нации кидаются к новым пророкам в поисках новых предсказаний и теорий вместо того, чтобы хорошенько изучить учение тех немногих, чьим главным выводом было: познай себя. Те, кто не знает себя или, может, боится познать, позволяют лжепророкам вроде Гитлера нести им исцеление, и все заканчивается тем, что эти лжепророки заводят народ в тупик, в ситуацию еще более сложную, чем раньше.

Я разговаривал со стариком, и разговор этот был очень интересным и важным.

В конце он сказал:

— Все это хорошо, но мы должны как-то тебе помочь.

— Спасибо.

— Что мы можем для тебя сделать?

Я вспомнил о машинах, оставленных на корабле.

Они и будут моей первой целью, подумал я. Если бы люди-кошки могли помочь мне, достижение этой цели очень бы упростилось. Я рассказал Слурре, как я здесь оказался.

Он молча выслушал, и когда я закончил, сказал торжественно:

— У тебя благородная цель, Майкл Кейн. Мы будем гордиться, если сможем помочь тебе. Как только ты будешь готов отправиться в путь, мы подготовим группу людей-кошек, которые пойдут с тобой и принесут сюда машины.

— А ты уверен, что нужно приносить сюда эти злополучные машины? — спросил я.

— Машины опасны только в руках опасных людей, и мы должны бояться этих людей, а не их орудий, — сказал Слурра. Я уже объяснил ему, что это были за машины и какая сила в них таилась.

Итак, мы все решили. В скором времени возглавляемая мною экспедиция отправится на побережье.

Мне не хотелось, чтобы люди-кошки вступали в бой с дикарями. Вообще не хотелось причинять дикарям никакого вреда, так как их втянул в эту опасную экспедицию Рокин Золотой. Я надеялся, что, увидев превосходство в силе, и услышав несколько разумных слов, и узнав о смерти Рокина, дикари не станут сопротивляться и отдадут машины.

Все случилось не так, как я рассчитывал, но, отправляясь в путь, я еще не знал, что наша цель очень далека.

ГЛАВА 11

Машины пропали!

Нам понадобилось довольно много времени, чтобы добраться до побережья и потом — до корабля.

Когда вдали показался корабль, я заметил, что что-то было не так. На палубе не было воинов, везде царила мертвая тишина.

Я пошел быстрее, за мной — люди-кошки. Их было около двадцати, все с мечами и луками. Они сами не подозревали, какое это было облегчение — знать, что они рядом.

Когда мы добрались до корабля, я увидел, что здесь произошло какое-то сражение.

Мы нашли два трупа дикарей, забитых до смерти.

Зафа, капитан пурров, осмотрел землю. На его умном лице я прочитал обеспокоенность.

— Если я не ошибаюсь, Майкл Кейн, у Первых Хозяев появились новые жертвы, — сказал он. — Здесь были хагки, и они взяли пленников.

— Их нужно спасти, — сказал я мрачно.

Он покачал головой.

— Наверное, хагки захотели узнать, откуда вы пришли, и отправились по вашим следам. Это случилось два дня назад. Первые Хозяева еще не возвращались в Хрустальную Яму, и твои люди — в руках хагков. Вы избежали участия в их кровавых развлечениях только потому, что вас схватили перед самым появлением Первых Хозяев.

— А что это за развлечения?

— Отвратительные, кровавые — пытки до смерти. Я думаю, что сознание твоих друзей уже убито, хотя сами они еще живы. Они умрут, когда за ними прилетят Первые Хозяева.

Я был в ужасе.

— Но все равно нужно пойти туда и узнать, что еще можно сделать, — твердо сказал я.

Я взобрался на корабль и прошел по палубе к трюму, в котором дикари держали машины.

Я заглянул вовнутрь.

Там не было ничего, кроме черной воды.

— Машины пропали! — воскликнул я, выскочив снова на палубу.

— *Машины пропали!*

Зафа взглянул на меня удивленно.

— Хагки их взяли? Обычно они ничего не трогают, кроме живых существ, которые можно принести в жертву Первым Хозяевам.

— Тем не менее машины пропали, — сказал я, спускаясь с корабля.

— Тогда нужно быстро идти в деревню хагков и посмотреть, что там происходит, — храбро сказал Зафа.

Мы повернули в обратный путь.

— Нам понадобится подкрепление, — сказал я.

— Возможно, — ответил Зафа задумчиво, — но в прошлом такого количества людей хватало.

— Вы и раньше сражались с хагками?

— Когда в этом была необходимость — обычно, чтобы выручить захваченных ими пурров.

— Я не могу втягивать вас в сражение, — сказал я.

— Не беспокойся, это не только твое сражение, но и наше. В данном случае мы связаны, и это дело — наше общее, — сказал Зафа твердо.

Я оценил его слова и понял его чувства.

Мы спешили в селение хагков.

Приближаясь к нему, Зафа и его спутники стали осторожнее, и Зафа знаками показал мне вести себя так же.

Я, конечно, не мог двигаться с такой же грацией, как люди-кошки, которые шли совершенно бесшумно, но я старался.

Вскоре мы залегли в кустах, вглядываясь в убогие строения деревни хагков, которая, как я узнал, была сооружена на руинах, оставленных Первыми Хозяевами, когда те ушли в горы.

Откуда-то послышался безумный крик невыносимой боли, и я знал, что он обозначал.

В этот раз Зафе пришлось меня останавливать, когда я рванулся с земли.

— Еще не время, — сказал он едва слышно.

Я вспомнил, как я в похожей ситуации остановил Гула Хаджи, и понял, что Зафа прав. Мы предпримем решительные действия, но в нужный момент.

Рассматривая деревню, мы увидели машины. Они были сложены в кучу, а вокруг сгрудились людищейки, переговаривающиеся своими отрывистыми голосами. На их лицах читалось недоумение.

Что заставило их притащить сюда эти машины? Атавистическая память? Вероятно, машины были в их сознании связаны с Первыми Хозяевами, которым они хотели таким жалким способом угодить.

Возможно, отчасти это и было разгадкой, но точно я не знал.

Однако факт оставался фактом: вот они, эти машины, и мы должны их вернуть. Мы также должны

были спасти то, что осталось от подвергнутых истязаниям дикарей.

Вдруг в воздухе над нами произошло какое-то движение: это в деревню опустились Первые Хозяева.

Зафа был удивлен не меньше моего.

— Почему они здесь? — прошептал я. — Ты уверял, что они прилетают к Хрустальной Яме только раз в пятьсот шати!

— Ничего не понимаю, — сказал Зафа. — Происходит что-то очень странное, Майкл Кейн, хотя я еще не могу представить, какое все это может иметь значение.

Со страшным шумом, производимым мощными крыльями, Первые Хозяева приземлились недалеко от машин, и люди-ищейки раболепно потеснились, уступая дорогу.

У меня снова мелькнула мысль об атавистической памяти, движущей Первыми Хозяевами, которые толпились у машин, как тупые хищные птицы.

Вдруг один из них вытянул руку и дотронулся до украшений одной из машин. Но оказалось, что он задел какую-то кнопку, и воздух наполнился странным гудением. Машину начало трясти.

Люди-ищейки в страхе рванулись назад. Первый Хозяин, дотронувшийся до кнопки, снова протянул руку, и гудение прекратилось.

Словно встревоженные этим, Первые Хозяева снова поднялись в воздух и исчезли так же быстро, как и появились.

Мы увидели, что люди-ищейки медленно вернулись, чтобы обнюхать машины.

Вожак стаи пролаял какие-то приказы. Люди-ищейки снова взялись за веревки, которыми были перевязаны машины, и потянули их.

— Куда их тащат? — спросил я Зафу.

— Я понял очень немного из того, что сказал вожак, — ответил Зафа. — Думаю, они направились к Хрустальной Яме.

— Они тащат машины туда? Интересно, зачем?

— Сейчас это не важно, Майкл Кейн. Важно другое: деревня осталась почти без охраны. Это шанс спасти твоих друзей.

Я не стал спорить с тем, как он назвал дикарей. Они не были моими друзьями, но я знал, что в

сложившихся обстоятельствах я был перед ними в долгу хотя бы за то, как по-своему почтительно они обращались с собственными пленниками.

Мы смело вошли в деревню, когда люди-ищейки с машинами скрылись из вида. Те, кто остался, увидели, что численно мы превосходили их, и позволили своим женам и детям увести себя домой.

Несчастные! Трусость стала стилем их жизни.

Люди-кошки не стали их трогать, а прошли сразу же к тому месту, откуда раньше доносились стоны. Сейчас там было тихо, и я подумал, что багарады умерли.

Но те двое, что были там, не просто умерли.

Они убили себя.

С потолка свисала веревка. На ее обоих концах они сделали по петле и повесились.

Я рванулся вперед, чтобы перерезать веревки и попытаться спасти их, но Зафа остановил меня.

— Они мертвы, — сказал он. — Думаю, это к лучшему.

— Я хочу отомстить за них. Сейчас, — сказал я хриплым голосом и повернулся к выходу.

— Но ведь ты сам рассказал нам о причине всего этого, Майкл Кейн, — напомнил мне Зафа.

Чтобы справиться со своими чувствами, я вышел на улицу.

Зафа вышел за мной следом.

— Пойдем к Хрустальной Яме вслед за хагками, — сказал он. — Там мы все узнаем. Возможно, Первые Хозяева тоже отправятся туда.

Я согласился, и мы покинули деревню, оставляя позади смрад страха.

ГЛАВА 12
Танец Первых Хозяев

Скрываясь в высокой траве, мы подползли к Хрустальной Яме и застали там странную сцену.

К этому времени люди-ищейки подтащили машины к краю блестящей ямы.

Я смотрел, не зная, как поступить. Люди-ищейки перебросили машины через край. Я услышал, как

они заскользили вниз, протестуя яростным скрипом против подобного обращения.

И вот когда последняя машина оказалась внизу, хагки отошли от края, так же точно, как несколько дней назад. Я знал, что машины якшей были достаточно прочными, чтобы не пострадать даже от очень сильных ударов.

И тут я увидел, как вдали появились Первые Хозяева. Они опустились в яму, как ястребы на труп.

На мгновение края ямы скрыли их, и потом мы снова их увидели: Первые Хозяева стали подниматься вверх и выстраиваться над ямой в каком-то поначалу непонятном порядке, пока не образовали круг, продолжая размахивать в воздухе мощными крыльями.

Они принялись исполнять странный танец, тщательно выделывая движения, словно кем-то предписанные для подобного случая.

Танец становился каким-то безудержным, исступленным, но как ни ускорялись движения Первых Хозяев, в них сохранялась все та же непонятная мне логика.

В танце было что-то трогательное, и уже не в первый раз мне стало жаль этих несчастных существ. Они были людьми, но из-за своих ужасных опытов утратили разум и вели теперь совершенно бессмысленную жизнь.

Танец над Хрустальной Ямой продолжался, круг Первых Хозяев превратился в вихрь. Что обозначал этот танец — радость от возвращения машин и почтение к ним или ненависть, — я никогда не узнаю.

Но я знаю другое: их безумная отрешенность передалась мне, и я наблюдал за ними, не в силах сдвинуться с места, словно завороженный.

Наконец один из них нырнул обратно в яму, за ним — второй, третий, пока все остальные тоже не скрылись из виду.

Думаю, они нажали на какую-то кнопку или потянули за какой-то рычаг.

Из Хрустальной Ямы раздался оглушительный взрыв, и на сотни футов вверх взвился столб пламени. Воздух разорвали пронзительные крики. Люди-

ищейки не успели отойти на достаточное расстояние, и их всех уничтожило взрывной волной из ямы.

Через несколько мгновений пламя, поднимавшееся все выше и выше, вдруг погасло.

В воздухе было тихо.

Ничто не двигалось.

Зафа и другие люди-кошки ничего не сказали. Мы просто обменялись изумленными взглядами.

Теперь уже было невозможно установить, была ли среди унесенных с корабля машин та, что мне нужна. Надеюсь, что она — если она вообще существовала — сохранилась где-нибудь в другом месте.

Первые Хозяева умерли, прихватив с собой на тот свет бóльшую часть своих слуг.

Вернувшись, мы рассказали пуррам все, чему стали свидетелями.

В деревне началось ликование, хотя пурры были достаточно умны, чтобы задуматься над смыслом и значением того, что они услышали.

Однако истинное значение произошедшего было трудно осознать.

Первыми Хозяевами руководило какое-то очень древнее побуждение, старая мысль, приведшая их к разрушению — сначала как личностей, потом — как живых существ вообще.

Круг замкнулся. Лучше всего было сейчас все это забыть.

Теперь моей целью было найти Багарад.

Там, как я надеялся, оставались другие украденные машины.

Может быть, я найду то, что искал.

Я поговорил об этом с людьми-кошками, и они сказали, что считают своим долгом помочь мне добраться до Багарада. Теперь, когда Гула Хаджи не было в живых, мне придется путешествовать одному, и с помощью пурров мне было бы гораздо легче добиться цели, но я не хотел, чтобы из-за меня они ввязывались в сражения.

— Мы сами решим, ввязываться в сражения или нет, — улыбнулся Зафа.

Заговорила Фаса.

— Я бы тоже пошла с собой, но сейчас не могу отсюда уехать. Возьми вот это, пусть он принесет тебе счастье.

И она протянула мне тонкий кинжал, который можно было спрятать в моих доспехах. Он напоминал нож, который прячут в своих доспехах мендишары — его можно было использовать в тех же целях — если угрожает опасность.

Я с благодарностью его принял, высоко оценив искусную работу.

— Если можно, я немного отдохну, — сказал я, — и отправлюсь в путь — в Багарад.

Мудрый старик Слурра принес мне карту, о которой уже говорил раньше.

— Это единственная карта, которая у нас есть, — сказал он. — Она не очень точная, но по ней ты определишь направление, в котором нужно двигаться, чтобы попасть в страну дикарей.

Я был очень благодарен ему за карту. Слурра поднял руку.

— Не благодари нас. Это ты заслуживаешь благодарности, и всех слов и подарков недостаточно, чтобы рассчитаться с тобой за все, что ты для нас сделал, — сказал он. — Надеюсь, что когда-нибудь, когда в мире восстановится мир, ты снова приедешь к нам.

— Когда я достигну своей цели, — ответил я, — если, конечно, я при этом останусь живым, — я прежде всего приеду навестить вас.

— Ты достигнешь своей цели, Майкл Кейн, — улыбнулся он. — Если это вообще возможно. И не погибнешь.

На следующее утро я, Зафа и отряд пурров отправились в путь в Багарад, который лежал на юг от страны людей-кошек.

Наше путешествие было долгим, и на пути лежали горы, в которых, к несчастью, мы потеряли одного из наших товарищей.

Но в долине, за горами, мы оказались в стране дружелюбных фермеров, которые с готовностью дали нам дахар в обмен на некоторые товары пурров, как раз для этого взятых ими с собой.

Пурры не привыкли путешествовать верхом, но они были существами сообразительными и обладали хорошим чувством равновесия, и вскоре уже ехали, как бывалые кавалеристы.

Несколько дней путь был сравнительно легким, пока мы не оказались в болотах, над которыми висели низкие темные облака. Очень трудно было пробираться по узким тропинкам, пересекавшим трясину во всех направлениях.

Постоянно моросил дождь, становилось холоднее.

Мне очень хотелось выбраться отсюда и ступить на более приятную, твердую почву.

В пути мы мало разговаривали, чтобы не сбиться с пути.

К вечеру третьего дня нашего путешествия через болото мы вдруг обнаружили, что за нами следят.

Первым это заметил своим острым кошачьим взглядом Зафа, и он поспешил предупредить меня.

— Я не очень хорошо их рассмотрел, — сказал он, — но, кажется, в болоте прячутся какие-то воины. Нужно быть готовыми к атаке.

Вскоре я тоже их заметил, и мне стало неуютно.

Но только к ночи эти воины вдруг появились, словно из-под земли, и стали молча нас окружать. Это были высокие мужчины, отлично сложенные, но с головами, казавшимися непропорционально маленькими на их крупных телах.

У них были тяжелые мечи с широким лезвием, которые они и скрестили с нашими, гораздо более легкими.

Мы были вполне в состоянии защититься, но в темноте сражаться было трудно, ибо наши противники хорошо знали местность, а мы нет.

Я раздавал удары направо и налево, удерживая врагов на расстоянии. Моя дахара взвивалась на дыбы и хрипела — ею было управлять труднее, чем теми, на которых я привык ездить, и мне приходилось постоянно думать еще и о том, как с ней справиться.

Я почувствовал резкую боль в руке, но не обратил на нее внимания.

В темноте я с трудом различал своих сражающихся товарищей. Один за другим они падали на землю. Поэтому, решил я, лучше всего будет попытаться оторваться от наших противников. Я надеялся, что мы не потеряем твердую дорогу и не окажемся в трясине.

Я крикнул Зафе, что нужно бежать, он согласился. Мы пришпорили дахар и, из последних сил их погоняя, понеслись прочь.

Мы скакали, не разбирая пути, молясь, как бы не утонуть в болоте. Скоро люди с маленькими головами отстали, и мы замедлили наш сумасшедший галоп. Мы решили продолжать путь, раз взошли «луны», так как остановиться — значило рисковать быть атакованными.

К утру мы чувствовали себя в безопасности, хотя раза два чуть не заехали в трясину и после долгого и опасного пути валились с дахар от усталости.

Моя рана немного болела, но я ее перевязал и вскоре забыл о ней. Болото заканчивалось, впереди была видна твердая земля.

Вдали также вырисовывались очертания зданий. Кажется, это был какой-то город.

Зафа предложил осторожно подъехать поближе. Если там никого не окажется, можно будет воспользоваться этим местом, чтобы разбить лагерь.

Приблизившись к зданиям, мы увидели, что они все разрушены. На улицах этого брошенного города росла трава. Похоже, город был когда-то давно разрушен огнем.

Но когда мы подъехали совсем близко, то заметили в западной части города группу всадников. Они мчались во весь опор с обнаженным оружием — мечами и боевыми топорами. У них была желтая кожа, но не как у выходцев из Азии, а другого, более яркого оттенка — почти лимонного. Доспехи этих воинов были богато украшены, на плечах висели красочные плащи.

Откуда-то из развалин послышался голос одного человека, и мы решили, что это тот, кого атаковали люди с желтой кожей.

Как поступить? Мы не знали, что здесь происходит, поэтому нам трудно было принять правильное решение. Но мы подъехали поближе, чтобы получше все видеть.

И тут я увидел человека, чей голос мы только что слышали. И не поверил своим глазам.

Человек, на которого люди с желтой кожей нападали столь яростно, был не кто иной, как Гул Хаджи!

Синий великан выглядел очень усталым и измотанным странствиями. Кажется, у него на плече была незажившая рана. В руке он держал тяжелый широкий меч, похожий на те, которые я видел в руках его противников.

Когда желтые воины атаковали Гула Хаджи, я закричал что было мочи и поскакал к ним.

Зафа и его люди кинулись следом, и вскоре мы оказались лицом к лицу с желтыми воинами.

Казалось, они растерялись от нашего неожиданного появления: они рассчитывали легко победить одного человека, а обнаружили, что ему на помощь пришли еще двадцать воинов.

Мы убили и ранили всего несколько человек, остальные развернулись и поскакали прочь. Они поднялись на холм и вскоре скрылись из вида.

Я спрыгнул с дахары и бросился к Гулу Хаджи. Он так же не ожидал увидеть меня, как и я — его.

— Гул Хаджи! — закричал я. — Ты жив! Как ты здесь очутился?!

Он рассмеялся.

— Ты подумаешь, что я вру, если я тебе все расскажу, но у тебя будет возможность все узнать и рассудить, бывает такое на свете или нет. Я, кстати, тоже думал, что ты погиб, Майкл Кейн. У тебя есть какая-нибудь еда? Нужно устроить пир в честь нашей встречи!

Мы выставили стражу, а остальные развели костер и принялись готовить праздничный завтрак.

Пока мы ели, Гул Хаджи рассказал нам свою историю.

Первые Хозяева унесли его, как я и предполагал, в свое логово. Это был лабиринт пещер в горах, где они устроили гнезда, как птицы.

Поначалу ему не причинили никакого вреда, а поместили недалеко от центрального гнезда, где сидел их младенец. По тому, как они его защищали, Гул Хаджи догадался, что это был их единственный младенец, последний из их рода, так как мой друг нигде не видел их женщин.

Гула Хаджи принесли, чтобы накормить этого младенца, но в тот момент, когда они собирались его убить, что-то их встревожило — Гул Хаджи не понял, что именно, — и они почему-то улетели.

Гул Хаджи остался один на один с младенцем, который был по размерам не меньше его самого. Гулу Хаджи пришло в голову, что нельзя упускать такой случай выбраться оттуда.

С помощью меча, который у Первых Хозяев не хватило ума отобрать у моего друга, он подтолкнул «малыша» к краю обрыва, взобрался к нему на спину и, постоянно угрожая ему мечом, заставил повиноваться.

Гул Хаджи хотел вернуться к Хрустальной Яме и поискать меня по дороге, но юный джихаду, как называл его мой друг, проявил характер и, когда первое удивление прошло, стал сопротивляться.

Сначала он летел очень быстро, но потом устал.

Он опускался все ниже и ниже и наконец стал задевать вершины деревьев.

Потом его усталость или раздражение вдруг заставили его резко развернуться в воздухе, и он начал нападать на Гула Хаджи. Разгорелось настоящее сражение, и чтобы защититься, тому пришлось убить звереныша, и они оба упали на землю: мой друг отделался синяками, а юный джихаду погиб.

Гул Хаджи упал в болото, которое мы только что пересекли, но он ухитрился вылезти на твердую тропинку и стал выбираться из болота.

Тут его атаковали воины с маленькими головами. Гул Хаджи называл их перодами.

Их бешеная атака ошеломила его, и он был схвачен. Пероды отвезли Гула Хаджи в город, до которого много шати пути.

Пероды продали его в рабство желтокожим людям, — чинивикам, как они себя называли.

Гул Хаджи отказался быть рабом чинивиков, и его отправили в одну из их многочисленных тюрем.

Его выставили на всеобщее обозрение, словно в зоопарке, как существо с очень странной внешностью, а он тянул время, выжидая, пока его силы окончательно не восстановятся.

Наконец ему удалось вырвать цепи из стены, задушить своего тюремщика, у которого взял меч, и ускользнуть — после одного или двух сражений по пути — от своих врагов.

Случилось так, что единственный путь, которым

он мог бежать, вел на болота. Он несколько раз вступал в бой с пародами, но ему удавалось победить их. В качестве трофеев он захватил несколько мечей, два из которых сломал, снимая с рук цепи.

Тем временем за его голову была назначена награда, и пароды рассказали чинивикам, что он скрывался в этих руинах.

На его поиски был выслан небольшой отряд воинов, но он нескольких убил, а остальные отступили.

Его бы, конечно, убили или схватили, если бы мы не подоспели как раз в тот момент, когда он собирался вступить в сражение со вторым отрядом.

— Ну вот вам вкратце рассказ о моих приключениях, случившихся до сегодняшнего дня, — сказал он. — Извините, если я вам наскучил.

— Что ты, нисколько, — ответил я. — А теперь я расскажу тебе свою историю. Думаю, она тебе понравится.

Я рассказал Гулу Хаджи, что случилось со мной с тех пор, как нас разлучили обстоятельства, и он слушал меня очень внимательно.

Когда я закончил, он сказал:

— Если сравнивать наши приключения, на твою долю их выпало больше. Итак, вы направляетесь в Багарад. Рад буду присоединиться и помочь, чем смогу.

— Лучшее из того, что случилось за последнее время — это то, что ты жив, — от всего сердца сказал я ему.

Ночью я спал очень крепко.

Наутро мы продолжили наше путешествие в Багарад, до которого было еще несколько дней пути.

Местность стала приятнее, ехать — легче. Все мы разговаривали и шутили. Вокруг простиралась равнина, и мы чувствовали себя в безопасности, так как враги не могли бы приблизиться к нам неожиданно.

Но на равнине не было врагов, только стада необыкновенных животных, которые, как уверил нас Зафа, были абсолютно безвредны.

Равнину сменили невысокие горы, также очень приятные: они были покрыты оранжевой травой с растущими то здесь, то там желтыми и красными цветами.

Странно, на Марсе иногда встречались пейзажи, совершенно такие же, как на Земле, а потом вдруг им на смену приходили столь необычные, что их трудно себе даже представить.

Если нас не подведет карта, теперь уже скоро мы окажемся в Багараде и найдем машины, которые мы так долго искали.

ГЛАВА 13
Руины

На следующий день мы спустились с гор и попали на равнину, покрытую торфом и валунами; между ними иногда встречались крохотные оазисы хорошей почвы, на которых торчали кривые деревья.

Где-то здесь неподалеку был Багарад.

Прежде чем мы добрались до города, мы встретили по дороге большой отряд дикарей, похожих на тех, кто отправился с Рокином в ту проклятую экспедицию.

Это были мужчины, женщины и дети с усталыми глазами. Они ждали, пока мы пройдем мимо, совершенно не собираясь нас атаковать.

Я остановил дахару и обратился к ним:

— Вы не знаете, где Багарад?

Один из них что-то пробормотал, но я ничего не понял.

— Я тебя не слышу, — сказал я.

— Не ищи Багарад, — сказал он громче. — Но если ты все же хочешь туда попасть, иди туда, — и он показал.

Я был немного встревожен тем, как он с нами разговаривал, но направил дахару в том направлении, которое он указал нам. Зафа, Гул Хаджи и пурры последовали за мной.

К вечеру мы были в Багараде.

От него мало что осталось.

Только руины, и в них — ни следа человека. Над развалинами того, что раньше было городом, поднимался зловещий дымок.

Те, кого мы видели, были, вероятно, последними из багарадов; только они и уцелели.

Я слез с дахары и стал пробираться через развалины.

Мне попадались куски металла и обрывки проводов. Очевидно, все машины якшей были уничтожены.

Я заметил небольшой кусок металлической трубы и поднял его. Должно быть, это была деталь от одной из машин. В расстройстве я засунул эту трубу за пояс: это была единственная целая, неповрежденная часть машин.

С тяжелым вздохом я вернулся к Гулу Хаджи.

— Что ж, друг мой, — сказал я. — Наш поиск окончен. Нужно каким-то образом вернуться в подземелье якшей. Может, какие-нибудь машины там остались.

Гул Хаджи сжал мое плечо.

— Не волнуйся, Майкл Кейн. Может, и хорошо, что машины уничтожены?

— Да, если только одна из машин не унесла навсегда тот секрет, который помог бы нам искоренить чуму, — напомнил я. — Подумай о безумии и горе Сенд-Амрида. Как ты собираешься с этим справиться?

— Нужно поручить это дело нашим врачам. Надеюсь, они смогут подобрать лекарство.

Я покачал головой.

— Марсианские врачи не привыкли анализировать болезни. От зеленой смерти нет спасения. И не будет еще много лет.

— Наверное, ты прав, — согласился Гул Хаджи. — Теперь наш последний шанс — подземный город якшей.

— Да, к сожалению.

— Но как вернуться на наш континент? — тут же возник следующий вопрос.

— Нужно найти корабль, — и я показал на восток, где вдали виднелось море.

— Это будет непросто, — сказал Гул Хаджи.

— В Багараде должны быть корабли, — сказал я. — У них должна быть бухта. — Я протянул ему карту. — Посмотри, недалеко отсюда течет река. Может, там есть корабли.

— Тогда пошли, — сказал Гул Хаджи. — Мне не терпится снова ступить на родную землю.

Мы отправились к реке и через некоторое время добрались до места, где у причала стояло несколько багарадских кораблей. На них никого не было.

Что заставило тех, кто выжил, вернуться вглубь материка? Почему они бросили корабли? Возможно, в их сознании корабли и страшные машины, уничтожившие город, были связаны? Я не мог найти другого объяснения.

Мы решили взять маленький корабль с одной мачтой, которым могли управлять всего двое.

Зафа обратился ко мне, после того как Гул Хаджи выбрал корабль и мы обсудили его достоинства.

— Майкл Кейн, мы сочтем за честь, если ты возьмешь нас с собой.

Я покачал головой.

— Нет, Зафа, вы и так уже очень помогли нам. Вы нужны своему народу, а путь назад неблизок. Вы пустились в такое долгое путешествие, и все впустую. Хорошо, что мы не потеряли почти никого из вашего славного отряда.

— Я тоже очень этому рад, — ответил Зафа. — Но... но мы хотели бы последовать за тобой, Майкл Кейн. Мы все еще чувствуем себя обязанными тебе.

— Не благодарите меня, — сказал я. — Благодарите обстоятельства. На моем месте любой бы сделал то же самое.

— Ну, не думаю, — не согласился Зафа.

— Осторожно, Зафа, — предостерег его я. — Вспомни своего пророка. Если вас что-то во мне восхищает, поищите это качество в себе, и вы его найдете.

Он улыбнулся.

— Понимаю, — сказал он. — Возможно, ты прав.

Вскоре мы с сожалением расстались, и я надеюсь, что когда-нибудь я смогу вернуться в Пуррию и снова встретиться с людьми-кошками.

Гул Хаджи и я осмотрели нашу лодку и обнаружили на ней запасы провизии, будто перед самым взрывом она была подготовлена для путешествия.

Мы отчалили от берега с некоторым опасением. Вскоре мы плыли вниз по реке, направляясь в открытый океан.

Наконец показалось и море. Земля осталась далеко позади.

К счастью, шторма не было. Гул Хаджи сказал, что это был сезон спокойной погоды на Западном океане, и я поблагодарил за это провидение.

Мы направили наше судно к тому месту на побережье, которое было ближе всего к подземельям якшей.

Успеем ли мы спасти Сенд-Амрид?

Мы не знали.

Прошло несколько дней. Пока все шло благополучно. Мы уже начали думать, что удача окончательно перешла на нашу сторону, когда Гул Хаджи вскрикнул и показал вперед.

Там из океана поднималось чудовище ужасающих размеров.

Вода стекала у него со спины и капала с огромной зеленой головы. Кожа в нескольких местах была ободрана и висела клочьями, как будто существо это только что участвовало в грандиозном подводном сражении.

Это, кажется, было не млекопитающее и не рыба, а рептилия, хотя телом чудовище было похоже на гиппопотама, а головой — на утконоса.

Но удивляли не его очертания, а размер. Зверь был настолько больше лодки, что мог раскрыть пасть и легко ее проглотить, если бы только захотел.

Возможно, обычно существо не поднималось на поверхность, но на этот раз его выгнал наверх победитель сражения.

Как бы то ни было, мы всей душой хотели бы, чтобы оно не поднималось на поверхность. Сейчас оно приближалось к нам, движимое, казалось, любопытством больше, чем каким-либо другим чувством.

Мы ничего не могли сделать: оставалось только надеяться, что диковинный зверь на нас не нападет.

Он склонил голову, его огромные глаза блеснули и... У меня вдруг возникло чувство, что это был не тот зверь, которого надо было бояться.

И в самом деле, на Марсе я встречал гораздо более свирепых зверей, хотя и не таких огромных.

Изучив нас как следует, существо подняло голову и оглянулось вокруг, словно в последний раз.

Оставляя позади пену, оно стало медленно опускаться, чтобы продолжить сражение или просто вернуться домой.

Мы с Гулом Хаджи вздохнули с облегчением.

— Что это было? — спросил я. — Ты знаешь?

— Я об этом звере только слышал. В Мендишарии его называют Морской Матерью — из-за добродушного характера, наверное. Никто не слышал, чтобы Морская Мать когда-либо причинила вред мореплавателям. По крайней мере, она никогда специально на них не нападала, хотя случайно и потопила несколько кораблей.

— Тогда хорошо, что она нас увидела, — улыбнулся я.

Позднее мы заметили стаю крупных животных, не таких больших, как Морская Мать, но столь же устрашающего вида.

— Надеюсь, они не станут подходить к нам близко, — сказал Гул Хаджи с беспокойством в голосе. — Они-то, конечно, не такие добродушные, как Морская Мать.

Я разглядел их змеевидные тела и остренькие головы, как у меч-рыбы.

— Кто это? — спросил я.

— Нниры, — ответил мой друг. — Они стаями рыскают по всем морям и нападают на все, что видят. — Он устало улыбнулся. — Наше счастье, что на таком расстоянии они нас не видят, поскольку очень близоруки.

Мы постарались убраться от ннироv подальше, но им захотелось двигаться именно в нашу сторону, и они подплывали все ближе и ближе к нам.

Гул Хаджи вытащил меч.

— Приготовься, — сказал он тихо. — Думаю, еще несколько мгновений, и они нас увидят.

Так и вышло.

До этого они двигались довольно медленно, но заметив нас, рванулись к кораблю, вытянув свои гибкие шеи, устремив вперед головы, будто острые пики.

Животные налетели на корабль, но он был сделан

из крепкого материала и выдержал первую атаку. Потерпев неудачу, звери в беспорядке закружили рядом.

Потом нниры стали выскакивать из воды и нападать на нас.

Мы били их по острым головам мечами, в ответ звери шипели и пытались нас схватить.

Плечом к плечу мы отбивались от них, но набрасывались все новые и новые твари. Наши мечи пронзали мягкие тела одних, но им на смену тут же приходили другие.

Некоторые уже совсем выскочили из воды и упали на палубу.

Они сворачивались кольцами и подползали к нашим ногам.

Одна из тварей ухватила меня, прежде чем я опустил на ее голову меч.

Другая чуть не откусила мне руку, но я успел отрубить ей голову.

Палуба стала мокрой от крови, и мы боялись поскользнуться.

И вот когда мы уже думали, что достанемся ннирам на обед, я услышал над головой шум моторов.

Нет, не может быть. Мне послышалось.

Я взглянул вверх.

Не может быть! Обман зрения!

Несколько кораблей, построенных по моему собственному проекту. К кабине привязаны флаги Варнала.

Какая причудливая игра случая забросила их сюда?

Мне некогда было об этом думать, нужно было сосредоточиться на том, чтобы защититься от ннирoв.

Но из воздушных кораблей пришла помощь. Сверху хлынул дождь стрел, и многие из скользких тварей уплыли, когда увидели, что их сородичей убивают.

Из одного воздушного корабля спустили веревку. Я ухватился за нее и полез вверх.

Вскоре я уже стоял, глядя прямо в глаза брату моей жены, а значит, и моему брату, Дарнаду из Варнала. Его мальчишеское лицо сияло от восторга и облегчения, когда он тепло сжал мое плечо.

— Майкл Кейн, брат мой! — воскликнул он. — Наконец-то мы тебя нашли!

— Что ты имеешь в виду? Вы меня искали?

— Потом, потом я тебе все объясню. Давай поможем Гулу Хаджи подняться на борт. Тебе повезло.

Когда мы помогли Гулу Хаджи подняться на воздушный корабль, я усмехнулся: мне повезло? До этой минуты я думал иначе.

ГЛАВА 14

Зеленая смерть

Дарнад сел за рычаги пульта управления, которым я научил его пользоваться, а несколько воинов расположились на диванчиках вдоль стен, не скрывая радости оттого, что нашли нас.

— Хотел бы я знать, как вы оказались в этой части Вашу́ и именно в этом месте Западного океана именно в этот момент, — сказал я. — Слишком невероятное совпадение, чтобы можно было в него поверить.

— Так это и не совпадение вовсе, — ответил Дарнад. — Это счастливое стечение обстоятельств.

— Так расскажи о них скорее.

— Помнишь ту девушку из Сенд-Амрида? Ту, которую зовут Ала Мара?

— Конечно. Но ты-то ее откуда знаешь?

— Вы оставили ее в своем воздушном корабле, когда отправились в подземелья якшей, так ведь?

— Да, оставили.

— Ну вот, через некоторое время после вашего ухода девушке стало скучно, и она стала рассматривать пульт управления, нажимать на кнопки, тянуть за рычаги. Конечно, она не хотела ничего испортить, ей просто было интересно. Она случайно подняла «якорь» — освободила веревки, удерживавшие шар у земли, и тот поплыл по воздуху, увлекаемый ветром.

— Так вот, значит, что случилось! И надо заметить, девушке очень повезло.

— Почему?

— А иначе бы ее нашли те, кто схватил нас.

— А кто это?

— Я скажу позднее, когда услышу весь твой рассказ.

— Хорошо. Так вот, воздушный шар несло ветром много дней, прежде чем его увидел один из наших патрульных кораблей, посланных Шизалой, чтобы передать тебе важное сообщение.

— Сообщение?

— Да, и о нем ты в свое время узнаешь. Девушка рассказала о ситуации, сложившейся в Сенд-Амриде, и объяснила, почему вы отправились в подземный город якшей. Сначала патруль вернулся в город с девушкой и новостями, потом я повел отряд воздушных кораблей в город якшей, чтобы узнать, не нужна ли вам помощь, так как мы понимали, что без своего воздушного шара вы оказались в трудном положении. Мы решили, что вы, возможно, направитесь в Мендишарию. Но когда мы туда прибыли, нам сказали, что никаких новостей от вас не было. Тогда мы отправились в город якшей.

— И там обнаружили, что нас нет?

— Точно.

— И что вы сделали тогда?

— Мы обследовали пустыню вокруг и некоторые комнаты самого города и увидели, что многие машины тоже пропали. Мы также нашли трупы многих воинов, которых не узнали. Мы решили, что вы сражались и убили много своих врагов. И судя по тому, что вас нигде не было, мы поняли, что вас схватили. Мы отправились по вашим следам через пустыню и оказались на побережье, откуда, как мы догадались, недавно отплыл корабль.

— И что вы решили, когда увидели, что враги, возможно, взяли нас с собой за океан?

— Выбора не было, нужно было попытаться найти корабль, но нам это так и не удалось. Нам оставалось только прочесать океан и побережье, чтобы найти хоть что-нибудь, что поможет нам отыскать и вас. И вот во время третьего перелета через океан мы и увидели вас и смогли вам помочь.

— И в самое время, — сказал я. — Я очень благодарен всем вам, Дарнад.

— Ерунда. А с тобой-то что случилось? Нашли вы машину, которая лечит чуму?

— Нет. К сожалению, нет.

И я рассказал Дарнаду о том, что случилось с нами. Он жадно слушал.

— Как хорошо, что вы оба живы! — воскликнул он. — Я надеюсь, когда-нибудь мы вместе навестим пурров, людей-кошек.

— А теперь, — улыбнулся я. — Кажется, я был достаточно терпелив. Ну-ка говори, что там за новость хотела сообщить мне Шизала?

— Очень радостная, — сказал Дарнад. — Скоро ты станешь отцом!

Одна эта фраза значила для меня больше, чем все остальное в мире. Я не мог скрыть свой восторг, и все радовались вместе со мной.

Честное слово, ради того, чтобы услышать, что Шизала скоро подарит мне ребенка, стоило пройти через все эти испытания. Теперь мне тем более не терпелось попасть в Варнал и увидеть ее.

Но долг прежде всего. Нужно было сначала поискать машину для лечения чумы в подземельях якшей: наверняка они знали, как справиться с «зеленой смертью».

Мы уже были над пустыней, скоро покажется и подземный город якшей.

Когда мы прилетели на место, Дарнад снизил корабль.

Мы бросили «якорь», то есть привязали воздушные шары, и оставили несколько человек охранять их, а сами отправились в подземелья.

На этот раз нас было больше, и мы могли осмотреть все более тщательно. Средство, которое мы искали, могло быть в таблетках или даже в виде жидкости, но, зная, какого потрясающего уровня достигла наука якшей в своем развитии, я мог также предположить, что это — машина, распространявшая луч, действующий непосредственно на возбудителей болезни.

Поиски продолжались несколько дней, подземный город был очень большим, и на то, чтобы его осмотреть и потом проверить все, что мы нашли, понадобилось много времени. Дикари взяли немного, в основном машины, предназначенные для ведения вой-

ны. Таким образом, военных машин не было, но оставалось еще много всяких других. Я подумал, что разрушение машин, захваченных багарадами, скорее благо, чем потеря, но мне было немного жаль, что я не успел узнать, как они устроены.

Но хотя все тщательно осмотрели, мы не нашли ничего, что могло бы помочь справиться с «зеленой смертью». Наконец мы вынуждены были сдаться и прекратить поиски.

Мы вернулись к кораблям. На этот раз за пульт сел я, чтобы Дарнад хоть немного отдохнул.

Я взял курс на Варнал.

— Что же теперь? — мрачно сказал Дарнад. — Забыть о Сенд-Амриде?

— Если бы ты видел весь тот ужас, который видели там мы с Гулом Хаджи, — ответил я, — ты бы не предлагал такого. Придется попробовать самим найти средство, хотя, наверное, времени на это уйдет очень много — если, конечно, нам не повезет.

На пути в Варнал мы не пролетали над Сенд-Амридом, и я был этому рад. Я не мог себе представить, что мне придется снова взглянуть на это место, даже с такой высоты.

Но когда мы подлетали к Алой равнине, то есть были совсем близко от Варнала, мы увидели внизу многочисленную процессию.

Сначала я решил, что это была армия, выступившая в поход, но для армии толпа была слишком неорганизованной.

Я опустил корабль пониже, чтобы разглядеть людей. Я обнаружил, что это были мужчины, женщины и дети — люди всех возрастов.

Я ничего не понимал. Зачем отправились в путь все эти люди?

Я опустился еще ниже и тут к своему ужасу увидел то, чего втайне боялся все время с тех пор, как узнал о трагедии Сенд-Амрида.

Это были люди с печатью «зеленой смерти».

Наверное, в Сенд-Амриде побывал какой-нибудь путешественник и, заразившись чумой, понес инфекцию дальше.

Он вернулся в свой родной город, и там тоже началась эпидемия.

Но почему же они все вдруг снялись с места?

Я взял мегафон и подошел к двери кабины.

Я закричал вниз толпе, которая к этому времени уже смотрела вверх.

Все люди были с измученными лицами и безумными глазами, одежда на них превратилась в лохмотья.

— Кто вы? — крикнул я через мегафон. — Откуда вы?

Один из них крикнул в ответ:

— Мы — нефункционирующие механизмы. Мы ищем пристанища.

— Что ты имеешь в виду — «нефункционирующие»? Вы, что, из Сенд-Амрида?

— Некоторые из нас — да. А многие — из Опкела, Фиолы и Ишала.

— Кто вам сказал, что вы — «нефункционирующие»? — закричал я. — В Сенд-Амриде?

— С нами — механик. Он тоже нефункционирующий. Он — наш мозг, а мы — руки, двигатель, ноги.

Я понял, что из границ Сенд-Амрида вырвалась не только чума, но и сумасшествие. Стали распространяться ужасные, бредовые идеи, на которых держалась власть правительства этого злосчастного города.

— А если он — нефункционирующий, почему же он ведет вас?

— Мы — великие нефункционирующие механизмы. Наш долг — построить нефункционирующий мир.

Итак, перед нами был пример развития абсурдных идей, их «логическое» продолжение: кто-то убедил этих несчастных, больных чумой людей, что быть больным — хорошо, и плохо — быть здоровым.

Выходит, «зеленая смерть» может распространиться, как лесной пожар, по всему югу, а потом, возможно, и по всему Марсу, если ее не остановить.

— И куда вы сейчас направляетесь? — спросил я.

— В Варнал! — раздался ответ.

Я чуть не выронил мегафон.

«Зеленая смерть» не должна дойти до Варнала!

Теперь у меня была глубоко личная причина сражаться с чумой. Как не потерять хладнокровие?

Я молил провидение, чтобы мне это удалось.

— Не ходите в Варнал! — взмолился я. — Останьтесь здесь! Мы найдем способ вылечить вас! Не бойтесь нас!

— Вылечить нас?! — закричал мужчина и дико рассмеялся. — С какой стати?! Мы несем всем людям счастье «зеленой смерти».

— Но «зеленая смерть» — это ужасно, это боль, это агония, — убеждал его я. — Как вы можете думать, что это благо?

— Потому что это Смерть! — торжественно прозвучало мне в ответ.

— Но не можете же вы и в самом деле искать смерти! Вы не можете хотеть умереть, это против человеческой природы!

— Смерть останавливает функционирование механизма, — пробубнил мужчина. — Остановка функционирования — это хорошо. Зло несет именно функционирование механизма.

Я захлопнул дверцу кабины и прислонился к стене, обливаясь холодным потом и пытаясь прийти в себя.

— Их нужно остановить! — заревел Гул Хаджи, который слышал бо́льшую часть разговора.

— Как?! — простонал я.

— Если на то пошло, их нужно уничтожить, — сказал он.

— Нет! — закричал я.

Но я знал, что сам не понимал, что говорю. Я сам становился жертвой страха.

Я должен победить страх, *это* я понимал, но смогу ли я?

ГЛАВА 15

Угроза Варналу

Изо всех сил мы спешили в Варнал, и наконец вдали показались его изящные башни.

Как только мы приземлились, я кинулся во дворец, где на ступенях меня ждала Шизала, моя пре-

красная Шизала, брадхинака Карналии, чудесный цветок Варнала.

Я бросился обнять ее, не задумываясь, смотрят ли на нас.

Она не могла оторвать от меня своих сияющих глаз.

— О, Майкл Кейн! Наконец-то ты вернулся! Я боялась, что тебя уже нет, о мой брадхинак!

— Я не могу умереть, пока в мире есть ты, — сказал я. — Это было бы глупостью с моей стороны.

Она мне снова улыбнулась.

— Ты уже слышал новость? — спросила она.

Я сделал вид, что нет.

Я хотел услышать счастливое известие из ее собственных уст.

— Тогда пойдем в наши покои, — сказала она мне. — Там я тебе все расскажу.

В наших покоях она просто сказала мне, что у нас будет ребенок. Этого было достаточно, чтобы я почувствовал такой же взрыв восторга, что и тогда, когда услышал эту новость впервые. Я схватил и быстро поднял ее, не в силах сдержать своего счастья, но потом вдруг вспомнил о ее состоянии и сразу же опустил вниз. Она рассмеялась.

— Карнальские женщины не такие уж хрупкие, — сказала она. — Моя мама скакала на дахаре, когда я впервые заявила о своем появлении на свет.

Я улыбнулся.

— Ну уж нет! Я сам позабочусь о том, чтобы с этого дня ты не делала ничего, что могло бы причинить вред тебе или будущему ребенку.

— Что же, обращайся со мной, как с ребенком, и я сбегу и выйду замуж за аргзуна, — заявила она мне.

— Только попробуй, — ответил я ей в тон.

Мой восторг поутих, когда я вспомнил о тех, кто медленно, но верно нес в Варнал «зеленую смерть».

Шизала заметила, что что-то не так, и спросила, в чем дело.

Я все рассказал ей: мрачно, просто, пытаясь не драматизировать ситуацию, хотя она была и так слишком серьезна.

Шизала задумчиво посмотрела на меня, когда я закончил свой рассказ.

— Но что-то же можно сделать? — спросила она. — Нельзя их убивать, это больные люди, они не знают, что угрожают нашей жизни.

— В том-то вся беда, — сказал я. — Как их остановить?

— Один способ есть, — предложила она.

— Какой?

— Поджечь Алую равнину. Ведь это их задержит?

— Ну что ты?! Уничтожить Алую равнину было бы преступлением. И потом, там же расположены деревни и городки, которые могут пострадать.

— Ты прав, — согласилась она.

— И кроме того, они, наверное, уже добрались до Алой равнины. Скоро они достигнут цели.

— Ты имеешь в виду Варнал?

— Они говорили о Варнале.

Шизала вздохнула.

Я сел на стул, прислонясь к столу. Я стал снимать доспехи, которые носил уже так долго. Что-то громыхнуло, когда я растегивал пояс, и я достал то, что было причиной звука.

Это была трубка, целая часть одной из разрушенных машин, которую, как я вспомнил, подобрал на руинах Багарада.

Я поставил ее на стол.

— Через несколько дней, — вздохнула Шизала и сказала, как бы про себя, — «зеленая смерть» будет в Варнале, если ты что-нибудь не придумаешь. Что-нибудь...

— Я искал средство победить чуму, — сказал я. — О, как долго я его искал! Я обследовал два континента. Думаю, что такого средства не существует.

— Но надежда еще есть, — сказала Шизала, чтобы подбодрить меня.

Я крепко обнял ее.

— Спасибо, — сказал я. — Конечно, надежда еще есть, хоть и слабая.

На следующее утро мы собрались в центральном зале для совещания: мой отец, брадхи Карнак, его

сын, мой брат брадхинак Дарнад, моя жена брадхинака Шизала и мой друг брадхи Гул Хаджи. Я, брадхинак Майкл Кейн, завершал список этого благородного собрания.

Но обсуждая проблему Сенд-Амрида, мы так и не смогли прийти к конструктивному решению.

Я не отступал от своих принципов, хотя это было трудно, особенно теперь, когда была угроза жизни моей жены и неродившегося ребенка.

— Не можем мы их убить, — повторял я. — Ведь они не виноваты. Если мы их убьем, мы убьем что-то в себе.

— Понимаю, Майкл Кейн, — сказал Карнак, кивая головой в знак согласия. — Но что мы можем еще сделать? Нужно защищать Варнал.

— Думаю, что нам все же придется согласиться с этим решением, Майкл Кейн, — сказал Гул Хаджи серьезно. — Я не вижу другого выхода.

— Другой выход должен быть!

— Его пытались найти пять человек, — подчеркнул Дарнад, — и притом, пять не самых глупых людей, и пока что ни один не может ничего предложить. Значит, нужно попытаться их схватить, ну... или что-нибудь в этом духе.

— Но тогда придется вступить с ними в физический контакт, и мы рискуем сами заразиться, — сказал Гул Хаджи. — Так цели не достигнешь.

— Может, попытаться накинуть на них гигантскую сеть, — предложила Шизала. — Правда, эта идея, наверное, не выполнима...

— Да, боюсь, что так, — Карнак нахмурился. — Но все-таки это уже что-то...

Все посмотрели на меня. Я пожал плечами.

— Мне нечего предложить, — сказал я.

Дарнад вздохнул.

— Сам знаешь, Майкл Кейн, мы можем сделать только одно, ты сам знаешь что.

— Что же? Только не убивать! Я решительно против!

— Нужно снова полететь к ним и попытаться убедить их вернуться домой, — сказал Дарнад.

Я согласился. Кажется, это была единственная приемлемая идея, которая пришла кому-то из нас в голову.

Вскоре мы уже вылетели навстречу страшной процессии — Гул Хаджи, Дарнад и я.

Мы очень скоро увидели их — толпу, тащившуюся через Алую равнину. Кажется, она разрослась, и к жителям Сенд-Амрида и других дальних городов присоединились жители деревушек, лежавших на их пути в Варнал.

Когда мы начали снижение, они перестали двигаться и подняли к нам свои лица, имевшие мертвенный зеленоватый оттенок.

Я снова взял мегафон.

— Люди, несущие смерть, — закричал я. — Почему бы вам не остаться там, где вы сейчас находитесь? Вы не подумали, что вы неправы?

— А-а, это ты с нами вчера разговаривал, — услышал я голос. — Поговори с механиком. Это он ведет нас к полному прекращению функционирования.

Толпа отступила, и я увидел человека с зеленым изможденным лицом и огромными безумными глазами. Он чем-то напоминал врача, с которым мы разговаривали в Сенд-Амриде.

— Итак, это ты ведешь их? — спросил я.

— Я — мозг, они — руки, двигатель и все другие части действующего организма.

— Почему ты решил вести их за собой?

— Потому что это мое дело.

— Почему ты ведешь их в другие города и поселки, ведь ты же знаешь, что куда бы вы ни пришли, вы несете с собой смерть — чуму?

— Поэтому мы и идем вперед — мы несем другим благо — смерть, избавление от жизни, окончательное прекращение функционирования.

— Ты нисколько не задумываешься о тех, кто еще здоров, кто не заражен чумой.

— Мы несем им мир, — ответил он.

— Пожалуйста, не ходите в Варнал, — сказал я с мольбой в голосе. — Им не нужен ваш мир, им нужен их собственный.

— Наш мир — единственный и неповторимый, мир для всех — полное прекращение функционирования.

Невозможно было пробить брешь в этой безупречно безумной логике. Чтобы говорить с этим челове-

ком на его языке, нужен более тонкий психолог, чем я.

— Ты понимаешь, что в Варнале есть люди, готовые убить вас из-за угрозы, которую вы собой представляете? — спросил я.

— Убейте нас, разрушьте, и мы перестанем функционировать. Это хорошо.

Ничего нельзя было сделать. Этот человек был безумен.

С тяжелым сердцем мы вернулись в Варнал.

В Городе Зеленых Туманов — скоро он будет называться Городом Зеленой Смерти, если не остановить безумную толпу, — мы сели у зеленого озера, чтобы еще раз обсудить нашу проблему.

Дарнад сидел нахмурившись, словно он пытался вспомнить что-то очень важное.

Вдруг он поднял голову.

— Я слышал о человеке, который мог бы создать средство от чумы, — сказал он. — Хотя, наверное, тот человек существует только в легенде. Думаю, его просто придумали.

— А что это за человек? — спросил я.

— Его зовут Мас Рава. Некогда он был придворным врачом Мишим Тепа, но он увлекся философией и ушел далеко на юг в горы. Мас Рава изучил все тексты шивов, которые смог найти. Но что-то настроило его на задумчивый лад, и никто больше его не видел.

— А когда он был при дворе Мишим Тепа?

— Более ста лет назад.

— Значит, он уже умер!

— Не знаю, — пожал плечами Дарнад. — Обычно я слушал невнимательно. Помню, говорили, что он нашел средство сделаться бессмертным.

— Что же, тогда есть слабая надежда, что он еще жив, — сказал я.

— Да, очень слабая.

— А надежда на то, что мы найдем его, да еще за то время, что нам отпущено до прихода в Варнал безумной толпы, — еще призрачней, — вставил Карнак.

— Нам не найти его вовремя, как бы мы ни старались, — добавил Гул Хаджи.

Шизала ничего не сказала. Она продолжала сидеть с опущенной головой и смотреть на зеленую воду озера.

Вдруг мы услышали крик, и к нам подбежал пьюкан-нара — так в Варнале называли командира воинского отряда.

— Что случилось? — спросил я его.

— Вернулся один из кораблей-разведчиков, — сказал он.

— Ну? — не выдержал Дарнад.

— Толпа движется с невиданной скоростью. Через день они будут в Варнале.

Дарнад взглянул на меня.

— Уже? — спросил он. — Никогда бы не подумал. Кажется, разговоры с ними сослужили нам дурную службу.

— Они бегут, — сказал пьюкан-нара. — Как сообщили разведчики, многие падают от истощения, некоторые умирают, но остальные *бегут*. Почему-то они стремятся в Варнал. Нужно их остановить.

— Мы уже обсудили ситуацию со всех сторон, — сказал я.

— Нужно с ними сразиться.

Я не отступал.

— Нельзя, — сказал я устало, хотя соблазн согласиться был велик.

— Что же делать? — спросил пьюкан-нара в отчаянии.

И тут я решился высказать предположение, которое все это время находилось в подсознании.

— Я знаю, что будет означать для вас то, что я сейчас предложу, — сказал я. — Поверьте, для меня это значит не меньше, а может даже больше.

— Что ты имеешь в виду, Майкл Кейн? — спросила Шизала.

— Нужно эвакуировать население Варнала. Пусть сюда придет «зеленая смерть», а сами мы укроемся в горах.

— Никогда! — закричал Дарнад.

Но Карнак положил руку на плечо сына.

— Майкл Кейн дал нам нечто большее, чем

жизнь или даже родина, нечто более важное, — задумчиво сказал он. — Благодаря ему мы поняли, что такое ответственность. Ответственность перед самими собой и перед всеми людьми на Вашу́. Его логика безупречна, доводы — разумны. Нужно сделать так, как он говорит.

— Нет!

Дарнад повернулся ко мне.

— Майкл Кейн! — воскликнул он. — Ты мой брат, и я люблю тебя как брата, как великого воина, как отличного друга. Не может быть, чтобы ты говорил серьезно. Позволить, чтобы Варнал захватила эта толпа больных! Ты сошел с ума!

— Наоборот, — сказал я тихо. — Как раз с безумием я стараюсь справиться. Я отчаянно пытаюсь сохранить здравый рассудок. Пусть отец тебе это объяснит, он меня понял.

— Дарнад, сейчас отчаянное время, безумное, сложное, — заговорила Шизала. — Когда нужно действовать и время не терпит, всегда трудно принять правильное решение. Жители Сенд-Амрида безумны. Использовать против них силу — значит поощрять безумие в нас самих. Наверное, Майкл Кейн имеет в виду как раз это.

— Да, ты права, Шизала, — кивнул я. — Если мы сейчас поддадимся страху, что станет с Карналией?

— Страх?! Разве сражаться — значит проявить трусость?

— Есть разные виды трусости, сынок, — сказал Карнак, поднимаясь. — Думаю, что бежать из Варнала, даже несмотря на то, что у нас хватило бы сил легко отбросить толпу, надвигающуся на нас, — не значит струсить. Это значит осознать свою ответственность.

Дарнад покачал головой.

— Не понимаю. Разве не нужно защищаться от нападения? Что в этом такого?

— Нападение нападению рознь, — ответил я. — Помнишь, когда я впервые оказался на Вашу́, Варналу угрожали синие великаны, аргзуны? Они были нормальные, со здравым рассудком люди, и поэтому легко было решиться сразиться с ними и попытаться

их разбить. Это было единственное, что мы могли сделать. Но если применим насилие сейчас, против этих безумных, мы все испортим. Наша цель — по крайней мере, моя — не сражаться с горсткой больных людей, а уничтожить причину их болезни, точнее, их болезней — чумы и сумасшествия, болезней тела и души, поразивших жителей Сенд-Амрида.

Дарнад взглянул на Гула Хаджи, но тот отвел взгляд. Он посмотрел на отца и сестру, но они ничего ему не сказали.

Тогда Дарнад взглянул на меня.

— Я пока не понимаю тебя, Майкл Кейн, но я попытаюсь понять, — сказал он наконец. — Я тебе верю. Если нам нужно уйти из Варнала, мы уйдем.

И Дарнад не мог больше сдерживать слез.

ГЛАВА 16
Исход

Думаю, Эдвард, теперь ты понимаешь, почему население вдруг покинуло прекрасный, цветущий, полный жизни город.

Воины и ремесленники, женщины и дети уходили из Варнала, сохраняя полный порядок. Они уносили с собой только необходимые вещи. Над их головами висели наши воздушные корабли — доставшиеся нам от шивов и сделанные по моей собственной конструкции. Одни, как Дарнад, уходили в слезах, других не покидало изумление, третьи шли, погруженные в свои думы. Но все варнальцы в глубине души были убеждены в том, что этот выход был единственно верным.

Они оставляли свой прекрасный город на милость горстки больных, безумных существ, чтобы те сделали из него все, что им заблагорассудится, или взяли там все, что им понравится.

Ничего другого не оставалось.

Обычно я не очень много времени трачу на размышления, но я стараюсь придерживаться определенных принципов, какой бы отчаянной ни казалась ситуация или неминуемой — угроза. Дело не в моем упрямстве, я думаю, ты это понимаешь. Просто я

боюсь страха, то есть действий, которые я могу совершить из страха, мыслей, которые преследуют того, кто находится во власти страха.

Я ехал на дахаре бок о бок с Шизалой, которая была справа, и Гулом Хаджи, который был слева. Рядом с Гулом Хаджи ехал Карнак, брадхи Карналии, а с Шизалой — Дарнад, ее брат, с суровым лицом, с изумлением и болью в глазах.

Позади нас ехали на дахарах или шли пешком жители Варнала, и Город Зеленых Туманов становился все дальше и дальше.

Впереди неясно вырисовывались горы, которые должны были приютить нас на неопредленный срок — пока не появится надежда для пораженных «зеленой смертью», то есть пока не найдется лекарство от чумы.

Решался вопрос не просто о физическом существовании Марса. Решалась его судьба, судьба его духа, его души. Мы уходили из Варнала, чтобы Марс мог оставаться тем Марсом, который я любил, а сам Варнал — тем местом, где была моя духовная родина.

Мы сражались со страхом и истерией, а также с ужасом, сумасшествием, насилием, которые ими порождались.

Исход из Варнала должен был служить примером, но не другим, а нам самим.

Все это звучит, наверное, высокопарно, но я прошу задуматься над тем, что мы сделали, и попытаться нас понять.

Наше путешествие в горы было долгим, так как скорость определяли самые слабые наши горожане.

Наконец мы оказались в холодных горах. Нашли долину, окруженную густым лесом, и стали строить там грубые жилища.

Когда хижины были построены, мы отправились на разведку, надеясь в горах найти того легендарного врача, который, возможно, был единственным человеком на Марсе, кто мог бы спасти наш мир от «зеленой смерти».

Нашел этого врача — Маса Раву — Дарнад.

Однажды Дарнад вернулся в лагерь в особом настроении. Он привык бродить в одиночку, и мы не мешали ему, уважая его потребность время от времени побыть одному.

— Майкл Кейн, — сказал он, входя в наш с Шизалой домик, — я видел Маса Раву.

— Он может нам помочь? — прежде всего спросил я.

— Не знаю. Я с ним не разговаривал, только спросил, как его имя.

— И это все, что он тебе сказал?

— Да. Я спросил, кто он, и он ответил — Мас Рава.

— Где он?

— В пещере, которая находится очень далеко, до нее много шати пути. Хочешь, я провожу тебя туда?

— Конечно, — сразу же ответил я. — Думаешь, он стал отшельником? Его не потревожит наше посещение?

— Не знаю. Утром мы отправимся в путь.

Утром мы вылетели на корабле Дарнада на поиски Маса Равы. Раньше я искал машину, надеясь, что она спасет нас, теперь с тем же чувством я искал человека. Окажется ли человек более полезным, чем машина? Я не знал этого. Следовало ли мне так сильно рассчитывать на машину? Могу ли я рассчитывать на человека? Я не знал этого.

Но я все же отправился в путь. Дарнад вел свой корабль через вершины и ущелья, пока мы не добрались до места, где увидели тропинку, поднимавшуюся по горе в пещеру.

Я спустил лестницу к опушке у входа и вскоре уже стоял у темной пещеры.

Я вошел.

В пещере сидел человек, прислонившись спиной к стене: одна нога у него была вытянута, другая — согнута. В его взгляде я прочитал иронию и интерес. Он был выбрит и выглядел довольно молодо. В пещере было очень чисто, все было разложено аккуратно, в полном порядке.

Не так я представлял себе отшельника и его жилище. Передо мной был человек вполне цивилизованного вида.

— Мас Рава? — спросил я.

— Он самый. Садись. У меня вчера уже был посетитель, но, боюсь, я с ним обошелся довольно грубо. Он был моим первым гостем. Но второго я приму лучше. Как тебя зовут?

— Майкл Кейн, — сказал я. — Это очень долгая и сложная история, но я с Негалу, — назвал я Землю именем, под которым ее знают на Марсе, — и из далекого будущего.

— Как раз подходящий человек, чтобы стать моим первым настоящим гостем, — сказал Мас Рава.

Я сел рядом с ним.

— Тебе нужна от меня какая-нибудь информация? — спросил он.

— Отчасти, — ответил я. — Но сначала, пожалуй, тебе лучше услышать всю историю.

— Давай-давай, все рассказывай, — кивнул Мас Рава. — Мне не так-то легко наскучить. Начинай.

И я рассказал ему все, что рассказал сейчас тебе, Эдвард, все, что со мной приключилось, все, что я передумал за это время, все, что услышал и сказал сам. На это ушло несколько часов, но Мас Рава слушал очень внимательно, не перебивая.

Когда я закончил, он кивнул.

— Ты и народ, принявший тебя, попали в хорошенький переплет, — сказал он. — Как врач, я уже почти ни на что не гожусь, но в одном вы были правы: лекарство от чумы было, я читал о нем. Это не машина, в этом вы ошиблись, а контейнер с бактериями, способными побеждать возбудителей чумы в считанные секунды.

— Ты не знаешь, где можно найти такой контейнер?

— На Вашу́ есть несколько мест, подобных тому, которое вы обнаружили — там хранятся машины и другие изобретения якшей. Контейнер может быть в любом из этих мест. Хотя вполне могло случиться и так: контейнер, как не представляющий особой ценности для якшей и шивов, хранился не слишком бережно и просто погиб от коррозии.

— Думаешь, у нас мало надежды найти противоядие? — спросил я в отчаянии.

— Да, — сказал он. — Но вы можете попытаться.

— А ты сам, *ты* не мог бы приготовить это лекарство?

— Наверное, со временем смог бы, — сказал он. — Но я не стану даже пробовать.

— Почему?

— Да потому, друг мой, что я убежденный фаталист. — Он рассмеялся. — Я уверен, что «зеленая смерть» пройдет, оставив на Вашу́ свой след, который, как мне кажется, будет важен для всего общества, особенно для такого общества, как на Вашу́ — не знавшего опасностей и бед. Чума с ее последствиями спасет Вашу́ от застоя.

— Мне трудно понять твое настроение, — сказал я.

— Хорошо, я буду откровенен с тобой и сформулирую свое отношение по-другому. Я человек праздный, я бы даже сказал, ленивый. Я люблю сидеть в пещере и размышлять. Так уж случилось, что мысли мои далеки от ваших проблем. Кроме того, мне не нужно ничье общество. Есть вещи, которых я боюсь, но самое главное — я боюсь людей, так как боюсь из-за них потерять себя, а я очень дорожу своей индивидуальностью. Я все обдумал и стал фаталистом. Меня не волнует судьба обитателей этой планеты — или какой-либо другой. Меня интересуют *планеты* — все вместе, а не какая-то одна.

— Мне кажется, Мас Рава, — сказал я тихо, — что по-своему ты потерял чувство пропорции и перспективы, как и правители Сенд-Амрида.

Он задумался над моими словами, а потом взглянул на меня с улыбкой.

— Ты прав, — сказал он.

— Значит, ты нам поможешь?

— Нет, Майкл Кейн, не помогу. Ты преподал мне урок, и я должен его обдумать. Но я не стану тебе помогать. Понимаешь, — он снова улыбнулся, — я только что понял — без горечи или отчаяния, — что человек я довольно глупый. Может, и ко мне придет «зеленая смерть»?

— Возможно, — сказал я разочарованно. — Мне очень жаль, что ты не хочешь нам помочь, Мас Рава.

— Мне тоже жаль. Но ты подумай, Майкл Кейн, если, конечно, слова такого глупого человека, как я, могут для тебя что-то значить...

— Подумать о чем?

— Иногда достаточно одного желания, — сказал Мас Рава. — Продолжай надеяться, что от «зеленой смерти» можно избавиться, и продолжай действо-

вать, даже если сам не будешь понимать своих действий.

Я вышел из пещеры.

Дарнад терпеливо ждал меня в воздушном корабле.

Я поднялся по лестнице в кабину, испытывая не разочарование, а скорее недоумение.

— Ну что, он поможет? — сразу же спросил Дарнад.

— Нет.

— Как нет? Почему? Он должен!

— Он не будет нам помогать. Он лишь сказал, что средство от чумы существовало, возможно, существует до сих пор, но это не машина.

— Тогда что?

— Контейнер с бактериями, — сказал я задумчиво. — Заводи мотор, возвращаемся в лагерь.

Я решил на следующий день слетать в Варнал и посмотреть, что там происходило.

Отправляясь в путь, я никому не сказал, куда собираюсь полететь.

Казалось, Варнал не изменился. Точнее, он стал еще лучше, и когда я приземлился в центре города, я не почувствовал запаха смерти, как я того ожидал. В воздухе не было и страха.

Я остался в кабине — в целях безопасности — и стал всматриваться в улицы и дома.

Через некоторое время я услышал шаги, и из-за угла показалась женщина с ребенком на руках. Женщина выглядела великолепно, да и у ребенка был вполне здоровый вид.

— Кто ты? — спросил я изумленно.

— Уместнее будет спросить, кто *ты*, — ответила она храбро. — И что ты делаешь в Варнале?

— Обычно я здесь живу.

— И я тоже здесь живу, — ответила она решительно. — Ты один из тех, кто ушел?

— Если ты имеешь в виду, что я один из тех нескольких тысяч людей, которые покинули Варнал, когда к нему стала приближаться толпа больных, несущих «зеленую смерть», — сказал я, — то ты права.

— Теперь все позади, — сказала она.

— Что позади?

— «Зеленая смерть». У меня самой какое-то время она была.

— Ты хочешь сказать, что поправилась? Как? Почему?

— Не знаю. Все из-за того, наверное, что мы пришли в Варнал. За тем, кажется, мы и шли сюда, хотя самого путешествия я не помню.

— Вы пришли в Варнал, и это вылечило вас от чумы?! Что же это было — вода? Воздух? Что-то другое? Клянусь шивами, не может быть, чтобы весь мой долгий поиск был ни к чему! Не может быть, чтобы спасение все это время было здесь, в Варнале!

— Ты говоришь, как безумец, — сказала женщина. — Я не знаю, о чем ты. Я знаю лишь, что я поправилась, и все остальные тоже. Многие вернулись домой, а я осталась.

— А ты откуда? — спросил я.

— Из Сенд-Амрида. Я по нему очень скучаю.

Я начал смеяться и никак не мог остановиться.

— Здесь! Все это время спасение было здесь!

ГЛАВА 17
В Сенд-Амрид

Судьба распорядилась так, что мы снова могли вернуться в Варнал.

Это было такое счастье, что путь назад прошел гораздо быстрее, чем путь из города в горы.

Конечно, мы радовались не только этому возвращению. Нашлось средство от чумы. Или по крайней мере мы получили доказательства, что ее можно вылечить.

Снова обосновавшись в Варнале, мы начали, к удивлению всех тех, кто поселился здесь, пока нас не было, обследовать город, чтобы выяснить, не причинен ли ему ущерб. Никаких серьезных повреждений не было, лишь все остававшиеся в городе механизмы и приборы были сброшены в озеро.

Наверное, безумцы, охваченные своими бредовыми идеями, хотели уничтожить все «функционирующее».

И тут я вдруг подумал, что в озеро сбросили, может быть, что-то такое, что превратило воду в

лекарство против чумы. Я пытался понять, что же это могло быть.

Я ломал себе голову, но не находил ответа. Только сейчас, оглядываясь назад, я думаю, не содержала ли нужных нам бактерий та трубка, которую я привез из Багарада. Я нигде ее потом не мог найти.

Мне, наверное, не суждено узнать ответ на этот вопрос.

Но это не важно. Гораздо важнее другое: вода из Озера Зеленых Туманов теперь стала лекарством против чумы, и нам нужно только отвезти несколько бочек в Сенд-Амрид, жители которого все еще сражались с «зеленой смертью».

Это стало нашей главной задачей.

Мы придумали канистры под зеленую воду и нашли способ закрепить их на наших воздушных кораблях.

Вооруженные таким образом, мы отправились в безумный Сенд-Амрид — главный источник чумы.

С нами летела Ала Мара, которую я в последнее время видел редко. Она скучала по дому и умоляла нас взять ее с собой.

С началом путешествия мы воодушевлялись все больше и больше. Эскадрилья воздушных кораблей держала путь из Варнала, на башнях которого снова весело трепетали наши яркие знамена, в Сенд-Амрид; мы возвращались к ужасам чумы.

В головном воздушном шаре были я сам, Гул Хаджи и Ала Мара, в следующем — Дарнад и его люди, а позади летели корабли, управляемые нашими храбрейшими пьюкан-нарами.

По дороге, пролетая над городами и поселками, мы останавливались там, где свирепствовала «зеленая смерть». Мы радовались, когда видели, что можем помочь жившим там людям.

И мы помогали, мы дали лекарство от чумы всем, кто в нем нуждался, и поэтому не скоро добрались до Сенд-Амрида. Но вот, наконец, и он — источник чумы, который с помощью зеленой воды станет последним местом, где она царит над телами и душами людей.

Мы осторожно приблизились к городу и остановили моторы, когда были над крышами домов.

Ветром нас поднесло к центральной площади, и мы оказались над приземистым уродливым зданием, где жили Одиннадцать.

На крыше появился стражник. На этот раз он двигался как-то неестественно прямо и отрывисто, еще больше напоминая машину, чем когда я здесь был последний раз.

Он поднял к нам неподвижное лицо.

— Вы кто? Что надо?

— Мы принесли спасение от «зеленой смерти», — сказал я.

— Нет спасения.

— У нас есть.

— Нет спасения.

— Скажи Одиннадцати, что мы принесли спасение, лекарство от чумы. Скажи, чтобы Одиннадцать пришли и посмотрели сами.

— Я скажу.

Стражник ушел. Трудно было поверить, что под этой оболочкой робота все еще жило что-то человеческое, но я на это очень надеялся.

Вскоре все Одиннадцать вышли на крышу. Я был поражен — теперь их было двенадцать.

Вглядевшись попристальней в их безликие маски, я увидел, что один из них был Барени Даса, человек, с которым я познакомился в тюрьме во время моего первого приезда сюда.

— Барени Даса! — закричал я. — Что ты здесь делаешь, что у тебя общего с этими людьми?

Он не ответил.

— Ты! — сказал я с вызовом. — Барени Даса! Отвечай!

На лице ничего не изменилось. Все та же маска.

— Я — Номер Первый, — отвечал равнодушный голос.

— Но ты... тебя же признали безумным!

— Мозг чинят.

Я поежился при мысли о том, что могло стоять за этой фразой — «мозг чинят», — может, жестокая операция?

— Что нужно Сенд-Амриде? — спросил один из них.

— Мы принесли спасение от «зеленой смерти».

— Нет спасения.

— Да нет же, спасение есть, оно у нас, мы его уже испытали.

— Логика доказывает, спасения нет.

— Но я могу доказать, что у нас есть лекарство, — сказал я в отчаянии.

— Лекарства нет.

Я скатился по лестнице вниз. Я собирался поговорить с одним из этих созданных страхом существ, надеясь затронуть то немногое, что осталось в нем от человека.

— Спусти канистру с зеленой водой, — сказал я Гулу Хаджи. — Может, хоть это их убедит.

— Осторожно, Майкл Кейн, — предупредил меня мой друг.

— Хорошо, — отозвался я. — Но я не думаю, что они применят физическое насилие.

Вскоре я уже стоял на плоской крыше и обращался к Одиннадцати.

— Почему вы все еще называете себя Одиннадцать, — спросил я. — Вас же сейчас двенадцать.

— Мы — Одиннадцать, — сказали они, и я не мог их разубедить. Очевидно, они еще дальше удалились от реальности в свой собственный нереальный мир, чем когда я впервые разговаривал с ними.

Я смотрел, переводя взгляд с одного лица на другое, пытаясь найти там хотя бы отдаленные признаки настоящей жизни, но тщетно.

Вдруг один из них показал вверх.

— Что это?

— Ты уже такой видел. Это воздушный корабль.

— Нет.

— Да видел же, я на нем прилетал в Сенд-Амрид в прошлый раз.

— Что это?

— Воздушный корабль — он летит по воздуху. Я показывал вам, как работает мотор.

— Нет.

— Показывал! — сказал я, совершенно выведенный из себя.

— Нет. Воздушный корабль — невозможный.

— Конечно, он возможен, он существует. Вот же он — перед вами.

— Воздушный корабль не работает. Идея воздушного корабля — нефункционирующая.

— Идиоты! Вы же видите, что перед вами — работающий двигатель воздушного корабля. Во что вы превратили ваши мозги?

Один из Одиннадцати приложил к губам свисток и раздался пронзительный звук.

На крышу выскочили, размахивая мечом и щитом, прислуживавшие им люди-автоматы.

— В чем вообще дело? — спросил я. — Должны же вы понять, что мы здесь, чтобы помочь вам.

— Ты сделаешь машину Сенд-Амрида нефункционирующей. Ты разрушишь принцип, ты разрушишь мотор, ты разрушишь машину.

— Какой еще принцип?

— Первая идея.

— Идея, которая довела вас до такого состояния! А какой мотор?

— Одиннадцать.

— Вы же не мотор, вы просто люди, индивидуальности! А какая машина?

— Сенд-Амрид.

— Сенд-Амрид! Это же не машина, это город, созданный и населенный людьми.

— Это утверждение не соответствует действительности. Тебя надо сделать нефункционирующим.

Я неохотно вытащил меч. Но это было все, что я смог сделать. Сверху я услышал крик Гула Хаджи, потом раздался какой-то стук: это он спрыгнул с корабля и стоял теперь рядом со мной.

Одиннадцать приказали страже схватить нас.

Перед нами была стена автоматов: они двигались как один и как один подняли мечи.

Мы стояли так близко к краю крыши. Казалось, если стена стражников приблизится к нам хотя бы на дюйм, Гул Хаджи и я упадем вниз.

К нам присоединились Дарнад и другие воины, спрыгнувшие из воздушных кораблей на помощь с древним воинственным криком карналов. И вот мы стояли, выстроившись в линию — горстка людей против ужасных мертвецов — или автоматов, — которые приближались к нам размеренным шагом, словно представляли собой единое существо.

Началось сражение.

В южном Марсе слагаются легенды о храбрости карналов, но в этой битве мы превзошли себя — никогда еще не сражались мы так храбро, но нашего противника, одного-единственного, тот автомат, в который превратились стражники, казалось, невозможно было вывести из строя.

На смену одному стражнику, который «переставал функционировать», приходил другой. Выбитый меч заменялся новым. За нашими спинами был воздух, отступать было некуда.

Каким-то образом — думаю, исключительно благодаря силе воли — нам удалось даже потеснить врагов.

Мы пытались отбросить их назад: мечи сверкали на солнце, в тишине изредка раздавались наши боевые крики — так мы поддерживали друг друга.

Многие автоматы вышли из строя.

Ни один из наших не был сколько-нибудь серьезно ранен. Нам удалось выжить, несмотря на бессердечную атаку превратившихся в машины людей.

Но мало-помалу они нас окружили и стали сжимать в кольцо. Они наступали со всех сторон. Мы не могли уже поднять меч.

Нас схватили — а не убили, как я ожидал, — и вырвали из рук мечи.

Что Одиннадцать собирались с нами сделать?

Я поднял глаза на самолеты. Что будет с нами? А с водой, которая могла бы в один миг вылечить Сенд-Амрид от чумы? Когда нас несли вниз, я подумал о том, что в Сенд-Амриде теперь, наверное, уже никогда не будет цивилизация и здравомыслия.

ГЛАВА 18

Надежда на будущее

Мы опять оказались в тюрьме Сенд-Амрида, как и во время первого посещения, и точно в такой же камере.

На этот раз нас туда набилось немало, поэтому было темновато. Не знаю, почему нас сразу же не прикончили, но я по этому поводу, конечно же, ни-

чуть не переживал: нужно было думать, как выбраться.

Я обследовал нашу камеру. Она была предназначена для содержания заключенных, и все в ней было тщательно продумано с учетом именно такой цели — весьма необычной для Марса, где сама идея о тюрьме и заключенных кажется совершенно дикой и чуждой.

И вдруг я вспомнил о тонком кинжале, подаренном мне Фасой.

Я вытащил его из доспехов и взглянул на него, прикидывая, как в нашем положении его можно использовать.

Не так уж много путей ведут из тюрьмы — особенно если ее устройство хорошо продумано и другого выхода, кроме единственной двери, вообще нет. Я взвесил все варианты и особенно тщательно осмотрел дверь.

Слабым ее местом были петли. Я стал трудиться над дверной коробкой около петель, надеясь втянуть дверь вовнутрь.

Я был так поглощен этой работой, что не заметил, как пролетело несколько шати, прежде чем я смог освободить дверь от петель. Гул Хаджи, Дарнад и я сам навалились на дверь снизу так, что со страшным скрипом она вывалилась из дверной коробки, и засов с наружной стороны с грохотом упал на пол.

Но нас, кажется, никто не слышал.

Мы молча стали продвигаться к ступеням, которые вели вверх, на первый этаж дворца.

Едва мы добрались до коридора, надеясь оттуда попасть на крышу, а с нее — на борт наших воздушных кораблей, если они, конечно, еще там, как я услышал слева какой-то шум.

Я резко обернулся, одновременно приседая и доставая кинжал — чтобы быть готовым к схватке.

В дверях, ведущих в коридор, стояло существо с напряженным телом и ничего не выражающим лицом-маской.

— Номер Один! — воскликнул я. — Барени Даса!

— Я как раз шел в тюрьму, — раздался ровный голос. — Теперь не нужно. Вы идите.

— Куда?

— К главному источнику воды в Сенд-Амриде, — последовал ответ. — Там ваши канистры.

Недоумевая, мы пошли за ним: мы не могли ему верить и все еще ожидали какой-нибудь ловушки.

Он провел нас по коридорам, которые, кажется, вели прочь от Центральной площади, возможно, под землю, и наконец мы оказались в доме с высокой крышей, погруженном во тьму. У наших ног сверкала вода, заполнявшая огромный резервуар. На сходнях, ведущих вниз, к воде, лежали наши канистры, в которых мы привезли лекарство от чумы — зеленую воду из Озера Зеленых Туманов.

Барени Даса принес их сюда сам!

— Почему ты идешь против Одиннадцати? — спросил я, убедившись, что канистры целы.

— Это необходимо.

— Когда мы познакомились, ты был нормальным человеком. Что с тобой случилось?

На мгновение мышцы лица расслабились, в глазах появилась едва заметная ироническая усмешка.

— Им не поможешь, если начнешь размахивать мечом, — сказал он. — Ты сам учил меня этому, Майкл Кейн.

Я был поражен.

Этот человек сделал вид, что его «работоспособность восстановлена», чтобы попытаться воздействовать на последствия им же самим выдуманной теории. Я не мог им не восхищаться. Я подумал, что ему это, вероятно, удастся, — когда с чумой будет покончено.

— Но я все равно не понимаю, зачем ты нас сюда привел, — сказал я.

— По нескольким причинам. Во-первых, когда вы прошлый раз были здесь, вы спасли жизнь Але Маре, моей племяннице. Так что отчасти мной движет обыкновенная благодарность. Но ты также показал мне, что нужно делать, чтобы ликвидировать последствия моего преступления — преступления, которое я совершил против Сенд-Амрида.

Я сжал его плечо.

— Ты настоящий мужчина, Барени Даса. Ты это сделаешь, обязательно сделаешь.

— Надеюсь. А теперь — вылей вашу воду в резервуар. Всем машинам нужно топливо, — сказал он. — Машины Сенд-Амрида должны пить.

С его логикой было трудно не согласиться.

Вот так мы тайком сделали доброе дело, призванное спасти целый город.

Вылив зеленую воду в резервуар, мы вздохнули с облегчением: сделано все возможное, и через день-два появятся результаты.

— Вы идите, — сказал Барени Даса, возвращаясь к своей привычной роли.

Мы вернулись на Центральную площадь по лабиринту коридоров, которые вели все выше и выше, пока мы не оказались — к нашему изумлению — на крыше дворца.

Наши воздушные корабли были на месте, на том самом месте, где мы их оставили.

Из кабины моего корабля показалось лицо Алы Мары. Она облегченно улыбалась.

— Дядя! — от счастья она смогла произнести одно-единственное слово, когда она увидела Барени Дасу. Но Номер Один не смотрел на нее; его лицо оставалось холодным и бесстрастным. Он не сделал ни одного движения ей навстречу.

— Дядя! — неуверенно повторила девушка. — Разве ты меня не узнаешь? Я — Ала Мара, твоя племянница.

Барени Даса не отвечал.

Я сделал ей знак — попытался успокоить, но она с рыданиями вернулась в кабину.

— Почему они ничего не сделали с воздушными кораблями? — спросил я Барени Дасу тихо.

— Воздушные корабли не существуют, — сказал он.

— Они их не могут не видеть! Видимо, они убедили себя, что не могут их видеть.

— Да.

— Тебе предстоит решить трудную задачу, — сказал я. — Одному тебе будет очень трудно.

— Чума пройдет — будет проще, — сказал он в своей обычной бесстрастной манере. — Чума пройдет быстрее — это медленнее.

— Ты победишь, если это вообще по силам человеку, — сказал я, не скрывая своих чувств.

Я снова сжал его плечо и стал подниматься в кабину. Мне нужно было успокоить Алу Мару и немного рассказать ей о том, что происходит с ее дядей и на что ему пришлось пойти, чтобы исцелить их родной город.

Вскоре все наши воины уже заняли свои места в кабинах.

Наша цель была достигнута, мы были счастливы.

Корабли начали разворачиваться в воздухе, чтоб взять курс на Варнал.

Мы пролетели над озерами, цветущими лугами и Зыбучими песками. Домой, домой! В каком-то смысле мы уже были дома: наконец-то после долгого перерыва не надо тревожиться, можно расслабиться и подумать о чем-то приятном.

Мы прибыли в Варнал чудесным тихим утром, согретом нежными солнечными лучами. Над городом поднимался зеленый туман, в котором сверкали и переливались мраморные башни города, украшенные золотом. От всего города исходил свет, словно от драгоценного камня.

Вдали раздавались слабые звуки, словно пели дети, и мы знали, что это окликают нас Зовущие горы.

На Марсе царил мир. Мы долго и упорно за него боролись, но сейчас не чувствовали себя героями. Мы всего лишь хотели, чтобы те, с кем нам довелось сражаться, вернули себе чувство собственного достоинства и здравый рассудок и сами почувствовали себя героями.

Этого было достаточно.

На Центральной площади, возле дворца, нас ждала Шизала. Она сидела верхом на широкой спине смирной дахары, а рядом стояла другая — оседланная, готовая принять всадника.

Я не чувствовал себя усталым и знал, что она это почувствует.

Я слетел вниз по лестнице и одним махом оказался в седле.

Я наклонился, обнял свою Шизалу, и целовал ее, и не хотел отпускать.

— Все позади? — спросила она.

— Почти, — сказал я. — Пройдет время, и от этого события не останется ничего, кроме воспоминаний — печальных и немного тревожных. Но Вашу́ нужны такие воспоминания.

— Да, — согласилась Шизала. — Нужны. А сейчас поедем в Зовущие горы. Помнишь, мы были там вместе, когда только встретились?

Мы пришпорили дахар и поскакали к Зовущим горам, наслаждаясь теплом и миром, разлитыми в воздухе.

Рядом со мной была моя прекрасная жена, мы были захвачены одним ритмом, одной скоростью, и я знал, что нашел что-то неизмеримо важное, что-то, что обязательно прошло бы мимо меня, если бы я не оказался на Марсе.

Я вдыхал ароматный осенний марсианский воздух, отдаваясь во власть простому спокойному человеческому счастью.

Эпилог

Я слушал, затаив дыхание, рассказ Майкла Кейна, и он меня очень тронул — больше, чем все, что я слышал раньше.

Теперь я понимал, почему сейчас он был гораздо спокойнее, чем раньше. Он обрел нечто, что на Земле было редкостью.

Тут я рискнул попросить его взять меня с собой на Марс, но он только улыбнулся.

— Ты что, правда этого хочешь?

— Ну да... Да, хочу.

Он покачал головой.

— Найди Марс в себе, — сказал он и усмехнулся. — По крайней мере, это требует меньших усилий и напряжения.

Я подумал и пожал плечами.

— Возможно, ты прав, — сказал я. — Что же, тогда я хотя бы запишу твой рассказ и порадуюсь за тебя, и вместе со мной порадуются читатели.

— Надеюсь, — сказал он. И помолчав, добавил: — Наверное, ты думаешь, что я сентиментален.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, все эти попытки объяснить свои чувства, рассказ о том, как мы поехали с Шизалой в Зовущие горы.

— По-моему, — сказал я, — есть огромная разница между сентиментальностью и способностью испытывать глубокие чувства. Беда в том, что люди, не разбирая, отрицают и то и другое. Не нужно бояться быть честным с самим собой.

— И не нужно бояться сразиться с собственным страхом, — улыбнулся он.

— Да, если хочешь быть честным с собой.

— Наверное, — согласился он.

— Что за жизнь мы ведем здесь, на Земле, — сказал я. — Мы настолько слепы, что не доверяем красоте, которую видим собственными глазами, повторяя: нет, нет, не может быть, чтобы все было именно таким, каким оно выглядит.

— Что же, вполне объяснимое чувство, — сказал Кейн. — Но и в нем можно зайти слишком далеко. Возможно, средневековый идеал — умеренность во всем — был не так уж плох. Часто это относят только к жизни человеческого тела, а ведь для жизни духа это не менее важно.

Я кивнул.

— Что же, — сказал он. — Боюсь, я тебе уже наскучил. Вернусь-ка в подвал, в транслятор вещества. Земля становится лучше с каждым моим посещением, но и Марс тоже. Мне очень везет.

— Тебе невероятно везет, — сказал я. — Когда ты вернешься на Землю? Я жду рассказов о твоих новых приключениях.

— А что, того, что было, мало? — усмехнулся он.

— Пока хватит, — сказал я. — Но скоро понадобятся новые.

— Помни, — сказал он, делая вид, что предупреждает меня о чем-то важном. — Умеренность во всем.

— Этот девиз будет успокаивать меня в то время, когда я буду ждать твоего следующего визита, о брадхинак Карналии, — сказал я с улыбкой.

И он ушел из комнаты, оставив меня у гаснущего камина перебирать в памяти подробности рассказа о его жизни на Марсе.

Думаю, вскоре рассказ обогатится новыми подробностями. Я просто уверен в этом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. Город Зверя

Пролог к первому изданию 9
Глава 1. Чем я обязан месье Кларше 17
Глава 2. Истина, в которую трудно поверить 25
Глава 3. Вторжение 32
Глава 4. Штурм 45
Глава 5. Отчаянный план 57
Глава 6. Ненужное спасение 73
Глава 7. В поисках Шизалы 78
Глава 8. Нарлет, Город Воров 85
Глава 9. Погребенные заживо 95
Глава 10. В пещеры Мрака 101
Глава 11. Королева аргзунов 111
Глава 12. Логово Зверя Наала 120
Глава 13. Нежданный союзник 127
Глава 14. Безмерное счастье и бесконечное горе 137
Эпилог 147

Часть вторая. Повелитель Пауков

Пролог 151
Глава 1. Бесплодная равнина 158
Глава 2. Ора Лиз 169
Глава 3. Долг Гула Хаджи 178
Глава 4. Нас предали! 182
Глава 5. Башня в пустыне 189
Глава 6. Те, что некогда были людьми 197
Глава 7. Город Пауков 207
Глава 8. Великий Мишасса 216
Глава 9. Приговоренные к смерти 225
Глава 10. Отчаянный план 231
Глава 11. Летающее чудовище 237
Глава 12. Мои новые друзья 240
Глава 13. Предательство Хоргул 247
Глава 14. Неприятное решение 255
Глава 15. Маска убийцы 261
Глава 16. Исчадие Ада 268
Глава 17. Зеркало 276
Глава 18. Наконец-то правда! 281
Эпилог 286

Часть третья. Хозяева Хрустальной Ямы

Пролог 289
Глава 1. Воздушная экспедиция 293
Глава 2. Проклятье над городом 298
Глава 3. Одиннадцать 306
Глава 4. Прочь из Сенд-Амрида 316
Глава 5. Дикари 322
Глава 6. Рокин Золотой 328
Глава 7. Через Западный океан в Багарад 336
Глава 8. Хрустальная Яма 341
Глава 9. Первые Хозяева 347
Глава 10. Пурры 352
Глава 11. Машины пропали! 362
Глава 12. Танец Первых Хозяев 366
Глава 13. Руины 375
Глава 14. Зеленая смерть 381
Глава 15. Угроза Варналу 386
Глава 16. Исход 394
Глава 17. В Сенд-Амрид 400
Глава 18. Надежда на будущее 405
Эпилог 411

Муркок М.

М 91 Город Зверя: Трилогия / Пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — 415 с. ISBN 5-8352-0162-1

Знаменитая трилогия Майкла Муркока «Хроника Кейна» — произведение, написанное Муркоком под влиянием творчества Э. Р. Берроуза. Так же как и Берроуз, Муркок создает яркое, величественное полотно, где есть все элементы, присущие саге, — любовь, странствия, подвиги. Действие трилогии происходит на Марсе, причем в глубоком прошлом, когда загадочная красная планета была еще обитаема, в то время как по земле бродили динозавры. Главный герой — Майкл Кейн попадает в чудесный мир марсианской цивилизации. Кейн волею судьбы становится воином, и меч его разит злобных чудищ, великанов, черных колдунов. Мужество, благородство души, трезвый ум — вот те качества, которыми в полной мере обладает Майкл Кейн. Они позволили ему избежать гибели в кровопролитных битвах, не стать жертвой интриг и чародейства.

В настоящее издание вошли все три части трилогии — «Город Зверя», «Повелитель Пауков» и «Хозяева Хрустальной Ямы».

Литературно-художественное издание

Майкл Муркок

ГОРОД ЗВЕРЯ

Перевод с английского
Е. Янковской

Ответственный редактор *Геннадий Белов*
Художник *Александр Морозов*
Художественный редактор *Виктор Меньшиков*
Технический редактор *Татьяна Харитонова*
Верстка *Ольги Колеговой*
Корректоры: *Маргарита Ахметова, Нина Васильева*

Подписано к печати с оригинал-макета 09.03.93.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Гарнитура школьная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 21,8.
Тираж 200 000 экз. Изд. № 162. Заказ 276.

Издательство «Северо-Запад»
191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, д. 18

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

Scan Kreider

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД»
серия «fantasy»

готовит к выпуску
всемирно известную сагу
американского фантаста

Джеймса Брэнча Кейбелла
«СКАЗАНИЕ О МАНУЭЛЕ»
в трех томах

СОДЕРЖАНИЕ ТОМОВ

ТОМ ПЕРВЫЙ
Земляные фигуры
Юрген

ТОМ ВТОРОЙ
Серебряный жеребец
Domnei
Музыка с той стороны Луны

ТОМ ТРЕТИЙ
Возвышение
Кое-что о Еве
Соль шутки

Вас ждут удивительные приключения
в сказочной стране Пуактесм!
Чародеи, кентавры, драконы
и... отважные рыцари.

ЧИТАЙТЕ КНИГИ СЕРИИ FANTASY.

fantasy

·Северо-Запад·®